ПЯТИКРАТНЫЙ ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ АГАТЫ КРИСТИ ЗА ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ ГОДА

ЛУИЗА ПЕННИ

Час расплаты

Это превосходная детективная история в классическом стиле Агаты Кристи, и она, безусловно, заставит поклонников с нетерпением ожидать продолжения.

Booklist

Annotation

Роман «Час расплаты» продолжает серию расследований старшего инспектора Армана Гамаша. Этот обаятельный персонаж создан пером Луизы Пенни, единственного в мире пятикратного лауреата премии Агаты Кристи.

Устав от затянувшегося бездействия после отставки, Арман Гамаш принимает предложение возглавить Полицейскую академию Квебека. Ему предстоит титаническая работа по реформированию этого крайне неблагополучного учебного заведения. Где лучше всего готовиться к новым сражениям, как не в тишине и уюте собственного дома – в деревне Три Сосны? Тем временем в деревенском бистро во время ремонта обнаруживается загадочная рукописная карта Трех Сосен, пролежавшая в стене около ста лет. Кто нарисовал эту странную карту и с какой целью? Гамаш поручает четырем кадетам академии разгадать эту загадку. Но их исследования внезапно прерывает ужасное событие: у себя в квартире в здании академии убит один из преподавателей и в его спальне найдена копия карты. Неужели убийца – один из этих четверых?

Впервые на русском языке!

Луиза Пенни
Час расплаты

* * *

Глава первая

Арман Гамаш осторожно закрыл досье и стиснул его в руках, чтобы слова не вырвались наружу.

Папка была тоненькая. Всего несколько страничек. Такая же, как и все остальные, лежащие вокруг него на старом деревянном полу маленького кабинета. И в то же время она отличалась от других.

Гамаш окинул взглядом тощенькие жизни, замершие у его ног в ожидании того, как он решит их судьбу.

Он занимался этим уже некоторое время. Просматривал личные дела. Брал на заметку крохотные точки в правом верхнем углу на ярлычке. Красные точки – отвергнутые, зеленые – принятые.

Не он поставил эти точки. Это сделал его предшественник.

Арман положил папку на пол и наклонился вперед в удобном кресле, опершись локтями на колени. Соединил ладони своих больших рук, переплел пальцы. Он чувствовал себя словно пассажир в межконтинентальном полете, разглядывающий поля внизу. Какие-то из них плодородные, какие-то распаханы под пар и набираются сил. Какие-то – бесплодные, лишь тонкий слой почвы на скальной породе.

Но как различить их?

Он читал, думал, пытался разобраться в том, что скрыто за скудной информацией, собранной в папках. Он размышлял об этих жизнях и размышлял о решениях своего предшественника.

Много лет, десятилетий, пока он служил главой отдела по расследованию убийств Квебекской полиции, его задача состояла в том, чтобы копать. Собирать улики. Обозревать факты и оспаривать ощущения. Преследовать и арестовывать. Рассуждать, но не судить.

А теперь он стал судьей и коллегией присяжных. Стал тем, кому принадлежит первое и последнее слово.

И Арман Гамаш, не особо удивившись, понял, что его устраивает такая роль. Она ему даже нравится. Да, нравится власть. Он был достаточно честен, чтобы признать это. Однако больше всего ему нравилось, что теперь он может не только реагировать на настоящее, но и формировать будущее.

И будущее находилось у его ног.

Гамаш откинулся на спинку кресла и положил ногу на ногу. Было уже за полночь, но он не чувствовал усталости. Чашка чая и тарелочка печенья

с шоколадной крошкой стояли нетронутыми на столе.

Шторы слегка подрагивали, из приоткрытого окна тянуло холодом. Гамаш знал, что если отодвинет шторы и включит лампу на крыльце, то увидит, как первые зимние снежинки кружатся в ее свете. Медленно падают и приземляются на крыши домов маленькой деревни Три Сосны.

Снег покроет старинные сады, тонким слоем ляжет на машины и на скамью посреди деревенского луга. Он будет мягко падать на леса и горы, на речушку Белла-Белла, текущую за домами.

Стояло начало ноября, и снег, даже по квебекским стандартам, выпал слишком рано. Дразнилка, предвестник. И недостаточно глубокий для детских игр.

Но Гамаш знал: уже скоро. Очень скоро все изменится. И серый ноябрь превратится в яркую, сверкающую страну чудес, где катаются на лыжах и коньках. Устраивают сражения снежками, берут снежные крепости, лепят снеговиков и делают ангелов на снегу, упавшем с небес.

Однако сейчас дети спали, спали и их родители. Все в квебекской деревеньке спали, пока падал снег и Арман Гамаш думал о молодых жизнях, лежащих у его ног.

Через открытую дверь кабинета он видел гостиную в доме, который делил со своей женой Рейн-Мари.

На дощатом полу там и тут лежали восточные коврики. По одну сторону большого каменного камина разместился большой диван, по другую – два выцветших кресла. Приставные столики были завалены журналами и книгами. Вдоль стен стояли книжные стеллажи, светильники наполняли комнату приятным светом.

Комната словно звала его, и Арман Гамаш поднялся, потянулся и прошел в гостиную, сопровождаемый немецкой овчаркой Анри. Он пошуровал кочергой в камине и сел в кресло. Его работа еще не закончилась. Теперь ему предстояло подумать.

Он принял решение относительно большинства папок. Кроме одной.

Увидев ее впервые, он прочел содержимое и положил папку в стопку отвергнутых. Согласился с красной точкой, поставленной предшественником.

Но что-то не давало ему покоя, и он все время возвращался к той папке. Читал, перечитывал. Пытался понять, почему именно это личное дело, именно эта молодая женщина, единственная из всех, не дает ему покоя.

Гамаш прихватил эту папку с собой и наконец открыл. Опять.

Она смотрела на него с фотографии. Самоуверенная, вызывающая.

Бледная. С черными как смоль волосами, кое-где выбритыми, кое-где торчащими, как иглы ежа. В носу, бровях и щеках – безошибочно узнаваемый пирсинг.

Она заявляла, что знает древнегреческий и латынь, но в то же время еле-еле сумела окончить среднюю школу, а последние несколько лет, судя по досье, ничего не делала.

Она заслужила красную точку.

Так почему же он все время возвращался к этому делу? К ней? Не из-за ее внешности. Он знал достаточно, чтобы не замечать этого.

Как ее звали? Амелия?

Да, подумал он, вполне возможно. Такое же имя носила мать Гамаша – ее назвали в честь женщины-авиатора, которая заблудилась в небе и пропала без вести.

Амелия.

Но, держа папку, Гамаш не ощущал никакого тепла. Напротив, он чувствовал некоторое отвращение.

Наконец Гамаш снял очки и потер глаза, прежде чем отправиться с Анри прогуляться по первому снежку.

А потом оба поднялись наверх – спать.

На следующее утро Рейн-Мари пригласила мужа позавтракать в бистро. Анри пошел с ними и тихо улегся под столом, пока они неторопливо потягивали café au lait[1] и ждали бекона в кленовом соке с омлетом и сыром бри.

Камины по обе стороны длинного помещения с балочным потолком горели, дрова весело потрескивали, в воздухе с запахом дымка витал разговор, а время от времени раздавался такой знакомый топот – приходящие клиенты сбивали снег с обуви.

Снегопад прекратился ночью, оставив лишь тонкий слой снега, едва прикрывший палую листву. Это был некий промежуточный мир – ни осени, ни зимы. Холмы, окружавшие деревню и защищавшие ее от внешнего, нередко враждебного мира, сами казались враждебными. Ну если непо-настоящему враждебными, то по меньшей мере негостеприимными. На их склонах торчали скелеты деревьев, чьи ветви, серые и голые, воздетые вверх, как будто просили о милосердии, хотя и знали, что не получат его.

Но на деревенском лугу стояли три высокие сосны, которые и дали деревне название. Полные жизни, прямые и сильные. Вечнозеленые. Бессмертные. Указующие в небо. Словно подзадоривавшие его сделать самое худшее из того, на что оно только способно.

Худшее было впереди. Но и лучшее – тоже. Впереди были и снежные ангелы.

– Voilà[2], – сказал Оливье, ставя на их стол корзиночку с теплыми румяными круассанами. – Пока ждете завтрака.

На корзиночке висел ценник. С люстры тоже свисал ценник. И «ушастые» кресла, на которых они сидели, тоже имели ценники. Все в бистро Оливье продавалось. Включая – как доверительно сообщал он гостям – его партнера Габри.

«Пакетик конфет – и он ваш», – раздавался голос Оливье, делавшего предложения посетителям, когда Габри в претенциозном переднике выходил в зал.

«Именно так он меня и заполучил, – признавался Габри, разглаживая передник, который он носил с одной-единственной, всем известной целью: досадить Оливье. – За пакетик ассорти».

Как только Оливье ушел, Арман пододвинул папку к жене:

– Ты не могла бы прочесть это?

– Конечно, – ответила она, надевая очки. – Какая-то проблема?

– Нет, не думаю.

– Тогда почему?.. – Она показала на папку.

До своей преждевременной отставки Гамаш нередко обсуждал с женой дела, по которым работал. Ему еще не исполнилось шестидесяти, и его уход из полиции скорее напоминал бегство. В тихую деревню, чтобы прийти в себя, отдохнуть от того, что находилось за этой грядой холмов.

Гамаш наблюдал за женой поверх чашки с крепким ароматным кофе, которую сжимал в руках. Они больше не дрожали, отметила Рейн-Мари. По крайней мере, часто. Она то и дело поглядывала на них – на всякий случай.

И глубокий шрам у виска тоже затянулся. А может быть, его заполнили любовь и чувство облегчения.

Гамаш все еще прихрамывал иногда, если уставал. Но, кроме хромоты и шрама, прошлое не оставило на нем видимых следов. Хотя Рейн-Мари никакие следы не требовались. Она никогда не забудет того, что произошло.

Она чуть не потеряла его.

Но в конечном счете они оказались здесь. В деревне, которая оставалась гостеприимной и в самые мрачные дни.

Они купили дом, обустроились, но Рейн-Мари знала, что наступит время, когда ее муж захочет и почувствует потребность вернуться к работе. Единственный вопрос, который возникал: а что потом? Что станет делать старший инспектор Арман Гамаш, глава самого успешного в стране отдела

по расследованию убийств?

Ему поступало немало предложений. Его кабинет был завален конвертами с надписью «Секретно». К нему приезжало множество посетителей. Их направляли главы крупных корпораций, политические партии, предлагавшие ему избираться, полицейские организации, канадские и международные. К крыльцу обшитого белой вагонкой дома Гамашей подъезжали неприметные машины, из них выходили неброско одетые мужчины и женщины и стучались в дверь. Они садились в гостиной и заводили разговор о том, «что потом».

Арман вежливо выслушивал их, нередко предлагал ланч, или обед, или ночлег, если дело затягивалось допоздна. Но никогда не раскрывал свои карты.

Сама Рейн-Мари, оставив должность одного из главных библиотекарей в Национальном архиве Квебека, нашла работу своей мечты. Она устроилась волонтером в региональное историческое общество – разбирать многолетние завалы пожертвований.

Подобную работу ее прежние коллеги, без сомнения, сочли бы значительным шагом назад. Но Рейн-Мари это не интересовало. Она оказалась там, где хотела быть. Больше никаких шагов. Она остановилась. Рейн-Мари нашла дом в Трех Соснах. Она нашла дом в Армане. А теперь нашла и интеллектуальный приют, занявшись исследованием богатой несистематизированной коллекции документов, мебели, одежды и диковинок, оставленных историческому обществу по завещаниям.

Для Рейн-Мари Гамаш каждый день стал как Рождество – она разбирала коробки за коробками, коробки за коробками.

А потом, после долгих обсуждений с женой, Арман решил сделать свой следующий шаг.

В течение нескольких недель после этого, пока она корпела над стопками писем и старых документов, он просматривал папки, изучал секретные доклады, схемы, автобиографии. Сидя друг против друга в своей удобной гостиной, они исследовали каждый свою коробку, в то время как в камине потрескивал огонь, закипал кофе, а поздняя осень переходила в раннюю зиму.

Но если Рейн-Мари открывала мир, то Арман во многих отношениях делал противоположное. Он сокращал, обтачивал, сбривал, удалял омертвевшее, ненужное, нежелательное. Гниль. До тех пор, пока то, что оставалось у него в руках, не приобретало остроту. Копье, созданное им самим. И необходимое ему. Не должно быть никаких сомнений в том, кто стоит у штурвала и в чьих руках власть. И в том, что он готов

воспользоваться ею.

Рейн-Мари знала, что он почти подошел к концу. Оставалось одно небольшое препятствие.

И они смотрели сейчас на это препятствие, невинно лежащее на столе среди крошек от круассана.

Арман открыл рот, чтобы заговорить, потом закрыл его и резко выдохнул.

– Меня что-то беспокоит в этом досье, но не могу понять что.

Рейн-Мари открыла папку и прочитала ее содержимое. Много времени на это не понадобилось. Через несколько минут она закрыла папку и мягко положила на нее ладонь – так мать кладет руку на грудь заболевшего ребенка. Чтобы убедиться, что сердце бьется.

– Девушка странная, этого у нее не отнимешь. – Она посмотрела на красную точку в уголке. – Я вижу, ты ей отказываешь.

Арман неопределенно взмахнул руками.

– Неужели ты собираешься ее взять? – спросила Рейн-Мари. – Даже если она и в самом деле читает на древнегреческом и латыни, для работы от ее чтения мало толку. Это мертвые языки. К тому же она вполне может врать.

– Верно, – согласился он. – Но если ты хочешь соврать, то зачем врать вот так? Странная выдумка.

– У нее нет подготовки, – сказала Рейн-Мари. – И ужасные выпускные отметки в школе. Я знаю, выбирать нелегко, однако есть и другие заявители, которые больше заслуживают получить это место.

Принесли завтрак, и Арман положил папку на сосновый пол рядом с Анри.

– Даже не могу тебе сказать, сколько раз я менял эту точку, – с улыбкой проговорил он. – Красная – зеленая. Зеленая – красная.

Рейн-Мари подцепила на вилку кусочек нежного омлета. Длинная ниточка сыра бри прилипла к тарелке, и Рейн-Мари ради забавы подняла вилку выше головы, проверяя, насколько вытянется ниточка, прежде чем порвется.

Оказалось, длины ее руки не хватает.

Арман улыбнулся, покачал головой и разорвал ниточку пальцами.

– Вот, мадам, я вас освободил.

– От сырных уз, – сказала она. – Спасибо, добрый господин. Но боюсь, наша связь гораздо прочнее.

Он рассмеялся.

– Ты думаешь, это ее настоящее имя? – спросила Рейн-Мари.

Ее муж редко бывал таким нерешительным, но она знала, насколько серьезен он в принятии решений. Ведь они влияли на всю оставшуюся жизнь людей, относительно которых принимались.

– Амелия? – спросил Гамаш и нахмурился. – Я задавал себе тот же вопрос. Похоже, я слишком сильно реагирую, тебе не кажется? Моей матери нет вот уже почти полвека. Я встречал и других Амелий…

– Не так уж и много.

– Non, c’est vrai[3]. Но все же встречал. И хотя это имя всегда будет напоминать мне о матери, я никогда не думал о ней как об Амелии. Она была maman.

Конечно, он был прав. И его вовсе не смущало то, что он, взрослый мужчина, говорит о «мамочке». Рейн-Мари понимала, что он просто вспоминает последний раз, когда видел отца и мать. Когда ему было девять. Когда они были не Амелия и Оноре, а мамочка и папочка. Они уехали на ужин к друзьям. И должны были вернуться и поцеловать его на ночь.

– Вполне вероятно, что это ее настоящее имя, – сказал Арман.

– Но ты сомневаешься. Тебе кажется, тут что-то другое.

– О господи, – пробормотал Оливье, подошедший проверить, как у них дела. Его взор был устремлен в окно. – По-моему, я еще не готов к этому.

– И мы тоже, – призналась Рейн-Мари, полагая, что он смотрит на припорошенный снегом деревенский луг. – Думаешь, что готов, но это всегда происходит так неожиданно.

– И приходит все раньше и раньше, – подхватил Арман.

– Точно. И кажется все злее и злее, – добавил Оливье.

– Но все же в ней есть какая-то красота, – сказал Арман и получил в ответ строгий взгляд Оливье.

– Красота? Вы шутите, да? – спросил тот.

– Нет, не шучу. Конечно, бывает, что она задерживается слишком надолго, – сказал Арман.

– И это вы говорите мне? – с горечью заметил Оливье.

– Она стареет и надоедает, – сказала Рейн-Мари.

– Стареет? – переспросил Оливье.

– Но если у вас правильные покрышки, то все в порядке, – закончила она.

Оливье поставил пустую корзиночку из-под круассанов обратно на стол:

– О чем это вы?

– О зиме, конечно, – ответила Рейн-Мари. – О первом снеге.

– А вы о чем? – спросил Арман.

– О Рут, – ответил Оливье, показывая в окно на приближающуюся к бистро пожилую женщину с тростью и уткой. Старую, холодную, злую.

Она вошла и оглядела помещение.

– Да, – сказал Оливье. – Правильные покрышки решат эту проблему.

– Пидор, – пробормотала Рут, ковыляя к ним.

– Карга, – пробормотал Оливье.

Втроем они наблюдали за старой поэтессой, которая заняла привычное место у огня. Она открыла сосновый ящик для одеял, используемый как кофейный столик, и извлекла оттуда несколько газет.

– Рут помогает мне разобраться со старыми газетами, которые мы нашли в стенах, когда делали ремонт, – сказал Оливье. – Вы же помните?

Арман кивнул. Оливье и его партнер Габри много лет назад превратили заброшенный магазин хозяйственных товаров в бистро, а когда меняли проводку и трубы, то вскрыли стены и нашли там много чего. Мумифицированных белок, одежду. Но главным образом – бумагу. Газеты, журналы, объявления, каталоги – их использовали для утепления, будто слово может удержать зиму на расстоянии.

Много горячих слов произносилось за квебекскую зиму, но ни одно не смогло остановить снег.

В хаосе ремонта газеты просто засунули в ящик для одеял и забыли о них. Много лет этот ящик простоял перед камином закрытый. Бессчетное количество чашек café au lait, бокалов вина, тарелок с местным сыром и паштетом, багетов и, наконец, ног посетителей ставилось на его поверхность, пока несколько месяцев назад газеты вновь не были обнаружены.

– Вряд ли там есть что-то ценное, – сказал Оливье, возвращаясь к столу Гамашей, после того как принес Рут ее завтрак из ирландского кофе и бекона.

– И как эта женщина все еще жива? – спросила Рейн-Мари.

– Все дело в желчи, – ответил Оливье. – Она ведь чистая желчь. А желчь не умирает. – Он посмотрел на Рейн-Мари. – Наверное, не стоит надеяться, что вы захотите помочь ей?

– Кто же откажется поработать с чистой желчью? – усмехнулась она.

– Если Рут пропустит стаканчик-другой, то становится всего лишь противной, вы же знаете, – сказал Оливье. – Прошу вас. Пожалуйста. Ей понадобилось два месяца, чтобы стопка газет понизилась на дюйм. Проблема в том, что она не просто просматривает – она читает все подряд. Вчера она целый вечер изучала «Нэшнл джиографик» за тысяча девятьсот двадцатый год.

– Я бы сделала то же самое, mon beau[4], – сказала Рейн-Мари. – Но я вам вот что скажу. Если Рут примет мою помощь, то я – с удовольствием.

После завтрака она уселась на диване рядом со старой поэтессой и принялась разбирать содержимое ящика для одеял, а Арман и Анри направились домой.

– Арман! – прокричал Оливье.

Гамаш обернулся и увидел владельца бистро, который стоял в дверях и размахивал чем-то.

Это была папка с досье.

Арман побежал назад, чтобы забрать ее.

– Вы заглядывали внутрь? – спросил он.

Вопрос прозвучал так резко, что Оливье заколебался:

– Non.

Но под пристальным взглядом Гамаша он раскололся:

– Может быть. Ну да, посмотрел. Только ее фотографию. И имя. И немного биографию.

– Merci, – сказал Арман, взял папку и повернул обратно.

По пути домой Арман спрашивал себя, почему он так окрысился на Оливье. На папке было написано «Секретно», но он показывал ее Рейн-Мари, и никаких государственных секретов там не содержалось. А у кого не возникнет искушение заглянуть в папку с надписью «Секретно»?

Если они что-то и знали про Оливье, так это то, что у него нет иммунитета к искушениям.

А еще Гамаш спрашивал себя, почему он оставил папку. Вправду ли он ее забыл?

По ошибке или специально?

Снег вернулся вскоре после полудня, принесенный ветром из-за гор, и принялся крутиться, пойманный в чаше среди холмов. И Три Сосны превратились в снежный шар.

Рейн-Мари позвонила сказать, что ланч она съест в бистро. Клара и Мирна присоединились к раскопкам ящика для одеял, и они проведут здесь целый день – будут есть и читать.

Арману это показалось идеальным, и он решил заняться тем же самым дома.

Он потыкал кочергой в свежее березовое полено, только что положенное в камин в гостиной, и некоторое время наблюдал, как занялась и, потрескивая, начала сворачиваться кора. Потом сел у камина с сэндвичем и книгой, а Анри устроился рядом с ним на диване.

Но взгляд Армана все время возвращался к кабинету, наполненному нетерпеливыми молодыми мужчинами и женщинами. Они смотрели на него и ждали, когда старик решит, что с ними делать, – так старики уже тысячи лет решали судьбы молодых.

Он не был стар, хотя и знал, что в их глазах выглядит старым, если не древним. Молодые мужчины и женщины видели в нем человека, которому вот-вот исполнится шестьдесят. При росте около шести футов он был скорее солидным, чем грузным; по крайней мере, так он говорил себе. Волосы его были скорее седыми, чем каштановыми, и слегка завивались над ушами. Иногда он носил усы, а иногда бороду, но сейчас был чисто выбрит, и каждый мог увидеть морщины на его лице, измученном заботами. Однако большинство морщин, если проследить их до истоков, вели к счастью. К тому выражению, которое появляется на лице, когда человек смеется или улыбается. Или когда он тихо сидит и наслаждается прекрасным днем.

Но иные из этих морщин вели в другие места. В места дикие, глухие. Где происходили страшные вещи. Некоторые морщины на лице Гамаша вели в места бесчеловечные и безобразные. К ужасным сценам. К неописуемым деяниям.

И некоторые из них совершил он сам.

Морщины на его лице были параллелями и меридианами его жизни.

Молодые мужчины и женщины заметили бы также глубокий шрам на его виске. Этот шрам сказал бы им, насколько близок был к смерти Арман Гамаш. Но лучшие из них обратили бы внимание не на шрам, а на исцеление. И увидели бы в глубине его глаз, за шрамом, за болью, даже за счастьем нечто неожиданное.

Доброту.

И возможно, когда их лица покроются морщинами, на них тоже проявится доброта.

Вот что он искал в досье. На фотографиях.

Многие могут быть умными. Сообразительными. Любой поддается обучению.

Но далеко не все добры.

Арман Гамаш посмотрел в свой кабинет, на молодых людей, собравшихся там. Ждущих.

Он знал их лица, по крайней мере их фотографии. Он знал их биографии, по крайней мере в том объеме, в каком они решились рассказать о себе. Он знал об их обучении, их отметках, их интересах.

Среди этой толпы он заметил ее. Амелию. Она ждала вместе с

остальными.

Его сердце екнуло, и он поднялся.

Амелия Шоке.

Он понял вдруг, почему так реагировал на нее. Почему оставил ее досье в бистро и почему вернулся за ним.

И почему она вызывала у него такие эмоции.

Он показал ее досье Рейн-Мари в надежде, что она даст ему разрешение, которого он ищет. Разрешение сделать то, что подсказывал ему разум. Отказать этой молодой женщине. Повернуться к ней спиной. Уйти, пока еще есть возможность.

И теперь он знал почему.

Анри похрапывал, роняя слюну на диван, в камине шелестел и потрескивал огонь, снег налипал на окна.

Вовсе не имя девушки вызывало у Гамаша столь сильную реакцию. Дело было в ее фамилии.

Шоке.

Фамилия необычная, хотя и не единственная в своем роде. Чаще она имеет форму Шокетт.

Гамаш прошел в свой кабинет, поднял с пола ее досье и открыл. Пробежал по безнадежно скупым строкам. Потом закрыл дрожащей рукой.

Он посмотрел на огонь, и у него мелькнула мысль бросить папку туда. Пусть сгорит в огне. Ведьма, приговоренная к сожжению.

Но вместо этого он спустился в подвал.

Там он отпер маленькую комнату, где хранились папки со всеми его старыми делами. В самом дальнем углу комнаты он открыл небольшую коробку.

И в ней нашел то, что искал.

Подтверждение.

Шоке.

Логика говорила ему, что он, возможно, ошибается. Да и какова вероятность? Но он сердцем чувствовал, что прав.

Тяжело ступая, Гамаш вернулся наверх, остановился у окна и долго смотрел, как падает снег.

Детишки в поспешно вытащенных из сундуков зимних комбинезонах, пахнущих кедром, носились друг за другом по деревенскому лугу и падали в мягкий снег. Обстреливали снежками всех, кто появлялся в поле их зрения. Лепили снеговика. Они визжали, кричали, смеялись.

Гамаш прошел в кабинет и следующий час провел в разысканиях. И когда Рейн-Мари вернулась из бистро, он встретил ее с большим стаканом

скотча и новостью.

Ему нужно попасть на Гаспé.

– На Гаспе? – переспросила она, чтобы убедиться, что услышала правильно.

Меньше всего ожидала она этого. В ванную. В магазин. Ну, в Монреаль на встречу с кем-нибудь. Но на полуостров Гаспе? В сотнях миль отсюда, там, где край Квебека омывается соленой водой.

– Ты хочешь его увидеть?

Гамаш кивнул, и Рейн-Мари сказала:

– Тогда я еду с тобой.

Он вернулся в свой кабинет. Глядя в окно, он наблюдал за тем, как выбившиеся из сил дети один за другим падали на спину в снег и двигали руками и ногами вверх-вниз, делая ангелов.

Потом они встали и поплелись домой, поеживаясь, когда тающий снег проникал им за шиворот тонкой холодной струйкой. Он налип на варежки, на шапочки с помпонами. Лица у них раскраснелись, носы рассопливились.

Их ангелы остались лежать на снегу.

А Арман в своем кабинете, глубоко вздохнув, дрожащей рукой изменил точку на ярлычке папки Амелии. С красной на зеленую.

Глава вторая

Мишель Бребёф издалека увидел машину, приближающуюся по горной дороге. Поначалу он смотрел на нее в телескоп, а потом – невооруженным глазом. Ничто не закрывало ему обзор. Ни деревья, ни дома.

Ветер сорвал с земли все, оставил только ее суть. Немного жесткой травы и скальную породу. Словно шлифованный драгоценный камень. Даже летом здесь было небогато на туристов и временных жителей, которые приезжали полюбоваться суровой красотой этих мест и уезжали до первого снега. И лишь немногие ценители северного величия Гаспе проводили здесь всю оставшуюся часть года.

Они цеплялись за полуостров, потому что не хотели уезжать или им было некуда ехать.

Мишель Бребёф принадлежал к последним.

Машина сбросила скорость, а затем, к его удивлению, остановилась у начала подъездной дорожки к его дому, вырулив на мягкую обочину провинциального шоссе.

Да, от его дома открывался особенно захватывающий вид на утес Персе́ в заливе, но для фотографирования можно было выбрать места и получше.

Бребёф схватил с подоконника бинокль и навел на машину. Она была взята напрокат, о чем говорили номера. В машине сидели двое. Мужчина и женщина. Белые. Средних лет, вероятно за пятьдесят.

Состоятельные, но не выставляющие это напоказ.

Он не видел их лиц, но быстро, интуитивно сделал эти выводы по выбору машины и одежды.

Мужчина, сидящий за рулем, повернулся и сказал что-то женщине рядом с ним.

И Мишель Бребёф медленно опустил бинокль и уставился на море.

Снег, выпавший в Центральном Квебеке, днем ранее пришел на полуостров Гаспе в виде сильного дождя. Такого обильного, какие часто бывают на побережье в ноябре. Если бы можно было как-то воплотить печаль, то она бы выглядела как ноябрьский шторм.

Но потом шторм прошел, как проходит и печаль, и наступил новый день, почти невероятно ясный и яркий, с небом идеальной голубизны. Только океан продолжал держаться за бедствие. Он вскипал и бился о

прибрежные камни. Над заливом возвышался одинокий и величественный утес Персе, и Атлантический океан обрушивался на него.

Когда Бребёф снова взглянул на машину, она уже повернула на подъездную дорожку и почти подъехала к дому. У него на глазах пассажиры вышли и остановились. Мужчина стоял спиной к дому и смотрел на море. На громадный утес с громадной дырой, пробитой в нем волнами.

Женщина подошла к мужчине, взяла его за руку, и они вместе преодолели последние несколько ярдов до дома. Медленно. По-видимому, не желая встречаться с его хозяином, так же как он не желал встречаться с ними.

Сердце Бребёфа сильно колотилось, и он подумал, что упадет мертвым еще до того, как пара поднимется на крыльцо.

Он надеялся, что так и случится.

Его глаза, поднаторевшие в подобных делах, скользнули к рукам Армана. Никакого оружия. Потом к его куртке. Что это за выпуклость возле плеча? Но Гамаш явно приехал не для того, чтобы убивать Бребёфа. Если бы он хотел убить, то сделал бы это давным-давно. И не взял бы с собой Рейн-Мари.

Это было бы секретное убийство. Именно такое, какого Мишель втайне ожидал несколько лет.

Чего он не ожидал, так это визита.

* * *

Убедившись, что кровь не прольется, Рейн-Мари вошла внутрь, оставив закутанных в свитера и куртки Армана и Мишеля сидеть на крыльце на кедровых стульях, посеребренных временем и непогодой. Как и они сами.

– Почему ты здесь, Арман?

– Я ушел из полиции.

– Oui, я слышал.

Бребёф посмотрел на человека, который когда-то был его лучшим другом, шафером на его свадьбе, его доверенным лицом, коллегой и ценным сотрудником. Он верил Арману, и Арман верил ему.

Мишель мог доверять Арману. Арман Мишелю – нет.

Взгляд Армана был направлен на огромный утес в отдалении. Безжалостное море, тысячелетиями бившееся о его стену, выдолбило в нем

отверстие, превратив его в каменный нимб. Его сердце исчезло.

Наконец Арман повернулся к Мишелю Бребёфу, крестному отцу его дочери. Как и он сам был крестным отцом первенца Мишеля.

Сколько раз сидели они, два инспектора, друг подле друга и обсуждали очередное дело? А потом друг против друга, когда звезда Мишеля взошла, а Армана – закатилась? Босс и подчиненный на работе, но по-прежнему лучшие друзья вне службы.

До определенного времени.

– По дороге сюда я все время думал, – заговорил Арман.

– О том, что случилось?

– Нет. О Великой Китайской стене.

Мишель рассмеялся. Смех был непроизвольный и искренний, и на те несколько секунд, пока длился этот смех, все плохое забылось.

Но наконец смех стих, и Мишель опять спросил себя, не приехал ли Арман, чтобы убить его.

– О Великой Китайской стене? Вот как?

Мишель пытался говорить безразличным тоном, даже раздраженным. Очередная интеллектуальная чушь от Гамаша. Но если по правде, Бребёфу всегда было любопытно, когда Арман говорил какие-то вещи, не имеющие отношения к делу.

– Мм, – промычал Арман. Морщинки вокруг его рта стали глубже. Признак слабой улыбки. – Возможно, я единственный в самолете думал об этом.

Черт его побери, если он спросит у Армана про Великую стену.

– Почему?

– Видишь ли, ее строили несколько веков, – сказал Арман. – Начали около двухсот лет до нашей эры. Это почти невероятное достижение. Через горы и ущелья, на протяжении тысяч миль. И это не просто стена. Они не просто возвели ее. Они приложили усилия, чтобы сделать ее не только крепостным сооружением, но и архитектурным шедевром. Долгие века стена охраняла Китай. Враги не могли ее преодолеть. Совершенно удивительное достижение.

– Да, я знаю.

– Однако в шестнадцатом веке, через полторы тысячи лет после ее возведения, маньчжуры все-таки прорвались через Великую стену. Знаешь, как они это сделали?

– Наверное, ты сейчас мне скажешь.

Но интонация усталости и скуки ушла, и сам Мишель слышал любопытство в своем голосе. Не то чтобы он хотел узнать о Великой

Китайской стене, размышлениям о которой он за всю жизнь не посвятил и секунды. Просто ему стало интересно, почему об этом думает Арман.

– Миллионы жизней были погублены на строительстве и на защите стены. Целые династии обанкротились, потому что им не хватало денег, чтобы строить и обслуживать стену, – сказал Гамаш, глядя на море и чувствуя на своем лице свежий соленый воздух. – Спустя более тысячи лет, – продолжил он, – враг все же прорвался через нее. Не потому, что обладал подавляющей огневой мощью. Не потому, что маньчжуры умели сражаться лучше или имели лучших полководцев. Не умели и не имели. Маньчжуры прорвались через стену и захватили Пекин, потому что кто-то открыл им ворота. Изнутри. Все очень просто. Один генерал, предатель, впустил их, и империя пала.

Весь свежий воздух в мире окружал их, но Мишель Бребёф не мог дышать. Слова Армана, их смысл закупорили все кровотоки.

Арман сидел и с бесконечным терпением ждал. Ждал, пока Мишель придет в себя либо потеряет сознание. Он не хотел причинять боль своему прежнему другу, по крайней мере в этот момент, но и помогать ему тоже не хотел.

Несколько минут спустя Мишель обрел голос:

– «И враги человеку – домашние его»[5], да, Арман?

– Не думаю, что маньчжуры цитировали Библию, но предательство, похоже, универсально.

– Ты проделал весь этот неблизкий путь, чтобы посмеяться надо мной?

– Non.

– Тогда чего ты хочешь?

– Хочу, чтобы ты вернулся и работал у меня.

Его слова были настолько нелепы, что Бребёф даже не понял их. Он уставился на Гамаша с нескрываемым недоумением.

– Что? Где? – спросил наконец Бребёф.

Хотя оба знали, что по-настоящему надо бы спросить «почему?».

– Я только что вступил в должность начальника Полицейской академии, – сказал Арман. – Новый семестр начинается после Рождества. Я хочу, чтобы ты занял должность одного из профессоров[6].

Бребёф продолжать смотреть на Армана. Пытался осознать услышанное.

Это было не обычное предложение работы. И вряд ли предложение мира. После той войны, после нанесенного ущерба это было невозможно. Пока.

Нет, тут было что-то другое.

– Почему?

Но Арман не ответил. Он просто взглянул Бребёфу прямо в глаза и смотрел, пока тот не отвел их. И тогда Гамаш снова устремил взгляд вдаль. В сторону бескрайнего океана и огромной, просверленной океаном скалы.

– Ты хочешь сказать, что доверяешь мне? – спросил Мишель, обращаясь к профилю Армана.

– Нет, – ответил Арман.

– Не хочешь сказать или не доверяешь?

Арман повернулся и окинул Бребёфа взглядом, какого тот прежде никогда не видел. В этом взгляде не было ненависти. Во всяком случае, через край. Не было презрения. Ну почти не было.

Знание – вот что читалось в этом взгляде. Гамаш видел Бребёфа насквозь.

Слабый человек. Человек с Персе. Опустошенный временем и разоблачением. Усталый и исковерканный. Выпотрошенный.

– Ты открыл ворота, Мишель. Ты мог бы остановить это, но не остановил. Когда порча постучала в дверь, ты впустил ее. Ты предал всех, кто верил тебе. Ты превратил Квебекскую полицию из мощной и храброй силы в выгребную яму, и потребовалось много жизней и много лет, чтобы ее очистить.

– Тогда почему же ты приглашаешь меня назад?

Арман встал, и Бребёф поднялся вместе с ним.

– Великая стена не имела структурных слабостей, она пала, когда слабость проявил человек, – сказал Гамаш. – Сила или слабость в первую очередь в человеке. То же можно сказать и про Квебекскую полицию. И начинается все с академии.

Бребёф кивнул:

– D’accord[7]. Согласен. Но тогда это вызывает еще большее недоумение: почему я? Ты не боишься, что я могу их заразить?

Он внимательно взглянул на Гамаша и улыбнулся:

– Или зараза уже проникла туда, Арман? В этом все дело, да? Ты пришел ко мне, чтобы найти антидот? Вот для чего я тебе нужен? Я – антивирус. Более сильная инфекция направляется для лечения болезни. Ты затеял опасную игру, Арман.

Гамаш посмотрел на него твердым, оценивающим взглядом и пошел в дом забирать Рейн-Мари.

Мишель проводил их до машины. Проследил за тем, как они тронулись с места. Их путь лежал в аэропорт, а оттуда на самолете домой.

Он вернулся в дом. Один. Ни жены. Ни детей. Ни внуков. Только великолепный вид на море.

Гамаш из иллюминатора смотрел на поля, на леса, на снег и озера и думал о том, что сделал.

Мишель, конечно, был прав. Арман затеял опасное дело, и это не было игрой.

Что случится, спрашивал он себя, если он не сможет контролировать процесс и антибиотик окажется заразным?

Какого зверя он сейчас выпустил из клетки? Какие ворота отворил?

Из аэропорта Гамаш поехал не домой в Три Сосны, а в управление Квебекской полиции. Но сначала завез Рейн-Мари к дочери. Анни была на пятом месяце беременности, и это уже становилось заметно.

– Ты зайдешь, папа? – спросила она, стоя в дверях. – Жан Ги скоро вернется.

– Заеду позднее, – пообещал он, целуя ее в обе щеки.

– Не спеши, – сказала Рейн-Мари и закрыла дверь.

В управлении Арман нажал верхнюю кнопку лифта и вскоре оказался в кабинете старшего суперинтенданта.

Тереза Брюнель сидела за столом. Позади нее, за стеклянной стеной офиса, уходили вдаль огни Монреаля. Гамаш видел три моста и фары машин, заполненных людьми, спешащими домой. Вид был внушительный, и личность за столом тоже внушительная.

– Арман, – сказала Тереза, вставая, чтобы поприветствовать старого друга объятиями. – Спасибо, что зашли.

Старший суперинтендант Брюнель указала на зону отдыха, и они уселись в кресла. Невысокая изящная женщина, чей возраст приближался к семидесяти, Тереза Брюнель пришла в полицию довольно поздно, но сразу же проявила себя умелым полицейским, словно родилась для расследования преступлений.

Она быстро поднималась по карьерной лестнице, обогнав своего учителя и коллегу старшего инспектора Гамаша. Дальше ей расти было уже некуда.

Ее кабинет отделали заново в мягких пастельных тонах, после того как прежний старший суперинтендант был… что? Слово «заменен» не вполне описывало случившееся.

Хотя она и стала начальником Гамаша, они оба знали, что ее назначение – вопрос политический и выбор делался не на основе компетентности кандидатов. Тем не менее она получила звание и уверенно

командовала полицией.

Арман протянул Терезе свои папки с досье и наблюдал за ней, пока она читала. Он поднялся, налил им обоим лимонада, подал ей стакан, а со своим отошел к стеклянной стене.

Этот вид всегда трогал его, так сильно любил он Квебек.

– Бюджет придется выделять огромный, Арман, – сказала наконец Тереза.

Гамаш повернулся и увидел, что выражение лица у нее серьезное, даже суровое, но не скептическое. Она просто констатировала факт.

– Oui, – согласился он и, когда она снова погрузилась в документы, принял прежнюю позу – лицом к стеклянной стене.

– Я гляжу, вы поменяли некоторых студентов, – заметила старший суперинтендант. – Меня это не удивляет. Проблемы будут с преподавательским составом. Вы заменили чуть ли не половину.

Гамаш вернулся в свое кресло и поставил почти не тронутый стакан на подставку.

– Как можно осуществлять серьезные перемены, если те же люди останутся на своих местах?

– Я не возражаю и не спорю с вами, но вы готовы к ответному удару? Они потеряют пенсии, страховки. Будут чувствовать себя униженными.

– Но не мною. Они сами сделали это с собой. Захотят обратиться в суд – у меня есть доказательства.

Он совсем не выглядел озабоченным. Однако победителем себя тоже не чувствовал. Та трагедия не могла закончиться без пагубных последствий.

– Вряд ли они подадут в суд, – сказала Тереза, кладя последнее досье в стопку. – Но без сопротивления не уйдут. Просто сопротивление не будет ни публичным, ни судебным.

– Посмотрим, – сказал Арман, откидываясь на спинку кресла.

На лице его застыло мрачное и решительное выражение.

Тереза взялась за последнюю стопку папок. Досье тех мужчин и женщин, которых Гамаш собирался пригласить в академию вместо уволенных преподавателей.

Он не был обязан показывать Терезе эти дела. Академия не подчинялась старшему суперинтенданту Брюнель. Академия и полиция были двумя разными организациями, теоретически соединенными общей верой в необходимость «Службы, честности, справедливости» – таков девиз Квебекской полиции.

Однако прежний глава академии руководил ею лишь номинально.

Реальность же состояла в том, что он сначала склонился, потом согнулся и наконец полностью подчинился требованиям прежнего главы полиции, который управлял академией как собственной тренировочной площадкой для подготовки кадров.

Но старший суперинтендант Франкёр больше не возглавлял Квебекскую полицию. Больше не служил в полиции. Он вообще покинул этот мир. Гамаш был тому свидетелем.

И теперь расчищал завалы, оставленные Франкёром.

Первый шаг состоял в обретении самостоятельности, но также и в налаживании сотрудничества со своим коллегой в полиции.

Коммандер Гамаш наблюдал за старшим суперинтендантом Брюнель, которая просматривала папки с предполагаемыми кандидатами в преподаватели, время от времени делая пометки или отпуская замечания себе под нос. Пока не добралась до последнего досье. Она уставилась на папку, потом, не открывая ее, пристально взглянула на Гамаша:

– Это шутка?

– Нет.

Она опустила глаза на папку, но не прикоснулась к ней. Достаточно было увидеть имя.

«Мишель Бребёф».

Когда она снова подняла глаза, ее лицо выражало гнев, граничащий с яростью.

– Это безумие, Арман.

Глава третья

Серж Ледюк ждал.

Он был готов. Все утро его айфон позванивал, извещая о новых посланиях от коллег, других преподавателей академии, спешивших проинформировать его, что новый коммандер собирается посетить их.

В восемь утра они пришли к выводу, что это будет визит вежливости. Арман Гамаш обойдет всех, чтобы представиться и, возможно, спросить их мнения и совета.

К девяти часам появились некоторые сомнения, тексты посланий стали более настороженными.

К одиннадцати часам поток почти оскудел – все меньше и меньше входящих сообщений поступало профессору Ледюку. Да и те, что приходили, были короткими.

«Есть какие-нибудь известия от Ролана?»

«Кто-нибудь знает хоть что-нибудь?»

«Я слышу, как он идет по коридору».

И наконец к полудню айфон Ледюка замолчал.

Ледюк сидел в своем большом кабинете и смотрел на книги, стоящие на стеллажах вдоль стен. Книги по оружию. Тома федеральных и провинциальных законов. Тома общего права и Кодекса Наполеона. Здесь были описания расследованных дел и учебники. Пространство стены, не занятое книгами, было отведено под разные цитаты и старые офорты с изображением частей мушкета.

Этот невысокий человек лет сорока пяти, все еще крепкого телосложения, был переведен в академию после того, как его поймали с наркотиками, похищенными из сейфа для хранения вещдоков.

Ледюк лелеял смутные подозрения, что все это подстроил старший суперинтендант Франкёр. Дело не в том, что Ледюк был невиновен. Он много лет таскал понемногу наркотики из горы конфискованного зелья и продавал украденное преступным синдикатам. Подозрительным ему показалось то, что его поймали именно в тот момент, когда в академии открылись две вакансии.

Франкёр предоставил инспектору Ледюку возможность выбора. Стать вторым человеком в академии или быть уволенным.

Будучи прагматиком, Серж Ледюк отлично ориентировался в реальной политике Квебекской полиции. Если старший суперинтендант чего-то

хотел, это сбывалось. Бессмысленно и вредно было точить на него зуб или бороться с неизбежным. В особенности в лице Сильвена Франкёра. Сам Ледюк достаточно долго проработал в полиции и прекрасно понимал, что означает быть уволенным Франкёром.

Это случилось почти десять лет назад, и с его переводом в академию началась новая эра. Хотя и непохожая на эпоху Просвещения.

Выполняя приказы Франкёра, Серж Ледюк переформировал академию. Он находил и отбирал студентов. Изменял программы. Наставлял, воспитывал и отчитывал молодых мужчин и женщин, делая из них то, что требовалось Франкёру. А требовались ему подобия Сержа Ледюка.

Любой кадет, сопротивлявшийся происходящему или хотя бы заподозренный в сомнениях, подвергался специальной обработке, которая гарантировала формирование правильных представлений.

Номинальный глава академии слабо пытался протестовать, но это было все равно что идти против течения. Реальной властью он не обладал. Коммандер был фигурой впечатляющей, динозавром, его держали ради того, чтобы успокоить взволнованных матерей и отцов, которые естественным образом, хотя и ошибочно, полагали, что их детям в первую очередь угрожает физическая опасность.

Коммандер внушал доверие своими седыми волосами и прямой спиной, своей парадной формой в первый день учебы, когда улыбался новым, жаждущим знаний кадетам, и в день выпуска, когда они улыбались ему – самодовольно, чуть ли не подмигивая. Все остальное время он прятался у себя в кабинете, боялся отвечать на телефонные звонки, боялся стука в дверь, боялся ночей и боялся рассветов.

Теперь его не было. Старшего суперинтенданта Франкёра тоже не было. «Спеклись», так сказать, и двусмысленность этого слова не ускользнула от Ледюка.

В данный момент профессор Ледюк ждал стука в дверь.

Он не волновался. Он был Герцогом[8]. И все здесь принадлежало ему.

Арман Гамаш шел по длинному коридору. Старое здание академии, где за несколько дет до этого он преподавал, было снесено, и теперь академия размещалась в новом сооружении из стекла, бетона и стали на Южном берегу Монреаля[9].

Хотя Гамаш ценил традиции и уважал историю, он не оплакивал потерю прежней академии. Это был всего лишь кирпич и цемент. Значение

имело не то, как выглядело здание, а то, что происходило внутри.

За Гамашем шли два агента полиции, специально отобранные для данного случая и предоставленные в его распоряжение Терезой Брюнель.

Он остановился у двери. Последней в его списке. И без колебаний постучал.

Ледюк услышал стук в дверь и неожиданно для себя легонько вздрогнул. В глубине души он до последнего надеялся, что никакого стука не будет.

Тем не менее он не беспокоился.

Он встал, повернулся к двери спиной, сложил руки на широкой груди и уставился в огромное, от пола до потолка, окно, выходящее на спортивную площадку, покрытую нетронутым снегом.

Гамаш ждал.

Он слышал, что агенты у него за спиной начинают переступать с ноги на ногу, проявлять нетерпение. Он почти видел, как они переглядываются, хмурятся.

Но он продолжал ждать, сцепив большие руки за спиной. Нет нужды стучать еще раз. Человек внутри услышал стук и начал свою игру. Но то была игра с одним участником.

Гамаш не собирался ему подыгрывать. Вместо этого он думал о том, как наилучшим образом воплотить в жизнь свои планы.

Серж Ледюк не был проблемой. Он не был даже препятствием. Напротив, он был частью плана.

Ледюк смотрел в окно и ждал следующего стука. Резкого удара. Нетерпеливого барабанного боя. Однако ничего не услышал.

Неужели Гамаш ушел?

Сильвен Франкёр всегда говорил, что старший инспектор Гамаш – слабак, прячущий свою слабость за обманчивым обликом мудреца.

«Его истинный талант состоит в умении морочить голову другим, убеждая их в том, что он талантлив, – не раз говорил прежний глава Квебекской полиции. – Арман Гамаш, образец целостности и мужества. Какая чушь! Думаешь, почему он меня ненавидит? Потому что я знаю его истинную цену».

К тому времени, когда начинались такие разговоры, Франкёр уже успевал принять несколько порций виски и становился болтливым и более агрессивным, чем обычно. Большинство его подчиненных знали об этом и

находили предлог, чтобы убраться подальше, после того как он осушал третью порцию. Но Серж Ледюк оставался, возбужденный этой игрой, к тому же ему просто некуда было идти.

Навалившись на стол, Франкёр смотрел мимо бутылки виски «Баллантайнс» на тех, кто еще не успел уйти. Его лицо наливалось кровью и яростью.

«Он трус. Слабак, слабак, слабак. Нанимает к себе всякие отбросы. Агентов, которые никому больше не нужны. Тех, кто получше, выкидывает. Гамаш подбирает мусор. И знаешь почему?»

Ледюк знал почему. Он уже слышал эту историю. Но если знакомые слова звучали в воздухе, отравленном запахом виски и злобы, это еще не означало, что они неверны.

«Потому что он не любит конкуренцию. Он окружает себя лизоблюдами и лузерами, чтобы выглядеть получше на их фоне. Он ненавидит оружие. Боится его. Трус долбаный. Стольким людям заморочил голову. Но не мне».

Франкёр встряхивал головой, и его рука тянулась к пистолету в кобуре на поясе. К тому пистолету, из которого Арман Гамаш и убьет его, когда настанет день.

«У нас не полиция неженок, – любил говорить Франкёр на собраниях, когда недавние кадеты академии получали статус агента и заполняли коридоры управления, словно вода из пробитого корыта. – У нас не полиция добрячков. У нас полиция сильных людей. Не зря мы называемся силовой структурой. Мы используем силу. Мы и есть сила. С которой все должны считаться».

Это всегда вызывало аплодисменты выпускников и легкое беспокойство у родственников, собравшихся в аудитории.

Старшего суперинтенданта Франкёра это мало волновало. Его слова предназначались не для родителей и дедушек с бабушками.

Во время периода обучения Франкёр раз в месяц наведывался в академию и оставался на ночь в роскошных покоях, отведенных специально для него. После обеда он приглашал нескольких избранных выпить с ним в большой гостиной, выходящей на огромную спортивную площадку. Он потчевал кадетов, жадно ловивших каждое его слово, страшными историями о великих опасностях, о чреватых смертью расследованиях, ловко приправляя их курьезными анекдотами о смешных преступниках и нелепых ошибках.

А потом, решив, что время пришло, Франкёр вкладывал в свои истории тот смысл, ради которого он их и рассказывал. Квебекская полиция

должна не охранять население, а охраняться от него. Граждане – их враг.

Кадеты могут доверять только своим коллегам в полиции. Однако и тут им следует быть настороже. Кое-кто из полицейских лелеет намерение разрушить полицию изнутри.

Серж Ледюк смотрел на молодые лица и широко раскрытые глаза и видел, как они меняются по прошествии нескольких месяцев, нескольких лет. И он восхищался искусством старшего суперинтенданта, который столь умело создавал таких маленьких монстров.

Старший суперинтендант Франкёр ушел в мир иной, но его наследство осталось в плоти и крови, в стекле и стали. В холодных, жестких поверхностях и острых кромках здания академии и в агентах, которых он сотворил.

Сама новая академия казалась простой, даже классической. Она выросла на земле, отчужденной у округа Сен-Альфонс, поскольку потребности полиции имели приоритет перед потребностями граждан.

Академия была спроектирована как четырехугольник, в середине располагалась спортивная площадка, со всех сторон окруженная ярко освещенными стенами. Проникнуть туда можно было через единственные ворота.

Внешне все это имело вид прозрачности, но в то же время и неприступности. Наподобие феодального владения.

Серж Ледюк смотрел на четырехугольник стен. Он подозревал, что сегодня его последний день в этом кабинете. Его последний взгляд на спортивную площадку.

Стук в дверь подтвердил это.

Но он не уйдет отсюда покорно. Если новый коммандер считает, что может войти и занять его территорию без борьбы, то он не просто слабак, но еще и глупец. А глупцы получают то, что заслуживают.

Поправив кобуру на ремне и надев пиджак, Ледюк подошел к двери и открыл ее. И оказался лицом к лицу с Арманом Гамашем. Ледюк инстинктивно откинул назад голову.

– Чем могу служить?

Он никогда не разговаривал с Гамашем, хотя часто видел его издалека и в выпусках новостей. И теперь Ледюка удивила массивность его фигуры, хотя, в отличие от Франкёра, Гамаш не излучал силу.

Однако было в нем что-то необычное. Может быть, шрам на виске. Он создавал впечатление мужественности, но на самом деле означал лишь то, что Гамаш неповоротлив и в момент опасности не успел увернуться.

– Арман Гамаш, – сказал новый коммандер, протягивая руку и

улыбаясь. – Есть минутка?

По почти незаметному сигналу два широкоплечих агента отступили к противоположной стене коридора, но сам Гамаш не шелохнулся, не пошел прямо на Ледюка и не предъявил права на его кабинет.

Он просто вежливо стоял в ожидании, когда его пригласят.

Ледюк чуть не улыбнулся. Так или иначе, все будет хорошо.

Вот он, новый коммандер, – ничем не лучше старого. Одни старые мощи заменяются на другие. В форме Гамаш еще производил бы впечатление. А так дунь на него – и он рухнет.

Но тут Серж Ледюк встретился с Гамашем глазами и в то же мгновение понял, что в действительности делает Гамаш.

Новый коммандер мог бы силой прорваться в кабинет Ледюка, особенно с помощью дюжих агентов. Однако действия Гамаша были гораздо более изощренными и коварными. И Серж Ледюк впервые спросил себя, не ошибался ли Франкёр в оценке этого человека.

Гамаш убил старшего суперинтенданта Франкёра из его же собственного пистолета. Совершил действие столь же окончательное, сколь и символическое.

И, глядя в эти спокойные, уверенные, умные глаза, Серж Ледюк понимал, что то же самое Гамаш теперь делает по отношению к нему. Не убивая его. Во всяком случае, физически. Арман Гамаш ждал, когда Ледюк пригласит его. Добровольно отойдет в сторону.

Силой можно взять все, что угодно, но немногие способны вынудить других сдаться без борьбы.

До сей минуты Арман Гамаш брал академию без боя. И это был последний рубеж обороны.

Профессор Ледюк шевельнул левой рукой, чтобы запястьем ощутить через пиджак рукоять пистолета. Одновременно он протянул Гамашу правую руку. Он держал Гамаша за руку и выдерживал его взгляд. И то и другое у нового коммандера было твердым и не выказывало гнева или вызова.

И в этом ощущалось гораздо больше угрозы, чем в любой открытой демонстрации силы.

– Входите, – сказал Ледюк. – Я вас ждал. Я знаю, почему вы здесь.

– Сомневаюсь, что это так, – произнес новый начальник академии и закрыл за собой дверь, оставив агентов полиции в коридоре.

Ледюк был сбит с толку, но сохранял уверенность. У Гамаша могли быть свои планы, свое обаяние, даже мужество в известной мере. Зато у Сержа Ледюка был пистолет. Никакое мужество не в состоянии остановить

пулю.

Сержу Ледюку было по большому счету наплевать на академию. Но он не мог согласиться с тем, что кто-то забирает по праву принадлежащее ему, Ледюку. А этот кабинет и это учебное заведение принадлежали ему.

Ледюк показал на стул для посетителей, и Гамаш занял его, а Ледюк сел за стол. Он собирался заговорить первым. Его рука, невидимая под столом, переместилась к кобуре и вытащила пистолет.

Его арестуют. Предадут суду. Суд признает его виновным, потому что он будет виновен. Однако многие выпускники сочтут его мучеником. Уж лучше так, чем уходить потихоньку, как все остальные. К тому же идти ему было некуда – только на улицу.

Но прежде чем Ледюк успел сказать хоть слово, Гамаш положил на стол картонную папку. Он задержал на нейруку, словно в последний миг решил еще поразмыслить над этим, потом без слов подтолкнул ее к профессору.

Ледюк невольно почувствовал любопытство. Положив пистолет на колени, он подтянул досье к себе и открыл. Первая страница была простой, ясной. С убийственной точностью на ней перечислялись его преступления.

Ледюк не удивился, увидев те из них, которые он совершил еще в Квебекской полиции. Новости столетней давности. Франкёр обещал уничтожить старые дела, но Ледюк ни на минуту не поверил ему. Однако он удивился, увидев новые. По академии. По отчуждению земли. По контрактам на строительство. По переговорам, о которых, предположительно, не знал никто.

Четко, кратко, легко читать и легко понимать. И Серж Ледюк понял.

Закрыв папку, он снова сунул руку под стол.

– Вы предсказуемы, месье, – сказал он. – Я этого ждал.

Гамаш кивнул, но не сказал ни слова. Его молчание выводило Ледюка из себя, хотя он и старался скрыть свои эмоции.

– Вы пришли, чтобы уволить меня.

И тогда Гамаш сделал кое-что совершенно неожиданное. Он улыбнулся. Не во весь рот. Не самодовольно. Но с некоторой веселостью.

– Я понимаю, почему вы ждали этого, – сказал он. – На самом деле я пришел, чтобы просить вас остаться.

Пистолет с грохотом упал на пол.

– Кажется, вы что-то уронили, – произнес Гамаш, вставая. – Вы, конечно, не будете моим заместителем, но вы продолжите работать в качестве штатного преподавателя и читать курс по предупреждению преступности и связям с общественностью. К концу недели я хочу

получить от вас план лекций.

Еще долго после того, как в коридоре стихло эхо шагов коммандера Гамаша, Серж Ледюк сидел, не в состоянии двигаться или говорить.

И в тишине он понял, что излучал Гамаш. Не силу. Это была власть.

Глава четвертая

– Что вы нашли?

– Пошла в жопу, – сказала Рут и повернулась костлявой спиной, пряча то, что держала в руках. Потом она украдкой кинула взгляд через плечо. – А, это ты. Извини.

– А вы думали кто? – спросила Рейн-Мари, которую реакция Рут скорее развеселила, чем обидела.

Вот уже почти два месяца она по просьбе Оливье сидела рядом с Рут и просматривала бумаги, лежащие в ящике для одеял. Нередко приходили помочь и Клара с Мирной, хотя никто из них не обязан был это делать.

Четыре женщины сидели у камина, попивали кофе с молоком и виски, ели шоколадные булочки и изучали газеты, которые Оливье и Габри вытащили из стен двадцать лет назад во время ремонта.

Рейн-Мари и Рут с Розой, уткой Рут, сидели на диване, а Клара и Мирна – в креслах друг против друга.

Клара, работавшая над автопортретом, приходила отдохнуть от него, и Рейн-Мари порой задавалась вопросом, уж не стоит ли понимать слова Клары о том, что она пишет себя, в буквальном смысле. Каждый день художница появлялась с остатками пищи в волосах и мазками краски на лице. Сегодня это были ярко-оранжевые мазки и соус маринара.

Напротив Клары сидела ее лучшая подруга Мирна, владелица магазина старой и новой книги рядом с бистро. С трудом втиснувшись в большое кресло, она наслаждалась каждым прочитанным словом и каждым кусочком шоколадной булочки.

Сто лет назад, когда газеты были засунуты в стены в качестве изоляции от трескучих квебекских морозов, женщины деревни собирались вместе для шитья.

Современные женщины собирались для других целей. Для чтения.

По крайней мере, Клара, Мирна и Рейн-Мари читали. А вот чем занималась Рут, Рейн-Мари не имела понятия.

Весь предыдущий и нынешний день старая поэтесса провела над одной страницей. Игнорируя другие газеты. Игнорируя друзей. Игнорируя виски, поблескивающее в хрустальном стакане. Это вызывало тревогу.

– И все-таки что вы разглядываете? – не отставала Рейн-Мари.

Клара и Мирна отвлеклись от своих газет и уставились на Рут. Даже Роза вопросительно посматривала на старуху. И хотя Рейн-Мари уже знала,

что утки редко смотрят на что-либо, но все же…

Рейн-Мари погрузилась в неторопливую рутину: с утра разбирала архив местного исторического общества, а днем направлялась в бистро.

По выходным к ней присоединялся Арман, садился в одно из удобных кресел, попивал пиво и просматривал свои бумаги.

Хотя сосновый ящик для одеял немного напоминал сундук с сокровищами и уже явил на свет божий немало увлекательных вещей, ни одна из них ни в коей мере не была сокровищем, даже для архивиста, который умеет видеть золото там, где другие видят только изоляционный материал.

Когда Рут взялась за это дело, листья на деревьях были оранжевыми, красными, желтыми. Теперь уже минуло Рождество, и ветви деревьев гнулись под снегом. Снег толстым слоем лег на деревню, и от дома к дому можно было пройти только по дорожкам, прорытым Билли Уильямсом.

Стояло начало января. Мирное время года, когда еще остаются висеть праздничные огни и украшения, но праздничного ажиотажа уже не ощущается. Холодильники и морозильники жителей были наполнены песочным печеньем, и фруктовыми пирогами, и кастрюльками с индейкой. Их собственная форма изоляции от зимы.

Сидя перед камином в бистро, переводя взгляд со снега за окном на пачки старых газет, Рейн-Мари чувствовала глубокое умиротворение и удовольствие, и лишь выражение лица Армана иногда портило ей настроение.

Его первый семестр в качестве коммандера подходил к концу. Она знала, что перемены, которые он предпринял, были спорными, даже революционными.

Вопреки всякой логике и советам, он сохранил одного из самых старых и порочных преподавателей – Сержа Ледюка. Он слетал в Гаспе и нашел там предателя Мишеля Бребёфа. Он произвел серьезные изменения в учебных курсах и просмотрел все поданные заявления на прием, изменив много точек с красной на зеленую и наоборот.

Он планировал разрешить допуск местных жителей на великолепную спортивную площадку новой академии, а также предложить кадетам и преподавателям добровольно работать в качестве тренеров и помощников. Навещать одиноких и читать для слепых. Как «Старшие Братья Старшие Сестры»[10]. Приносить еду, расчищать дорожки после снегопада. При необходимости поступать в распоряжение мэра Сен-Альфонса. Мэр и новый коммандер могли бы сотрудничать.

Мэр встретил его предложения с заметным отсутствием энтузиазма,

граничащим с пренебрежением.

За несколько лет до этого округ с неподдельной радостью приветствовал появление Полицейской академии, а местная администрация помогла найти подходящий участок на окраине округа.

Мэр и совет Сен-Альфонса тесно сотрудничали с Сержем Ледюком. Вплоть до того момента, когда мэр получил извещение, что академия не согласна строить новое здание на окраине, что она изымает под свои нужды участок в центре. Серж Ледюк знал, что именно этот участок отведен под строительство рекреационного центра, которого с нетерпением ожидали местные жители.

Мэр не хотел в это верить.

Это было предательство, забыть которое нелегко, если вообще возможно. И мэр, человек неглупый, был решительно настроен не допустить, чтобы его еще раз обвели вокруг пальца.

Местные жители не хотели иметь ничего общего с академией, с этими вероломными обманщиками. Преподаватели не хотели иметь ничего общего с жителями, с этим тупым быдлом.

Здесь у них было полное согласие.

– Тем больше оснований протянуть им руку, как ты думаешь? – спросил Гамаш у Жана Ги Бовуара, в прошлом своего заместителя, а теперь зятя, сидя как-то вечером в доме Гамашей в Трех Соснах.

– Я думаю, вы сходите с проторенного пути, стараясь найти горы покруче, – ответил Бовуар, который читал книгу об одном из самых неудачных восхождений на Эверест.

Гамаш рассмеялся:

– Хотелось бы мне, чтобы это была гора. В горах, по крайней мере, есть что-то величественное. Когда поднимешься на вершину, чувствуешь себя победителем. А Полицейская академия больше похожа на огромную выгребную яму, полную merde[11]. И я туда свалился.

– Свалились, patron? Насколько я помню, вы туда прыгнули.

Гамаш снова рассмеялся и склонил голову над блокнотом.

Бовуар смотрел на него и ждал. Он ждал уже несколько месяцев, с того самого дня, когда Гамаш сообщил ему и Анни о своем решении занять пост руководителя академии.

Некоторых это намерение удивило, но Жану Ги, знавшему Гамаша лучше, чем кто бы то ни было, оно показалось идеальным. Таким же оно показалось и Анни, которая обрадовалась, что ее отец наконец будет в безопасности.

Жан Ги не стал говорить беременной жене, что академия давно

превратилась в отстойник при Квебекской полиции. А ее отец погрузился в этот отстойник по самую шею.

Бовуар молча посидел какое-то время в кабинете, потом взял книгу про Эверест в гостиную и, усевшись перед веселым пламенем, пляшущим в камине, продолжил читать о восхождении, закончившемся катастрофой. О кислородном голодании, о лавинах, об огромных выступающих ледяных глыбах высотой с десятиэтажное здание, которые иногда падают без всякого предупреждения, сокрушая под собой людей и животных.

Жан Ги сидел в уютной гостиной, и его пробирала дрожь, когда он читал о телах, оставленных на горе там, где они упали. О людях, замерзших в тот момент, когда они ползли в поисках помощи или пытались еще на несколько дюймов приблизиться к вершине.

О чем они думали, эти превратившиеся в лед мужчины и женщины, в последние мгновения просветления?

Может быть, они думали: почему? Почему это показалось им хорошей идеей?

И он спросил себя, не задаст ли однажды такой же вопрос человек, сидящий в кабинете.

Инспектор Жан Ги Бовуар знал, что его высокогорная аналогия применительно к Гамашу неверна. Если ты погибаешь на склоне горы, то это эгоистичный, бессмысленный поступок. Проявление силы и эго, облаченное в браваду.

Нет, академия не походила на гору. Она была, как сказал Гамаш, выгребной ямой. Но с этим нужно было что-то делать. От академии зависело то, какой будет полиция. Если она останется ямой, полной merde, то такой же будет и полиция.

Старший инспектор Гамаш очистил полицию, но он понимал, что проделал лишь часть работы. Теперь коммандер Гамаш должен заняться академией.

Увольняя прежних преподавателей и нанимая новых, он до сих пор не назвал своего заместителя. Все предполагали, что он предложит этот пост Жану Ги, который тоже так считал и ждал этого. И продолжал ждать. И начинал задавать себе вопросы.

– Ты бы принял такое предложение? – спросила Анни как-то раз за завтраком.

Она никогда не была худышкой, а с беременностью совсем расцвела, если не сказать больше. Жана Ги волновало только одно: чтобы она и маленький были здоровы. Он пошел бы на убийство ради того, чтобы раздобыть для нее последний стаканчик ее любимого мороженого.

– Думаешь, мне следует? – откликнулся Жан Ги и увидел улыбку на ее лице.

– Ты шутишь? Отказаться от должности инспектора в отделе по расследованию убийств, одного из старших офицеров полиции – ради академии?

– Значит, ты считаешь, что мне следует сделать это?

Анни рассмеялась от всего сердца, как умела только она:

– Сомневаюсь, что слово «следует» когда-либо присутствовало в твоих мыслях. Я думаю, ты бы просто сделал это.

– С чего ты взяла?

– С того, что ты любишь моего отца.

Это было правдой.

Он последовал бы за Арманом Гамашем в ад, а в Квебеке не было ничего ближе к аду, чем Полицейская академия.

Рейн-Мари сидела в бистро и глядела в темноту, на три громадные сосны, видимые только потому, что на них висели рождественские гирлянды. Голубые, красные и зеленые огни, присыпанные свежим снегом, казалось, парили в воздухе сами по себе.

Было всего пять часов вечера, но с таким же успехом могла бы быть полночь.

В бистро начали собираться клиенты, чтобы встретиться с друзьями cinq à sept[12], в коктейльный час по окончании рабочего дня.

Арман не пришел сюда, он предпочел покой и тишину кабинета, поскольку приближался первый день нового семестра. Отведя глаза от украшенных деревьев, Рейн-Мари посмотрела на свой дом, на свет в окне кабинета.

Она испытала облегчение, узнав о решении мужа возглавить академию. Ей казалось, что это идеальная должность для человека, более склонного искать редкую книгу, чем убийцу. Но он тридцать лет занимался поиском убийц. И как ни странно, делал это весьма успешно. Он находил убийц всех видов и мастей. Тех, кто совершал умышленные убийства, и тех, кто вообще не был способен на мышление, а убивал спонтанно. Все они забирали чужие жизни, и всех их находил ее муж, за очень редкими исключениями.

Да, Рейн-Мари обрадовалась, когда, рассмотрев все предложения и обсудив их с нею, Арман решил принять руководство Полицейской академией. Взять на себя задачу очистить ее от грязи, оставленной годами жестокости и коррупции.

Она радовалась до того момента, когда с удивлением обнаружила на его лице мрачное выражение.

И тогда в ее душу проник холодок. Не смертельный холод, но предупреждение о том, что впереди трудные времена.

– Ты уже целый день это разглядываешь, – сказала Мирна, вторгаясь в мысли Рейн-Мари и показывая на бумагу в руке Рут.

Старая поэтесса держала ее бережно, за края.

– Можно посмотреть? – спросила Рейн-Мари мягким голосом и протянула руку, словно приглашая потерявшуюся собаку в машину.

Будь в ее руке бутылка виски, Рут уже виляла бы хвостом на переднем сиденье.

Рут окинула всех взглядом, а потом отдала бумагу. Но не Рейн-Мари.

Кларе.

Глава пятая

– Это карта, – сказал Арман, склоняясь над бумагой.

– И что же стало ключом к разгадке, мисс Марпл? – спросила Рут. – Эти линии? Они – то, что мы называем дорогами. А вот это, – она ткнула в бумагу корявым пальцем, – река.

Последние слова она произнесла медленно, с преувеличенным терпением.

Арман выпрямился и посмотрел на нее поверх очков, после чего снова погрузился в изучение бумаги, разложенной на столе под лампой.

В этот зимний вечер они собрались в доме Клары на буйабес со свежим багетом из пекарни Сары.

Клара и Габри в кухне добавляли последние ингредиенты в блюдо дня. Морские гребешки, креветки, мидии, розовые кусочки лосося. Мирна тем временем нарезала багет.

Тонкие ароматы чеснока и укропа витали в гостиной, смешиваясь с запахом дымка из камина. За стенами дома стоял хрустящий морозец, звездное небо окутали тучи, угрожая новым снегопадом.

Но в доме было тепло и покойно.

– Недоумок, – пробормотала Рут.

Вообще-то, несмотря на замечание Рут, вопрос о том, что представляет собой эта бумага, оставался дискуссионным.

На первый взгляд она ничуть не напоминала карту. Немного потертая и порванная, она была превосходно и замысловато иллюстрирована изображениями медведей, оленей, гусей, размещенных среди гор и лесов. В буйном смешении времен года весенняя сирень соседствовала с пышными пионами и кленом в роскошном осеннем убранстве. В верхнем правом углу стоял, победно подняв хоккейную клюшку, снеговик в вязаной шапочке с помпоном и в ceinture fléchée[13] на округлой талии.

Вся картина производила впечатление безудержной радости. Глупости, которая каким-то образом умудрялась быть одновременно милой и очень трогательной.

Она не походила на примитивный рисунок деревенского художника, где больше энтузиазма, чем таланта. Она была создана человеком, вовсе не чуждым искусству, знакомым с работами мастеров, которым он искусно подражал. За исключением снеговика: этот образ, насколько было известно Гамашу, никогда не появлялся ни у Констебля, ни у Моне, ни даже у

«Группы семи»[14].

Да, требовалось некоторое время, чтобы увидеть за всем этим главное, самую суть.

Карту.

Со всеми контурными линиями и ориентирами. Три маленькие сосны, похожие на играющих детей, явно обозначали эту деревню. Тут были тропинки, каменные стены и даже скала Ларсена, названная так потому, что там однажды застряла корова Свена Ларсена и ее пришлось спасать.

Гамаш наклонился ниже. И увидел корову.

Он разглядел даже тоненькие, как паутинка, линии параллелей и меридианов. Создавалось впечатление, будто военная карта проглотила произведение искусства.

– Не замечаешь ничего странного? – спросила Рут.

– Замечаю, – сказал Гамаш, взглянув на старую поэтессу.

Она усмехнулась и уточнила:

– Я имею в виду карту. И спасибо за комплимент.

Гамаш улыбнулся в ответ и вернулся к изучению документа.

Много слов напрашивалось для описания карты. Красивая. Детальная. Изящная и в то же время смелая. Необычная в своем переплетении практичности и искусства.

Но странная ли? Нет, он бы никогда не использовал такое слово. Однако он хорошо знал старую поэтессу. Даже бессмысленные слова она применяла со смыслом.

Если она сказала «странная», то именно это и имела в виду.

Впрочем, представление Рут о странности могло не совпадать с представлением других людей. Она считала странной воду. И овощи. И оплату счетов.

Гамаш нахмурился, обратив внимание, что торжествующий снеговик вроде бы куда-то показывает. Туда. Он склонился ниже. Туда.

– Тут пирамида. – Палец Армана завис над изображением.

– Да-да, – нетерпеливо произнесла Рут, словно пирамиды стояли повсюду. – Но странного ты ничего не замечаешь?

– Она не подписана, – сказал он и снова вгляделся в рисунок.

– Когда ты в последний раз видел подобную карту? – вопросила Рут. – Напряги мозги, придурок.

Услышав ее ворчливый голос, Рейн-Мари посмотрела в ту сторону, поймала взгляд Армана и сочувственно улыбнулась, а потом вернулась к своему разговору.

Она обсуждала с Оливье сегодняшние находки в ящике для одеял.

Стопка «Vogues» начала XX века.

– Захватывающее чтение, – сказала она.

– Я заметил.

Рейн-Мари давно интересовало, можно ли судить о человеке по тому, что висит у него на стенах. Картины, книги, украшения. Но до этого момента ей не приходило в голову, что о человеке можно судить по тому, что у него в стенах.

– Здесь явно жила женщина, интересовавшаяся модой, – сказала она.

– Либо женщина, – откликнулся Оливье, – либо гей.

Он бросил взгляд в кухню, где Габри, виляя бедрами, исполнял какой-то немыслимый танец с поварешкой.

– Вы думаете, это мог быть прадедушка Габри? – спросила Рейн-Мари.

– Если возможно родиться от длинной череды геев, то Габри это удалось, – сказал Оливье, и Рейн-Мари рассмеялась.

– Ну а что скажете о находке номер один?

Они посмотрели туда, где сидели Арман и Рут.

– Эта карта, – задумчиво произнес Оливье. – Какие-то пометы на ней. Может быть, потеки от воды. И грязь, что вполне ожидаемо. Однако пребывание в стене помогло ей сохраниться. Солнце на нее не воздействовало. Краски не выцвели. Она такая же старая, как и все остальное в ящике. То есть ей лет сто. Она чего-то стоит, как по-вашему?

– Я всего лишь архивист. Антиквариатом торгуете вы.

Он отрицательно покачал головой:

– Сомневаюсь, чтобы кто-то дал за эту карту больше нескольких долларов. Она забавная, и рука художника чувствуется, но главное здесь – эти нововведения. Чье-то представление о шутке. И к тому же она слишком узкого назначения, чтобы интересовать кого-то, кроме нас.

Рейн-Мари согласилась. От рисунка веяло очарованием, но часть этого очарования состояла в наивности. Корова? Пирамида, бог ты мой! И три живые сосны.

Прозвучало приглашение к трапезе, если крик Габри «Скорее, умираю с голоду!» мог сойти за приглашение. Во всяком случае, новостью это не было.

За поеданием морских гребешков, креветок, мидий, розовых кусочков сочного лосося говорили о «Монреаль Канадиенс», об их победном сезоне, о внутренней политике, о незапланированном выводке щенков у золотистого ретривера мадам Лего.

– Я подумываю, не взять ли одного, – сказала Клара, макая в буйабес кусочек поджаренного багета, пропитанного соусом айоли с шафраном. – Я

тоскую по Люси. Было бы неплохо иметь рядом живое существо.

Она взглянула на Анри, свернувшегося в углу. На Розу, забывшую о своей неприязни к псу и ради тепла притулившуюся к его животу.

– Как продвигаются дела с портретом? – спросила Рейн-Мари.

Кларе удалось соскрести с лица каплю схватившейся масляной краски, зато ее руки почти неизменно напоминали палитру красочных точек. Как будто Клара хотела попробовать себя в технике пуантилизма.

– Приходи посмотреть, – ответила она. – Только я хочу, чтобы ты повторяла за мной: «Превосходно, Клара».

Все рассмеялись, но под пристальным взглядом Клары проговорили в один голос:

– Превосходно, Клара.

Не участвовала в общем хоре одна лишь Рут, которая пробормотала себе под нос:

– Отвратительно, Тошнотворно, Лейкозно, Истерично, Чахоточно, Нудно, Омерзительно.

– Годится, – рассмеялась Клара. – Если не превосходно, то меня устроит и ОТЛИЧНО. Но должна признать, что мое внимание отвлек этот чертов ящик для одеял. Он мне даже ночами снится.

– А что-нибудь ценное вы в нем нашли? – спросил Габри. – Папочке нужна новая машина, и я намерен превратить старый сосновый ящик в «порше».

– «Порше»? – переспросила Мирна. – Если ты в него и сядешь, то уже не вылезешь. Ты станешь похож на Фреда Флинтстоуна[15].

– Фред Флинтстоун, – сказал Арман. – Это тот, кого…

Но, поймав предостерегающий взгляд Оливье, он остановился на полуслове.

– Багет? – Арман протянул Габри корзиночку с хлебом.

– А что насчет этой карты? – спросил Габри. – Она вас всех заинтересовала. Она ведь должна чего-то стоить. Дайте-ка мне ее.

Он вскочил, вернулся с бумагой и разгладил ее на сосновом столе.

– Вижу ее в первый раз, – сказал он. – Но это что-то.

Но что – вот в чем был вопрос.

– Карта и одновременно произведение искусства, – заметила Клара. – Это не может увеличить ее стоимость?

– Проблема в том, что она и то и другое и в то же время ни то ни другое, – сказал Оливье. – Но главная проблема в том, что коллекционеры карт предпочитают карты определенного района, часто того, где они живут. Или района, который имеет историческое значение. А здесь – маленький

уголок Квебека. И вовсе не исторический. Одни деревни и дома, да еще этот дурацкий снеговик. Нам она кажется очаровательной, потому что мы тут живем. Однако для всех остальных – так, диковинка.

– Я беру ее у тебя за пятьдесят, – неожиданно произнесла Рут.

Все удивленно посмотрели на нее. Сколько они ее помнили, Рут никогда ни за что не платила.

– Пятьдесят чего? – хором спросили Мирна и Оливье.

– Долларов, идиоты.

– Если она что-то и покупала за последние сто лет, то лакричные трубочки, – заметила Мирна.

– Украденные в бистро, – добавил Оливье.

– Зачем она вам? – спросила Рейн-Мари.

– Неужели никто не понимает? – удивилась Рут. – Неужели никто из вас не видит? Даже ты, Клузо?[16]

– Для вас я мисс Марпл, – откликнулся Арман. – И знаете что? Я вижу красивую карту, но я понимаю то, что говорит Оливье. Мы, вероятно, единственные, кто может ее оценить.

– А знаете почему? – потребовала ответа Рут.

– Почему? – поинтересовалась Мирна.

– А ты сообрази, – отрезала Рут. Потом внимательно посмотрела на Мирну. – Ты кто? Мы знакомы? – Она повернулась к Кларе и громко прошептала: – Разве она не посуду должна мыть?

– Потому что черная женщина – всегда горничная? – спросила Клара.

– Ш-ш-ш, – прошептала Рут. – Ты не должна ее оскорблять.

– Это я ее оскорбляю? И кстати, быть черной женщиной вовсе не оскорбление.

– Откуда ты это знаешь? – Рут снова обратилась к Мирне: – Все в порядке, я тебя нанимаю, если миссис Морроу отпустит. Ты любишь лакричные трубочки?

– Эй, ты, старая маразматичка! – возмутилась Мирна. – Я твоя соседка. Мы сто лет знакомы. Ты каждый день приходишь в мой книжный магазин. Берешь книги и никогда не платишь.

– И кто из нас маразматичка? – усмехнулась Рут. – Там не магазин, а библиотека. Так и написано на дверях. – Она прошептала Кларе: – Наверное, эта женщина не умеет читать. Лучше научи ее, или будем и дальше напрашиваться на неприятности?

– Там написано «librairie», – сказала Мирна с французским произношением. – По-французски – «книжный магазин». И ты это прекрасно знаешь. Твой французский идеален.

– Не нужно меня обижать.

– Почему тебя обижает, когда я говорю, что твой французский идеален?

– Мне кажется, мы ходим по кругу, – сказал Арман, поднялся и начал убирать со стола.

Много лет назад, когда он впервые услышал подобные словесные перепалки, ему стало не по себе. Но чем ближе он узнавал этих людей, тем лучше понимал, что означают их препирательства. Своеобразное словесное pas de deux[17].

Так они демонстрировали симпатию и привязанность друг к другу.

Эти разговоры по-прежнему смущали его, но он подозревал, что для того они и ведутся. Такая своеобразная форма партизанской войны. А может, им просто нравилось пикироваться друг с другом.

Потянувшись за грязными тарелками, чтобы отнести их в раковину, он еще раз посмотрел на карту. В колеблющемся пламени свечи она словно изменилась.

Это была не просто поделка скучающего долгими зимними вечерами землепроходца. У этой бумаги имелась определенная цель.

Но теперь Гамаш обратил внимание еще на одно изменение. Возможно, существовавшее только в его воображении.

Снеговик, который в свете дня казался веселым, при пламени свечи помрачнел. И даже… встревожился? Неужели? Может ли тревожиться такой bonhomme?[18] Да и о чем ему тревожиться?

Много о чем, подумал Гамаш, наливая в раковину горячую воду и моющее средство. Человек, сделанный из снега, будет беспокоиться из-за приближения того, чего все остальные ждут с нетерпением. Неизбежной весны.

Да, снеговик, каким бы веселым он ни был, в глубине души таил тревогу. Как и это произведение искусства. Или карта. Или что уж там они нашли в стене.

Любовь и тревога. Они идут рука об руку. Попутчики.

Вернувшись к столу за следующей порцией тарелок, Гамаш ощутил на себе взгляд Рут.

– Ну что, видишь? – тихо спросила она, когда он наклонился за ее тарелкой.

– Я вижу встревоженного снеговика, – ответил он и, еще не закончив говорить, почувствовал, насколько нелепы его слова.

Но старая поэтесса не стала его вышучивать. Она только кивнула:

– Тогда ты близок к отгадке.

– Не могу понять, для чего нарисовали эту карту, – сказал Арман, снова посмотрев на Рут.

Ответа он не ждал и не получил.

– Что бы ни послужило толчком для ее создания, делали ее не на продажу, – сказал Оливье, задумчиво глядя на бумагу. – Мне она нравится.

Пока Арман и Мирна мыли посуду, Оливье достал из холодильника десерт.

– С нетерпением ждете первого дня занятий? – спросил Оливье, раскладывая по вазочкам шоколадный мусс, приправленный ликером «Гранд Марнье» и покрытый сверху свежевзбитыми сливками.

– Я немного нервничаю, – признался Гамаш.

– Не волнуйтесь, ребятишки вас полюбят, – сказала Мирна, стоявшая с полотенцем в руках.

Гамаш улыбнулся и протянул ей вымытую тарелку.

– Что вас беспокоит, Арман? – спросил Оливье.

Что его беспокоило? Гамаш и сам задавал себе этот вопрос. Хотя знал ответ. Его беспокоило, что, пытаясь расчистить завалы в академии, он мог сделать их еще более непролазными.

– Возможная неудача, – ответил он.

Наступила тишина, нарушаемая лишь позвякиванием тарелок в раковине и звуком голосов, когда Клара повела Рейн-Мари в свою мастерскую.

– Меня беспокоит, что я недооценивал содержимое ящика для одеял, – сказал Оливье, добавляя изрядную порцию взбитых сливок к уже сервированному муссу. – Но больше всего меня беспокоит другое: я не понимаю, что я делаю. Меня беспокоит, что я обманщик.

– Меня беспокоит, что много лет назад, будучи психотерапевтом в Монреале, я давала клиентам плохие советы, – сказала Мирна. – Я просыпаюсь посреди ночи в ужасе, не направила ли я кого-нибудь по ложному пути. При свете дня я в порядке. Большинство моих страхов приходит с темнотой.

– Или когда горят свечи, – добавил Арман.

Мирна и Оливье посмотрели на него, не вполне понимая, что это значит.

– Вы и вправду опасаетесь неудачи? – спросил Оливье, насыпая кофе в кофеварку.

– Я принял несколько очень рискованных решений, – ответил Арман. – Подобные решения могут пойти как во благо, так и во зло.

– Когда я чего-то боюсь, я всегда спрашиваю себя: что может случиться самое худшее? – сказала Мирна.

Осмеливался ли он задать себе такой вопрос?

Ему придется уйти в отставку, и академию возглавит кто-нибудь другой. Но это будет наилучшим выходом в случае его неудачи.

А наихудшим?

Он свел вместе Сержа Ледюка и Мишеля Бребёфа. По определенной причине. Но что, если этот план обернется против него? Может произойти катастрофа. И катастрофа такого рода уничтожит не только его.

Он привел в действие очень опасный механизм.

– Я бы этого не советовала, – сказала Клара.

– Чего? – спросила Рейн-Мари.

Они стояли в мастерской Клары в окружении полотен и кисточек в старых жестянках, среди запаха красок, скипидара, кофе и банановой кожуры. В углу стояла собачья кровать, на которой прежде спала Люси, золотистый ретривер Клары, пока сама Клара творила, что нередко случалось по ночам. Анри пробрался за ними в мастерскую и тут же заснул на кровати Люси.

Однако внимание Рейн-Мари привлекло то, что привлекло бы внимание любого человека, – холст на мольберте. Вблизи это было буйство красок, смелые мазки фиолетового, красного, зеленого и голубого. Все крошечные точки на руках Клары были разбрызганы на холсте в увеличенном размере.

Но стоило сделать шаг назад – и то, что казалось хаосом, обретало очертания женского лица. Определенно лица Клары.

– Я бы никому не советовала писать автопортреты, – сказала художница, удобно устроившись на табурете перед мольбертом.

– Почему? – спросила Рейн-Мари, обращаясь к Кларе, изображенной на холсте.

– Потому что в конечном счете это означает, что ты часами глазеешь на себя. Ты когда-нибудь видела автопортрет, на котором человек не выглядит слегка безумным? И теперь я знаю почему. Ты можешь улыбаться, делать умный вид или задумчивый. Но чем дольше ты смотришь, тем больше видишь. Все эмоции, мысли, воспоминания. Все то, что мы прячем. Портрет обнажает внутреннюю жизнь, тайную жизнь человека. То, что художники пытаются уловить. Но одно дело искать внутреннюю жизнь в ком-то другом, и совсем иное – навести этот пистолет на себя.

Только сейчас Рейн-Мари заметила зеркало, прислоненное к креслу. И

отражение Клары в нем.

– У тебя начинаются видения, – продолжала Клара. – Ты видишь странные вещи.

– Ну ты прямо как Рут, – сказала Рейн-Мари, пытаясь снять напряжение. – Она видит на карте что-то такое, чего не видят остальные.

Она села на диван, ощущая пружины там, где их просто не могло быть. Лицо на портрете, поначалу казавшееся строгим, стало обретать выражение любопытства.

Удивительный эффект. Настроение лица на портрете отражало настроение реальной женщины. Живая Клара тоже проявляла любопытство. И удивление.

– На одном из поэтических чтений в прошлом году она видела У. Б. Йейтса[19], – вспомнила Клара. – А в прошедшее Рождество узрела лицо Христа на индейке. У вас дома, помнишь?

Рейн-Мари прекрасно помнила, какой скандал устроила Рут, пытаясь убедить их не разделывать птицу. Не потому, что верила в божественность тушки, а потому, что ее можно было бы продать на аукционе eBay.

– Я думаю, что «странность» и Рут неразделимы, – сказала Клара.

Рейн-Мари согласилась с ней. Как-никак Рут держала у себя утку.

Выражение лица на портрете снова изменилось.

– Так что тебя беспокоит? – спросила Рейн-Мари.

– Я боюсь, что то, что мне видится, действительно существует. – Клара показала на зеркало.

– Портрет превосходный, Клара.

– Ты могла этого не говорить, – улыбнулась Клара. – Я просто шутила.

– А я не шучу. Он и в самом деле замечательный. Не похож ни на одну из твоих прежних работ. Другие портреты – следствие вдохновения, а этот… – Рейн-Мари снова посмотрела на холст, на сильную, уязвимую, удивленную, испуганную женщину средних лет, изображенную на нем. – Этот – гениальный.

– Merci. А ты?

– Moi?

Клара рассмеялась:

– Oui, madame. Toi[20]. Что беспокоит тебя?

– Обычные дела. Я волнуюсь за Анни и за ребенка, думаю о том, как поживают Даниель и внучки в Париже. И еще меня беспокоит то, чем занят Арман, – призналась Рейн-Мари.

– Как глава Полицейской академии? – уточнила Клара. – После того,

что он пережил, это мелочи. Игра в оловянные солдатики. Ничего с ним не случится.

Но Рейн-Мари, конечно, знала больше, чем Клара. Она летала вместе с мужем в Гаспе. Видела выражение лица Армана.

Пока они сидели за столом, надвинулись тучи и принесли густой снег. Не метель, а непрерывное вертикальное падение крупных хлопьев, которые придется разгребать утром.

У дверей, уже облачившись в уличную одежду, Оливье спрятал карту под курткой и застегнулся.

Друзья попрощались с Кларой и, утопая ногами в свежем снегу, зашагали сквозь снегопад по одной из дорожек, проложенных через деревенский луг. Габри шел рядом с Рут и нес Розу, прижимая к груди.

– Из тебя получилась бы неплохая перина, верно? – прошептал он на ухо утке. – Она становится все тяжелее. Неудивительно, что утки ходят вперевалку.

Шедшая сзади Мирна тихо сказала Рейн-Мари:

– Мне всегда нравились мужчины с большими утками[21].

Рейн-Мари покатилась со смеху и тут же налетела на Армана, который остановился на пересечении дорожек, откуда Мирна свернула к своему жилищу на чердаке над магазином.

Они пожелали друг другу спокойной ночи, но Арман продолжал стоять на месте, глядя на сосны, на рождественские огни, чуть раскачивающиеся на ветерке. Анри смотрел на него, чуть помахивая хвостом в ожидании, когда ему бросят снежок.

Рейн-Мари доставила псу это удовольствие, и Анри нырнул в высокий сугроб за добычей.

– Идем, – сказала Рейн-Мари, взяв Армана под руку. – Поздно и холодно, ты уже становишься похожим на снеговика. А на деревья можешь полюбоваться из окна.

Они пошли дальше, прощаясь на ходу с другими, но тут Арман опять остановился.

– Оливье! – крикнул он в темноту и трусцой побежал за владельцем бистро. – Одолжите мне карту ненадолго.

– Пожалуйста. А что?

– Хочу проверить одну вещь.

Оливье вытащил карту из-под куртки.

– Merci, – сказал Гамаш. – Bonne nuit[22].

Рейн-Мари и Анри ждали его, а еще дальше впереди Габри медленно вел Рут и Розу домой. Рут повернулась и посмотрела на Армана. В свете лампочки на ее крыльце было видно, что она чем-то очень довольна.

– Ты спрашивал, для чего сделана эта карта, – прокричала она. – А не лучше ли подумать, почему ее спрятали в стену?

На следующее утро Арман позвонил Жану Ги и спросил, не хочет ли он стать его заместителем в академии.

– Я уже заточил карандаши, patron, – ответил Жан Ги. – И прикупил блокноты и новые пули для пистолета.

– Ты не представляешь, какие чувства вызывает у меня это известие, – откликнулся Гамаш. – Я говорил со старшим инспектором Лакост. Изабель даст тебе отпуск на один семестр. Вот все, что мы имеем.

– Хорошо, – сказал Жан Ги, переходя на серьезный тон. – Днем я приеду в Три Сосны, и мы обсудим ваши планы.

Явившись в деревню, Жан Ги отряхнул снег с шапки и куртки, налил себе кофе и прошел в кабинет к тестю. Вопреки его ожиданиям, Гамаш не изучал учебные программы, досье персонала или список новых кадетов. Вместо этого он разглядывал старую карту.

– Почему вы так долго не приглашали меня в заместители?

Гамаш снял очки и внимательно посмотрел на зятя:

– Потому что знал: ты согласишься, а я не уверен, что делаю для тебя доброе дело. В академии творится черт знает что, Жан Ги. У тебя своя карьера. Сомневаюсь, что должность моего заместителя в академии – шаг вверх по карьерной лестнице.

– А вы думаете, меня интересует повышение, patron? – произнес Бовуар с еле сдерживаемым гневом. – Неужели вы так плохо меня знаете?

– Просто мне очень небезразлична твоя судьба.

Бовуар вдохнул и выдохнул, прогоняя раздражение.

– Тогда почему приглашаете меня теперь?

– Потому что мне нужна помощь. Нужен ты. Одному мне это не поднять. Мне нужен человек, которому я могу доверять всецело. И потом, в случае неудачи мне нужен кто-нибудь, на кого можно свалить вину.

Жан Ги рассмеялся:

– Всегда рад помочь. – Он посмотрел на карту, лежащую на столе. – Что тут у вас? Карта сокровищ?

– Нет, но в ней есть какая-то тайна. – Гамаш протянул карту Жану Ги. – Взгляни, может, увидишь в ней что-то необычное.

– Я полагаю, вы знаете ответ. Это испытание? Если я его успешно

пройду, должностишка моя?

– Такую должностишку вряд ли можно назвать призом, – заметил Гамаш и направился к выходу, давая зятю возможность изучить потертую, драную и грязную старую карту. – И она уже твоя, нравится тебе это или нет.

Некоторое время спустя Жан Ги прошел в гостиную к Арману и Рейн-Мари, но и там увидел на диване нечто потертое, драное и грязное.

– Ну что, недоумок, я слышала, что Клузо наконец-то пригласил тебя заместителем, – проворчала Рут. – Я всегда знала, что ты прирожденный заместитель.

– Мадам Зардо, – торжественно произнес Жан Ги, словно обращаясь к медиуму Викторианской эпохи. – Фактически он попросил, а я согласился.

Он сел рядом с ней на диван, и Роза перебралась к нему на колени.

– Ну, ты разобрался? – спросил Гамаш. – Выяснил, что странного в этой карте?

– Вот это. Три сосны, – сказал Жан Ги, обводя пальцем нарисованные деревья. – Три Сосны. Ни на одной официальной карте деревни нет, а здесь она есть.

Он поставил палец на изображение деревни. И тогда стало очевидным кое-что еще. Все дороги, дорожки и тропинки вели туда. Возможно, они проходили и через другие поселения, но заканчивались здесь, у трех сосен.

Арман кивнул. Жан Ги своим острым глазом увидел на карте самое необычное среди всего второстепенного.

Это была не карта Трех Сосен, а карта, показывающая путь в Три Сосны.

– Как странно, – прошептала Рейн-Мари.

– На самом деле странно не то, что деревня есть на этой карте, – сказал Жан Ги, – а то, что ее нет ни на одной другой карте. Даже на официальных картах Квебека. Почему? Почему она исчезла оттуда?

– Damnatio memoriae, – произнесла Рейн-Мари.

– Что-что? – спросил ее зять.

– Эту фразу я встречала только один раз, – сказала она. – Когда просматривала старые документы. Фраза настолько необычная, что я ее запомнила, но она, конечно, иронична.

Все уставились на нее, не понимая, в чем тут ирония.

– Damnatio memoriae означает «изгнанное из памяти»[23], – сказала она. – Не просто забытое, а изгнанное.

Четыре пары глаз уставились на первую, и последнюю карту с изображением их деревеньки перед ее исчезновением, изгнанием.

Глава шестая

Амелия Шоке сложила руки на груди и откинулась назад, сидя за своим столом. Она удостоверилась, что рукава ее формы закатаны и татуировки выставлены на обозрение, при этом она то высовывала язык с продетым в него металлическим штифтиком, то убирала его. То высовывала, то убирала. Демонстрировала, что ей скучно.

Потом она сползла пониже на стуле и огляделась. Это у нее получалось лучше всего. Никогда не участвовать, но всегда наблюдать. Внимательно.

В данный момент она наблюдала за человеком в передней части аудитории. Крупным, но не толстым. Скорее дородным, подумала она. Плотным. По возрасту он годился ей в отцы, хотя ее отец был старше.

Она оценила аккуратную, без вычурности одежду преподавателя: пиджак, галстук, шерстяные брюки.

Вид ухоженный.

Его голос, когда он обращался к кадетам-первогодкам, отличался от лекторского тона многих других преподавателей. Он говорил так, будто предлагал им выбор – соглашаться или нет с тем, что он говорит. Выбор за ними.

Она постучала штифтиком по зубам, и девица, сидевшая перед ней, повернула голову и стрельнула в нее недовольным взглядом.

Амелия презрительно ухмыльнулась, и девица вернулась к своему конспекту, видимо пытаясь дословно записать то, что говорил преподаватель.

С начала занятий прошла уже неделя, а Амелия сделала всего несколько записей в своем новеньком блокноте. Хотя, если честно, она все еще удивлялась тому, что вообще оказалась здесь.

Она явилась в Полицейскую академию в первый день, ожидая, что ее развернут обратно. Сообщат, что произошла ошибка и ей не место в академии. Однако ее впустили внутрь, и она стала ждать, что теперь ей прикажут убрать весь пирсинг. Не только тот, что в языке, но и в ноздрях, на губе, в брови, в ушах наподобие гусеницы. Если бы они знали обо всех остальных, которые не видны, то определенно сказали бы, что и от них нужно избавиться.

Она предполагала, что в течение нескольких недель перед началом занятий ей пришлют предупреждение: крашеные волосы и татуировки в

академии не допускаются.

Но прислали лишь список книг, которые нужно прочесть, и коробку.

Получив письмо и коробку, Амелия заперла дверь своей спальни в меблированных комнатах, где она жила, и, пробежав список книг, открыла коробку.

Внутри оказалась аккуратно сложенная форма. Новенькая. Никто прежде не носил ее. Амелия поднесла ее к лицу и вдохнула.

Форма пахла хлопком и картоном. Свежая и чистая. И неожиданно мягкая.

Там лежала и фуражка с эмблемой академии и какими-то словами на латыни.

«Velut arbor aevo».

Амелия осторожно водрузила фуражку на свои колючие черные волосы. Подумала, что же означают эти слова. Да, она знала, как их перевести, но что они означали – загадка.

Она разделась и надела на себя форму. Одежда сидела как влитая. Тогда Амелия украдкой посмотрела в зеркало. И увидела молодую женщину, которая жила в мире, ничуть не похожем на мир Амелии. В мире, который мог бы стать ее миром, если бы она повернула налево, а не направо. Или направо, а не налево.

Если бы она говорила или молчала. Открывала дверь или закрывала ее.

Амелия могла бы быть девицей в зеркале. Сияющей, аккуратной, улыбающейся. Но она не была ею.

Она швырнула фуражку на кровать и тут услышала шаги в коридоре. Стрельнула глазами в замок – заперт ли.

В дверь резко постучали, и любезный голос пропел:

– Просто хотела узнать, получила ли ты посылку, ma belle[24].

– Пошла в жопу.

Молчание, затем удаляющиеся шаги и тихий смешок.

В первую ночь, проведенную здесь Амелией, хозяйка неожиданно распахнула дверь и заглянула в ее комнату. Амелия поспешно затолкала под кровать то, что держала в руках. Но она вызвала любопытство у этой дряблой женщины, от которой воняло куревом, пивом и потом.

– Услышала шум и подумала, не заболела ли ты, ma petite[25], – объяснила она.

Вместе с ней в комнату проник запах мочи, впитавшийся в ковер в коридоре.

Женщина обшарила помещение своими маленькими глазками.

Амелия захлопнула перед ней дверь, успев заметить потрескавшиеся губы толстухи, нос картофелиной в красных прожилках, угреватое лицо. И слезящиеся глаза. Наполненные хитростью и планами.

С тех пор Амелия всегда запирала дверь, даже если отлучалась всего на минутку – в туалет или в душ.

Амелия ненавидела хозяйку. И знала почему. Как только она вошла в дверь этих меблированных комнат, ее охватила внезапная и ошеломляющая уверенность, что она никогда отсюда не выйдет.

Эта хозяйка была ею.

А она была этой хозяйкой.

Амелия подозревала, что когда-то давно эта женщина, молодая и стройная, приехала из провинции в Монреаль в поисках работы. С сертификатом об окончании курсов машинисток в одной руке и с небольшим чемоданом – в другой.

Она сняла здесь комнату на время, не понимая, что пересекла порог. И возврата нет.

Она так и не вышла обратно. Сгнила тут.

То же будет и с Амелией. Уже началось.

После четырех месяцев безуспешных попыток найти какую-нибудь неквалифицированную работу Амелия начала снижать планку и докатилась до минета на рю Сент-Катрин. И наконец приняла ведро, предложенное хозяйкой.

Это и стало ее работой. Чистить туалеты. И душевые. Пробивать заторы, вытаскивая оттуда клочья волос и все, что там оказалось.

Случались ночи, когда она стояла на коленях в мужском душе и плакала в сливное отверстие. Она понимала тогда, что ее жизнь никогда не будет лучше. В двадцать лет лучшее для нее уже осталось позади.

Она начала глушить себя наркотиками, которые приобретала у оборванца, живущего в том же коридоре, в обмен на минет. Прежде она обещала себе не падать так низко, а теперь прикидывала, куда еще может упасть и где нащупает дно.

Пока что она не опустилась до крэка и героина, но лишь потому, что не могла их себе позволить за ту цену, которую просили.

В конце концов потребность заглушить боль стала сильнее всех ограничений. Травка больше не помогала. Перед тем как выйти из дому, Амелия приняла душ и надела чистое белье, совершая некий последний акт самоуважения и осознавая всю нелепость этих действий. До точки невозврата оставалось всего ничего. Так уж лучше перешагнуть эту линию

с запахом мыла и детской присыпки, хотя Амелия подозревала, что теперь застоялый запах мочи тянется за ней повсюду, как рудиментарный хвост.

Она спустилась по лестнице, которую только что выскребла.

Ступеньки стали чище, чем в день ее приезда. Как и туалеты, душевые, ковры. На это начали обращать внимание другие постояльцы, кое-кто из них даже стал больше следить за собой.

Но борьба была проиграна, даже не начавшись. Грязь в доме лежала не на поверхности. Дезинфекция тут не помогала. Гниль проникла слишком глубоко.

– Ты куда? – спросила хозяйка через приоткрытую дверь своей квартиры.

– Не твое вонючее дело, – ответила Амелия.

– Не глотай, – посоветовала хозяйка со смехом. Она сидела в кресле, широко расставив потные ноги. – Но это ты и без меня знаешь, малютка.

Телевизор у нее был включен, шел репортаж об убийстве в деревне к югу от Монреаля. Сначала нашли тело ребенка, решили, что это несчастный случай, но позже признали убийством. А потом последовала вторая смерть.

Амелия остановилась, глядя сквозь приоткрытую дверь. Увидела на экране довольно молодую женщину, дающую интервью. Ее представили как главу отдела по расследованию убийств Квебекской полиции.

Амелия шагнула ближе к двери.

На женщине был хороший костюм. Юбка, светло-голубая рубашка и приталенный жакет. Совсем не мужской. Женского покроя. Практично, но привлекательно. Просто.

На шее у нее висел бейджик, на бедре – пистолет в кобуре.

Крупные мужчины в форме стояли позади нее. Уважительно.

Хозяйка пошевелилась в кресле, ее голые ноги произвели визгливый звук, скользнув по синтетической обивке.

– Как ты думаешь, на что она пошла, чтобы получить такую работу?

На толстых губах хозяйки блестела слюна, а ее смех преследовал Амелию, пока она не вышла на улицу.

Амелия нашла ответ на этот вопрос тем же вечером.

Но не на рю Сент-Катрин. Она нашла его в квартире своего единственного друга – гея из той же деревни, из которой приехала она сама. Он поселился в Монреале годом ранее и устроился на работу танцором в мужском стрип-клубе.

– Что за ерундой ты тут занимаешься? – спросил он, протягивая косячок Амелии, которая сидела за его ноутбуком и стучала по

клавиатуре. – Гуглишь копов?

Амелия не ответила.

В свою комнату она вернулась со стопкой распечаток, каждая из которых содержала требования, предъявляемые к поступающим в разные полицейские учебные заведения. На следующий день, вычистив туалеты и душ, она написала несколько писем и отправила резюме по разным адресам.

Конечно, резюме не были абсолютно правдивыми.

– Тебя никогда не примут, – сказал ее друг. – Посмотри на себя. Ты же по ту сторону тюремной решетки. Ты – та, кого они пытаются арестовать.

Они посмеялись над его словами, понимая, что в них есть немалая доля истины. Однако, в отличие от своего друга, Амелия надеялась оказаться с другой стороны. Среди тех, кто носит хорошие костюмы и моет волосы. И чтобы за ее спиной стояли крупные мужчины, но не пялились на ее задницу, а исполняли ее приказы.

Может быть, она сумеет стать женщиной, наделенной властью. И пистолетом.

Сначала она получила отказ от Монреальского полицейского колледжа. Потом из Шербрукской полиции. Потом из полиции Квебек-Сити. Ее не захотел принять даже крохотный частный колледж, наверняка разместившийся в сарае какого-то крестьянина где-нибудь в глухомани.

Полицейская академия Квебека вообще не удостоила ее ответом. Ну разумеется.

Амелия снова занялась полами и пробивкой засоров. А в один холодный вечер оказалась на Сент-Катрин. И там за стрип-баром сделала то, что клялась себе не делать никогда. И даже еще хуже.

На вырученные деньги она купила кокаин. А потом героин.

За два дня она приняла две дозы, и, хотя это ее одурманило, цель состояла не в том, чтобы получать удовольствие. А в том, чтобы смягчить боль.

Она подозревала, что еще одна доза – и назад пути не будет. Да и некуда ей было назад. И вперед тоже.

Но с первым снегом пришло письмо.

Амелию приглашали в Полицейскую академию Квебека на зимний семестр. Говорилось, что она будет получать полное довольствие. За ее знание латыни. Все было оплачено.

– Futuis[26] меня, – пробормотала она и села на кровать, сжимая в руках письмо и уставившись в пространство.

Амелия спрятала письмо в карман и держала его при себе, пока

скребла полы и чистила унитазы. Она не осмеливалась прочесть его еще раз – вдруг что-то неправильно поняла. Но наконец в мужском душе она вытащила письмо и перечитала. Стоя на коленях, она плакала в сливное отверстие.

И вот в конце января она оказалась здесь. Сидела в классе и шевелила языком так, чтобы штифтик стукался о зубы. Обхватив себя руками и полулежа на стуле, смотрела на преподавателя из-под полуприкрытых век.

Она изображала скуку, но не пропускала ни слова. Впитывала каждый звук, каждое действие. Всё-всё.

Сидевший рядом с ней и увлеченно слушавший лекцию молодой человек, рыжеволосый и с такой гейской аурой, что ее, вероятно, чувствовала даже грифельная доска, шикнул на нее.

– Завидуешь моему штифтику? – прошипела она по-английски.

Он побагровел, и Амелии стало интересно, чего он больше стыдится – того, что он гей, или того, что он англо.

Он ей нравился. Непохожий на других, он изо всех сил старался быть похожим.

– Слушай внимательно, – сказала Амелия, показывая на преподавателя, и заметила, как рыжеволосый надулся от раздражения.

Этот курс читал сам коммандер академии, и до сих пор оставалось непонятным, о чем, собственно, этот курс.

Что такое учебные стрельбы, было ясно. Однако к оружию кадеты пока не прикасались, хотя коммандер Гамаш уже вскользь упомянул «прицельное слово».

– «Я не почувствовал, как прицельное слово попало по назначенью, – ответил он на вопрос одного из кадетов: когда им будут выдавать оружие. Голос преподавателя звучал низко и спокойно. – И в тело мягкой пулей вошло».

Он улыбнулся им, потом повернулся и написал на доске фразу.

Это случилось в первый день. И каждый день впоследствии он писал новую фразу, стирая предыдущую. Кроме первой. В верхней части доски. Она до сих пор оставалась там.

Амелия спрашивала себя, знает ли этот человек с сединой в волосах и задумчивыми глазами, что он цитирует ее любимого поэта.

> Меня повесили за то, что я жила одна,
> за то, что я голубоглазая и загорелая.

Амелия могла бы процитировать все стихотворение. Она заучила его, лежа в постели. И когда эта чертова хозяйка ворвалась к ней в первую ее ночь в меблированной комнате, Амелия спрятала книгу под кровать.

Не еду. Не наркотик. Не украденный кошелек.

Нечто гораздо более драгоценное и опасное.

Книга стихов присоединилась к другим спрятанным там. К книгам на латыни и греческом. Поэтическим и философским книгам. Амелия изучала древние языки и запоминала стихи. Среди грязи. Заглушая скрип кроватей, бормотание, крики и вопли других постояльцев. Шум спускаемой воды в туалетах, ругань и вонь.

Все это стиралось поэзией.

И да, еще за груди
и грушу сладкую, что скрыта в моем чреве.
Как только разговор о демонах заходит,
все это пригождается[27].

Хозяйка боялась крыс и копов.

Но на самом деле ей следовало бояться слов и идей. Амелия понимала это. И понимала, что именно потому наркотики так опасны. Потому что они вышибают мозги. Не сердце – мозги. А затем сердце. А затем и душу.

Амелия подалась вперед и, пока профессор стоял спиной, торопливо записала фразу дня.

«Главнейший смысл счастья, – строчила она быстро, чтобы не увидел коммандер, – в том, чтобы человек был тем, кто он есть».

Амелия уставилась на написанное, а потом, почувствовав на себе чей-то взгляд, подняла голову и увидела, что коммандер смотрит на нее.

Она высунула язык и подвигала им туда-сюда, показывая штифтик. Чтобы он знал, кто она есть.

Он кивнул и улыбнулся. Затем обратился ко всей аудитории:

– Кто здесь знает девиз академии?

– Когда мы получим оружие? – прокричал какой-то парень с задней скамьи. И, заметив выражение лица коммандера, добавил: – Сэр.

Амелия фыркнула про себя. Либо будь дерзким, либо не будь. Но если ты дерзкий и тут же начинаешь лизать задницу, это глупо. Либо будь самим собой, либо не делай этого.

– Я даю вам оружие, – сказал коммандер, и Амелия снова фыркнула, громче, чем хотела.

Поскольку она вдруг проснулась, профессор обратил на нее все свое внушительное внимание.

Это было все равно что увидеть могучий корабль в шторм. Устойчивый, сильный, спокойный. Способный уцелеть не потому, что стоит на якоре, а потому, что не стоит. Способный приспосабливаться. В этом спокойствии ощущалось громадное умение контролировать себя. А с ним приходила и сила.

Этот человек был сильнее всех, кого она встречала, потому что не отдавался на милость стихий.

Теперь он смотрел на нее и ждал ответа, и она знала, что он способен ждать вечно.

– Velut arbor aevo, – пробормотала Амелия.

– Верно, кадет Шоке. И вам известно, что это значит?

– Словно дерево через века.

Самая длинная фраза, произнесенная ею с момента приезда.

– Oui, c’est ça[28], – сказал коммандер. – Но вам известно, что это значит?

Ей хотелось как-то выпендриться. Сказать что-нибудь умное либо, если не получится, грубое. Но по правде говоря, она не знала смысла этой латинской фразы и ей было любопытно.

Амелия посмотрела на доску за спиной коммандера, на слова, которые он написал там. О главнейшем смысле счастья.

Она покачала головой:

– Нет, не известно.

– Хотите узнать?

Амелия помедлила, предчувствуя ловушку, но все же коротко кивнула.

– Дайте мне знать, когда сообразите, – сказал он. – И подойдите ко мне, пожалуйста, после лекции.

«Пошел он в жопу», – подумала она, опять сползая на стуле и ощущая на себе взгляды других кадетов. Она подставилась, продемонстрировала свое невежество и даже хуже. Она продемонстрировала интерес.

И он сказал, чтобы она сама попыталась додуматься.

Амелия знала, что он собирается ее выкинуть. За дерзость. За ее татуировки, пирсинг, штифтик в языке.

> Как только разговор о демонах заходит,
> все это пригождается.

Он собирался выбросить ее за борт.

И, наблюдая за тем, как он внимательно слушает болтовню кого-то из кадетов, Амелия поняла, что он не корабль. Этот спокойный с виду человек был штормом. И она вот-вот должна была утонуть.

После лекции Амелия Шоке собрала книги. Когда остальные кадеты ушли, она направилась туда, где стоял коммандер Гамаш, дожидаясь ее.

– Mundus, mutatio; vita, opinion, – неторопливо проговорил он.

Она наклонила голову набок и перестала крутить перстень с черепом на указательном пальце.

– Моя латынь не очень хороша, – сказал Гамаш.

– Вполне себе хороша, – заметила Амелия. Она прекрасно поняла. – «Мир – изменение. Жизнь – мнение».

– Правда? – спросил он. – Я другое хотел сказать. Я думал, что говорю: «Наша жизнь есть то, что мы думаем о ней».

Он достал из сумки тонкую книжицу. Несколько секунд разглядывал ее, потом протянул потрепанный томик Амелии:

– То, что мы говорим, и то, что хотим сказать, иногда совершенно не совпадает. Зависит от того, что мы хотим услышать.

– Да, верно.

– Эта цитата отсюда, – сказал коммандер. – Я бы хотел, чтобы эта книжка была у вас.

Амелия посмотрела на книгу в его руке.

На потрепанной обложке стояло: «Марк Аврелий. Размышления».

– Нет, спасибо. Я уже поняла ваше послание.

– Возьмите ее, – сказал он. – Прошу вас. Возьмите как подарок.

– Прощальный подарок?

– Вы уходите?

– А разве нет?

– Я попросил вас подойти после лекции, чтобы пригласить вас, как и некоторых других кадетов, на стаканчик вина сегодня вечером в моей квартире в академии.

Значит, вот в чем дело. Она может остаться, но за плату. Амелия могла предполагать, кто эти «некоторые другие».

Ей придется так или иначе отработать выплаченную стипендию. Амелия уронила книгу на стол. Она не хотела и дальше залезать в долг перед этим человеком.

Коммандер Гамаш взял книгу и убрал в свою сумку. Выходя из класса, он показал на самую первую цитату на доске.

Ту, что оставалась, в то время как другие появлялись и исчезали.

Слова какого-то буддийского монаха. Другие кадеты посмеивались над ними, но Амелия записала их в свой блокнот. Самые первые слова в самом первом ее блокноте.

«Не верь всему, что думаешь».

Глава седьмая

В квартире коммандера Гамаша в академии горел камин.

После работы он по большей части возвращался в Три Сосны. Езды до дома было не больше часа, дорога приятная. Однако сегодня обещали метель, и он решил переночевать на служебной квартире. Рейн-Мари приехала вместе с ним и привезла коробку со своей работой и пакет в оберточной бумаге.

Когда они вошли в его квартиру при академии, Гамаш показал на пакет:

– Новый стул?

– Ты настоящий детектив, – сказала она с наигранным восторгом. – Но вообще-то, это пони.

– Эх. – Он потряс кулаком от разочарования. – Я ведь это и хотел сказать.

Она рассмеялась и проводила взглядом мужа, уходящего по длинному коридору начинать рабочий день.

Рейн-Мари провела день, просматривая старые документы из архива, пока Гамаш читал лекции и занимался административными делами, количество которых казалось неподъемным. Прежний коммандер пренебрегал бумажной работой, а Серж Ледюк, второй человек в академии, имел собственную повестку дня, которая, похоже, не включала эффективное руководство академией.

Но главным образом административная деятельность Гамаша сводилась к управлению оставшимися преподавателями и кадетами старших курсов. Сказать, что они противились осуществляемым переменам, было бы большим преуменьшением.

Даже те, кто с радостью воспринял уход старой гвардии, поражались масштабу перемен.

– Наверное, лучше действовать медленнее, – посоветовал Жан Ги.

– Non, – возразил профессор Шарпантье. – Без промедления сообщайте плохие новости и распространяйте хорошие. Так учил Макиавелли.

Шарпантье был одним из рекрутов Гамаша, он преподавал тактику, а для этого предмета обязательным чтением являлся «Государь» Макиавелли. Собственно говоря, курс был не столько про тактику, сколько про манипуляции.

Бовуар посмотрел на смешливого Шарпантье с большим подозрением. Тот обильно потел, словно ему приходилось выжимать из себя каждое слово. Этот молодой, худощавый, хрупкий человек нередко пользовался для передвижения инвалидным креслом.

– Мы будем осуществлять перемены разом. Без промедления, – решил коммандер Гамаш и созвал собрание персонала, чтобы поставить всех в известность.

Так начался семестр, и так началась борьба.

Это продолжалось уже неделю, и хотя ритм работы и распорядок были определены, власть Гамаша в академии оспаривалась каждый день, каждый час. Коммандера Гамаша воспринимали не как глоток свежего воздуха, а как капризного и невежественного ребенка, ломающего домик из кубиков, причем так думали даже те, кто знал, что кубики сгнили.

– Дай время, и все устоится, – чуть ли не каждый день говорил Гамаш Жану Ги.

– Ах, патрон, вот времени-то у нас как раз и нет, – отвечал Бовуар, заталкивая книги в портфель.

«Это верно», – думал Гамаш. А ведь Жан Ги не знал и половины того, что происходит.

Но в тот вечер, в конце первой недели семестра, Гамаш собирался разрядить атмосферу в академии. По крайней мере, надеялся.

Вернувшись в свою квартиру, Арман переоделся – облачился в свободные брюки, рубашку с открытым воротом и кардиган. Рейн-Мари надела кашемировый свитер с шелковым шарфиком и юбку чуть ниже колен.

Усевшись в эймсовское кресло и поставив кружку с чаем, Арман потянулся к пакету:

– Ты знаешь, что в нем?

– Нет, – ответила Рейн-Мари. – Оливье дал мне его сегодня утром, перед нашим отъездом. Сказал – для тебя. Пожалуйста, не встряхивай его.

Арман всегда встряхивал пакеты, а почему, и сам не мог толком сказать. Уж точно не для того, чтобы проверить, нет ли там бомбы, ведь от такой тряски любая бомба взорвалась бы.

Он встряхнул пакет. Прислушался. Потянул носом воздух.

Рейн-Мари ни капли не сомневалась, что он делает все это, чтобы развлечь ее.

– Нет, не пони, – с сожалением объявил Арман.

– Если бы только твои кадеты знали, какой гигант мысли читает им лекции…

– Я думаю, они это подозревают.

Вскрыв пакет, он несколько секунд смотрел на его содержимое.

– Что там? – спросила Рейн-Мари.

Он показал ей, и она улыбнулась:

– Какой он душка.

– Oui, – согласился Арман.

В пакете оказалась старая необычная карта, найденная в стене бистро. Оливье поместил ее в рамку. Сзади прикрепил открытку с надписью:

«Чтобы вы всегда находили дорогу домой».

Открытку подписали Оливье, Габри, Клара и Мирна. Рут внизу добавила свои каракули: «Когда ты неизбежно обделаешься снова».

Арман улыбнулся и, глубоко вздохнув, поднялся с удобного кресла. Он положил карту в рамке на приставной столик и подошел к огромному, во всю высоту стены, окну.

Его комнаты находились на верхнем этаже академии, и из окон открывался великолепный вид. По крайней мере, он был бы великолепен, если бы не метель и вечерняя тьма.

Теперь же Гамаш видел только собственное отражение. Метель поглотила Сен-Альфонс со всеми его огнями.

Место, где сейчас находился округ Сен-Альфонс, французы обжили одним из первых несколько веков назад, потому что их привлекла здешняя земля, ровная и плодородная. Но те самые условия, которые делали ее благодатной летом, делали ее особенно жестокой в зимнее время.

Ничто не могло помешать ветру и снегу, которые обрушивались на Сен-Альфонс с гор, завывали вдоль берегов рек, набрасывались на равнину. Единственное, что их останавливало, – это сам округ Сен-Альфонс, грудью встречавший стихию.

Из тьмы в толстое стекло ударил белый кулак, словно напоминая Арману о своем существовании. И о недовольстве.

Гамаш и бровью не повел. Но он понимал, какое благо находиться внутри, когда непогода лютует снаружи.

Раздался стук в дверь, и вошел Жан Ги.

– С каких пор ты стал стучать, mon beau? – спросила Рейн-Мари, вставая, чтобы поприветствовать зятя.

– Я не знал, пришел ли еще кто-нибудь, – сказал он, оглядывая комнату.

Жан Ги подозревал, что другим преподавателям известно о его родственных отношениях с Гамашами, но кадеты, вероятно, еще не узнали об этом. Он не хотел, чтобы кто-то посторонний видел проявление их

дружеских и семейных чувств.

Бовуар оглядел комнату острым взглядом. Всегда готовый встретить любую угрозу, будь то стрелок или открытая книга стихов.

Комната, которую он увидел, отличалась от всего, что было у Гамашей прежде.

Это пространство в академии было оформлено в стиле модерн. Модерн середины века, как выяснил Бовуар. Кресла странной формы, изготовленные отнюдь не по лекалу «Лей-Зи-Бой»[29] и ничуть не казавшиеся удобными. Поначалу Бовуар подумал, что жилье главе академии предоставляется вместе с мебелью, отвечающей чьим-то чужим вкусам, но потом узнал, что Гамаши сами обставили квартиру.

Ему не нравилось.

Он прошел по толстому ворсистому ковру, погрел руки у камина, потом взял банку колы со стола с напитками.

Раздался стук в дверь – это прибыли первые гости. В течение двадцати минут собрались все. Группа тщательно отобранных кадетов и группа не менее тщательно отобранных преподавателей.

Они разговаривали, угощались едой и напитками.

Напряженная поначалу атмосфера смягчилась с помощью веселого огонька в камине, бури, бушевавшей за окнами, выпивки и непринужденного гостеприимства хозяев – коммандера и мадам Гамаш.

Одурачить Амелию Шоке было нелегко.

Она стояла в углу между книжным шкафом и окном, ощущая через рукав холодное стекло. Время от времени снаружи доносился вой, когда в стекло ударял особенно сильный порыв ветра со снегом.

Со своего места она разглядывала комнату.

А комната разглядывала ее. Если одна пара глаз уставала от нее и находила другой объект для изучения, к Амелии тут же устремлялась другая. Словно они действовали в одной команде. Или участвовали в борьбе без правил.

Амелия пришла сюда, предполагая нечто совершенно иное. Чего она никак не ожидала, так это вечеринки с коктейлями.

Мадам Гамаш встретила ее у дверей, подвела к столику с напитками, и Амелия налила себе «Канадиен клаб»[30] с имбирным пивом.

Жена коммандера в мягком свитере с шарфиком, пахнущая мылом и розами, казалась Амелии инопланетянкой, так же как сама Амелия – остальным собравшимся.

Она понимала это. Другие кадеты испытывали к ней неприязнь, побаивались ее или посмеивались над ней. А преподаватели просто не замечали.

Кроме одного. Средних лет, невысокого, коренастого, но не толстого. Амелия представила тугие мышцы под повседневным свитером и подумала, что он, наверное, принимает стероиды.

Человек все время поглядывал на нее, но не критически. Во всяком случае, после первого острого взгляда. Его отношение к ней изменялось. Она заинтересовала его, она это видела. Но не сексуально. У нее на такие вещи глаз был натренированный.

Здесь было что-то другое. Он оценивал ее.

Это было довольно необычное сборище. Поначалу Амелия думала, что приглашены самые многообещающие, самые умные, природные лидеры. Хотя ее присутствие этим никак не объяснялось.

Но теперь, внимательнее приглядевшись к другим кадетам, она поняла, что ошибалась. Среди приглашенных были как мужчины, так и женщины. Некоторые явно англо, большинство франкофоны. В основном белые, но также одна азиатка и один черный. Один из гостей был в кресле-каталке. Она не могла определить, кадет это или преподаватель.

Никто из них ничем особенным не выделялся.

К Амелии подошла азиатка:

– Хуэйфэнь.

– Чего?

– Так меня зовут. Я на третьем курсе. Ты новенькая?

Она выжидательно смотрела на Амелию. И та подумала, что у этой женщины плохо развит инстинкт самосохранения.

– И что? – процедила сквозь зубы Амелия.

– Как тебя зовут?

– Не твое собачье дело.

Это не слишком напоминало разговор на светских вечеринках с коктейлями, о которых Амелия читала в книгах.

Хуэйфэнь кивнула, словно Амелия поделилась с ней ценной информацией. Это слегка смутило Амелию.

– Знаешь, он новенький.

Хуэйфэнь смотрела сквозь толпу гостей на коммандера Гамаша, который стоял с бокалом в руке и слушал кадетов.

– А вид у него подержанный, – заметила Амелия.

Хуэйфэнь рассмеялась.

– А это… – она показала на крепыша, который проявил интерес к

Амелии, – профессор Ледюк. Герцог. Прежде он руководил академией.

Хуэйфэнь перевела взгляд с Ледюка на Гамаша, потом подалась к Амелии, и та отпрянула, но успела услышать, как Хуэйфэнь прошептала:

– Держись от него подальше. Вижу, он тобой интересуется. Держись от него подальше.

Потом Хуэйфэнь выпрямилась и рассмеялась, словно одна из них сказала нечто умное.

Амелия посмотрела на Ледюка, потом на Гамаша. Она не поняла, кого из этих двоих имела в виду азиатка, предупреждая держаться подальше.

– Странно, почему он здесь, – сказала Хуэйфэнь, и на этот раз было очевидно, что речь идет о Гамаше. – Так или иначе, – она взглянула на Амелию, – это должно быть интересно.

Она вскинула брови и улыбнулась, потом двинулась через комнату, вроде бы не имея никакой цели. Но вскоре Амелия заметила, что цель у нее все-таки была. Попетляв немного, Хуэйфэнь остановилась рядом с Ледюком. Герцогом.

На взгляд Амелии, он нисколько не походил на герцога. В нем не ощущалось ничего царственного. Он излучал грубую энергию. Что-то первобытное, становившееся особенно заметным на фоне благовоспитанных людей.

Он одновременно отталкивал и привлекал. Не своей личностью, но тем, чем может привлекать сила. И Амелия не единственная чувствовала это.

Вокруг него собралась тесная кучка кадетов.

Хуфа, или как там она назвалась, разговаривала с ним. А потом он медленно повернул голову. И посмотрел на Амелию.

Вот уже второй раз за вечер Ледюк разглядывал ее. Долгим, задумчивым, оценивающим взглядом. Так смотрят на кусочек пазла.

Подойдет или нет? Пригодится или нет?

И Амелия подумала, что эта Хуфа, вероятно, подошла к ней по его приказу. Интересно, о чем она ему наболтала?

Мгновение прошло, связь разрушилась, и Амелия снова пустилась в одиночное плавание.

Она попивала свой виски с имбирным пивом и наблюдала, как толпа гостей то наплывает на нее, то уходит в отлив. Внезапно она поняла, что за собравшимися наблюдает кто-то еще. Преподаватель старшего поколения.

Он появился последним, все остальные уже давно пришли. Прежде Амелия не видела его. Ни в коридорах, ни в аудиториях, ни даже в столовой.

Он был новым и старым одновременно.

Этот человек стоял в одиночестве у двери, изящно держал стакан виски и оглядывал комнату. Он встретился взглядом с Амелией, и на мгновение ей показалось, что он собирается улыбнуться.

Но его проницательные глаза скользнули по ней и ушли в сторону.

Амелии стало любопытно, принадлежит ли он к старой гвардии, или это новый преподаватель, приведенный коммандером.

Наверняка старая гвардия. По виду – точно. Старый. И вид гвардейский.

Несколько мгновений она смотрела на него. Достаточно долго, чтобы он почувствовал на себе чей-то взгляд. Амелия делала это ради забавы, а еще потому, что любила играть с бритвенными лезвиями, иголками и ножами.

Затем она переключила внимание на коммандера и его жену.

Она увидела, как улыбается коммандер, потом смеется над чем-то, сказанным одним из кадетов. Они с женой сидели у камина, и на их лицах играл теплый отсвет пламени. В коммандере Гамаше ощущалась какая-то легкость. В том, как он смотрел на мадам Гамаш. В том, как он слушал и не чувствовал потребности доминировать.

Амелия перевела взгляд и заметила, что профессор Ледюк расстался с маленькой группой, окружавшей его, и подошел к новоприбывшему. Пожал старику руку. Улыбнулся. Они обменялись несколькими словами, после чего Герцог посмотрел на коммандера.

Взгляд был совсем недружеский.

И тогда она тоже посмотрела на Гамаша.

Любой человек, который может вызывать такую ненависть в другом человеческом существе, достоин того, чтобы понаблюдать за ним.

«Да, – подумала Амелия, делая еще глоток из стакана и слушая, как бесится и завывает метель за окном, – в академии, может, не так уж и забавно, но азиатка права: будет интересно».

Кадет Амелия Шоке не знала и не могла знать, как не мог знать и никто из находящихся в квартире коммандера, что не успеют еще сойти снега, как один из них будет мертв. И убьет его тоже один из них.

Слово «интересно» даже близко не отвечало тому, что надвигалось.

Глава восьмая

– Сейчас не смотрите, – наклонившись, прошептал Бовуар на ухо Гамашу. – Бребёф и Ледюк нашли друг друга.

Жан Ги наблюдал за тем, как Ледюк прикоснулся дружеской рукой к локтю человека постарше. Confrères, подумал Бовуар. Собратья. Одной крови.

Коммандер Гамаш даже не собирался смотреть в ту сторону. Вместо этого он показал на освободившееся кресло. Жан Ги осторожно взглянул туда. Кресло было из черной кожи и очень походило на пасть, которая вот-вот захлопнется.

Сдавшись, Жан Ги сел и откинулся на спинку.

– Merde, – прошептал он.

Это было, без сомнения, самое удобное кресло из всех, в каких он когда-либо сидел.

Кроме кресла, в комнате имелось немало других неожиданных вещей.

Столько всего и так быстро произошло с тех пор, как Жан Ги принял должность заместителя коммандера, что у него не было даже возможности спросить Гамаша, почему тот оставил Ледюка. И почему пригласил Бребёфа.

Оба решения он считал опрометчивыми. А вместе они казались безрассудными, на грани безумия.

Сведение этих людей в одном кампусе и без того было достаточно рискованным, но пригласить их на одну вечеринку? И дать им выпивку?

Бовуар вскользь подумал, вооружены ли они. Гамаш запретил персоналу носить оружие, даже офицерам полиции, временно приписанным к академии. И Жан Ги, вопреки воле и инстинктам, оставил свой пистолет в управлении Квебекской полиции.

На глазах Бовуара эти двое вели все более оживленный приятельский разговор. Ледюк выглядел воодушевленным, а Бребёф – более сдержанным. Кивал, соглашался.

Мишель Бребёф, бывший суперинтендант, был одним из самых влиятельных офицеров Квебекской полиции, перед тем как его с позором выгнали.

Серж Ледюк был наиболее влиятельной фигурой в академии, при нем выпускались сотни кадетов, он давал им оружие, но лишал нравственной основы.

Как тут не обеспокоиться, увидев, что эти двое разговаривают голова к голове?

– Подойти к ним? – спросил Жан Ги, собираясь подняться из чертовски удобного кресла.

– Зачем?

– Чтобы остановить их, – ответил Бовуар. – Пресечь в зародыше.

– Они найдут возможность поговорить в другом месте, – сказал Гамаш. – А здесь, по крайней мере, все происходит на виду у всех.

– Это ведь не тинейджеры, приобщающиеся к выпивке, patron, – возразил Жан Ги, пытаясь говорить ровным голосом. – Это… – Он замолчал в поисках нужного слова.

– Merde? – с улыбкой спросил Гамаш. Потом улыбка померкла, и лицо посерьезнело. – Хотя ты, наверное, искал другое слово – «зло».

– Нет, – откровенно признался Бовуар.

Он не мыслил в категориях добра и зла. Он даже не мыслил в категориях «плохой» и «хороший».

Мышление Жана Ги Бовуара отличалось простотой и четкостью. Нужно ли кого-то остановить? Нужно ли пресечь чьи-то действия? Совершается ли то или иное нарушение закона, причинение вреда, с умыслом или нет?

Эти двое все свои действия совершали с умыслом. Всякий поступок тщательно взвешивали.

Но то же самое можно было сказать и про Гамаша, который умышленно, как стало теперь понятно Бовуару, сел спиной к двери. К Бребёфу и Ледюку.

Он словно приглашал их к нападению. Или отправлял им послание.

Арман Гамаш не просто имел власть в академии. Он имел абсолютную власть. И был неуязвим. Серж Ледюк и Мишель Бребёф могли пускаться во все тяжкие, но они бы никогда не пересилили Гамаша. Об этом он не беспокоился.

Может быть, именно такое послание Гамаш передавал им сейчас, однако Жан Ги Бовуар понимал, что на самом деле это не так. И Гамаш, скорее всего, тоже понимал это.

Повернуться спиной ко злу – в этом жесте было что-то символическое. Но ничего более.

Серж Ледюк приветствовал бывшего суперинтенданта полиции, не выказывая каких-либо признаков неодобрения тому, что сделал Бребёф.

А Бребёф? Он прекрасно знал, что сделал Ледюк и что еще способен сделать.

Он приветствовал Герцога, как король в изгнании приветствует верноподданного.

– Вас это, возможно, не волнует, patron, – сказал Жан Ги, – но как насчет них?

Гамаш повернулся в кресле и взглянул на кучку кадетов, стоявших за спиной у двух преподавателей в ожидании, когда им уделят капельку внимания.

Коммандер Гамаш снова повернулся к Бовуару:

– Я не говорил, что меня это не волнует. Очень даже волнует. Именно потому я здесь.

В его голосе, хотя и спокойном, слышалось неудовольствие, даже неодобрение, и Бовуар не мог не почувствовать это.

– Désolé[31], конечно, вас это тревожит. Но разве мы не должны что-нибудь предпринять?

– Мы и предпринимаем, Жан Ги.

Гамаш сосредоточился на кадетах, которые окружили его, мадам Гамаш и Жана Ги у камина. И постарался не показывать своего беспокойства.

Мишеля Бребёфа не приглашали на прием. Его даже не ждали в академии до завтрашнего дня.

И тем не менее он оказался здесь. Словно принесенный метелью. И сразу попал в руки Сержа Ледюка. Чему тут удивляться? Разве что подосадовать можно.

И еще кое-что.

У Гамаша имелись причины способствовать встрече Ледюка и Бребёфа, но он полагал, что в известной степени контролирует их. Теперь же он понял, что его контроль гораздо слабее, чем он рассчитывал.

Повернувшись к ярко горящему камину, Гамаш почувствовал, как волосы у него на загривке встали дыбом.

Большинство преподавателей и студентов ушли, и Амелия тоже направлялась к двери, когда заметила на приставном столике сложенную упаковочную бумагу, на которой лежала картинка в рамке. Амелия взяла ее в руки.

– Что вы об этом думаете? – спросил коммандер Гамаш; девушка вздрогнула и сделала движение, чтобы положить картинку на место, но было слишком поздно.

Он ее поймал.

Она пожала плечами.

– Ну же, соображайте, – велел он, протягивая руку.

Амелия отдала ему рисунок.

– Это карта, – сказала она. – Какого-то места в Квебеке. – Она показала на снеговика с клюшкой. – Но при чем тут пирамида?

Гамаш не сводил с нее глаз. Амелия Шоке обнаружила самое странное в странном рисунке.

– Понятия не имею, – ответил он.

– Мне понравилась открытка, – сказала Амелия. – Ваши друзья ждут, что вы обделаетесь?

– Всегда.

Колечко в ее губе дернулось, выдавая удивление.

– Снова? – спросила она, показывая на последнее слово в строке, написанной Рут.

– Невозможно дожить до седых волос и не сделать нескольких ошибок, – сказал коммандер. – Вы понимаете?

Он продолжал удерживать ее взгляд, и Амелия во второй раз отметила, что в его глазах светится ум.

Она сказала себе, что это всего лишь еще один крупный белый мужчина средних лет. Она такими наелась. В буквальном смысле.

– Вы догадались, что означает девиз академии? – спросил Гамаш.

– Velut arbor aevo. «Как дерево через века». Это означает, что вы должны пустить корни.

Она знала, что ошибается. Возможно, девиз имел такое значение на поверхностном уровне, но в нем было нечто большее. Как и в человеке, который стоял перед ней.

Амелия заметила в его взгляде кое-что еще. Проницательность, словно он знал ее лучше, чем она сама. Словно что-то видел в ней, что-то такое, что ему, вероятно, не нравилось.

– Что ж, это было интересно, – сказала Рейн-Мари, когда они навели порядок и смогли наконец отдохнуть у камина. – Ты не заметил некоторого напряжения?

Она невинно округлила глаза, словно была не уверена.

– Может быть, немного, – ответил ее муж, садясь рядом с ней на диван.

– Хотите чего-нибудь? – спросил Бовуар.

Он сходил в кухню и принес блюдо с сэндвичами, держа его в одной руке, а другой заправляя в рот сэндвич.

Арман и Рейн-Мари взяли по сэндвичу.

– Мне это не понравилось, – сказал Бовуар, садясь в кожаное кресло, которое объявил своим.

– Что именно? – спросила Рейн-Мари.

– Да все это, – ответил Бовуар. – Общение с кадетами.

– С низшими слоями? – уточнила Рейн-Мари. – Мне показалось, ты наслаждался собой.

– Ну разве что немного, – признался он. – А что это за готка? Как она умудрилась поступить? Похоже, ей даже не хочется быть здесь. Некоторые из кадетов мягковаты, но они, по крайней мере, полны усердия. Она же просто…

Он задумался в поисках слова, потом повернулся к тестю за помощью.

– Нет, не зло, – выпалил Бовуар, опережая Гамаша.

– Я вовсе не это хотел сказать.

– Тогда как бы вы ее описали? – спросил Бовуар.

– Она плывет по течению, – сказал Гамаш. Помолчал и добавил: – Нет, не плывет. Тонет.

– Определенно, она неблагополучная, – вступила в разговор Рейн-Мари. – Почему ты ее принял, Арман? Насколько я помню, ей отказали в приеме.

– Что? – Бовуар с трудом выпрямился в кресле. – Ей было отказано, а вы ее приняли? Почему?

– Я пересмотрел все заявления на прием, – сказал Арман. – Приняты все те, в ком я что-то увидел.

– И что ты увидел в ней? – спросила Рейн-Мари, прежде чем Бовуар задал тот же вопрос, хотя и совсем другим тоном.

– Последний шанс, – ответил Гамаш. – Спасательный круг.

Раздался стук в дверь, и Гамаш поднялся.

– Здесь не исправительная школа, – сказал ему вслед Бовуар. – Полицейская академия – не благотворительное заведение.

Гамаш повернулся, держась за ручку двери:

– Кто сказал, что спасательный круг для нее?

Он открыл дверь – за порогом стоял Мишель Бребёф.

Рейн-Мари поднялась и подошла к мужу.

– Арман, – сказал Бребёф, потом повернулся к ней: – Рейн-Мари.

– Мишель, – проговорила она вежливо.

В его дыхании чувствовался запах виски, но пьяным он не казался.

– Извините, что заявился без приглашения. – Он улыбнулся ей смущенной мальчишеской улыбкой. – Это вышло случайно. Я приехал на день раньше из-за погоды и хотел просто сообщить о своем прибытии. А

попал на прием. Я вернулся, чтобы извиниться.

– Что-то я немного устала, – сказала Рейн-Мари Арману. – Пожалуй, пойду лягу. Мишель…

Она кивнула ему, и он улыбнулся.

Когда Рейн-Мари выходила из комнаты, Жан Ги заметил взгляд, которым обменялись супруги.

Рейн-Мари злилась из-за этого второго за день вторжения в ее частное пространство, в ее личное время. Жан Ги редко видел тещу такой сердитой. Арман тоже почувствовал состояние жены и мимолетно сжал ее руку, прежде чем она ушла в спальню и плотно закрыла за собой дверь.

– Ты, конечно, знаешь Жана Ги Бовуара, – сказал Арман, и они обменялись рукопожатием.

– Да, инспектор. Как поживаете?

– Отлично, – ответил Бовуар. – Вижу, и вы тоже.

В свое время суперинтендант Бребёф был боссом Бовуара, но он находился так высоко на служебной лестнице, что они почти не сталкивались. А теперь встретились как равные. Словно ничего не произошло.

Они все играли в одну игру. В шарады.

Одно слово. Похожее на «лицемерие».

Но Бовуар знал, что за этим кроется нечто большее. Да, Гамаши надевали маску вежливости. Однако у их отношений с Бребёфом была долгая история. Не только обид, но и глубокой привязанности.

Победит ли привязанность? Следует ли ей побеждать? Возможно ли такое? Эти вопросы не давали Бовуару покоя.

Жан Ги наблюдал за тем, как Гамаш приглашает Бребёфа войти. Бывший суперинтендант подошел к камину, ожидая, что Гамаш предложит ему присесть.

Это мгновение тянулось невыносимо долго.

Наконец Арман сделал жест рукой, и Мишель сел.

А Бовуар ушел, унося с собой нехорошее предчувствие.

Глава девятая

– Угощайся, – сказал Арман, показывая на бутылки на приставном столике.

Не дожидаясь ответа от Бребёфа, он прошел в спальню, где Рейн-Мари развешивала свою одежду.

– Ты в порядке? – спросил он, наблюдая за ее плавными движениями.

Она повернулась к нему, и Арман увидел, что она плачет.

– Ох, – все, что он сумел произнести, прежде чем заключить ее в объятия.

Немного погодя Рейн-Мари отстранилась, и он протянул ей платок.

– Сплошное расстройство, – сказала она и взмахнула платком, словно чтобы очистить воздух. – Когда я вижу Мишеля и слышу его, то на мгновение забываю. Будто ничего и не произошло. А потом вспоминаю, что случилось.

Рейн-Мари вздохнула и посмотрела на закрытую дверь.

– Ты знаешь, что делаешь? – спросила она, промокая платком расплывшуюся тушь.

– Мишель Бребёф не опасен. – Арман взял жену за руки и заглянул ей в глаза. – Он больше не представляет собой угрозу. Он бумажный тигр.

– Ты уверен?

Он кивнул:

– Уверен, ma belle. С тобой все в порядке? Хочешь, чтобы я попросил его уйти?

– Non. Все хорошо. Нужно еще почитать немного. А ты иди и развлекай этого говнюка.

Арман удивленно взглянул на нее.

Рейн-Мари рассмеялась:

– Кажется, я перенимаю манеры Рут. Это так раскрепощает.

– Точно сказано. Когда избавлюсь от Мишеля, вызову экзорциста.

Он поцеловал ее и вышел.

В час ночи Рейн-Мари выключила свет. Арман все еще находился в гостиной с Мишелем. Она слышала, как они смеются.

– Господи боже, а я начисто забыл, – сказал Мишель.

Бутылка виски переехала с приставного столика на кофейный, и уровень содержимого в ней значительно понизился.

– Как ты мог забыть профессора Мёнье? – удивился Арман, наливая обоим еще по глотку. Откинувшись на спинку кресла, он водрузил ноги в тапочках на скамеечку. – Он словно вышел из мультипликационного фильма. Выкрикивал приказы и бросал в нас мелками. У меня до сих пор шрам остался. – Гамаш показал на свой затылок.

– Нужно было увернуться.

– А тебе не нужно было его провоцировать. Он метил в тебя, если не ошибаюсь.

Мишель Бребёф рассмеялся:

– Да-да, я помню. – Его смех перешел в фырканье, а потом смолк. – Три самых долгих года в моей жизни. Академия. Те годы кажутся мне самыми счастливыми. Мы были так молоды. Даже не верится.

– Когда мы поступали в академию, нам было по девятнадцать лет, – сказал Арман. – Я смотрел сегодня на этих ребят и спрашивал себя, неужели и мы когда-то были такими. И не мог понять, когда же мы успели постареть. Кажется, времени прошло всего ничего. Меня удивляет, что мы теперь преподаватели.

– Ты не просто преподаватель, – сказал Мишель, приветственно поднимая стакан. – Ты еще и коммандер.

Он выпил и, глядя в стакан, тихо произнес:

– Почему…

– Oui? – спросил Гамаш, когда пауза затянулась.

– Ледюк.

– Почему я оставил его?

Бребёф кивнул.

– Вы двое, кажется, сегодня обсудили это. Так что ты мне скажи.

– После вечеринки он пригласил меня к себе, – сказал Бребёф. – Он кретин.

– И даже хуже, – подтвердил Гамаш.

– Да, – сказал Бребёф, внимательно глядя на собеседника. – Что ты собираешься с ним делать?

– Ах, Мишель, – вздохнул Арман, положив ногу на ногу и подняв стакан на уровень глаз, чтобы видеть Бребёфа через янтарную жидкость. – Лучше беспокойся за свою сторону улицы. Тут надолго хватит разгребать завалы. А я буду беспокоиться за свою.

Бребёф кивнул, откусил от подсохшего сэндвича и задумался. Наконец он спросил:

– Ты говорил кадетам про стих тридцать шестой главы десятой Евангелия от Матфея?

– Нет. Оставил для тебя.

Мишель попытался подняться, но не сумел. А Арман сумел. Он поднялся и встал над Бребёфом, крупный, надежный, почти угрожающий. Казалось, он и не пил сегодня.

Арман протянул руку и с силой, какой не ждал от него Бребёф в столь поздний час, поднял его на ноги:

– Тебе пора уходить. Ты должен делать свою работу.

– Но какую работу? Почему я здесь? – спросил Мишель, заглядывая мутными глазами в знакомые глаза Армана. – Мне нужно знать.

– Ты уже знаешь.

Мишель Бребёф шел по коридору, скользя костлявой рукой по стене, чтобы не сбиться с курса, и размышлял о том, что, вероятно, есть немало причин, почему Арман прилетел к нему в Гаспе и вызвал сюда. С утеса Персе. Из небытия.

Из них двоих Арман всегда был умнее. А для работы в академии требовался ум.

С того первого визита Бребёф знал, что он будет не только преподавателем. Он будет наглядным свидетельством, ходячим предостережением для кадетов. «Вот что случится с вами, если вы поддадитесь искушению. Если будете слушать падших ангелов вашей профессии».

Но после сегодняшнего вечера он начал подозревать, что этим дело не ограничится. Что от него ждут большего. Что у Армана на уме есть кое-что другое.

Если Арман не скажет, для чего он пригласил его в академию, то Мишель не скажет ему, почему принял приглашение.

У него оставался еще один вопрос, такой же неотступный.

Какова на самом деле цель Армана?

Гамаш закрыл дверь и, привалившись к ней, поднял руку к голове. Это все, что он мог сделать, чтобы не упасть на пол. Он давно уже не пил так много. И давно не погружался в столь давние воспоминания.

Оттолкнувшись от двери, он выключил свет и потихоньку двинулся в спальню, размышляя по пути, какое похмелье завтра утром будет тяжелее: алкогольное или эмоциональное.

В течение следующих недель академия уверенно вошла в рабочий ритм занятий, игры в хоккей и приема пищи. Суровых упражнений и волонтерских работ в округе.

Разум, тело и дух – вот что слышали кадеты. Снова и снова.

Это была организованная жизнь, и свободного времени хватало только на то, чтобы возмутить спокойствие возмутителей спокойствия.

Спустя какое-то время кадеты, как новенькие, так и старички, примерно поняли, чего им ожидать.

Первокурсники адаптировались быстрее старичков, которые никак не могли приспособиться к новым правилам, более жестким и одновременно более либеральным, чем при прежнем начальстве.

Новый коммандер ясно дал понять, что строгих наказаний не будет, но будут последствия. Снова и снова кадетам внушали, что каждый их поступок вызывает определенные ответные действия. Быстрые, решительные и пропорциональные. Это стало неприятным сюрпризом для многих старших кадетов, которые привыкли подлизываться к начальству.

Новая реальность дала коммандеру Гамашу много сторонников, но и много недоброжелателей.

Раз в неделю в академию вместе с Гамашем приезжала Рейн-Мари, и они принимали у себя кадетов. Эти приемы давали молодым людям возможность сообщить приватно об обидах. Задать вопросы.

Собравшись у камина, они обсуждали старые дела, трудные случаи. Нравственную неопределенность, место полиции в современном свободном обществе. Говорили о том, когда нужно занимать жесткую позицию, а когда – отойти в сторону.

Большинство молодых людей никогда не задавали себе подобных вопросов, но теперь вынуждены были задать.

Шли дни, недели, завязывалась дружба. Формировались группы. Укреплялись союзы. Вспыхивало соперничество. Появлялись враги. Сходились и расходились пары.

А Амелия Шоке оставалась одна. По собственному выбору. Сама по себе.

Если не считать собраний у Гамашей. Она ходила туда не по своему желанию. Ее приглашали, и она принимала приглашения, полагая, что выбора у нее нет.

– Что тут? – спросила у нее Хуэйфэнь в один из вечеров.

Она остановилась рядом с готкой, которая разглядывала небольшую картинку в рамке, висящую у дверей.

– А на что это похоже? – спросила в ответ Амелия.

Коммандер мог приказывать ей приходить сюда, но приказать ей любить его приемы или других кадетов было не в его силах.

– Карта, – сказала Хуэйфэнь. – Эй, Жак, взгляни-ка.

К ним подошел Жак Лорен, старший кадет, назначенный в прошлом году Ледюком и оставленный на этом месте Гамашем.

Амелия никогда не общалась с этим парнем, хотя и видела, как он муштрует свое отделение на спортплощадке. Заставляет кадетов бегать трусцой по морозу. Он был высоким и привлекательным, а его манеру держаться кто-нибудь благосклонный мог бы назвать уверенной. Амелии она казалась высокомерной.

Но тем не менее он подчинился маленькой азиатке.

– И что? – спросил он.

– Здорово, правда? – сказала Хуэйфэнь.

– Да не вяжется тут ничего, – возразил Жак. – Снеговик с розой? Так не бывает.

К ним подошел еще один кадет, встал чуть сбоку. Рыжий парнишка-гей. Амелия знала его. Натаниэль как-то там.

– Мне нравится, – сказал он, и трое остальных уставились на него.

Жак пренебрежительно фыркнул и отвернулся от новичка. Голубой новичок англо.

Но Амелия продолжала смотреть на Натаниэля, которому хватило смелости или глупости возражать старшему кадету.

Затем она снова перевела взгляд на карту.

Непонятно, почему эта картинка так притягивала ее. Увидев ее в тот первый вечер, Амелия, как и Жак, подумала, что это сплошная нелепость. Но каждую неделю во время собраний у Гамаша она останавливалась перед картинкой на стене.

Что означает корова? Снеговик? Деревья, похожие на детей?

Картинка казалась глуповатой, но и печальной. Амелии это представлялось странным. Может быть, поэтому карта ее и притягивала.

Гамаш заметил собравшихся кадетов, подошел и снял карту со стены. Посмотрел на нее, потом обвел взглядом обращенные к нему лица.

– В этом есть загадка, – сказал он. – Кто-нибудь скажет какая?

Он дал карту Хуэйфэнь, та пригляделась внимательнее и пустила карту по кругу.

– Почему она висит у вас на стене? – поинтересовался Жак. – Я не вижу в ней ничего выдающегося.

– Тогда почему вы на нее смотрите? – спросил Гамаш.

Старший кадет ростом не уступал коммандеру, но еще не успел набрать тела. Не обрел солидности.

– Нет ничего плохого в том, чтобы выставлять напоказ диковинку, – сказал Гамаш. – И к тому же это лакмусовая бумажка для следователя. Чем

больше вы будете интересоваться разными предметами и людьми, тем лучше проявите себя на службе.

Коммандер Гамаш опустил глаза на картинку.

– Здесь изображено место, где живем мы с мадам Гамаш. Это подарок друга.

Приняв решение, он повернул рамку задней стороной и осторожно вытащил картинку.

– У меня для вас задание, – сказал он четверке кадетов. – Разгадайте тайну этой карты.

– Но она не связана с преступлением, – заметил Натаниэль. – Или связана?

– Не всякая тайна связана с преступлением, – ответил коммандер. – Но каждое преступление начинается как тайна. Секрет. Какая-то скрытая мысль или чувство. Желание. Поначалу в нем нет ничего противозаконного, однако со временем оно эволюционирует в преступление. Все преступления, которые я расследовал, начинались с секрета.

Он посмотрел на них очень серьезно.

– У вас у всех есть свои секреты. Вы, наверное, удивитесь, если узнаете, о скольких из них мне известно.

– А у вас, сэр? – спросила Хуэйфэнь. – У вас есть секреты?

Гамаш улыбнулся:

– Много. Я – настоящий склад неосторожных поступков других людей.

– Она имела в виду ваши секреты, – сказала Амелия.

– Конечно, есть вещи, которые я держу при себе, и да, у меня есть секреты. Большинство наших секретов вполне невинны. Вещи, о которых мы стыдимся сказать другим, потому что они выставляют нас в дурном свете. Но имеются такие секреты, которые разъедают нас изнутри и в конечном счете губят. Вот их-то мы, полиция, и ищем. Мы расследуем преступления, но сначала мы расследуем людей. Узнаем то, что они не хотят выдавать посторонним. Секреты – это не драгоценности. Секреты не дают вам силы. Они делают вас слабыми. Уязвимыми.

Он взглянул на картинку.

– Навыки, которые вам потребуются для расследования преступлений, те же самые, которые нужны, чтобы разгадать тайну карты. Я хочу, чтобы вы поработали вместе, как одна команда, и дали мне ответы.

– Вместе? – переспросил Жак.

– Может, нам разделиться на две команды? – предложила Хуэйфэнь. – Старички против новичков?

– Постой, – возразил Натаниэль. – Это несправедливо.
– Почему? – спросила Амелия, хотя знала ответ.
– А как насчет парни против девушек? – спросил Натаниэль.
– Никаких «против». Работайте вместе, – сказал Гамаш. – Как одна команда. В полиции мы не выбираем напарников. Нам их назначают. Привыкайте.
– Это на оценку? – спросил Жак.
– Нет, для приобретения опыта. Если не хотите, просто откажитесь. Мне все равно.
Жак посмотрел на карту и, противореча сам себе, решил, что хочет знать.
– Я участвую.
– Bon. Я сделаю копии и раздам вам завтра до конца занятий.
Весь остаток вечера кадеты, собравшись в кучку, разрабатывали план действий.
На следующий день каждый из четверки получил копию карты, а еще через день в дверь кабинета Гамаша постучали.
– Oui, – сказал он, отрываясь от бумаг.
Вошли Хуэйфэнь, Жак, Натаниэль и Амелия. Гамаш снял очки для чтения и показал на места для посетителей.
– Мы разгадали тайну, – сказал Жак.
– Ну, ты-то не очень заморачивался, – заметила Амелия.
– Я был занят.
– Ага. Как старший кадет. Я слышала.
– Я проделал бóльшую часть работы, – сказал Натаниэль.
– Как ты можешь… – начала Хуэйфэнь, но тут коммандер поднял руку, и воцарилось молчание.
Он обратился к Жаку:
– И?..
– Такого места не существует. – Жак пренебрежительно махнул рукой, указывая на картинку. – Это не может быть вашим домом, если только вы не живете в пещере или в дупле. Там нет никаких деревень. Ничего. Лишь лес и горы. Мы проверяли по «Гугл-картам» и навигатору.
– Я даже нашел старые карты Восточных кантонов, – сказал Натаниэль. – Здесь вот Уильямсбург, здесь Сен-Реми. Кауансвилл. Но никакой деревни, вокруг которой нарисована эта карта.
– Три Сосны, – уточнил Гамаш.
– Вы солгали, – заявил Жак.
– Осторожнее со словами, кадет, – сдержанно произнес Гамаш.

– Но тайну мы раскрыли, да? – спросила Хуэйфэнь. – Карта вымышленного места. Зачем кому-то рисовать такую карту? Вы ведь хотели, чтобы мы выяснили именно это?

Гамаш встал и, подойдя к двери, показал им на выход.

Они остановились в коридоре, глядя на закрывшуюся за ними дверь.

– Где-то мы промахнулись, – сказала Амелия, позвякивая своим штифтиком.

– То, что ты назвал его лжецом, не пошло на пользу, – заметила Хуэйфэнь. – Зачем ты так? Он же коммандер.

– Только по названию, – буркнул Жак.

– Разве этого недостаточно?

– Тебе не понять.

– Возвращаясь к карте, – сказала Амелия. – Мы были правы, да? Такого места не существует.

– И все же коммандер сказал, что он там живет, – сказала Хуэйфэнь.

– Он морочит нам голову, – пробурчал Жак. – Герцог об этом предупреждал.

– Я знаю лишь один способ выяснить, – сказала Хуэйфэнь.

Арман посмотрел в зеркало заднего вида. Они не отставали.

Вечер только начинался, но темнота уже опустилась на землю. Он обнаружил их, как только выехал с парковки академии и направился домой.

Поначалу он думал, что там всего одна машина, но спустя несколько километров заметил вторую, которая шла, чуть поотстав.

Он одобрительно кивнул. Значит, кто-то в классе слушал его внимательно.

Начался март, и зима все еще держала Квебек в холодных объятиях. Лучи фар выхватывали из темноты рваные края сугробов по обеим сторонам второстепенной дороги. Вечер стоял ясный, морозный, две машины по-прежнему следовали за ним.

А потом он потерял их. Точнее, они его потеряли.

Гамаш со вздохом заехал на парковку возле «Тима Хортонса»[32] на окраине Кауансвилла. Он остановился под фонарем и стал ждать. Первая машина сделала один круг, второй, на третьем они заметили его, развернулись и остановились на почтительном расстоянии.

Вторая машина сумела проследовать за ним и съехала с дороги в ста ярдах от него, за пончиковой.

Гамаш предположил, что это Хуэйфэнь. Может быть, с Жаком. Но он не мог понять, почему они не позвали кадетов из первой машины, когда

остановились.

Пожалуй, им нужно преподать еще один урок работы в команде.

Как только Гамаш выехал с парковки, первая машина тут же тронулась за ним: ее пассажиры больше не собирались терять его из виду. Вторая поехала следом.

Да. В действиях второй машины чувствовалось больше умения. Уверенности.

Гамаш решил ехать домой наиболее живописным маршрутом.

– Куда он едет? – спросила Хуэйфэнь.

– Не знаю, – ответил Жак, уставший и проголодавшийся. – Это бессмысленно.

– Может, он заблудился, – сказала Амелия.

– Может, ему никак не найти дверь возвращения в параллельную вселенную, – сказал Натаниэль.

Никто толком не понимал, когда он шутит, а когда говорит серьезно.

– Кто-нибудь запоминал, как мы ехали? – спросила Амелия. – Я уже заблудилась.

– Запоминать поручили тебе, – сказала Хуэйфэнь.

– Мне? Я сижу на заднем сиденье. Я вообще ничего не вижу.

– Ну а я за рулем.

Они поспорили еще немного, пока на дороге не стемнело. Стало совсем темно. Никаких уличных фонарей. Никаких габаритных огней. Ни одной машины.

– Tabernac[33], – выругался Жак. – Ну и куда он делся?

Гамаш покачал головой.

– Я буду немного позже, чем рассчитывал, – сообщил он через блютуз.

– Опять потерял их? – спросила Рейн-Мари. – Что ж, я накрою стол еще на четверых. Они проголодаются, пока снова найдут тебя.

– Merci.

Гамаш отправился на поиски кадетов и наконец нашел их возле бензозаправки. Он подъехал туда и решил заправиться, хотя бензина у него хватало. Просто хотел увидеть их реакцию. А также объяснить свое присутствие здесь.

– Черт, вот он, – сказала Амелия, сползая на пол с заднего сиденья. – Все вниз.

Они настолько заигрались, что почти убедили себя, что их жизнь и

жизнь других людей зависят от того, насколько успешной будет их погоня за этим человеком.

Они опустились вниз. Так низко, что не заметили, как коммандер выехал с заправки.

Гамаш вздохнул и притормозил на выезде с заправки, не выключая мигалку. Он разве что не гудел, чтобы привлечь их внимание.

«Первым делом утром, – подумал он, – встречусь с преподавателем Маккиннон и попрошу, чтобы она освежила в памяти кадетов основы слежки за подозреваемым».

Устав от игры и проголодавшись, коммандер Гамаш поехал прямо домой. Преследователи пристроились за ним.

– Не потеряй его, – велел Жак.

– Постараюсь, – откликнулась Хуэйфэнь.

Она умирала с голоду, а им еще предстояло сообразить, как вернуться в академию. Они наверняка пропустят ужин, и им придется либо взламывать кухню, либо довольствоваться крекерами, припрятанными в комнатах.

Двигавшаяся впереди машина коммандера вдруг исчезла из виду, словно свалилась в пропасть.

– Что случилось, черт возьми? – спросил Жак.

Хуэйфэнь сбросила газ, проехала некоторое расстояние и остановилась.

– Черт побери, – прошептала она.

У нее за спиной вытянули шею Амелия и Натаниэль.

Внизу под ними, среди темного леса, раскинулась сияющая деревня.

Хуэйфэнь заглушила двигатель, и кадеты вышли и сделали несколько шагов вперед. Их ботинки хрустели по снегу, теплое дыхание клубилось над головой.

Им показалось, что они стоят на краю света.

Амелия запрокинула голову, ощущая щеками холодок морозного воздуха.

Высоко в небе бесчисленные звезды соединялись в фигуры лошадей и птиц, всяких волшебных существ.

А под звездами лежала деревня.

– Она таки существует, – прошептал Натаниэль.

Машина Гамаша медленно ехала мимо старых домов: кирпичных, сложенных из плитняка, обитых вагонкой.

Из окон со средниками лился свет и сверкал на снегу.

В дальнем конце деревни кадеты увидели людей, входящих в нечто похожее на ресторанчик и выходящих оттуда, хотя разглядеть все как следует мешали три огромные сосны в самом центре деревни.

– Поехали назад. – Натаниэль дернул Хуэйфэнь за рукав.

Но девушка не тронулась с места:

– Ну уж нет. Мы должны выяснить наверняка.

– Выяснить что? – спросил он. – Мы поехали за ним и нашли эту деревню. Вот в чем тайна. Не в том, что ее не существует, а в том, что она существует. Поехали отсюда, пока не напросились на какую-нибудь неприятность.

– Разве тебе не любопытно? – спросила у него Амелия.

У них на глазах машина Гамаша остановилась перед двухэтажным белым домом, обитым вагонкой, с ярко горящими окнами. Из трубы в холодный трескучий воздух устремлялся дымок. Клубами. Словно дом дышал.

Коммандер вышел из машины, но, вместо того чтобы идти по тропинке, проложенной в снегу до веранды, он повернулся и двинулся в другом направлении. К ним.

– О черт. Не двигайтесь, – прошептал Натаниэль. – Он увидит движение. Услышит нас.

У подножия холма коммандер остановился и поднял голову.

– Тихо, – прошептал Натаниэль. – Ни звука.

– Сам ни звука, – прошипела Амелия.

– Обед готов! – крикнул в темноту Гамаш. – Boeuf bourguignon[34], если вас интересует.

После чего двинулся обратно, ступая по следам, оставленным покрышками в снегу. Он остановился, наблюдая за машиной, которая спустилась по склону холма и обогнула деревенский луг. Одна-единственная машина. Гамаш поднял голову и увидел слабый свет, приближающийся к краю холма. Потом свет стал отступать. Он полз назад, пока вершину холма не накрыла полная темнота.

Арман Гамаш медленно пошел по тропинке к дому. Думая. Понимая, что ошибся.

Все кадеты ехали в одной машине.

Кто же находился во второй?

Глава десятая

– Вы на нас злитесь? – спросил Натаниэль.

– Злюсь? – переспросил Гамаш, передавая ему корзинку со свежими булочками. – А с чего мне злиться?

– Ну, мы следили за вами, – пояснил юноша, хватая теплую булочку и отогревая ею замерзшие пальцы.

– В какой-то мере – да. Я сержусь, но не из-за того, что вы следили, а из-за того, *как* следили.

– И мы подвергли сомнению ваши слова, – сказала Хуэйфэнь. – Мы думали, вы нас обманываете, когда говорите, что живете в деревне.

Голос ее затих, когда она увидела, как мадам Гамаш накладывает большие куски тушеной говядины на тарелки с яичной лапшой.

Молодые люди смотрели так, будто никогда прежде не видели еду.

Кроме Амелии, которая играла в гляделки еще с одним человеком за столом.

С древней старухой. И с ее уткой.

Коммандер Гамаш улыбнулся:

– Сомнения не такая уж плохая вещь для агентов Квебекской полиции. Вы сделали именно то, чего я и ожидал. Вы не поверили мне на слово и стали искать доказательства.

– Но почему деревни нет на картах? – спросил Жак, обращаясь к куску boeuf bourguignon на своей вилке.

– Куча маленьких деревень показаны, – сказала Хуэйфэнь, с трудом отрывая взгляд от мяса, чтобы посмотреть на Гамаша. – Мы не поверили, что вы живете здесь, потому что ваша деревня не нанесена ни на одну карту.

При этих словах Рейн-Мари улыбнулась и протянула руку к тарелке Натаниэля. Он съел первую порцию со скоростью, какой позавидовал бы Анри, и теперь Рейн-Мари выуживала для него из ароматного бульона с луком и морковкой новые куски нежной говядины.

Питание в столовой академии улучшилось после расторжения контракта с крупной сетевой компанией и приема на работу шеф-повара из местных. Но тут была совсем другая еда.

Амелия быстро прикончила свою порцию. Она наклоняла голову над тарелкой, заталкивала еду в рот и глотала, почти не пережевывая. Затем вытерла тарелку хлебом, съела все до крошки и села, скрестив руки на

груди.

Старуха тоже откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди. У Амелии создалось впечатление, что если бы эта дьявольская утка могла скрестить крылья, то непременно так бы и поступила. Старуху представили как соседку Гамашей по имени Рут, и она, похоже, намеренно подражала всем действиям Амелии. Когда Амелия потянулась за лимонадом, старуха сделала то же самое.

Только в стакане Амелии была кола, а у старухи – виски.

Когда ела Амелия, ела и старуха. Когда Амелия откинулась назад, старуха повторила ее действия.

А сейчас они играли в «кто кого переглядит».

– Что ж, вы нашли деревню, – сказал Гамаш. – И разгадали первую тайну. И теперь вам предстоит разгадать вторую тайну: почему деревни нет ни на какой другой карте, кроме этой.

– Ее нет даже на «Гугл-картах», – пожаловалась Хуэйфэнь. – А навигатор показывает, что мы остановились посреди леса.

– Заехали в никуда, – добавил Жак.

– Навигатор все еще пытается сориентироваться, – сказал Натаниэль. – Он переживает за нас.

Хуэйфэнь взяла старую карту с соснового стола и снова принялась ее разглядывать.

– А вы знаете ответ? – спросила она, переводя взгляд с коммандера на мадам Гамаш и обратно. – Почему деревни нет нигде, кроме этой карты?

Оба отрицательно покачали головой.

– Меня напрягает, почему здесь нарисованы такие вещи, которых нет ни на одной нормальной карте, – сказала Хуэйфэнь.

– Например, снеговик и корова, – подхватил Жак, подаваясь к ней. – Почему снеговик? Он не может быть каким-то дорожным указателем – снеговики тают.

– А еще тут пирамида, – заметил Натаниэль.

– Может, это просто такой способ провести время, – сказала Хуэйфэнь. – Вроде старинных вышивок. Как они называются?

– Орнамент, – подсказала Рейн-Мари.

– Это не орнамент, – возразила Амелия, не отрывая глаз от старухи. – Тоненькие линии – это контуры. Они показывают профиль местности. Это настоящая карта.

– Но зачем ее сделали? – спросила Хуэйфэнь.

– Вот вам и третья тайна, которую скрывает карта, – сказал Гамаш. – Каково ее назначение?

Когда они впервые увидели эту карту на стене в комнате Гамаша, она показалась им почти смехотворной, а теперь выяснилось, что она полна загадок.

– То, что Трех Сосен нет на официальных картах, не так уж и плохо, – заметила Рейн-Мари. – Значит, нас тут не тронут.

– Слишком поздно, – сказала Амелия, намекая на тронутую Рут.

Арман ничего не сказал, вспомнив свет на вершине холма.

– Откуда вообще взялась эта карта? – спросила Амелия, отводя взгляд от сумасшедшей старухи.

На протяжении всего обеда в кухне витали запахи корицы и коричневого сахара, перемешивавшиеся и переплетавшиеся с грубоватым ароматом boeuf bourguignon и булочек.

А теперь Арман встал и извлек что-то из духовки, после чего запах стал еще ощутимее.

Он снял рукавички для духовки и ответил Амелии:

– Карту мне подарил человек, который ее нашел. Он увидел, что мне нравится рисунок.

– Ее нашел не Оливье, – рявкнула Рут. – Ее нашла я.

Это были первые произнесенные ею слова, если не считать «пошла в жопу», адресованного Хуэйфэнь, которая хотела помочь дряхлой старушке усесться за стол.

– Верно, – кивнула Рейн-Мари. – Но карта принадлежит Оливье. Не знаю, заметили ли вы бистро, когда приехали. Им владеют Оливье и его партнер Габри.

– А где он ее нашел? – спросила Амелия. – Нарисовали ее не вчера, и, вероятно, она пролежала где-то много лет.

– Она была в стене, – ответила Рут, которая тоже отвела глаза от Амелии и уставилась на копию рисунка на сосновом столе.

А утка продолжала сверлить Амелию взглядом и победила, переглядела.

– Ее замуровали в стену, – сказала Рут.

– Как? – удивился Натаниэль. – Почему?

– Почему? – повторил коммандер, расставляя перед ними вазочки с яблочными и малиновыми чипсами и тающим ванильным мороженым. – Очень хороший вопрос.

По их лицам он видел, что кадеты начинают понимать: расследование не будет простым. Оно похоже на эту карту с контурными линиями и петляющими дорогами. И препятствиями. А время от времени вы сталкиваетесь с чем-то совершенно неожиданным.

– Зачем прятать карту в стену? – спросил Гамаш.
– Она ждала там, – ответила Рут.
– Ну-ну, Рут, – пожурила ее Рейн-Мари. – Не играйте в игры разума с нашими молодыми гостями.
– Это не игра. В карте есть что-то странное. Я чувствую. И я знаю, что ты тоже.
Она обращалась к Арману. Дождавшись его короткого кивка, старуха обратилась к Амелии, возобновив игру в гляделки:
– И ты тоже чувствуешь.
– Я ничего не чувствую. Все это совершенно не важно. Просто упражнение, – сказала Амелия. – Задание. Ничего больше. Причем даже не самое интересное задание.
– Тогда почему ты здесь? – спросила Рут, с трудом поднимаясь со стула.
На сей раз никто не попытался ей помочь. Она пошла к двери, Арман – следом за ней.
– Некоторые вещи исчезают не без причины, Арман, – сказала она, а потом повернулась к кадетам, сидящим за столом.
Такие молодые. Притворяются, что совершенно равнодушны к этой жутковатой старухе. Но их выдают широко раскрытые глаза.
– Вы спросили, чего ждала карта. Может быть, она ждала вас, – сказала Рут. – Вы нашли деревню, и, возможно, этого достаточно. Возможно, вам лучше здесь и остановиться. «Не дай вам бог попасть в тот ад, где молодость и смех громят»[35].
– Вот женщина, которая умеет эффектно уйти, – сказала Хуэйфэнь, когда Рут ушла.
Рассмеялась даже Амелия. Хотя и ожидала узреть клубы своего дыхания во внезапно похолодевшем воздухе.
В окно кухни они увидели коммандера Гамаша, который поддерживал Рут на скользкой дороге. Утку он прижимал к себе, чтобы не замерзла.
– Альцгеймер? – спросила Хуэйфэнь.
Рейн-Мари отрицательно покачала головой:
– Поэзия.

– Bonne nuit, – сказал Арман, когда Рут открыла свою незапертую дверь и он протянул ей Розу.
– Да, хорошо, – сказала Рут, собираясь захлопнуть дверь перед его носом.
– Постойте… – Арман придержал дверь рукой. – Почему вы сейчас

процитировали Зигфрида Сассуна?

– Почему я говорю то или иное? Пусть каждый решает сам.

На этом она закрыла дверь, и Арман пошел домой, остановившись ненадолго полюбоваться звездами. Многих из них уже не существовало. Остался только их свет.

Потом его взгляд упал на деревню. Которая существовала и одновременно не существовала.

Карту замуровали в стену. Она стала частью здания. Выполняла роль изоляции, защиты. Помогала спасаться от зимнего холода.

Но ее извлекли из стены, и холодные ветра снова выли, снова наступали.

Он поплотнее запахнул куртку и, проходя мимо кухонного окна своего дома, остановился и заглянул внутрь. Рейн-Мари сидела, уперев подбородок в ладонь, и слушала кадетов. Она была так красива. А они – так молоды.

Гамаши пригласили кадетов остаться на ночь, и, пока Рейн-Мари доставала для них свежие пижамы и зубные щетки, Арман позвонил в академию предупредить, чтобы об этой четверке не беспокоились.

Несколько часов он провел в своем кабинете, просматривая программы, намечая даты предстоящих встреч с преподавателями и представителями администрации округа, а Рейн-Мари разбирала в гостиной архивные материалы.

Кадеты, посидев спокойно около наносекунды, решили отправиться в бистро.

После полуночи Арман услышал, как открылась входная дверь. Рейн-Мари давно ушла спать, а он остался ждать молодежь.

Кадеты остановились в дверях его кабинета, где он сидел, закинув ногу на ногу, в очках и с открытой папкой.

– Доброй ночи, сэр, – сказал Натаниэль.

– Спасибо за обед, – сказала Хуэйфэнь. – И за то, что позволили нам остаться.

– Повеселились в бистро? – спросил он.

– Хозяин показал нам, где была спрятана карта, – ответил Жак. – Но добавить к этому ничего не смог.

Амелия прошла мимо дверей, не остановившись, и затопала вверх по лестнице, к кровати. Остальные последовали за ней. Закончив читать, Гамаш встал, запер входную дверь, проверил задний вход и окна. Впрочем, он знал, что, если опасность существует, она не прячется в засыпанном

снегом саду. Как и в случае с Великой Китайской стеной, большинство опасностей таились внутри.

Ночью Армана разбудил скрип старого дерева.

Он сел в кровати и настороженно прислушался.

Потом надел халат и тапочки, бесшумно подошел к верхней площадке лестницы и пригнулся.

Оттуда он увидел фигуру, входящую в гостиную из кухни.

Неужели это человек из второй машины? Тот, кто ехал за ними, а потом исчез? Для того чтобы появиться в два часа ночи?

Человек двигался по гостиной. Угли в камине почти погасли. Но их света хватило, чтобы разглядеть темную фигуру, хотя и не настолько хорошо, чтобы опознать.

Наконец человек зажег свет, и Гамаш чуть не упал на задницу. В гостиной, обгладывая куриную ногу, стояло нечто похожее на неудачный результат научного эксперимента. Или на сумасшедшего.

Голова готки, начиненная пирсингом и покрытая татуировками, сидела на розовом теле в цветочек. Амелия, одетая во фланелевую ночную рубашку Рейн-Мари, обшаривала их дом.

Гамаш сделал еще одну заметку на память: поговорить с профессором Маккиннон и попросить ее пройти с кадетами правила проведения тайного обыска.

Пункт первый: получить ордер.

Пункт второй: не включать свет.

Он тряхнул головой, вспоминая, какие глупости они совершали с Мишелем Бребёфом. Хотя им и в голову не приходило обыскивать дом коммандера.

* * *

Амелия изучила книги на полках, потом взялась за семейные фотографии коммандера. Ее жирные от курицы пальцы оставили пятна на снимках. Наконец она добралась до свадебной фотографии. Женщина, по-видимому дочь Гамашей, теперь взрослая и в свадебном платье, а рядом с ней ее новоиспеченный муж.

Амелия постучала штифтиком по зубам.

Арман точно знал, на что она смотрит, хотя и не видел выражение ее лица. Когда кадеты пришли, он подумал, не убрать ли фотографии, но

решил не убирать. Фотографии – вещи семейные, но не секретные.

И ему хотелось знать, заметил ли их кто-нибудь из кадетов.

Свет в гостиной погас, и Арман приготовился скрыться в своей спальне, как только услышит ее шаги по лестнице. Однако знакомого скрипа ступенек не последовало. Вместо этого загорелась другая лампа. В его кабинете.

Это было уже чересчур. Он спустился по лестнице и обнаружил Амелию в своем кресле. Она разглядывала еще одну фотографию.

– Поставьте на место, – велел он и увидел, как она вздрогнула от удивления.

Он остановился в дверях.

Амелия поставила черно-белую фотографию на стол.

– Так, как она стояла прежде, – сказал Гамаш.

Она поправила фотографию, глядя на улыбающегося человека в старомодной шляпе и зимнем пальто и женщину в аккуратном суконном пальто, перчатках и шляпке. Женщина держала на руках ребенка, укутанного от квебекских холодов так, что казалось, будто это корзинка с одеждой. Видна была лишь крохотная ручка, ухватившая ее за палец.

На мгновение Амелия подумала, что это месье и мадам Гамаш, но потом поняла, что фотография гораздо старше.

– Ваши родители? – спросила она.

– Вы воспользовались нашей добротой, – сказал он.

– Я просто искала, какую бы книгу почитать.

– Могли бы спросить.

– В два часа ночи? Не хотелось вас беспокоить.

– Это приватная комната. Вещи здесь личные, и вы это прекрасно знаете.

– Личные? – переспросила она, вставая. – Или секретные?

– Пожалуйста, уходите.

Наверху в своей комнате, лежа в кровати, Амелия вытащила книгу, которую нашла на стеллаже внизу.

«У меня все ОТЛИЧНО», книга Рут Зардо, одной из ее любимых поэтесс.

Она прочла подзаголовок и рассмеялась. «Отвратительно, Тошнотворно, Лейкозно, Истерично, Чахоточно, Нудно, Омерзительно».

Зарывшись в одеяло, Амелия съела последнюю выпечку, похищенную из кухни, и принялась листать страницы. Некоторые стихотворения она уже знала. Некоторые видела в первый раз.

Ты была мотыльком,
что коснулся моей щеки
в темноте.
Я убила тебя,
не зная, что ты
всего лишь мотылек
и у тебя нет жала.

Амелия положила раскрытую книгу на колени и стала размышлять о том, что представляла собой академия до Армана Гамаша. Когда ею управлял профессор Ледюк.

Жак сказал, что прежде было гораздо лучше, а Гамаш уничтожает академию, ослабляет ее и полицию. Амелия понимала, что он, как попугай, повторяет слова Герцога, но не знала, так ли оно на самом деле. А Хуэйфэнь хотя и не соглашалась с тем, что говорил Жак, но и не возражала против его слов.

Никаких похвальных грамот в кабинете Гамаша не висело. Никаких его фотографий в форме. Ледюк говорил, что Гамаш – позор полиции, что его вынудили уйти в отставку. И еще по академии ходили слухи о каком-то коррупционном деле.

Амелия не могла поверить, что распространяемые слухи имеют какое-то отношение к Гамашу, хотя и знала, что люди на самом деле нередко совсем не то, чем кажутся.

Она потянулась к своему айфону, чтобы погуглить Армана Гамаша. Собиралась сделать это с самого первого дня в академии, но ее все время отвлекали более насущные вещи. Например, как прожить начавшийся день.

Нет соединения. Амелия разочарованно бросила телефон на кровать. Она забыла, что Интернета здесь нет. Не только картографы забыли о Трех Соснах – о деревне явно забыло само время. И новые технологии.

Она натянула на себя одеяло, размышляя, какой же он на самом деле, Арман Гамаш. Известно ли ему, что Хуэйфэнь, Жак и даже Натаниэль регулярно наведываются к профессору Ледюку?

Герцог встречался с несколькими избранными кадетами. Знает ли Гамаш, что она тоже среди избранных?

Выбор был сделан, лояльность объявлена, игра в Али-Бабу закончилась.

Наконец веки у нее стали смыкаться, и она уже хотела выключить свет, как вдруг заметила на обложке потрепанного томика дарственную надпись.

«Клузо, которому в один прекрасный день будет ОТЛИЧНО. Рут».

Рут?

Рут?!

Амелия села на кровати и уставилась на книгу, потом посмотрела в окно на деревню. Ту, которая то исчезала, то появлялась и скрывала за своими толстыми стенами немало разных тайн.

Глава одиннадцатая

Прошла еще неделя, и они целиком ушли в учебу.

Некоторые кадеты старших курсов продолжали ворчать, но все меньше и меньше. Не обязательно потому, что они примирились с реалиями нового положения, просто были слишком заняты, чтобы сетовать.

Однажды ранним утром Гамаш разговаривал по телефону с Рейн-Мари из своей квартиры. Накануне вечером он встречался кое с кем и решил переночевать в академии.

– Я говорила тебе, что Клара вчера обзавелась щенком? – спросила Рейн-Мари.

– Из того выводка, о котором она говорила? Так уже сколько времени прошло.

– Нет, Билли Уильямс нашел этих в мусорном бачке.

Гамаш глубоко вдохнул и выдохнул слово «люди». Не в качестве приговора, скорее выражая удивление. Как в одной породе может соединяться столько намеренной жестокости и столько доброты?

– Клара взяла одного щеночка. Назвала его Лео. Он очаровательный. Но есть кое-что…

Это все, что она успела сказать. На другом конце линии она услышала отдаленный крик. Слов Рейн-Мари не разобрала, но панику распознала.

– Мне нужно идти, – сказал ее муж, и в трубке воцарилась тишина.

Гамаш натянул халат на пижаму, выскочил в коридор и побежал в сторону крика, который становился все громче.

Один голос. Мужской. Молодой. Испуганный. Ужас эхом отражался от мраморных стен и пола, усиливался.

– Помогите! – звал голос. – Помогите! – Третий слог удлинялся. – Помоги-и-и-и-ите! – Скорее звук, чем слово.

Другие преподаватели выбегали из своих комнат и следовали за Гамашем. Пробегая мимо двери Жана Ги, он, не останавливаясь, стукнул по ней кулаком.

Он услышал, как сзади открылась дверь и знакомый голос сонно произнес:

– Какого… Господи Исусе!

Крики впереди прекратились. Однако коридор был по-прежнему заполнен страхом.

Гамаш завернул за угол и увидел Натаниэля Смайта, прижавшегося спиной к стене. На полу лежал поднос с разбитым стеклом и фарфором вперемешку с едой.

Встав перед парнем, чтобы перекрыть поле его зрения, Гамаш быстро, опытным взглядом оценил его состояние.

– Ты не ранен? – спросил он.

Натаниэль, которому никак не удавалось сфокусировать на Гамаше широко раскрытые глаза, покачал головой.

– Присмотрите за ним, – велел Гамаш кому-то, кто первым оказался рядом с ним. – Отведите ко мне. Не выпускайте из виду.

– Что случилось? – спросил Жан Ги Бовуар, останавливаясь рядом с Гамашем.

Появлялись другие преподаватели, вытягивали шею, пытаясь увидеть, что случилось. Но коммандер загораживал от их взгляда открытую дверь и то, что за ней.

Он и сам еще не видел, что там, но, как только Натаниэля увели, он повернулся в ту сторону.

– Вызови полицию, – сказал он Бовуару, продолжая смотреть в комнату. Потом добавил: – Вызывай Изабель Лакост.

– Oui, patron.

Бовуар ничем не выдал своего удивления. Хотя слово «потрясение» было бы точнее.

Он знал, что это означает. Что видит Гамаш.

Жан Ги побежал в свою комнату – звонить. В коридоре он встречал встревоженных, взбудораженных людей, спрашивающих, что случилось.

Приходило все больше преподавателей, а за ними – другой персонал, а за ними стали подтягиваться первые из кадетов.

– Заприте двери академии, – приказал Гамаш двум из преподавателей. – Никому не входить и не выходить.

Они поспешили выполнить приказ.

Другие преподаватели толпились в коридоре, пытаясь разглядеть, что произошло в комнате. Но Гамаш загораживал им вид.

– Старшие преподаватели курсов, – сказал он, обведя взглядом людей в коридоре.

Вперед вышли три преподавателя:

– Да, коммандер.

– Убедитесь, что кадеты в безопасности. Соберите их в столовой и пересчитайте по головам. Пусть остаются там. Накормите их завтраком, но пусть никто не покидает помещение до моего распоряжения. – Он окинул

преподавателей пристальным взглядом. – Понятно?

– Понятно.

– Тогда быстро. Если кто-то отсутствует или ранен, мы должны это знать.

Преподаватели разделились, загоняя сопротивляющихся кадетов обратно в жилые помещения.

Коммандер Гамаш так пока и не зашел в ту комнату.

– Профессор Маккиннон, возьмите двух ассистентов и соберите всех сотрудников. Секретариат, технический персонал, работников кухни. Всех. Направьте их тоже в столовую. Попросите руководителей служб подтвердить, что все люди в здании им известны и никто не отсутствует.

– D’accord, коммандер.

Она поспешила по коридору. Рядом с Гамашем остался только один преподаватель.

– Арман, а мне что делать?

– Ничего, – был короткий ответ.

Мишель Бребёф отошел в сторону, наблюдая за Гамашем, который уставился в комнату.

– Вообще-то, кое-что ты можешь сделать, – сказал Арман, взглянув на Мишеля. – Вызови врача.

– Да, конечно.

Бребёф быстро пошел по коридору, хотя и знал, что получил самое маловажное и несрочное из заданий. По приказам и действиям Гамаша он понял, что нужды во враче нет.

– Изабель выехала, – сообщил Бовуар, вернувшись к Гамашу и подивившись опустевшему коридору.

Они одновременно посмотрели на часы.

Двадцать три минуты седьмого.

Вокруг царила тишина. Если не считать тихого звука, похожего на тоненький скрип. Гамаш и Бовуар оглядели коридор. Он оставался пустым. Но звук приближался.

Потом из-за угла появился Гуго Шарпантье в кресле-каталке.

– Что случилось?

Увидев лицо Гамаша, он остановил коляску:

– Все настолько плохо?

Гамаш не шелохнулся.

– Где остальные? – спросил Шарпантье.

– Блокируют здание. Персонал и кадеты собираются в столовой.

– А обо мне забыли, – посетовал Шарпантье. Он хотел подъехать

ближе. – Могу я чем-нибудь помочь?

– Non, merci. Присоединяйтесь к остальным, пожалуйста.

Шарпантье развернул коляску, и Гамаш удивился, почему же они забыли про этого преподавателя. Ему стало неловко, но пока он отодвинул эту мысль на задний план. Как легко не заметить человека! Он подумал о том, какие дела могут сойти с рук человеку-невидимке.

Еще он отметил, что кресло Шарпантье поскрипывает на ходу. Прежде Гамаш не обращал на это внимания.

Потом он повернулся к двери и тому, что находилось за ней.

Точнее, кто находился за ней.

На полу лежал, скорчившись, Серж Ледюк.

Случившееся не вызывало сомнений. Об этом говорили положение тела и кровь. Убит выстрелом в голову. Рядом лежало оружие.

И хотя по остановившимся глазам, открытому рту и бледности лица, не говоря уже о ране, было ясно, что Ледюк мертв, Гамаш все же наклонился и попытался нащупать пульс. На его руке осталась кровь, которую он отер носовым платком.

Жан Ги опытным взглядом обвел комнату, потом повернулся к спальне.

Гамаш коротко кивнул, и Бовуар быстро прошел туда.

– Ничего, – раздался его голос через несколько секунд.

– Достаточно, – сказал Гамаш от дверей спальни, когда увидел, что Бовуар выдвинул ящик ночного столика. – Убийца вряд ли там спрятался. Оставь это Лакост и криминалистам.

Бовуар закрыл ящик, но Гамаш успел обратить внимание на нечто не замеченное Жаном Ги.

То, что лежало в ящике. Даже с такого расстояния перепутать это с чем-то другим было невозможно.

– Как бы нам ни хотелось начать расследование, мы должны подождать. Позвони Изабель еще раз и сообщи о новых подробностях. Она вот-вот должна быть здесь с командой. Будь добр, пройди к входной двери, дождись ее и приведи сюда.

– Сейчас?

– А разве будет для этого время лучше?

– Вы не хотите, чтобы я помог здесь?

– Здесь мы ничем не в состоянии помочь. Мне нужен врач, чтобы подтвердил факт смерти. Ты ведь знаешь процедуру. Я закрою дверь и буду ждать твоего возвращения со старшим инспектором Лакост.

Бовуар посмотрел на тело:

– Самоубийство?

– Может быть, – сказал Гамаш. – Тебе ничего не кажется странным?

Бовуар внимательнее оглядел комнату:

– Oui. Оружие. Не с той стороны. Если бы он убил себя, оружие лежало бы со стороны входной раны.

Гамаш задумчиво кивнул.

Бовуар ненадолго забежал в свою комнату, чтобы одеться поприличнее.

Когда он шел назад по коридору, дверь в комнату Ледюка была закрыта, а Гамаша нигде не было видно.

Арман стоял над телом Сержа Ледюка, стараясь не испортить улики больше, чем он уже успел.

Он запоминал расположение мебели, занавесей, книг. Золы в камине.

Но его взгляд то и дело возвращался к телу и оружию. Как сказал Жан Ги, оружие лежало не с той стороны.

Да, странно, что оно оказалось там. Но еще более странно то, что его, вероятно, положил туда убийца.

Потому что это было убийство. А значит, был и убийца. И вместо того чтобы придать случившемуся вид самоубийства, как поступил бы любой разумный преступник, этот постарался, чтобы у следователей не осталось никаких сомнений.

Смерть Ледюка наступила в результате чьих-то преднамеренных действий.

Вот что показалось странным бывшему главе отдела по расследованию убийств. Очень странным. Не тело. Даже не тот факт, что Сержа Ледюка убили. А поведение убийцы.

Гамаш стоял и смотрел. Но не на тело. Теперь его внимание привлекла спальня. Он понимал, что не должен этого делать, но все же прошел туда и выдвинул ящик ночного столика.

Он заглянул внутрь, и лицо его помрачнело еще больше.

Послышалось электронное жужжание, затем щелчок, и дверь академии открылась. Старший инспектор Лакост быстро вошла внутрь. Быстро не потому, что дело требовало срочности, а потому, что на улице стоял лютый холод.

Сырой ветер гулял по равнине, на сотни миль разнося влагу тающих снегов и льда и пробирая до костей.

Первоначальное сообщение инспектора Бовуара было кратким. В академии умер человек. Ни кто. Ни как. Бовуар даже не намекнул на

убийство, хотя тот факт, что на место происшествия вызвали ее, главу отдела по расследованию убийств, сам по себе говорил о многом.

Еще она знала, что жертвой стал не коммандер Гамаш. Бовуар сказал бы ей об этом, если не словами, то интонациями голоса.

Когда Изабель Лакост села в машину (за рулем сидел один из агентов полиции, а сзади ехал фургон с криминалистами), Бовуар позвонил ей еще раз.

– Расскажи мне, что ты знаешь, – попросила она.

Жан Ги не смог сдержать улыбку. Понимает ли Изабель, что она в точности повторяет слова, которыми старший инспектор Гамаш начинал каждое расследование убийства?

«Расскажите мне, что вы знаете».

Он рассказал ей, что знает, а она слушала и делала пометки в своем блокноте. Потом отложила блокнот и стала просто слушать.

– Убийца? – спросила она, когда он закончил.

– Никаких следов, – ответил Бовуар. – Кадеты и персонал в столовой. Академия заперта, сейчас всех пересчитывают по головам.

– А тело?

– С ним коммандер Гамаш – ждет врача. Он запрет дверь и будет ждать тебя, после того как получит подтверждение смерти.

– Я позвонила коронеру. Она тоже скоро появится.

– Bon. Первая проверка показала, что отсутствующих нет и очевидных подозреваемых тоже. Никого с пятнами крови на руках.

Это была не шутка. Кровь на руках убийцы не могла не остаться. И не только кровь. Приставить вот так пушку к виску Ледюка и выстрелить…

Бовуар допросил ночную охрану и персонал, но не слишком пристрастно. Только чтобы выяснить, видели ли они что-то такое, что требует немедленных действий.

Они ничего не видели.

Отсюда следовал естественный вывод.

Убийца не выходил и не входил. Потому что уже был внутри, скрывался в стенах академии.

Изабель Лакост шла рядом с Жаном Ги Бовуаром по пустынным коридорам. Криминалисты шагали следом, стуча каблуками по мраморному полу.

Изабель впервые приехала в новую академию, и все здесь вызывало ее любопытство. До нее доходили слухи об излишествах. О том, что проект далеко вышел за рамки бюджета.

Раздавался и тихий шепоток об откатах, взятках, липовых контрактах. Но ничего доказательного. Скорее всего, по той причине, что полиции и правительству Квебека потребовалось разбирать завалы более существенные и насущные.

Но теперь эти кучи merde находились под контролем. Те, кого поймали за руку в связи с коррупционным скандалом в полиции и правительстве, умерли, были посажены или уволены. И, как подозревала Изабель, луч прожектора медленно перемещался к академии.

Не поэтому ли Арман Гамаш возглавил ее?

Не это ли стало причиной сегодняшнего преступления?

Она поняла, что связала между собой два факта, и решила остановиться. Слишком рано делать какие-то выводы.

Они свернули за угол и увидели мужчину, стоящего возле двери. У его ног валялся поднос, битое стекло и фарфор.

Подойдя ближе, Изабель Лакост узнала его.

Не Арман Гамаш. Это был суперинтендант Бребёф. Она проверила себя еще раз. Точно Бребёф, только постаревший. И уже не суперинтендант. Хотя она привыкла видеть его в той, прежней роли – автоматическая реакция, так сказать. Старые привычки. Очень опасные. Как и сам он.

Бребёф стоял в одиночестве посреди широкого коридора и казался потерянным или брошенным.

Изабель чувствовала, что отвращение в ней нарастает с каждым шагом. Она не думала, что это отражается на ее лице, хотя могло и отразиться. Бребёф чуть подался назад и кивнул ей, но руки не предложил. Видимо, опасался, что она ответит отказом в присутствии такого количества свидетелей.

– Старший инспектор Лакост, – сказал он. – Какое ужасное дело.

– Да.

Он сильно постарел за те несколько лет, что она не видела его. Лакост знала, что прежний суперинтендант Квебекской полиции – ровесник Гамаша, но теперь он казался ей лет на десять – пятнадцать старше. Хотя он никогда не отличался крепким сложением, в нем чувствовалась какая-то жилистая жизненная сила, которой многие восхищались. Включая и Изабель.

Но теперь он казался высохшим. Выжатым.

– Коммандер Гамаш внутри, с телом.

– Я так и думала, – сказала старший инспектор Лакост. – А вы почему здесь?

Он слегка ощетинился, но только слегка. Инстинктивная реакция влиятельного прежде человека.

– Месье Гамаш попросил меня вызвать доктора академии. Я вызвал. Доктор подтвердил смерть профессора Ледюка.

– Доктор все еще в комнате?

– Нет, он подтвердил смерть и сразу же ушел.

Изабель Лакост продолжала смотреть на него, а ее команда стояла сзади с инструментами наготове.

Те, кто знал, кем этот человек был прежде, не скрывали любопытства.

Бребёф расправил плечи, но стал выглядеть еще более жалким. И Изабель показалось, что он знает, какое впечатление производит. И делает это намеренно.

А намерение было очевидным.

Всегда проще, даже естественнее, отмахнуться от тех, кто выглядит жалким. Не принимать их всерьез и определенно не видеть в них угрозу. Возникает вполне объяснимое желание избавиться от их общества. Жалкие люди легче становятся жертвой жизненных перипетий. И если вы стоите рядом с таким человеком, то тоже можете стать жертвой. Принимаете на себя сопутствующие риски.

– Я остался на случай, если ему что-нибудь понадобится, – сказал Бребёф.

И на ее глазах Мишель Бребёф превратился в нечто иное. Не опозоренный человек, а любимый некогда старый приятель, ожидающий внимания хозяина. Улыбки, дружеского похлопывания по плечу. Даже пинка.

Чего угодно.

Бребёф очень тонко давал понять, что видит себя преданным слугой, а Гамаша – жестоким хозяином. На Изабель это не произвело впечатления. Она знала правду. Однако подозревала, что кто-нибудь может купиться.

– А это что? – Она показала на поднос, тост и битое стекло.

– Тело нашел один из кадетов, – сказал Бовуар, шагнув вперед, чтобы ответить на вопрос. – Он уронил поднос. Мы не стали его трогать.

– Возьму образцы, – сказал один из криминалистов, чем и занялся.

Другой стал снимать отпечатки пальцев и образцы ДНК с дверной ручки, третий принялся фотографировать. А Лакост задумалась о трансформации, произошедшей с Мишелем Бребёфом.

Леопард не может поменять рисунок пятен на шкуре, но прежний суперинтендант никогда не был леопардом. И тогда, и теперь он был и будет хамелеоном.

Когда криминалисты закончили, она перешагнула через поднос, с облегчением покидая общество Бребёфа. Мертвое тело было предпочтительнее живого Бребёфа.

Хотя Изабель Лакост была готова к тому, что ей предстоит увидеть, насильственная смерть продолжала удивлять ее. И она явно удивила Сержа Ледюка.

Глава двенадцатая

– Доктор академии подтвердил смерть, – сообщил Гамаш, отошедший к стене, когда криминалисты принялись за работу.

– Насколько я понимаю, ситуация очевидная, – сказала Лакост.

Она стояла рядом со своим бывшим начальником, а Бовуар занял место по другую сторону от Гамаша. Стоять вот так, бок о бок с Арманом Гамашем, по-прежнему казалось естественным. Безопасным. Хотя в этом ощущалась легкая ностальгия. Все равно что вернуться в дом своего детства.

Гамаш только кивнул.

– Нужно дождаться, пока коронер назовет нам официальную причину смерти, но ты права, – сказал Бовуар, глядя на Сержа Ледюка. – Это трудно не заметить.

– Когда его в последний раз видели живым? – спросила старший инспектор Лакост.

– Он ужинал в столовой, – ответил Гамаш. – Тогда я и видел его в последний раз.

– И я тоже, – сказал Бовуар. – Часов около восьми.

Они оглядели комнату. Никаких признаков того, что Ледюк принимал кого-то у себя вечером.

Ни Гамаш, ни Бовуар никогда раньше не заходили сюда, на частную территорию Герцога.

Планировка здесь была та же, что и у Гамаша, но в зеркальном отражении. К гостиной примыкала спальня и смежная с ней ванная комната. Но если свою квартиру в академии Гамаши обставили мебелью в современном стиле, подходящей для этого здания, и сумели сделать свое жилище привлекательным, то здесь царила удушливая атмосфера.

Тяжелая викторианская мебель. Приставной столик темного дерева, массивный диван конского волоса, обитый темно-фиолетовым жатым бархатом. Это производило гнетущее впечатление и в то же время говорило об изнеженности. Резкий контраст с суровым, прямолинейным миром за дверями.

Все это напоминало будуар или декорации.

Однако Гамаша преследовало ощущение, что ничего постановочного здесь нет. Квартира отражала характер человека. Или, по крайней мере, передавала его суть. Бóльшая часть мебели, скорее всего, досталась Ледюку

по наследству – вероятно, передавалась в семье на протяжении нескольких поколений.

Серж Ледюк чтил традиции. Хотя и нарушал все правила подряд.

Но если вспомнить, викторианцы почитали теорию великих людей. Теорию о том, что есть выдающиеся личности, к которым неприменимы обычные правила. Великие люди должны властвовать, а остальные – подчиняться им. Ледюк жил так, будто причислял себя к великим.

– Что он был за человек? – спросила Лакост.

– А ты как думаешь? – спросил Гамаш. – Судя по тому, что видишь.

– Привередливый, – не задумываясь, ответила она. – Жесткий. Возможно, педантичный и официозный.

Она посмотрела на мертвеца, не успевшего сменить уличную одежду на домашнюю. Пиджак с галстуком. Аккуратный. Так контрастирующий с тем, что лежит выше воротника.

– Я угадала?

– Инспектор Бовуар, как бы вы описали Сержа Ледюка?

– Грубиян и задира, – ответил Бовуар. – Коварный и глупый. Проныра и крыса.

– Охотник и преследуемый в одном лице. Неприятное положение, – заметил Гамаш, оглядываясь.

– Я бы скорее предположил, что у него здесь много кожаных кресел, – сказал Бовуар. – И оленьи рога на стенах. А не это.

– Интересно, был ли он счастлив, когда входил сюда, – сказал Гамаш. – Вне стен своего жилища он явно чувствовал себя несчастным.

– По крайней мере, с тех пор, как вы появились, – заметил Бовуар.

Изабель Лакост слушала с интересом.

– Это не самоубийство, – сказала она. – Выстрел пришелся в правый висок, а оружие лежит слева от тела. Почему? Оно принадлежит Ледюку?

– Не знаю, – ответил Гамаш. – Я приказал убрать из академии все оружие, кроме того, что заперто в оружейной комнате.

– У него был ключ от нее?

– Был раньше, когда он занимал пост второго лица в академии. Но ключ я у него забрал и замки поменял. Ключ есть у меня и у инструктора по стрелковой подготовке. Открыть оружейную можем только мы и только вдвоем.

– Есть какие-нибудь предположения о том, кто мог это сделать?

– Ледюк повсюду сеял раздор, – сказал Гамаш, подумав несколько секунд. – Кое-кто им восхищался. Большинство преподавателей, которые восхищались, больше здесь не работают. Большинство кадетов старшего

курса равнялись на него, но, мне кажется, скорее из страха, чем из уважения. Посмотришь на его квартиру, так ею владел викторианский джентльмен, но на самом деле Герцог принадлежал Темным векам. Он верил в скорое и жестокое наказание, в то, что молодых людей можно воспитывать палкой.

Изабель Лакост внимательно слушала Гамаша. Человека, который был полной противоположностью тому, кого он сейчас описывал.

– Он вам не нравился?

– Не нравился. Ты ведь не думаешь… – Он махнул рукой в сторону тела.

– Я просто спрашиваю. Думание будет потом.

Он улыбнулся, услышав эти слова:

– Я не любил его и не доверял ему.

– Тогда почему…

– Почему я оставил его? Ты далеко не первая, кто спрашивает.

– И ответ?

– Чтобы он был под присмотром. До тебя, наверно, доходили слухи о взятках, договорных ценах, отмывании денег на распределении контрактов при строительстве нового здания академии?

– Да, но без подробностей.

– Потому что и подробностей-то никаких нет. Только куча подозрений. Всякие косвенные обстоятельства, но никаких прямых доказательств.

– И вы пытались раскопать это? – спросила она. – А он знал?

– Да, я дал ему понять. Когда мы встретились перед началом семестра, я ему показал, что у меня есть.

– Зачем? – выпалили одновременно изумленные Бовуар и Лакост.

– Хотел выбить его из колеи.

– Из колеи сейчас выбило меня, – сказал Бовуар, обращаясь к Лакост.

– Когда я искал следы коррупции в полиции, я часто наталкивался на упоминания странных сделок в академии. – Гамаш понизил голос, чтобы никто из посторонних его не слышал. – Однако еще более тревожным, чем предположение о коррупции в академии, было поведение недавних выпускников. Вы, вероятно, и сами обратили внимание.

Лакост и Бовуар кивнули.

– В них есть какая-то жестокость, – сказала Изабель. – К себе в отдел я никого из них брать не буду.

– Прошу тебя, Изабель, перемени свое отношение к этому, – попросил Гамаш. – Им необходим достойный пример для подражания.

– Недостойные, – подхватила она. – Вот какое слово им подходит. Но я

подумаю над вашим предложением. Значит, вот почему вы здесь?

Он кивнул:

– Квебекская полиция будет такой, какой будет академия. Я хотел понять, почему из стен академии выходит столько кадетов, склонных к жестокости. И остановить это.

– И вам удалось?

Гамаш вздохнул:

– Non. Пока нет. Но я знал, что Серж Ледюк был в самом центре того, что здесь происходило.

– Вы назвали его Герцогом, – сказала Лакост. – Почему?

– Это прозвище дали ему кадеты, – пояснил Бовуар. – Явно производное от фамилии. Ему вроде бы нравилось.

– Неудивительно, – заметила Лакост. – Итак, вы показали Герцогу, что у вас есть на него?

– Да. Мне нужно было его встряхнуть. Продемонстрировать, насколько близко я подошел к истине. Чтобы он совершил какую-нибудь глупость.

– И он ее совершил?

– Думаю, да, – ответил Гамаш, посмотрев на тело. – А вместе с ним кто-то еще.

Лакост перевела взгляд на оружие:

– Странный выбор. Насколько я понимаю, он не из оружейной комнаты. У вас там, наверное, таких попросту нет?

– Даже для занятий по истории оружия, – подтвердил Гамаш. – У нас есть только то, что мы используем для обучения кадетов. То оружие, которое им выдадут на службе. Ни один из агентов Квебекской полиции уже много лет не пользовался револьверами.

Лакост наклонилась и присмотрелась внимательнее:

– Вблизи я такого никогда не видела. Револьвер. Обычно его называют шестизарядником, верно?

– Oui, – сказал Бовуар, тоже наклоняясь.

Лакост присела на корточки:

– Пять пуль остались в барабане.

Она бросила взгляд в другой конец комнаты, где ее люди по следам крови искали шестую пулю.

– По дороге сюда я все пыталась сообразить, почему никто не слышал выстрела. Теперь я знаю. – Она показала карандашом. – На нем глушитель.

Лакост встала, но Бовуар остался сидеть на корточках.

– Я не знал, что у револьверов бывают глушители, – сказал он.

– Глушитель можно накрутить на что угодно, но на револьверах они

обычно неэффективны, – объяснил Гамаш.

– Тот кадет, что нашел тело, – вспомнила Лакост. – Где он?

– В моей квартире, – ответил Гамаш. – С одним из преподавателей. Он первокурсник. Натаниэль Смайт. Хочешь с ним поговорить?

– Да.

Она повернулась к Бовуару, который продолжал разглядывать револьвер. Наконец он поднялся.

– Пытаешься решить, приглашать меня или нет? – спросил он. – Я подозреваемый?

– Oui. Как и коммандер Гамаш. Пока.

Гамаша ее слова нисколько не задели. Он пришел к такому заключению уже некоторое время назад.

Он все еще оставался в халате и тапочках, с растрепанными после сна волосами, со щетиной на небритом лице.

Лакост подумала, понимает ли он, как выглядит. Но это, похоже, не имело значения.

– Я бы хотела, чтобы вы пошли со мной, инспектор, – сказала она, потом обратилась к Гамашу: – Вы можете отвести нас к кадету?

– Конечно, старший инспектор, – ответил Гамаш, выходя вместе с ней из комнаты в сопровождении Бовуара.

В коридоре их поведение стало менее формальным.

Пока они шли, Изабель испытывала странное ощущение, что они никуда не продвигаются. Поворачивая за угол, они каждый раз оказывались точно в таком же коридоре, как тот, по которому только что прошли.

Старая академия, где училась Изабель, представляла собой лабиринт узких коридоров с портретами, вымпелами, спортивными трофеями нескольких поколений кадетов, с лестницами темного дерева, с потертыми коврами, приглушавшими крики, смех и болтовню. Среди кадетов ходили слухи, что прежде здесь размещалась психиатрическая больница. И в это легко можно было поверить. Старое здание вполне подходило для приюта сумасшедших либо для доведения здоровых людей до безумия.

У Изабель ушло почти три года на то, чтобы с уверенностью находить путь в женский туалет, и она сильно подозревала, что администрация время от времени переносит женскую душевую в новое место – в знак протеста против существования женской душевой в принципе.

Но новая академия была по-своему не менее путаной из-за полного отсутствия каких-либо ориентиров и указательных знаков.

– У профессора Ледюка была семья? – спросила она у Гамаша.

– Не знаю, но посмотрю в его персональном деле. Если есть семья, кто

с ней свяжется: ты или я?

Они подошли к квартире коммандера, чья дверь ничем не отличалась от примерно двадцати дверей, мимо которых они прошли. Старшему инспектору Лакост показалось любопытным, что квартира Гамаша расположена на максимально возможном удалении от квартиры Ледюка.

Интересно, чье это было решение?

– А что предпочтительнее для вас? – спросила Изабель.

– Если ты не возражаешь, это сделаю я, – сказал Гамаш. – Он был моим подчиненным, и я несу за него ответственность.

Она кивнула и снова спросила, переводя взгляд с одного на другого:

– Есть какие-то предположения, кто мог его убить?

– Non, – ответили оба, но, когда Гамаш потянулся к дверной ручке, Изабель остановила его.

– И все же что-то есть, – сказала она, вглядываясь в его глаза.

Как хорошо знала она это лицо, эти характерные черты. Умение ее бывшего шефа скрывать мысли и чувства за стеной спокойствия. Даже сейчас. Ее настораживало не то, что написано у него на лице, а, скорее, его предыдущие действия.

– Почему вы оставались в комнате? – спросила Изабель. – Почему не ушли, не заперли дверь, после того как доктор подтвердил смерть?

Тот же вопрос задавал себе и Жан Ги, хотел задать его Гамашу, когда они останутся вдвоем. Но Изабель его опередила. Он ощутил гордость за нее и одновременно раздражение.

Он помогал учить ее. А теперь спрашивал себя, не слишком ли хорошо он ее научил.

– Я не хотел, чтобы он лежал там один. Серж Ледюк, возможно, был плохим человеком и уж точно не был мне другом. Однако он заслуживает того же отношения, что и другие.

Лакост не сводила глаз с его лица. Нельзя не признать, что это вполне в характере Гамаша. И все же…

– И вы почувствовали, что он предпочел бы, чтобы вы смотрели на него в таком состоянии, а не просто заперли комнату и оставили его в покое?

Она понимала, что заходит слишком далеко. Но, будь Гамаш другим человеком, она задавала бы те же самые вопросы. И не позволила бы ему уйти от ответа.

– Да, чувствовал, – коротко ответил он. – И кстати, я не смотрел на тело.

– Тогда что же вы делали? – спросила Лакост.

Гамаш чуть наклонил голову набок, глядя на нее.

– Я запоминал комнату во всех подробностях. – Он улыбнулся. – Тренировка и опыт.

Улыбка исчезла, взгляд стал строгим.

– Ты глава отдела по расследованию убийств, и я это уважаю. Но я коммандер академии и отвечаю за всё и всех под ее крышей. Человек не просто умер, его убили. И да, я решил применить свой опыт. Ты возражаешь?

– Вы знаете, сэр, что возражаю. Ни вам, ни кому-либо другому я бы не позволила это сделать. А вы, как никто другой, понимаете, насколько важно сохранить место убийства в неприкосновенности до приезда криминалистов.

– Знаю. Поэтому я ни к чему не прикасался. Смотрел и дышал.

Его голос звучал резковато. Не то чтобы укоряя ее, но давая отпор.

– Мне жаль, если то, что я сделал, расстроило вас, старший инспектор. Я хотел одного – помочь. – Его голос смягчился. – Ты и в самом деле думаешь, что я убил Сержа Ледюка?

Изабель Лакост вздохнула с явным облегчением:

– Нет, не думаю.

– Хорошо, – сказал Гамаш, улыбаясь. – Потому что я определенно не хотел бы, чтобы ты села мне на хвост.

– Надеюсь, вы знаете, что я уважаю вашу работу здесь, коммандер. Но расследование веду я.

– Я знаю, Изабель. Я не пытаюсь перехватить у тебя инициативу. Однако мне необходимо участвовать в расследовании. Должен сказать тебе, что я собираюсь позвонить мэру Сен-Альфонса и сообщить о случившемся. А также известить местного начальника полиции.

– Вполне резонно, – сказала она.

Бовуар смотрел и слушал, вникал в сказанное и в несказанное. Главным образом он наблюдал за Гамашем.

Арман Гамаш не отмахнулся от вопроса, но и не ответил на него толком. А это был тот самый вопрос, который мучил Бовуара.

Почему Гамаш остался в комнате, где лежало тело? Лакост права. Опытный следователь в данном случае должен был уйти из комнаты, запереть дверь в квартиру и ждать криминалистов.

Но Гамаш поступил иначе.

– Сейчас мне нужно поговорить с кадетом, который нашел тело, – сказала Лакост.

– D’accord, – кивнул коммандер Гамаш и открыл дверь в свою

квартиру.

Натаниэль сидел на краю дивана, нервно отвечая на вопросы. С каждым новым вопросом он волновался все больше и больше, независимо от того, насколько благожелательно и мягко обращались с ним следователи. Правда, нужно признать, что допрос начался не лучшим образом.

– Ваше имя?

– Натаниэль Смайт.

Он произнес это на французский манер, хотя имя определенно было английским, как и сам он.

– Натаниэль Смайт? – переспросила Лакост с английским акцентом.

Натаниэль покраснел. При рыжих волосах и бледной коже он краснел мгновенно и очень заметно.

Этот молодой человек отчаянно желал вписаться в среду, казаться квебекцем. Однако имя и цвет волос тут же выдавали его. И пусть он не лгал напропалую с самого начала, но все-таки хотел ввести в заблуждение. Хотел представить себя таким человеком, каким не был.

Деталь незначительная, но красноречивая. А старший инспектор Лакост знала, что убийства вырастают из маленьких, почти невидимых вещей. Они редко становятся следствием какого-то одного весомого события и гораздо чаще происходят в результате накопления мелких обид, оскорблений, вранья. Царапин. Пока последняя рана не оказывается роковой.

Лакост посмотрела на молодого кадета Смайта, который только что пытался сделать вид, что он не англо. А теперь она воспринимала новые волны, исходящие от него.

«Он гей», – с беспокойством подумала она.

Гей – нормально. Англо – нормально. Англо и гей – нормально. Англо, гей и в академии – тут уже возникали вопросы. Неудивительно, что молодой человек инстинктивно пытался что-то скрыть.

Она посмотрела на Гамаша, который, все еще в халате и пижаме, удобно устроился в эймсовском кресле. Обратил ли он внимание на эти обстоятельства? Наверняка обратил.

– Кадет Смайт учится в моем классе, – сказал коммандер. – Иногда он приходит на приемы сюда, в эту квартиру.

– Oui.

– Расскажите нам, что случилось, – попросила Лакост обыденным тоном.

– Я нес профессору Ледюку его утренний кофе с тостами. Постучал, а

когда он не ответил, подергал за ручку. Дверь оказалась не заперта, и я ее открыл.

Такое начало породило сразу несколько вопросов, но Лакост отложила их на потом.

– Я, конечно, сразу его увидел.

Он снова покраснел от усилия совместить все это. Сдержать эмоции и тошноту.

– Что вы сделали после этого? – спросила Лакост.

– Я отскочил назад и стал звать на помощь. – Он посмотрел на коммандера. – И уронил поднос.

– Естественно, – сказал коммандер. – Я бы сделал то же самое.

– Вы входили в комнату? – спросила старший инспектор Лакост.

– Нет.

– Ни чуть-чуть? Ни на пару шагов? – не отставала она, давая понять, что если он и вошел, то ничего страшного.

Но кадет отрицательно покачал головой. Меньше всего хотелось ему входить в ту комнату.

– Почему вы несли кофе профессору Ледюку? – спросил Бовуар.

– Мы делаем это каждое утро. Меняемся с Амелией Шоке. Через неделю.

Гамаш пошевелился в кресле и вздохнул.

«Он удивлен», – подумала Лакост.

– Вы знаете, что коммандер Гамаш, вступив в должность, отменил правило, согласно которому новички приносят преподавателям кофе? – спросил Бовуар.

– Профессор Ледюк сказал нам об этом, но добавил, что такова традиция. Что это помогает сохранять уважение, порядок и иерархию. Он сказал, что традиции Полицейской академии сложились не просто так и что важно их беречь.

Натаниэль явно не понимал, что его слова оскорбляют коммандера Гамаша. Еще одна маленькая, но красноречивая деталь. Но больше всего это говорило о Серже Ледюке и его презрении к новому коммандеру.

И о готовности Ледюка навязывать свое мнение кадетам.

Бовуар не смотрел в сторону Гамаша, но наблюдал за ним краем глаза. Лицо коммандера снова выражало спокойное внимание. Однако поза изменилась, стала более напряженной.

– Не все традиции хороши, – сказал Бовуар. – А эта конкретная традиция принижает достоинство новичков. Вы – будущие агенты, а не слуги. Я ненавидел такой порядок, когда был первокурсником. Меня

заинтриговало, что вы не разделяете мое мнение.

– Профессор Ледюк сказал, что мы с Амелией специально отобраны.

– А он не объяснил, что в вас такого особенного? – спросила Лакост.

– Мы самые многообещающие.

– Понятно, – сказала она.

Лакост взглянула на Гамаша, но он покачал головой, показывая, что у него нет вопросов, хотя слушал внимательно и не сводил глаз с молодого человека.

– Дверь в квартиру профессора Ледюка была отперта, – заговорила Лакост. Завибрировал ее айфон, но она проигнорировала его. – Вам это не показалось необычным?

– Нет. По утрам он часто первым делом отпирал ее, чтобы мы могли войти.

– Что вы делали, войдя внутрь? – спросила Лакост.

– Ставил поднос и уходил.

– А если видели его? – спросил внезапно Гамаш.

– Он меня благодарил, и я уходил.

Старший инспектор Лакост быстро прочитала полученное сообщение и встала.

– Merci, кадет Смайт. – Она обратилась к Гамашу и Бовуару: – Доктор Харрис уже здесь. Вы со мной?

– Думаю, мне сейчас самое время принять душ и переодеться, – сказал Гамаш. – Я буду через несколько минут.

Он повернулся к Натаниэлю:

– Подождите, пожалуйста, здесь. Налейте себе кофе, если хотите. – Он показал на кофеварку и графин с водой на приставном столике. – Я скоро.

Лакост и Бовуар оставили Натаниэля готовить кофе, а коммандер Гамаш направился в спальню и закрыл за собой дверь.

Немного погодя он появился посвежевший и побритый, в костюме и галстуке. Увидев коммандера, Натаниэль вскочил на ноги.

Гамаш махнул рукой, усаживая его на место, налил себе кофе и присоединился к кадету.

Солнце уже взошло, осветив неприветливый мартовский ландшафт. Через высокое окно можно было увидеть снежные заплатки на серой прошлогодней траве. Месяц назад здесь все сверкало свежей белизной, пересеченной в нескольких местах лыжней и снегоходами. Еще месяц – и сюда придет весна с дикими цветами и набухшими почками на деревьях.

Но в теперешнем виде этот пейзаж вполне сгодился бы для фильма про зомби. Про живых мертвецов.

– Итак, кадет Смайт, что еще вам удалось узнать про карту? – спросил Гамаш.

Он задал вопрос на безупречном английском с едва заметным британским акцентом, показывая на карту, висящую на стене.

Натаниэль, не ожидавший такого вопроса и на таком языке, снова покраснел.

– Pardon? – переспросил он по-французски.

Гамаш улыбнулся:

– Против английского нет возражений. Если вы обманываете себя, то разве когда-нибудь сможете поверить другим? Я спросил вас о карте. Вы и три других кадета проводили разыскания по ней.

– Мы приостановили расследование, – сказал Натаниэль по-французски. – Совсем зашились с домашними заданиями.

Они оказались в странной ситуации, случавшейся иногда в Квебеке, когда франкоязычные говорили по-английски, а англо говорили по-французски.

– Что вы сделали с вашей копией? – спросил Гамаш.

– Копией карты? Не помню. Наверное, лежит где-то в моих бумагах.

Коммандер Гамаш наклонился вперед, вторгаясь в личное пространство кадета Смайта.

– Я спрашиваю не для того, чтобы завязать разговор, молодой человек. Все, о чем я спрашиваю, имеет цель, а сейчас – больше, чем всегда. Это расследование убийства, а не болтовня за чашкой кофе.

– Да, сэр.

Натаниэль перешел на английский, его глаза широко раскрылись.

– Хорошо. Давайте попробуем еще раз. Что вы сделали с вашей копией карты?

– Я не знаю. – Взглянув на коммандера, он опять покраснел. – Я правда не помню. Не думаю, что я ее выбросил. Наверное, она у меня в столе в спальне.

– Пойдите и найдите ее, пожалуйста, – сказал Гамаш, вставая. – Но у меня есть еще один вопрос.

– Да?

– Вы когда-нибудь заходили в спальню профессора Ледюка?

– Что вы имеете в виду?

– Вы знаете, что я имею в виду, кадет. Здесь нет вашей вины. Нет нарушения закона, ни нравственного, ни уголовного. По крайней мере, с вашей стороны. Однако мне нужно знать.

– Нет, сэр. Я никогда не заходил в его спальню.

Гамаш пристально посмотрел на молодого человека, лицо которого полыхало огнем.

– Каковы были ваши отношения с профессором Ледюком?

– О чем это вы?

– Я знаю, вы боитесь. И у вас есть все права охранять свою частную жизнь, в особенности здесь. Академия в прошлом была не самым толерантным из институтов. По-моему, вы совершили смелый поступок, подав заявление в академию.

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

Гамаш улыбнулся. И кивнул.

– Запомните: ведется расследование убийства. Ваши тайны будут раскрыты. Я даю вам шанс сказать мне о них по-тихому.

– Мне нечего вам сказать.

Гамаш понизил голос, хотя, кроме них, в комнате никого не было.

– Я пойму, – сказал он. – Доверьтесь мне. Прошу вас.

Натаниэль Смайт взглянул в глаза Гамашу, почувствовал слабый запах сандалового дерева и розовой воды, хотя не смог бы назвать эти ароматы. Он только знал, что они ему нравятся. Они успокаивали. Как и глаза.

Но тут он вспомнил предостережение профессора Ледюка. Относительно коммандера Гамаша.

А потом вспомнил тело профессора Ледюка.

– Можно мне вернуться в мою спальню? – спросил Смайт, переходя на французский. – Я могу поискать карту, если хотите.

Гамаш несколько мгновений удерживал его взгляд, затем кивнул:

– Через минуту.

Он взял телефон и сделал звонок.

Вскоре в дверь постучали, и вошел один из преподавателей.

– Пожалуйста, проводите кадета Смайта в его комнату, а потом в столовую.

– Что мне говорить остальным? – спросил Натаниэль от двери. – О профессоре Ледюке. Все будут спрашивать.

– Говорите им правду.

Дверь закрылась, и Гамаш несколько секунд смотрел на нее, потом перевел взгляд на карту в рамке, висящую на стене.

Коричневые пятна, то ли грязь, то ли нет. Потертости и рваные края. Тонкие контуры, словно морщины на обветренном лице. Реки и долины. Корова, и пирамида, и три сосны. И снеговик с поднятыми руками в знак победы. Или капитуляции.

Гамаш тяжело выдохнул – он и не знал, что задерживает дыхание.

Карту спрятали не случайно, сказала Рут. Замуровали не без причины.

Гамаш подошел с чашкой кофе к окну.

Он долго размышлял, а потом позвонил мэру и начальнику полиции.

После этого вышел в пустой коридор и направился к мертвому телу Сержа Ледюка.

К этому времени криминалисты уже должны были найти то, что он видел в ящике ночного столика убитого.

Копию карты.

Глава тринадцатая

За время работы коронером доктор Шарон Харрис видела трупы и похуже. Гораздо хуже. Ужасные, страшные. Что касается обезображивания, то этот был еще вполне приемлемый. Если бы она не перевернула его и не посмотрела на голову в целом. И если бы она не повернула собственную голову, чтобы увидеть, куда делась остальная часть головы трупа.

Что она, конечно, сделала.

Доктор Харрис поднялась на ноги, стащила с рук латексные перчатки, отошла от тела Сержа Ледюка и присоединилась к Жану Ги Бовуару и Изабель Лакост.

– Он умер, еще не успев упасть. Приблизительно перед полуночью. Единственный выстрел в висок, других ранений нет. Стреляли, вероятно, разрывной пулей. Такие пули обычно называют «убийцами», по понятной причине.

Обращаться к телу, чтобы понять эту причину, не требовалось.

– Вы уже нашли пулю? – спросила доктор Харрис.

– Нет, – ответил Бовуар. Он указал на противоположную стену. – Ищут.

Раздался стук в дверь, и вошел Арман Гамаш. Они с доктором Харрис поздоровались, как старые друзья, – не на одном деле работали вместе.

– Я могу только сказать, что причина смерти не вызывает сомнений, – сообщила она. – И смерть была мгновенной, почти милосердной.

– Такое впечатление, будто Ледюк просто стоял и ждал, когда это случится, – заметила Изабель Лакост. – Никаких следов борьбы. Почему?

– Не верил, что убийца нажмет на спусковой крючок? – предположила коронер.

– Может, он не думал, что револьвер заряжен, – сказала Лакост. – Может, убийца не имел намерения убивать Ледюка и убежал в ужасе от содеянного.

Бовуар направился к криминалистам, чтобы уйти от всех этих «может» и поговорить о фактах.

Он знал, что мотив важен, но зачастую расследование не доходило до сути конфликта. Почти никогда не докапывалось до истинных причин, заставивших одного человека забрать жизнь другого. Эти причины были подчас слишком туманны и сложны, и даже сам убийца не отдавал себе отчета в них.

А вот надежное материальное свидетельство – совсем другое дело. На основании подобных свидетельств можно находить преступника и ловить его. На лжи и ДНК. На раскрытых тайнах и найденных отпечатках пальцев.

Но годы работы со старшим инспектором Гамашем повлияли на Бовуара, и он, пусть и неохотно, признавал, что чувства играют большую роль в превращении обычного человека в убийцу. И вероятно, могут сыграть свою роль в его обнаружении. Хотя и не такую важную, как факты.

Изабель Лакост оставила коронера и Гамаша рядом с телом, а сама пошла к Бовуару, чтобы вместе с ним выслушать отчет старшего криминалиста о ходе расследования.

Доктор Харрис перевела взгляд с Гамаша на жертву убийства и обратно. И на ее лице отразилось удивление, даже ошеломление.

– Вы его не любили? – спросила она.

– Это так заметно?

Она кивнула. Дело было даже не в том, что она видела на его лице, а в том, чего не видела. Сострадание отсутствовало.

– Я оставил его в академии, – сказал Гамаш почти шепотом. – А мог бы уволить.

– Значит, вы не питали к нему недобрых чувств? – спросила Шарон Харрис, стараясь разобраться.

Но она, как никто другой, знала, что эмоции – вещь нелинейная. Они могли быть кругами, и волнами, и точками, и треугольниками. И очень редко были выражены прямой линией.

Каждый день она анатомировала последствия чьих-то необузданных эмоций.

Гамаш опустился на колени рядом с телом, изучая рану на виске Ледюка. И гораздо более значительное выходное отверстие. Потом он проследил за брызгами мозгового вещества Сержа Ледюка, разлетевшимися по комнате вплоть до того места, где агенты искали пулю.

– Нашла!

Но этот голос прозвучал не из группы полицейских, ищущих пулю. И находка была не пулей.

Все повернулись на голос и увидели агента в дверях спальни.

– В нижнем ящике под рубашками, – сказала она, пропуская в спальню старшего инспектора Лакост и других.

Там под аккуратно сложенными чистыми рубашками лежал кожаный футляр. Агент открыла его, и внутри они увидели красный бархат и характерные углубления, точно соответствующие форме револьвера. В футляре имелось еще одно углубление – для глушителя. И пустые

углубления меньшего размера – под шесть пуль.

– Значит, револьвер принадлежал ему, – сказала Лакост, выпрямляясь.

Все снова посмотрели в гостиную, пытаясь понять, как револьвер мог оказаться там. Кто его вынес туда – Ледюк или убийца?

– Excusez-moi[36], – сказал агент, заглянувший в спальню. – Насколько я понимаю, это вы звонили начальнику полиции Сен-Альфонса, сэр?

Агент обращался к Гамашу. Тот кивнул:

– И мэру.

– Они оба здесь, – сказал агент. – Мы проводили их в ваш кабинет.

– Merci. Я буду там через несколько минут.

– Долбаный Ледюк, – пробормотал Бовуар. – Держать заряженное оружие в своей квартире. Незапертое. В учебном заведении. Глупый, глупый человек.

– Револьвер достал либо Ледюк, либо убийца, – сказала Лакост. – Во втором случае убийца, вероятно, хорошо знал Ледюка, настолько хорошо, что даже знал о существовании оружия и о том, где оно хранится.

– Я должен кое-что показать вам, – сказал коммандер Гамаш.

Амелия Шоке сидела за длинным столом, и с обеих сторон между нею и другими кадетами оставалось несколько пустых стульев.

Их собрали в столовой, чтобы можно было провести обыск в комнатах. Вокруг стоял гул голосов, который не стихал с тех пор, как им сообщили первую новость, и гул становился все громче, по мере того как распространялись слухи.

Слух витал в воздухе,
выискивая, на чью шею опуститься[37].

Кадеты были потрясены. И возбуждены. Некоторые были испуганы и пытались спрятать это под напускной бравадой.

Время от времени кто-нибудь поглядывал в ее сторону. Амелия знала, о чем они думают. Если уж убийца среди них, то пусть это будет чокнутая.

Самая легкая цель. Ее никто не станет защищать.

Амелия закатала рукава до самых локтей. Показала им изображения и слова, вытравленные на ее коже, словно родимые пятна.

Их розовые идеальные лица неодобрительно морщились.

Она знала, что подставляется.

Профессор Ледюк мертв. Убит.

И она спрашивала себя, как скоро придут за ней.

– Можно тут сесть?

Она подняла глаза и увидела рядом Натаниэля, мягкую белую руку на спинке стула.

Слова «пошел в жопу» застряли у нее в глотке, и она кивнула.

– Никто не хочет сидеть со мной, – сказал он. – Я знал, что так будет, когда я расскажу им все. Они, наверно, думают, что это сделал я и, сидя рядом со мной, они становятся подельниками.

– Они боятся, – сказала Амелия.

– И я боюсь, – откликнулся Натаниэль. – А ты разве нет? Посмотри, что случилось. Как это могло…

– Помолчи, – отрезала она и сильно пожалела, что позволила ему сесть рядом.

– Коммандер Гамаш спрашивал про карты, – прошептал он, наклонившись к ней. – Он хотел, чтобы я нашел свою копию.

Он вытащил бумажку и разгладил ее на столе, но Амелия смахнула ее.

– Убирайся от меня!

Но было слишком поздно.

Когда он подсел к ней, поиск шеи закончился. Она это поняла. Не по тому, как другие кадеты посматривали на нее, а по тому, как они отводили взгляд.

С помощью авторучки Гамаш вытянул ящик прикроватного столика.

– Ваши агенты почти наверняка уже осмотрели тут все, – сказал он, пряча авторучку в нагрудный карман и убирая руки за спину. – Но криминалисты не могли оценить важность этой бумажки.

– И в чем ее важность? – спросила Лакост.

– Я видел ее раньше, – сказал Бовуар, наклонившись над бумагой. – Это карта.

Как и Гамаш, он сцепил руки за спиной.

Многие годы Бовуар думал, что это причуды старика, но по мере накопления опыта он стал понимать, почему Гамаш принимает такую позу.

Держа руки за спиной, старший инспектор Гамаш понижал вероятность того, что случайно, инстинктивно прикоснется к чему-нибудь, к чему не следует прикасаться. Вот так и появилась «причуда», у которой были совершенно практические корни.

На пороге своего сорокалетия Бовуар начал понимать, что у каждого действия – от громкого убийства до закладывания рук за спину – есть определенный смысл.

И теперь Бовуар повернулся к Гамашу.

К своему наставнику, боссу, тестю. К человеку, до сих пор во многих отношениях остававшемуся для него загадкой.

– Вы увидели ее, когда мы обнаружили тело, – сказал он. Глупо было скрывать этот факт. – Увидели, когда я открыл ящик. Вы предложили нам уйти, и я закрыл ящик, не заглянув внутрь. Но вы увидели. Поэтому вы меня и выпроводили. Почему вы ничего не сказали сразу?

– Хотел подумать, – ответил Гамаш.

– О чем? – спросила Лакост.

Она тоже удивилась, услышав, что Гамаш пытался скрыть улику. Хотя она и понимала, что это громко сказано. Он не скрывал карту, просто не заявил о ней сразу.

– Это копия. – Гамаш показал на бумагу. – Оригинал находится здесь, в моей квартире.

– Правда? – спросила Лакост. – Тогда почему… как?

– Да, – кивнул Гамаш. – Почему. Как. Жан Ги прав. Я увидел карту, когда он открыл ящик, но издалека и мельком. Я должен был удостовериться.

– Вы к ней не прикасались? – спросила Лакост.

– Non.

– Почему же сразу нам не сказали?

– Я дал четырем кадетам задание по этой карте, – объяснил он. – Выдал каждому из них по копии. Один из кадетов – Натаниэль Смайт.

– И вы подумали… – начала она.

– Я подумал, не отдал ли он свою копию Ледюку, – сказал Гамаш. – Но он говорит, что его копия у него. Пошел в спальню поискать.

– Значит, всего было четыре копии? – спросила Лакост.

– Пять. Одну я сделал для себя.

– И ваша при вас?

– Она в Трех Соснах.

– В Трех Соснах, – повторила Лакост, глядя на карту в ящике. – А это карта деревни. – Она присмотрелась. – Хм. Никогда не видела Три Сосны на карте.

– Как раз такое задание я им и дал. Выяснить, зачем сделана эта карта. И попытаться узнать, почему Три Сосны исчезли со всех карт Квебека.

– И?..

– Натаниэль сообщил, что они отложили выполнение задания, – сказал Гамаш. – Оно не по программе, дано с целью отточить их следовательские навыки. Но большая учебная нагрузка заставила их отложить карту на

потом.

– И вы ему верите? – спросила Лакост.

Арман Гамаш посмотрел на нее, потом на карту и вздохнул:

– Не знаю.

– Однако хотите узнать.

– Натаниэль Смайт был одним из тех, чье заявление отклонил Ледюк. Я его принял. Мне показалось, он подает надежды. Должен признать, я испытал разочарование, узнав, что он сблизился с Сержем Ледюком.

– Вопрос в том, насколько сблизился, – сказала Лакост.

– Oui.

Лакост подозвала одного из криминалистов, попросила взять карту и отправить в лабораторию для особо внимательного изучения.

Они молча наблюдали, как агент убирает карту в пакетик для вещдоков.

– Вопрос не в том, кто дал Ледюку карту, – сказал Бовуар, провожая взглядом криминалиста, который уносил карту из спальни. – А в том, зачем она понадобилась Сержу Ледюку.

– И почему он держал ее так близко к себе, – сказала Лакост. – В прикроватном столике есть что-то интимное.

Бовуар поежился. Еще одна крапивная иголочка ему под кожу. Не самая большая колючка, но все равно действует на нервы.

– У вас было время подумать, – сказала Лакост Гамашу. – Есть какие-нибудь выводы?

– Нет, но тут есть еще одна странная вещь. Вскоре после того, как я дал кадетам это задание, кто-то выследил меня на пути домой.

– До Трех Сосен? Почему же вы ничего не сказали? – спросил Бовуар, сразу встревожившись.

– Не хотел никого волновать попусту, – сказал Гамаш, улыбаясь. – Я не знаю, кто там был и зачем. И никаких последствий.

– Думаете, за вами ехал Ледюк? – спросила Лакост. – И карта имеет к этому какое-то отношение?

– Не могу себе представить, каким образом, – развел руками Гамаш. – Убийца вряд ли искал ее, поскольку Ледюк не прятал карту, да и непохоже, чтобы его комнаты обыскивали. Вряд ли карта имеет какое-то отношение к его смерти.

– Однако вас это беспокоит? – спросил Жан Ги.

Арман Гамаш медленно кивнул:

– Меня беспокоит, что один из моих учеников отдал ему карту, и беспокоит, что Серж Ледюк хранил ее. Отсюда следует, что у него были

какие-то причины поступать так.

Гамаш повернулся к Лакост:

– Пожалуйста, поверь мне. Если бы я хоть на миг подумал, что карта как-то связана с убийством, я бы сказал немедленно.

– Я вам верю, patron, – откликнулась она. – Но все же мы должны убедиться. Вы можете назвать других кадетов, получивших копии?

– Кроме Натаниэля Смайта, два старшекурсника: Хуэйфэнь Клутье и Жак Лорен, старший кадет. И еще одна новенькая – Амелия Шоке.

– Та, что приносила ему кофе по утрам? – Лакост скосила глаза на мертвое тело.

– Да. Когда будут результаты анализа по карте, сообщи мне, – попросил Гамаш.

– Конечно, – ответила Лакост.

– С твоего разрешения, я бы хотел пригласить этих четверых в Три Сосны.

– Сейчас?

– Да, немедленно, – подчеркнул Гамаш.

– Зачем, если карта не имеет подлинного значения?

– Она говорит нам о том, что кто-то из четверки имел тесные отношения с профессором Ледюком. Настолько тесные, что этот человек дал ему карту, а Ледюк ее сохранил. Уж не знаю, для каких целей. Тот, кто дал ему карту, возможно, знает о смерти Ледюка больше, чем осознает.

– Или, возможно, знает о его смерти всё. Точка, – заметила Лакост.

– Да.

– Вы увозите их, чтобы защитить? Или чтобы защитить остальную академию?

– Я увожу их, потому что не могу ответить на этот вопрос, – сказал Гамаш. – Здесь находится убийца. Кто-то, кто приставил револьвер к виску безоружного человека и выстрелил. Ты думаешь, убийца не посмеет сделать то же самое с одним из кадетов, если этот молодой человек или девушка станет для него угрозой? Чем быстрее я увезу их отсюда, тем лучше.

Изабель Лакост кивнула, хотя далеко не была уверена, что, увозя кадетов в Три Сосны, Гамаш не увезет и убийцу. В Три Сосны.

– Я сообщу им, что карта может быть связана с убийством профессора Ледюка, и попрошу продолжить расследование, – сказал Гамаш. – Это будет моим объяснением, почему я увожу их из академии.

– У меня нет возражений. Инспектор?

Жан Ги Бовуар тоже не возражал.

– С кадетом Смайтом я поговорила, – сказала Лакост. – Нам нужно до отъезда допросить трех остальных. Сейчас в комнатах кадетов ведется обыск.

– Я посоветую агентам обратить особое внимание на эту четверку, – сказал Бовуар и вышел, чтобы поговорить со следователем из команды Лакост, только что покинувшим комнату.

– Я хочу обратиться к академии, – сказал Гамаш, взглянув на часы. Было всего десять утра, а казалось, что день уже клонится к вечеру. – Вы можете собрать кадетов и персонал в актовом зале?

Один из агентов кивнул и вышел.

– Bon. Пока он этим занимается, я пойду к себе в кабинет и поговорю с мэром и шефом местной полиции. – Гамаш повернулся к Лакост. – Нам нужно обсудить кое-что еще. Ты можешь через час прийти ко мне в кабинет?

– Конечно.

– Я вас провожу, – сказал Бовуар Гамашу. Когда они вышли в коридор, он спросил: – Вы действительно думаете, что карта не имеет отношения к убийству Ледюка?

– Не представляю, какое она может иметь к этому отношение.

Но вид у него был неуверенный, и Бовуар, глядя, как его босс целеустремленно идет по коридору, чуть поежился и покрутил плечами, прогоняя напряжение и ощущение покалывания между лопатками.

Глава четырнадцатая

В актовом зале воцарилась тишина, когда коммандер Гамаш поднялся на сцену.

Он остановился в самом центре и обвел глазами собравшихся. И только убедившись, что все внимательно смотрят на него, начал говорить.

Он рассказал им, что произошло. Говорил просто, четко. Не преуменьшая ужаса того, что в кампусе убит преподаватель, но и не превращая свой рассказ в мелодраму.

Было сказано достаточно, чтобы пресечь самые отвратительные измышления, но при этом соблюсти интересы следствия.

Гамаш не стал упоминать о револьвере. Сказал лишь, что профессор Ледюк убит одним выстрелом в голову.

Он ничего не сказал о карте.

– Есть вопросы? – спросил он, закончив.

Вверх взметнулась сотня рук.

– Вопрос, знаем ли мы, кто убил профессора Ледюка, не принимается, – уточнил коммандер, и большинство рук опустилось. – Как и вопрос, знаем ли мы, почему его убили.

И опять большинство рук опустилось.

– Да, кадет Тибодо?

Гамаш показал на кадета третьего курса, и тот встал:

– Когда нам можно будет вернуться в наши комнаты?

Гамаш пристально посмотрел на него:

– Вы спрашиваете, будут ли вам предъявлены обвинения на основании того, что найдено в ваших комнатах? Наркотики, например. Или алкоголь. Или похищенные экзаменационные вопросы.

Кадеты заерзали на сиденьях.

– Мы поговорим в тесной компании о наших находках, но за стены академии это не выйдет, если только мы не обнаружим каких-либо серьезных нарушений либо улик, связанных с этим преступлением.

Кадет Тибодо кивнул и сел, явно озабоченный. Но в душе он испытывал облегчение.

Поступило несколько вопросов о порядке действий, о занятиях и о том, что можно говорить семье и друзьям.

– Говорите им правду, – посоветовал Гамаш. – Некоторых из вас допросит старший инспектор Лакост и ее команда. Главным образом тех,

кому читал лекции профессор Ледюк или кто встречался с…

– Лжец!

Гамаш поднес ладонь козырьком ко лбу, чтобы лучше разглядеть, кто это сказал. Но человек скрывался среди остальных.

– Если вам есть что сказать, встаньте и скажите мне в лицо, – произнес Гамаш низким, спокойным голосом, разнесшимся по всему залу.

Кадеты вертелись на своих местах, оглядывали помещение.

Гамаш ждал. Поскольку никто не поднялся, он продолжил так, словно никто и не прерывал его:

– Через час вам позволят вернуться в комнаты. Если вам известно что-то, что может помочь следствию, каким бы несущественным это вам ни казалось, храните эти сведения при себе, пока кто-нибудь из следователей не пригласит вас. К сожалению, вы получили возможность увидеть изнутри работу следственной бригады по убийству. Это непривлекательно. Это не захватывающе. Будет раскрыто многое, что люди надеялись сохранить при себе. И не только содержимое ваших комнат.

За этим замечанием последовал нервный смех. Когда он стих, коммандер продолжил:

– Не заблуждайтесь, все всплывет. Будет гораздо легче, если вы откроетесь добровольно, чем если придется вытаскивать это из вас клещами.

– Лицемер! – выкрикнул тот же голос.

На этот раз кадеты прореагировали довольно громким ропотом. Некоторые были потрясены. Другие не сдержали нервного смеха.

Коммандер Гамаш обвел собравшихся твердым взглядом, и шум постепенно смолк. Они ждали его реакции, приготовившись к взрыву.

Спустя несколько мгновений, показавшихся очень долгими, коммандер Гамаш сделал то, чего никто не ждал.

Он улыбнулся. Еле-еле заметной улыбкой. Потом улыбка исчезла, и он заговорил. И хотя говорил тихо, каждое его слово доходило до каждого в зале.

– Будьте осторожны. Это опасное время. Среди нас находится убийца. Он почти наверняка здесь, в этом зале. – Он сделал паузу, затем посмотрел на них с такой заботой, что несколько человек вздохнули, избавляясь от копившегося всю жизнь напряжения. – Подкармливать злость слишком легко. Слишком трусливо подогревать ненависть. Загляните в себя и решите, кто вы есть и кем хотите стать. В такие времена характер не создается. Он проявляется. Настало время испытаний. Время проверки. Будьте осторожны.

С этими словами Арман Гамаш сошел со сцены.

– Трус! – раздался крик ему вслед.

Слово ударилось о спину коммандера Гамаша и отскочило. Он не остановился, не помедлил, не сбился с шага.

Амелия сидела, подавшись вперед, к сцене. Даже после ухода коммандера Гамаша. Она смотрела на пустое пространство, которое он только что занимал.

Коммандер Гамаш обращал свои слова ко всем кадетам вместе и к каждому в отдельности, включая и ее. Но его глаза задержались на одном молодом человеке. И вот тогда выражение его лица изменилось. На нем появилась почти мучительная озабоченность.

Он точно знал, кто прокричал эти слова, выстрелил ими в него. И, обращаясь именно к этому человеку, Гамаш произнес: «Будьте осторожны».

– Хм, – произнесла она.

– Что? – спросил ее сосед.

– Заткнись, – сказала она, хотя и без злобы.

Она думала.

Старший инспектор Изабель Лакост, стоявшая в конце зала с Жаном Ги Бовуаром, сделала резкий вдох.

– Они не знают? – прошептала она.

– Кто он такой? – переспросил Бовуар. – Либо не знают, либо им наплевать. До появления Гамаша Серж Ледюк успешно отравлял воду в колодце, а за последние два месяца постарался добавить туда дерьма.

– И Гамаш не мог этому противодействовать? – спросила Лакост.

Зал вокруг них взорвался разговорами. Об убийце и о словах, брошенных коммандеру.

– Он решил воздержаться, – ответил Бовуар. – Он сказал, что его намеренно пытаются отвлечь, а у него слишком много дел, чтобы еще вести войну с Герцогом.

– Они дураки.

– Не все.

В то время как Лакост по вполне понятным причинам показалось, что Гамаш утратил контроль над академией, Жан Ги Бовуар увидел в этом зале кое-что другое.

Как и она, он слышал оскорбительные выкрики в адрес Гамаша. Но теперь Бовуар заметил островки тишины: некоторые кадеты задумались над тем, что сейчас произошло. Они начали развивать свое мышление.

– Ты дурак, – прошипела Хуэйфэнь.
– А что? Все так думают, – огрызнулся Жак.
– Не все. Больше не все.
Ее проницательные глаза впитывали происходящее вокруг. Отмечали зоны бездействия. В тихой задумчивости сидели довольно многие из ее товарищей.
Потом она посмотрела на Жака. Такого красивого. С прекрасным умным лицом. Мускулистого благодаря альпинизму, гребле и хоккею. В его теле крылась мощная энергия, которая казалась ей почти непреодолимой. Она мечтала потрогать рукой его тугие мышцы и даже представляла, как делает это. Она мечтала обвить его руками и ногами, и ее воображение рисовало эту картину.
Но сейчас, и уже не в первый раз, она задалась вопросом, что еще прячется в этом прекрасном теле. В этой голове. И что случится, если однажды все это выйдет наружу.

Когда Хуэйфэнь вернулась в свою комнату, ее там ждала женщина, а агент обыскивал ее комнату.
– Кадет Клутье?
– Oui.
– Я старший инспектор Лакост, отдел по расследованию убийств. Присядьте, пожалуйста.
Хуэйфэнь села на краешек кровати, не сводя глаз с агента, который просматривал содержимое ее ящиков.
Лакост уселась на стул возле письменного стола, непринужденно закинула ногу на ногу.
– Где вы находились между десятью часами вечера и двумя часами ночи?
– Здесь. В кровати.
– Одна?
– Да.
– Не вставали в туалет? Или попить воды?
– Нет, я спала. После занятий, всех этих дел и физической подготовки я была вымотана.
Лакост улыбнулась:
– Я помню. Какие у вас были отношения с профессором Ледюком?
– Я слушала его лекции. И полагаю, его можно назвать моим наставником.
– Это вы его выбрали или он вас?

Хуэйфэнь взглянула на старшего инспектора. Вопрос был непростой и неудобный.

– Он меня выбрал. На первом курсе. Он предложил мне приносить ему кофе по утрам. А спустя какое-то время стал приглашать меня к себе по вечерам.

– Для чего?

– Поговорить. Я не одна приходила, – поспешила заверить ее Хуэйфэнь, – если вы вдруг подумали. Ничего такого. Он просто говорил с нами о полицейской работе, о Квебекской полиции. Проявлял интерес к некоторым кадетам.

– Его смерть, наверное, стала потрясением, – сказала Лакост.

Однако ей было ясно, что эта молодая женщина вовсе не потрясена. И уж точно не опечалена. Но она нервничала.

– Да, – сказала Хуэйфэнь.

– Через несколько месяцев вы выпускаетесь и станете агентом Квебекской полиции. Вы знаете, как все это работает. Есть какие-нибудь идеи насчет того, кто это сделал?

– Я думаю, вы должны спросить коммандера.

– В самом деле? Почему?

– Они друг друга ненавидели. Это было понятно.

– Из чего?

– Ну, из того, что они говорили друг о друге.

– И что профессор Ледюк говорил о коммандере Гамаше?

– Что он слабак, что из-за него ослабляется и академия, и Квебекская полиция. Что он трус.

Лакост на мгновение сжала губы, прежде чем смогла заговорить.

– А что коммандер Гамаш говорил о профессоре Ледюке?

Хуэйфэнь открыла рот, потом закрыла его, судорожно вспоминая, что говорил Гамаш о Герцоге.

Она посмотрела на старшего инспектора Лакост, и та кивнула:

– Ничего, верно?

Хуэйфэнь кивнула в ответ.

– Из вас не получится хорошего агента, кадет Клутье, если вы будете принимать сплетни за истину.

Агент, обыскивавший маленькую комнату, наклонился, сказал Лакост на ухо несколько слов и передал ей что-то. Она посмотрела на лист бумаги и поблагодарила его.

– Пожалуйста, возьмите с собой то, что может вам понадобиться для ночевки в другом месте, – сказала она, вставая. – И пожалуйста, захватите с

собой вот это.

Она протянула ошеломленной молодой женщине карту Трех Сосен и вышла.

Инспектор Бовуар как раз выходил из комнаты Жака Лорена, расположенной дальше по коридору.

– Я практически не сомневаюсь, что это он выкрикивал оскорбления в адрес месье Гамаша, – сказал Бовуар, когда два следователя поравнялись в коридоре.

– Почему?

– Почему я так думаю или почему он это сделал?

– И то и другое.

– Потому что он один из тех, кого Ледюк создал по своему подобию. Был его прислугой на первом курсе.

– Как и кадет Клутье. – Она махнула в сторону комнаты Хуэйфэнь. – Карта нашлась?

– Да. Она у него.

– Карта кадета Клутье тоже у нее. Значит, две есть.

– Я ему сказал, чтобы он собрал вещи для ночевки и взял с собой карту, но не сообщил, куда он поедет. Этот маленький говнюк выглядел довольно испуганным.

– Если они считали Ледюка своим наставником и уважали его, то почти наверняка убийцы не они, – заметила Лакост.

– Я бы такого варианта не исключал, – возразил Бовуар. – Преклонение у молодых людей может очень быстро переходить в ненависть. Если Ледюк нашел себе новых фаворитов.

– Например, двух других кадетов, – подхватила Лакост. – Новеньких.

– Может быть.

– Ты поговори с молодой женщиной, – сказала Лакост. – А я еще раз с Натаниэлем Смайтом. Проверю, нашел ли он свою копию карты.

* * *

Натаниэль показал карту.

– Bon. – Лакост взглянула на карту и вернула ему.

Итак, три карты в наличии.

– Когда вы встречались с Сержем Ледюком по вечерам, чем вы занимались?

Лицо молодого человека запылало.

– Откуда вы знаете, что я с ним встречался?

– Я говорила с другими кадетами.

– Мы приходили группой, – сказал Натаниэль. – Это случалось нечасто, когда Герцог приглашал нас.

– И всегда присутствовали другие? Никаких встреч наедине?

– Никогда.

– А вчера вечером?

– Я поужинал, потом мы играли в хоккей, потом я вернулся сюда и стал делать домашнее задание. Мы должны были провести пошаговое расследование кражи со взломом.

– Когда вы легли спать?

– Кажется, около одиннадцати.

– По вашим наблюдениям, кто-нибудь проявлял особую неприязнь к профессору Ледюку?

– Он был не из самых популярных преподавателей, – сказал Натаниэль. – Но его уважали.

– Уважали или боялись?

Натаниэль молчал.

– А вы? Что чувствовали вы?

– Я его уважал.

– За что?

– Я… Я…

– Вы его боялись, верно? – тихо спросила она.

– Нет! Я был благодарен за то, что он меня выбрал.

Лакост кивнула. Возможно, это правда. Если Герцог стал его наставником, то другие кадеты, вероятно, оставили парня в покое. Но Ледюк, конечно же, знал, что в свое время он отказал в приеме этому пареньку, а коммандер Гамаш собственной властью изменил его решение.

Не поэтому ли Ледюк пригласил его? Потому что Гамаш отдал ему предпочтение? Ледюк хотел изгадить все, что заслужило особое внимание коммандера?

– Пожалуйста, соберите вещи, необходимые для того, чтобы несколько ночей провести в другом месте, – сказала Лакост, вставая. – И возьмите с собой карту.

Натаниэль тоже поднялся:

– Что? Почему?

– Вас учили оспаривать приказы?

– Нет.

– Тогда, пожалуйста, делайте то, что я сказала.

– Она где-то здесь, – сказала Амелия.

Сначала агент Квебекской полиции, а теперь и она сама обшаривала комнату под наблюдением Жана Ги Бовуара.

Это не заняло много времени. В комнате было мало мебели. Кровать, письменный стол. Комод с ящиками и небольшой шкаф, в котором висела форма академии.

Ящики комода были пусты, кроме одного, – там лежали носки, трусики, бюстгальтеры.

Зато здесь было много книг. Они стояли на полках над столом, на полу, у стен. Амелия сама сделала полки из кирпичей и старых досок.

Она открывала каждую книгу, встряхивала ее. Но изнутри ничего не вылетало.

– Хватит, – сказал Бовуар. – Карты здесь нет.

Он показал ей на кровать, и она села. Бовуар подтащил стул поближе, сел, наклонился к Амелии и тихо спросил:

– Так где же она?

– Не знаю.

Девушка казалась искренне взволнованной.

Бовуару не нравилось то, что он видел, глядя на Амелию Шоке, однако он не мог не признать, что с самого начала занятий кадет Шоке никогда не притворялась кем-то другим.

Это бодрило и тревожило одновременно.

Но это вовсе не означало, что она не способна лгать.

– Вы отдали карту профессору Ледюку?

– Что? – удивилась Амелия. – Нет, конечно нет. С какой стати?

– Когда вы видели ее в последний раз? – спросил Бовуар.

– Не знаю.

– Постарайтесь вспомнить, кадет.

До сих пор этот симпатичный преподаватель никем другим для нее и не был. Просто преподавателем. Он читал курс «Оперативная работа на месте преступления и ее методы». Еще Амелии было известно, что он заместитель коммандера Гамаша, второе лицо в академии.

И его зять. Она узнала это, когда увидела фотографию в доме коммандера. И хранила тайну, чтобы воспользоваться ею в moment juste[38].

Но Амелия никогда не думала о нем как о полноценном инспекторе отдела по расследованию убийств и одном из старших офицеров Квебекской полиции. Она даже не знала о нем ничего такого.

До этого момента.

На ее глазах преподаватель превратился в важного инспектора.

Амелия покачала головой и всплеснула руками от отчаяния:

– Я не знаю, где она.

– Профессор Ледюк просил вас прислуживать ему, – сказал Бовуар.

– Он не просил, – возразила она. – Он приказал. И никогда не называл это «прислуживать». Это была честь, возможность.

– А вы тоже так на это смотрели?

– У меня и выбора-то особого не было. Я просто делала, что мне говорили.

– Непохоже, чтобы он вам нравился.

– Мне никто не нравится, – сказала Амелия.

– Вы испытывали к нему неприязнь?

– Я ни к кому не испытываю неприязни.

– Правда? – спросил он. – Вы выше человеческих слабостей?

– Послушайте, я здесь для того, чтобы научиться быть агентом Квебекской полиции. А не заводить дружбу.

– Вы знаете, что вам много лет придется работать с теми, с кем вы сейчас учитесь? Может, вам стоит научиться дружить с ними. И даже проявлять неприязнь.

– Да, сэр.

Бовуар посмотрел на нее и увидел в ее глазах ум. И если не страх, то озабоченность.

Он знал, что у нее есть причины для беспокойства. Также как и для опасений.

Ее карта пропала. Либо она отдала ее убитому, либо кто-то взял карту у нее и подложил в ящик к Ледюку. В любом случае внимание фокусировалось на ней. Кадет Шоке оказалась в перекрестье прицела. Бовуар понимал это. И конечно, она тоже понимала.

– Соберите, пожалуйста, какие-нибудь вещи. Несколько ночей вы будете ночевать не здесь. Агент проводит вас.

– Зачем? Из-за карты?

Это был вопрос вдогонку, но ответа Амелия не получила.

– Можно войти? – спросила Лакост, стукнув один раз и открыв дверь. – Вы уже встретились с мэром и шефом полиции?

Гамаш встал из-за стола и пригласил ее сесть в кресло у дивана, а сам занял другое.

– Oui. Бедняга. Я ему сочувствую. В последние месяцы я пытался

вернуть доверие мэра. И наконец на последнем городском собрании, невзирая на доводы советников, он одобрил волонтерскую программу с академией, а тут такое случилось.

– Но академия и город никак не связаны, – сказала Лакост.

– Нет, но академия предстает в очень плохом свете, ты так не считаешь? Убили одного из наших преподавателей! Разве теперь люди поверят мэру, что для детей здесь безопасно и они могут использовать наш бассейн или хоккейную площадку?

– Понимаю, – сказала она.

Было ясно, что Гамаш искренне расстроен. Но, как подозревала Лакост, отнюдь не тем, что произошло жестокое убийство одного из коллег. Его печалило, что этот хороший человек, нынешний мэр, и дети района ущемлены в своих правах, и опять Сержем Ледюком.

– Шеф полиции настроен более оптимистически, – сказал Гамаш. – Предлагает помощь.

Изабель Лакост разгладила стрелочки на брюках, потом посмотрела на бывшего шефа:

– Я даже не представляла, что тут такое враждебное окружение, patron.

Он улыбнулся:

– Если откровенно, я тоже. Я рассчитывал встретить здесь сопротивление, и, Господь свидетель, я его встретил. Я предполагал, что Серж Ледюк попытается отравлять и контролировать атмосферу в кампусе. И он это делал. Я предполагал, что кадеты третьего курса будут потерянным поколением. Так оно и есть. Почти.

Он посмотрел на нее и немного помедлил.

– Ты знаешь, почему в вооруженные силы набирают восемнадцатилетних?

– Потому что они молоды и здоровы? – спросила Лакост.

– Здоровее, чем в двадцать три? Нет. Потому что они податливы. Восемнадцатилетнего можно заставить поверить почти во что угодно и сделать почти что угодно.

– То же относится к уличным бандам и террористическим организациям, – сказала Лакост. – Им нужны молодые.

Эта мысль заставила ее остановиться. Слова вырвались случайно, но для их осмысления потребовалось некоторое время. Серж Ледюк, по сути, превратил полицейскую академию в тренировочную базу террористической организации.

За несколько лет он испортил отличное в прошлом учебное заведение. И не только саму академию, ведь ее выпускники становились агентами

Квебекской полиции. И поднимались по карьерной лестнице. Нет, не в будущем. Уже сегодня. Они уже служили в полиции.

А что хуже всего, молодые выпускники не видели ничего плохого в том, что делали. Или собирались делать. Поскольку им сказали, что такое поведение правильно.

Арман Гамаш не случайно согласился занять пост главы академии. Выправить ситуацию. И для этого ему было необходимо остановить Сержа Ледюка.

Арман Гамаш поднялся и пошел к своему столу.

Изабель Лакост невольно насторожилась. Такая настороженность свойственна хорошо подготовленным и чутким офицерам.

Серж Ледюк был остановлен. Полностью и окончательно.

Но не руками месье Гамаша, сказала она себе. Он не имеет к убийству никакого отношения. Ни малейшего.

Арман Гамаш достал из стола папку и вернулся на прежнее место.

– Вы могли бы уволить его, patron, – сказала Лакост. – Вам, возможно, не удалось бы уволить его за коррупцию, но как минимум вы бы помешали ему и дальше приносить вред.

– Увольнение Ледюка ничего не решало. Просто те же проблемы были бы переложены на кого-то другого. Ледюки в этом мире всегда будут находить сочные пастбища. Если не в полиции Квебека, то в полиции другой провинции. Или в частном детективном агентстве. Нет. Хватит – значит хватит. Этому нужно было положить конец, и людям, которых он успел коррумпировать здесь, в Квебекской полиции, пришлось бы усвоить, что его философия более неприемлема.

– Как же вы собирались это сделать, сэр?

Он посмотрел на нее внимательно и с легким недоумением:

– Я правильно тебя услышал? Ты предполагаешь, что я мог остановить его пулей посреди ночи?

– Я должна спросить, – сказала Лакост. – А вы – ответить. Я не веду пустые разговоры.

– И я тоже, – сказал Гамаш, откидываясь на спинку кресла. – Ты думаешь, я способен на хладнокровное убийство?

Она помедлила, глядя ему в глаза.

– Да, думаю.

Они долго сидели молча, глядя друг на друга.

– Если уж на то пошло, я думаю, что тоже на это способна, – добавила Лакост.

– При соответствующих обстоятельствах, – произнес Гамаш,

задумчиво кивнув.

– Oui.

– Вопрос в том, что считать соответствующими обстоятельствами, – сказал Гамаш.

– Вам, вероятно, стало ясно, patron, что Серж Ледюк выигрывает. Он уже испортил кадетов выпускного курса. Вы сами сказали, что они неисправимы…

– Я сказал, почти неисправимы. Я еще не махнул на них рукой.

– Тогда почему вы сами не преподаете на выпускном курсе? У вас пока только первокурсники.

– Верно. Я дал старшим кое-что получше. Человека, который может научить их большему, чем я.

– Жана Ги? – спросила она, даже не пытаясь скрыть сомнения.

– Мишеля Бребёфа.

Изабель Лакост замерла. Будто что-то ужасное вползло в комнату и она не хотела привлекать его внимание.

Наконец она заговорила:

– Известного предателя?

– Пример, – поправил ее Гамаш. – Наглядный пример того, к чему может привести порча. Она забрала у Мишеля Бребёфа все, что было для него важно. Коллег, друзей, самоуважение. Карьеру. Семью. Он потерял все. Серж Ледюк обещал кадетам власть и вознаграждение. Мишель Бребёф – реальный образец того, что на самом деле происходит с коррумпированными офицерами полиции.

– Он знает об этом?

– Он знает, что получил шанс искупить свою вину. Закрыть ворота.

Изабель слегка наклонила голову набок, не поняв аллюзию.

– А что, если он не станет и пытаться искупать вину? – спросила она. – Что, если он видит в этом шанс вернуться? Что, если он вернулся к прежнему и нашел здесь благодатную почву для себя? Вас не тревожит, что соединение Мишеля Бребёфа, Сержа Ледюка и кадетов, которые легко поддаются на их уловки, может обернуться катастрофой?

– Конечно тревожит! – рявкнул Гамаш, но тут же взял себя в руки. Он посмотрел на нее острым взглядом, в глубине которого таился гнев. – Даже не думай, что это не тревожит меня каждое мгновение каждого дня. Но как тушат пожар? Другим пожаром.

– Управляемым огнем, – уточнила Изабель Лакост и повторила, понизив голос: – Управляемым.

– Ты намекаешь, что я потерял управление?

– Из академии вывозят тело в морг, а ваши кадеты освистывают вас. – Она вздохнула. – Да, мне кажется, вы потеряли управление. И пожалуйста, знайте: я говорю это с глубочайшим уважением к вам. Если кто и мог бы решить проблемы академии, то только вы.

– Однако ты считаешь, что я усугубил ситуацию?

Она открыла рот и тут же закрыла его.

– Я не собираюсь сидеть здесь и рассказывать тебе, что убийство Сержа Ледюка входило в мои планы, – сказал Гамаш. – Или что я думал хоть о чем-то отдаленно похожем. Но я не отступлю. Ты никогда не убегала от трудностей, Изабель. Даже когда могла. Даже когда тебе следовало так поступить, чтобы спасти себя.

Он улыбнулся, глядя на нее темно-карими глазами. Ей вспомнилось, как он смотрел на нее, когда умирал на полу заброшенной фабрики, а она, Изабель, отчаянно пыталась остановить кровь. Отовсюду раздавались автоматные очереди, пули крошили стены вокруг, в воздухе висела пыль, слышались крики и стоны умирающих.

Она оставалась с ним. Держала его за руку. Слушала то, что могло (и оба это знали) стать его последними словами: «Рейн-Мари».

Он передал это имя Изабель Лакост. А с ним – свое сердце и душу. Все свое счастье и просьбу о прощении. «Рейн-Мари».

Гамаш выжил. И Изабель не пришлось передавать его последние слова адресату.

– Я не убегу и сейчас, – сказал он. – Мы доведем дело до конца.

– Oui, – сказала она.

– Мы попадали в переделки и похуже, правда, Изабель?

Она улыбнулась:

– Попадали. По крайней мере, кадеты не вооружены и не стреляют в нас. Пока.

Гамаш хрипловато хохотнул:

– Я попросил шефа полиции забрать все боеприпасы из оружейной комнаты. Оружие остается, но стрелять будет нечем.

Ее улыбка померкла.

– Я шутила. Неужели вы и вправду ожидаете бунта в таком масштабе?

– Я не ожидал убийства, – ответил Гамаш. Еще никогда он не был так серьезен. – Кадеты должны быть в безопасности. Единственное, что опаснее убийцы, – это убийца, загнанный в угол. В данном случае он загнан в угол внутри академии. И нужно сделать так, чтобы в его распоряжении не могло оказаться оружия.

– Или армии, – сказала Лакост, вспоминая реакцию аудитории. – Серж

Ледюк имел немало сторонников.
– Верно. Но ты видела хоть каплю скорби?
Этот вопрос застал Лакост врасплох, и после краткого размышления она отрицательно покачала головой:
– Нет.
– Нет, – подтвердил Гамаш. – Проблема с пузырьками с державных уст.
– С державных уст?
– Их всех ждет эта же судьбина, – сказал Гамаш. – Если бы Жан Ги был здесь, он бы оценил эти слова по достоинству.
– Еще одно стихотворение? – спросила Лакост, не сомневаясь, что так оно и есть.
– Мм, Джонатан Свифт[39].
Он протянул ей папку, которую извлек из ящика стола.
– Что это?
– Пистолет, который я держал приставленным к виску Сержа Ледюка, – ответил Гамаш. – Прочти и скажи мне, что ты думаешь.
Лакост взяла папку и поднялась:
– Merci. Прочитаю. Есть какой-нибудь свободный кабинет?
– Зал заседаний напротив.
– Отлично.
Хотя она и встала, Гамаш остался сидеть. Поняв намек, Лакост опустилась на прежнее место:
– Что-то еще?
– Кое-что политического свойства, но найти убийцу это, к сожалению, не поможет, – сказал Гамаш. – Некоторые соображения по руководству отделом. В особенности таким известным, как отдел по расследованию убийств.
– Да?
– Должно быть видно, что правосудие совершено.
– Согласна.
Старая мудрость, даже затертое клише, а Гамаш не имел склонности фонтанировать банальностями. И если говорил что-то подобное, то в качестве преамбулы.
– «Правосудие должно быть не только совершено, – процитировала Лакост, – но и должно быть видно, что оно совершено». Вы это к чему? Мне следует созвать пресс-конференцию?
– Что ж, это неплохая мысль, однако я имел в виду кое-что более конкретное. Это Полицейская академия Квебека. Все преподаватели –

бывшие полицейские, или полицейские в отпуске, как инспектор Бовуар, или люди, работающие в полиции по контракту. Я – бывший глава отдела по расследованию убийств. Твой бывший босс.

И тут старший инспектор поняла.

– Получается, что Квебекская полиция расследует Квебекскую полицию.

– В деле об убийстве.

Она кивнула, обдумывая это:

– Вы считаете, что я должна обратиться к старшему суперинтенданту Брюнель и попросить, чтобы она привлекла стороннее полицейское агентство для проведения расследования?

– Non, – покачал головой Гамаш. – Не для проведения расследования. Против этого ты должна возражать. Просто скажи, чтобы прислали стороннего следователя. Кого-то, кто смог бы подтвердить справедливость твоих выводов.

Лакост задумалась, и ее размышления были не из приятных.

– Вы когда-нибудь делали это?

– Дважды. Радости мало. Но таковы требования. И лучше, чтобы инициатива исходила от тебя, а не была навязана сверху. Подозреваю, что старший суперинтендант Брюнель сейчас подумывает о чем-то подобном.

Лакост вытащила телефон и нашла номер главы Квебекской полиции.

– Мне попросить прислать кого-то конкретного?

– Нет, – ответил Гамаш, вставая. – Это бы вызвало недоумение. Ты должна принять то, что она решит. А сейчас я тебя покину.

Он вышел в приемную в тот момент, когда там появился Жан Ги.

– Они отправились в Три Сосны, patron.

– Хорошо. Merci.

Теперь, вблизи, Бовуар увидел, как переживает Гамаш.

– У меня есть кое-что, – сказал Жан Ги. – Одна из карт пропала.

– Чья?

– Готки.

– Амелии?

Бовуар поднял брови, пораженный такой фамильярностью:

– Да, кадета Шоке.

– И как она это объяснила?

– Она казалась удивленной. Отрицала какие-то особые отношения с Ледюком, кроме обязанности приносить кофе по утрам и приходить на нерегулярные собрания с другими в его квартире.

– Значит, это правда, – сказал Гамаш. – Она была одной из них.

Гамаш глубоко вздохнул и выдохнул, открыл дверь и выглянул в коридор, который недавно кишел кадетами, а теперь был пуст.

Он пробормотал тихо, почти неслышно:

– Что же я наделал?

Глава пятнадцатая

– Вы нас похитили.

– Ну, это немного преувеличено, вам не кажется? – произнес Арман Гамаш позднее в тот же день, обращаясь к четырем кадетам, сидящим в бистро. – Вряд ли условия содержания похожи на тюремные.

– Вы знаете, что я имею в виду, – отрезал Жак.

– О да, кадет Лорен, я вас услышал.

Амелии было любопытно, слышит ли Жак, что ему на самом деле говорит коммандер. Но парень был слишком сосредоточен на собственных мыслях, чтобы воспринимать чужие.

– Почему мы здесь? – спросила Хуэйфэнь Клутье.

Ее голос звучал более вежливо, хотя раздражение тоже ощущалось.

День перевалил на вторую половину, и бистро понемногу заполнялось, но их столик по просьбе Гамаша стоял в отдалении – Оливье поставил его в углу, втиснул между стеной и окном. Когда коммандер Гамаш вошел, они встали, но он жестом велел им сесть и подтащил себе стул от другого столика.

Амелия в этой, уже немного знакомой обстановке чувствовала себя как дома. Здесь не пахло мочой и куревом, как в ее меблированных комнатах. Звук не отдавался эхом от стен, как в академии. Здесь пахло кофе и дымком из каминов, в которых потрескивали поленья, а помещение наполнял гул голосов, приправленный смехом. Это были не те громкие, зачастую оглушительные взрывы хохота, от которых дрожали стены академии, а приглушенный рокот с оттенком доброго юмора.

Ее вывели из академии и посадили в машину Квебекской полиции без опознавательных знаков. Двигатель у машины уже работал. Спереди сидели два агента полиции в штатском, а на заднем сиденье ждал Натаниэль. Их везли все дальше и дальше от академии и управления Квебекской полиции, и волнение Амелии росло с каждой милей.

Машина покинула главную дорогу и поехала по проселочным, все более и более узким. Наконец свернула на грунтовую.

– Куда вы нас везете? – требовательно спросила девушка, когда машина сбросила скорость, въехав на гребень холма. – Где мы?

– Мы уже не в Канзасе[40], – ответил один из агентов, повернувшись к ней.

Это был Габри. И Амелия сразу же узнала деревню.

– Три Сосны, – произнесла она. – Но почему?

– Откровенно говоря, – сказал Оливье, когда они подъехали к бистро, – я понятия не имею, почему месье Гамаш попросил привезти вас сюда. Но он попросил.

Кадетов провели к зарезервированному для них столику, и Оливье сказал, чтобы они ждали здесь коммандера Гамаша.

Вскоре к ним присоединились Хуэйфэнь и Жак. Их привезли две женщины – хозяйка книжного магазина и художница. Художница пошла домой, а владелица магазина села за столик неподалеку и заказала себе пиво и сэндвич, продолжая наблюдать за кадетами.

Кадеты в ожидании съели ланч, а сколько выпили чашек кофе, и не сосчитать. Наконец появился коммандер.

– Почему мы здесь? – повторил Жак вопрос Хуэйфэнь, когда Гамаш сел.

Арман заказал у Оливье двойной эспрессо и обратился к кадетам:

– Я попросил моих друзей привести вас сюда, потому что жизненно важно соблюсти секретность. Старший инспектор Лакост и инспектор Бовуар знают, где вы. Но больше никто. Я даже не хотел, чтобы вас сюда везли агенты. Никто не должен знать, где вы.

После этих слов они сгрудились за столом поближе к коммандеру.

– А почему никто не должен знать? – тут же спросили Хуэйфэнь и Натаниэль.

Амелия и Жак сидели молча. И Гамаш подумал, что они, вероятно, знают. Они подозреваемые. В убийстве. И при этом, возможно, следующие жертвы.

Глядя на их встревоженные молодые лица, он видел деревню за окном и холм, с которого они спустились. И вспомнил огни фар в тот первый вечер, когда кадеты оказались здесь.

Огни, словно глаза, смотрели тогда на них, а потом медленно-медленно откатились назад.

Гамаш понятия не имел, кто сидел за рулем той машины, но предполагал, что наблюдение велось за ним. Однако теперь он засомневался. И его беспокойство усилилось.

Что, если целью был не он? Что, если тот, кто сидел в машине, выслеживал кадетов?

Всех.

Или кого-то одного.

– Почему мы здесь? – требовательно повторила Хуэйфэнь.

– Я привез вас сюда, потому что у меня есть для вас работа.

– Дайте я угадаю, – сказал Жак. – Вы хотите, чтобы мы чистили у вас дорожки и готовили вам еду.

Это прозвучало довольно громко, и люди за соседними столиками посмотрели в их сторону, а потом вернулись к своим разговорам.

– Кажется, вы принимаете меня за кого-то другого, – спокойно произнес Гамаш. Обижаться он не собирался. Мотылек не может потревожить хищную птицу. – То, о чем я хотел вас попросить, – дело довольно трудное и очень важное. И требует секретности. Я надеюсь, оно поможет расследованию убийства профессора Ледюка.

Ничего более соблазнительного для четырех кадетов он не мог бы сказать. Даже Жак присмирел и настроился слушать. Амелия наклонилась ближе.

«Такие юные, – подумал Гамаш. – Такие юные, что еще не осознают этого».

– В ночном столике профессора Ледюка обнаружилась копия карты, – сказал Гамаш, выкладывая карту на стол.

Только Натаниэль заметил, как от лица Амелии отхлынула кровь. И без того бледная, девушка стала чуть ли не прозрачной.

– Никто, кроме следователей, не знает об этом, – продолжал коммандер. – Нам пока неизвестно, как карта попала к нему и зачем она ему понадобилась.

– Чья это карта? – спросила Хуэйфэнь.

– Этим вопросом занимаются другие, – ответил Гамаш.

Амелия уставилась на него, но ничего не сказала.

– Нас поэтому просили взять наши карты? – спросил Жак.

– Да. Я надеюсь, вы их привезли, потому что мне нужно, чтобы вы выяснили кое-что.

Его глаза, как всегда, остановились на Амелии.

Он наблюдал за происходящими в ней изменениями с первого дня.

Она училась лучше всех в группе. Даже лучше всех на первом курсе. С большим отрывом. Но она не хотела волонтерствовать, вступать в клубы или в спортивные команды и ни к кому не подсаживалась в столовой.

Сегодня, перед отъездом сюда, он прочитал справку о содержимом ее комнаты, составленную агентом, проводившим обыск. Ни наркотиков. Ни алкоголя. Немного шоколадного печенья, похищенного из кухни.

Никаких фотографий. Никаких писем или открыток. Ни слова от ее отца. Или матери.

Она словно родилась в академии. Двадцатилетняя новорожденная. Хотя Арман Гамаш знал, что это не так. Он точно знал, откуда она. Знал ее

родословную.

Краем глаза он видел рядом со стулом Амелии матерчатую сумку. Она была полна, ткань бугрилась, выступая под непонятными углами.

Гамаш догадывался, что привезла сюда Амелия. Одежду и туалетные принадлежности. Но главным образом – единственное, что по-настоящему ценила Амелия Шоке.

Книги.

Лежал ли там томик стихов Рут Зардо, тот томик, что она взяла в его доме? Он не решался сказать «украла», все еще надеялся, что она когда-нибудь вернет книгу.

Кадеты оторвали глаза от карты и уставились на коммандера.

В окне Гамаш заметил подъезжающую машину, очень знакомую ему машину.

Понизив голос, он заговорил взволнованно и быстро:

– Мне нужно, чтобы вы продолжили начатое. Разузнали об этой карте все, что можно. Кто ее нарисовал. Зачем. Была ли у него какая-то цель. Нет ли в ней какого-то послания, которое делало ее ценной для профессора Ледюка.

Гамаш увидел, что машина подъехала к его дому.

Он поднялся, продолжая говорить. Кадеты тоже встали.

– На ее создание было потрачено столько времени и сил, так почему же после всего этого она оказалась замурована в стене? – спросил он. – Я должен уйти, но вернусь через несколько минут. Оставайтесь здесь.

Он сунул копию карты в карман и вышел.

Амелия проводила его взглядом – он шел чуть быстрее, чем ходят люди, у которых легко на душе. Выйдя из бистро, он широкими шагами прошел через деревенский луг к своему дому, где на дорожке к крыльцу его ждали мужчина и женщина.

Мужчину Амелия не знала. Средних лет, с сединой в волосах и мягкими чертами лица. Но больше всего ее поразила его форма. Не Квебекской полиции. Темно-синяя, с золотыми пуговицами и знаками различия. И фуражка с широкой золотой лентой. Когда Гамаш подошел к нему, мужчина встал прямо, почти что навытяжку. И чуть не отдал честь, во всяком случае попытался.

И опять коммандер удивил Амелию. Наверно, прежде он был важной персоной, если старший офицер относится к нему с такой почтительностью. Хотелось бы ей знать, что за ужасные преступления совершил Гамаш, если его выгнали со службы. На равнину Сен-Альфонса и в Полицейскую академию.

Пока эти двое обменивались рукопожатием, Амелия внимательнее присмотрелась к женщине. В гражданской одежде. Светловолосая. Невысокая, но нет ощущения, что маленькая. Напротив. В ней было что-то внушительное, даже на расстоянии.

И тут глаза Амелии широко распахнулись.

– Черт возьми!

– Что? – спросила Хуэйфэнь, проследив за ее взглядом. – Кто они?

– Откуда мне знать? – отмахнулась Амелия.

Это была глава отдела по расследованию убийств. Та самая, интервью с которой Амелия видела по телевизору в квартире пьяной хозяйки меблированных комнат.

Амелия встала и направилась к двери.

– Стой!

Все в бистро замерли. Включая Амелию.

– Иди сюда.

Амелия повернулась. Когда посетители бистро поняли, что эти слова обращены к молодой женщине, все поспешили отвести глаза, чтобы не видеть неминуемого кровопролития.

Рут кривым пальцем показывала на пустой стул за ее столом. Поколебавшись секунду, Амелия подошла и села.

– Разве он не велел оставаться на месте? – строго спросила Рут.

– Вы Рут Зардо, поэтесса, – сказала Амелия.

– Я слышала, в академии случилось убийство. Твоих рук дело?

Слабоумная старая поэтесса смотрела на нее так пронзительно, что Амелии показалось, будто этот взгляд рассекает ей кожу.

Рядом с Рут покачивала головой дьявольская утка и бормотала: «Фак-фак-фак».

В голове у Амелии стало пусто, осталась только одна строчка из книги, которую предлагал ей коммандер. Она отказалась от подарка, но потом нашла экземпляр в «Старой книге» неподалеку от академии и купила. Марк Аврелий.

«Цель жизни не в том, чтобы быть на стороне большинства, а в том, чтобы не оказаться среди сумасшедших».

Амелия знала: она оказалась в самой гуще сумасшедших.

Глава шестнадцатая

Шагая по деревенскому лугу, Гамаш видел знаки различия на форме гостя. Корона над тремя звездами ордена Бани, старинного рыцарского ордена.

Этот человек был высокопоставленным офицером Королевской канадской конной полиции. Заместителем комиссара КККП.

Изабель Лакост открыла рот, чтобы представить их, но человек уже шагнул навстречу Гамашу, улыбаясь и протягивая руку.

Улыбался он сдержанно – приветственно, но не радостно. Ведь их как-никак соединила трагедия.

– Коммандер Гамаш, – сказал он. – Сожалею, что при таких обстоятельствах, однако очень рад познакомиться наконец с вами.

– Это заместитель комиссара Желина́, – представила его Изабель Лакост. – Он будет помогать нам в расследовании.

«Помогать» было, конечно, эвфемизмом. Каким бы любезным ни казался заместитель комиссара Желина, его приставили к ним в качестве сторожевой собаки. Наблюдать за ними. Присматривать.

– Поль Желина, – произнес заместитель комиссара.

– Арман Гамаш, – произнес Гамаш. – Рад познакомиться.

Рукопожатие офицера КККП было крепким, но не костедробительным. Ни попытки, ни нужды демонстрировать силу. Сила подразумевалась и без того.

– Заместитель комиссара прилетел из Оттавы и как раз находился в управлении КККП в Монреале, когда старший суперинтендант Брюнель позвонила с просьбой о наблюдателе, – сказала Лакост.

– Что ж, нам повезло, – сказал Гамаш.

– Oui, – откликнулся Желина. – Я хотел, чтобы мы трое встретились как можно скорее. Хотя и не предполагал, что встреча состоится здесь. – Он огляделся вокруг. – Мило.

Это прозвучало вежливо, однако было ясно, что в ближайшем будущем месье Желина не собирается посещать Три Сосны еще раз.

– Désolé, – сказал Гамаш. – Мне потребовалось срочно приехать сюда, но я постараюсь побыстрее вернуться в академию. Извините, что вам пришлось тащиться в такую даль.

– Если откровенно, то меня это даже устраивает, – сказал Желина, шагая рядом с Гамашем к крыльцу. – Неплохо хоть ненадолго вырваться из

города, и, по правде говоря, такие ситуации всегда неловки. Влезать в чье-то расследование. Один раз мне уже пришлось заниматься чем-то подобным. Не самое приятное дело, но необходимое. Мне всегда легче начать разговор прямо на месте преступления. Более приватно. Меньше отвлечений и перерывов. Мы со старшим инспектором Лакост имели возможность поговорить по дороге.

– И теперь вы хотите поговорить со мной?

– Да. Наедине, если возможно.

Гамаш пригласил офицера КККП первым подняться на крыльцо к двери.

– Вы видели место преступления?

– Да. По пути сюда я набросал предварительный отчет.

– Тогда вы, возможно, знаете больше, чем я.

– Сомневаюсь, коммандер.

Сказано это было по-дружески, но Гамаш почувствовал подтекст. Может быть, даже предупреждение.

«Не верь всему, что думаешь», – напомнил он себе. И все же…

Неожиданно за стеклом двери появилась физиономия. Горящие глаза и уши, которые начинались в дверном окошке, а заканчивались где-то под потолком.

Гамаш рассмеялся. Он всегда радовался, видя, как Анри стоит на задних ногах, с высунутым языком, покачиваясь и размахивая хвостом. Потом он услышал знакомый голос и знакомые слова, всегда одни и те же:

– Ох, Анри. Назад. Прочь от двери. Ты же знаешь, ему не войти, пока ты в нее упираешься. Вот так, хороший мальчик. Сядь.

Арман повторял слова жены вплоть до слов «Хороший мальчик. Сядь».

Но потом зазвучали другие, незнакомые слова:

– Грейси, фу. Все в порядке. В порядке. Пожалуйста, не надо. Ой…

«Грейси?» – подумал Гамаш.

Он открыл дверь и увидел Анри: пес сидел и молотил хвостом, открыв пасть в улыбке и наклонив вперед уши-радары. Его буквально раздирало от счастья. За ним стояла улыбающаяся Рейн-Мари.

Извинительно улыбающаяся.

– Осторожнее, пожалуйста… – Она показала на лужу на дощатом полу.

– Та-ак, – сказал Арман, глядя на лужу.

Но не это смутило его больше всего.

Что-то извивалось в руках у Рейн-Мари.

– Входите. – Гамаш повернулся к гостям. – Осторожнее, пожалуйста…

Он повторил тот же жест и увидел на лицах Лакост и Желина сначала

гримасу, а потом вежливую улыбку, словно лужа была красивым ковриком.

Они осторожно перешагнули через нее и вошли в комнату.

– Держи. – Рейн-Мари сунула в руки мужу свое сокровище и отправилась за средствами борьбы с подобными лужами.

– Ох ты, – сказала Лакост, подходя к Гамашу. – И кто это такой?

– Понятия не имею, – сказал он. Существо в его руках отчаянно дрожало. – Но зовут его, кажется, Грейси.

– Такой маленький, – сказал Желина, тоже подходя. – Можно? – Он осторожно погладил существо по голове. – И мягонький.

Рейн-Мари вернулась с ведром мыльной воды и губкой. И дезинфицирующим спреем.

– Позвольте помочь, мадам.

– Non, mais merci[41]. К сожалению, такое со мной случается не впервые в жизни. И даже сегодня уже не в первый раз.

– Ты не хочешь мне что-нибудь сказать? – намекнул Арман.

Грейси перестала корчиться в его руках, и Гамаш почувствовал, как она постепенно успокоилась. Дрожь прекратилась, когда он погладил ее. От носа до хвоста. Она была размером с его ладонь, так что гладить ее было нетрудно.

– Я представлю мою гостью, если ты представишь своих, – сказала Рейн-Мари, показывая губкой на человека в форме.

Желина и Лакост рассмеялись.

– Изабель я, конечно, знаю. – Рейн-Мари стащила кухонные перчатки и подалась вперед, чтобы поцеловать Лакост. – Добро пожаловать, ma belle.

– А это Поль Желина, – сообщил Арман, когда они пожимали друг другу руки.

– Un plaisir[42], – сказал Желина. – Извините за вторжение.

– КККП, – сказала Рейн-Мари. – Конникам мы всегда рады. – Она повернулась к Арману. – Ну, что ты еще натворил?

– Заместитель комиссара Желина приехал помочь нам в расследовании убийства профессора Ледюка, – пояснила Изабель.

– Понятно.

Арман уже звонил Рейн-Мари и сообщил об убийстве, так что она не удивилась. Все отметили, что она не проронила ни слова соболезнования, удивления, печали.

– Твоя очередь. – Арман посмотрел на Грейси, которая уснула в его ладонях.

– Помнишь, я утром сказала тебе, что Клара получила своего щенка?

– Это он и есть? – с облегчением проговорил Арман.

– Вообще-то, нет.

– Признавайся, что ты натворила? – спросил он. – И кто это?

Существо и в самом деле не выглядело как щенок.

– Похоже на сурка, – сказала Изабель Лакост.

– Может, это такой мультяшный поросеночек? – предположил Желина.

– Господи, только не это, – простонал Арман.

– Тоже мне детективы, – с улыбкой сказала Рейн-Мари, забирая Грейси у мужа. – У нее нет копыт. Она не поросенок.

– Ну, у Рут тоже нет копыт, – заметил ее муж, – но мы все знаем…

– Она не поросенок, – заверила его Рейн-Мари.

– Тогда кто? Ведь не щенок же.

– Мм, – промычала Рейн-Мари. – Мы так думаем.

– Вы думаете?

– Она еще не побывала у ветеринара. Выводок нашел Билли Уильямс в мусорном бачке в Кауансвилле. Он обзвонил знакомых и…

– По крайней мере, это не скунс, – сказала Изабель. – Верно?

– А может, хорек? – спросил Желина.

Рейн-Мари положила Грейси в корзиночку у камина, выложенную мягкими полотенцами, с миниатюрными жевательными игрушками для компании.

Четверо взрослых и Анри наклонились над ней, словно хирурги над сложным больным.

Она была такой крохотной, что ее порода не поддавалась определению. Круглые уши, длинный тонкий хвост, лапки с острыми когтями. Вся лысая, если не считать клочков черных волос, еще не отросших настолько, чтобы их расчесать. Она открыла глаза и посмотрела на людей.

– Она щенок, – объявил Гамаш и выпрямился.

– Разве не нужно произнести это три раза, чтобы оно стало правдой, patron? – спросила Лакост.

– Ты мне не веришь? – обиделся он.

– Я воздержусь от суждений.

– Умно, – сказал заместитель комиссара Желина. – Что касается меня, то я продолжаю думать, что это хорек. Désolé, madam.

– Не стоит извиняться, – улыбнулась Рейн-Мари. – Я восхищаюсь тем, как упорно вы отстаиваете свое мнение, пусть и неправильное.

В ее словах явственно прозвучал подтекст или предостережение.

Желина кивнул. Он понял. «Будешь пакостить моей семье, станешь и моим врагом». К тому же в ее распоряжении имелся хорек.

– Нам нужно поговорить, – сказал Гамаш, накрыв Грейси теплым полотенцем и погладив ее.

– Oui, – сказала Лакост. – А мне нужно вернуться в академию. Вы вернетесь?

Она встретилась с ним взглядом и увидела едва заметный кивок.

Кадеты находились здесь, в деревне. Где-то. Не на виду. Даже заместитель комиссара их не видел. И Гамаш пока хотел сохранить это положение вещей.

– Да, сегодня к вечеру, – ответил Гамаш. – Я привезу месье Желина, после того как введу его в курс дела.

Изабель Лакост ушла, и мадам Гамаш предложила им поздний ланч:

– Вы, наверное, не ели сегодня.

– Так и есть, – кивнул Желина. – Но я не хочу причинять вам неудобства. Я заметил, тут в деревне есть бистро…

– Вероятно, будет лучше, если мы поговорим здесь, – сказал Арман и пригласил его в кухню, где он нарезал свежий хлеб из пекарни Сары и с помощью Желина поджарил на гриле сэндвичи с утятиной, сыром бри и инжирным конфи.

– У вас такая заботливая жена, месье, – сказал Желина, пока они работали бок о бок. – И ее забота распространяется не только на хорька.

– Щенка.

– Вы счастливый человек. Мне этого не хватает.

– Лужи у входной двери?

– Даже лужи. – Поль Желина смотрел на сэндвичи, которые нарезал. – Моя жена была очень похожа на мадам Гамаш. Всегда приводила домой потеряшек. Животных. Людей. – Желина перестал работать и удивленно хмыкнул: – Она умерла три года назад. Иногда мне кажется, что ее нет уже целую вечность. А иногда я чувствую аромат ее духов и слышу ее шаги. И поднимаю глаза, ожидая ее увидеть. А потом вспоминаю.

– Я вам сочувствую, – сказал Арман.

– Когда подвернулась работа в посольстве в Париже, я принял предложение. Нужно было уехать. Ради перемены. Несколько месяцев назад я вернулся.

– И что, Париж помог вам? – спросил Гамаш.

– Не повредил, – ответил Желина, улыбаясь.

Гамаш улыбнулся ему в ответ, кивнул и перевернул сэндвичи. Все слова казались банальными или пустыми.

Поль Желина, приблизительно ровесник Гамаша, переживал свой кошмар.

Но Гамаш знал кое-что еще.

Заместителя комиссара Поля Желина отправили в Париж не для того, чтобы подавать канапе на дипломатических вечерах. Этот человек работал в секретной службе. Наверняка последние несколько лет был шпионом.

И вот он в Канаде. Получил приглашение пошпионить за ними.

– У вас такой милый дом, месье, – сказал Желина, когда они сели со своими сэндвичами за кухонный стол. – Видимо, академия представляла для вас какой-то особый интерес, если ради нее вы покинули все это.

Тон был дружеский. Гость заводил светскую беседу. Но оба понимали, что это не просто беседа.

– Я принял предложение возглавить академию, чтобы ее расчистить, – сказал Гамаш. – И подозреваю, что вы это прекрасно знаете.

Желина откусил большой кусок сэндвича и одобрительно кивнул.

– Превосходно, – с набитым ртом проговорил он. А проглотив прожеванное, сказал: – Иногда, чтобы расчистить завалы, мы вынуждены громоздить еще более непроходимые. Прежде чем что-то станет лучше, оно должно стать еще хуже.

Гамаш положил свой сэндвич и посмотрел через стол на офицера КККП:

– Вы на что-то намекаете?

– Я думаю, вы готовы практически на все, чтобы защитить вашу семью, ваш дом.

Желина обвел взглядом кухню: плиту, удобные стулья у окна, выходящего на деревенский луг.

– Мы говорим о смерти Сержа Ледюка или о чем-то другом? – спросил Гамаш.

– О, мы не уходим от темы. Полицейская академия – продолжение вашей семьи, как когда-то отдел по расследованию убийств. Вы человек с сильным защитным инстинктом. Забота, которую вы проявляете, – это благословение. Но, как и большая часть благословений, она может превращаться в проклятие. – Желина с явным сожалением тоже положил сэндвич на тарелку. – Я знаю.

– И что вы знаете? – спросил Гамаш.

– Я знаю, как больно, когда человек, которого ты любишь, умирает или когда его жизни что-то угрожает.

– Я не любил Сержа Ледюка.

Заместитель комиссара Желина широко улыбнулся:

– Я не имел в виду Ледюка. Судя по тому, что мне о нем известно, личность была отвратительная. Non, я имел в виду академию.

– Да, академия мне небезразлична, – признал Гамаш. – Но академия – учреждение. Если она завтра исчезнет, мне будет грустно, однако я не перееду в Париж.

Желина кивнул и тихонько хмыкнул:

– Простите, но вы намеренно делаете вид, что не понимаете, коммандер? Говоря «академия», я подразумеваю кадетов. Молодых людей из плоти и крови, ответственность за которых лежит на вас. Когда в академии заправлял Ледюк, имели место нарушения дисциплины, расхищение фондов, прочие злоупотребления. До меня тоже доходили слухи, знаете ли. Но через несколько месяцев после того, как академию возглавили вы, здесь произошло убийство.

– То есть кто из нас хуже? Вы это хотите сказать?

– Я просто спрашиваю, – произнес Желина. – Я следил за вашей карьерой, коммандер Гамаш. Я знаю ваши способности. И поверьте, я испытываю глубочайшее уважение к вашему выбору. Вы делаете то, что не по силам другим. И только из уважения я говорю с вами так открыто. Вы должны понимать, почему я здесь.

– Я понимаю, – кивнул Гамаш. – Вы не расследуете убийство профессора Ледюка, вы расследуете меня.

– А вы бы поступили иначе? Ведь вы с самого начала питали к нему неприязнь.

– Но я оставил его в академии, хотя мог уволить.

– Разве это само по себе не подозрительно, месье? – Желина отер рот салфеткой и аккуратно положил ее на стол.

– Вы говорили со мной откровенно, – сказал Гамаш. – Позвольте и мне быть откровенным с вами. К Ледюку я испытывал неприязнь, но я его не убивал. А вы здесь потому, что я просил вызвать вас.

В первый раз за время разговора на лице Желина появилось удивленное выражение.

– Именно меня?

– Oui. Я позвонил старшему суперинтенданту Брюнель еще до звонка Изабель Лакост. И попросил, чтобы обратились к вам.

– Но старший инспектор не говорила мне об этом.

– Она не знает.

Офицер КККП слегка наклонил голову набок, разглядывая Гамаша:

– Почему именно я?

– Потому что я хотел встретиться с вами.

– Почему? И откуда вы вообще узнали про меня?

– Некоторое время я был в отставке. Выздоравливал. Решал, чем

заняться дальше. Пытался понять, чего я хочу.

– Да, я слышал.

– Мне поступало много предложений. Включая и предложение от КККП.

– Место в Париже?

Гамаш покачал головой.

– Глава Квебекского отделения?

Гамаш покачал головой.

– Оттава?

Гамаш не шелохнулся, и Желина рассмотрел этот вариант.

– Комиссаром? Вам предлагали высшую должность? Наш комиссар через несколько месяцев должен уйти в отставку.

– Я отказался. И знаете почему?

– Чтобы занять пост в академии?

– Это действительно стало главной причиной. Но мой отказ обусловлен еще и тем, что я провел тщательные разыскания.

– И что вы обнаружили?

– Что для этой должности есть человек получше. Вы. Сегодня утром, когда стало ясно, что нам нужен независимый наблюдатель, я понял, что у меня есть шанс познакомиться с вами. Убедиться в том, что я не ошибался.

– Я не ваш протеже, – заметил Желина. – И здесь у нас не собеседование, а расследование убийства.

– Никто не знает этого лучше меня, – сказал Гамаш и тоже положил салфетку на стол, словно белый флаг перемирия. – А теперь позвольте, я расскажу вам про Сержа Ледюка.

Глава семнадцатая

– Oui, je comprends[43]. – В голосе Оливье прозвучало сомнение. – Вы уверены?

На другом конце телефонной линии Гамаш говорил быстро, вполголоса, не желая быть услышанным. Он вышел из своего кабинета в гостиную и увидел, что Желина и Рейн-Мари все еще в саду за домом.

Потом он повернулся и посмотрел сквозь окно своего кабинета на бистро. Заметил движение в окне и подумал, не кадеты ли это.

Он отдал им мысленный приказ оставаться там. Не двигаться. Не выходить из бистро.

– Мне бы хотелось, чтобы люди уже перестали спрашивать, уверен ли я, – сказал он.

– Они перестанут, patron, когда вы перестанете принимать такие маловразумительные решения. – Оливье тоже шептал, подражая Гамашу, хотя и не понимал почему.

– Постараюсь. Вы можете задержать там кадетов, Оливье? До нашего отъезда?

– К счастью, у меня есть опыт укротителя. Не спрашивайте.

– Полагаю, это имеет какое-то отношение к Рут, – сказал Гамаш и услышал тихий смешок Оливье, тут же оборвавшийся.

– А что случилось, Арман? Им что-то угрожает? – И после паузы: – Или нам?

– Я пытаюсь предотвратить нечто ужасное, – сказал Гамаш, хотя нечто ужасное уже случилось.

Привезя кадетов в Три Сосны, он пытался не допустить чего-то худшего.

– Итак, – сказал Оливье, подойдя к их столику, – только что позвонил месье Гамаш и сказал, что сейчас не сможет к вам присоединиться.

– Офигеть! – отреагировал Жак, откидываясь на спинку стула. – Он привозит нас сюда, подальше от места действия, и бросает на произвол судьбы? Чем он занимается? Лег вздремнуть?

– Что с вами такое? – спросил Оливье. – Это только по отношению к нему или вы ко всем так?

– Вы его не знаете, – сказал Жак. – Вы думаете, что знаете, но на самом деле вам ничего не известно. Вы знаете приятного соседа. Вы не

знаете, кто он на самом деле.

– А вы знаете?

– Профессор Ледюк знал. Он рассказывал нам про Гамаша.

– Правда? И что же он вам рассказал?

– Что Гамаш был замешан в коррупционном скандале. Что он вышел в отставку, чтобы избежать увольнения. Что Гамаш трус. Развалил работу в полиции и убежал, а теперь решил прикончить академию.

– Хватит!

У них за спиной поднялись со своих мест старая поэтесса и владелица книжного магазина. Но заговорила не Рут Зардо. Это прозвучал голос Мирны.

– Успокойся, дорогая, – сказала Рут. – Они сами не знают, что говорят.

Мирна пришла в такую ярость, что ее начала бить крупная дрожь, а лицо исказилось от гнева почти до неузнаваемости.

Жак вскочил и повернулся к ней:

– Защищаете его? Да вы представляете, сколько агентов погибло, пока он был старшим инспектором? Думаете, мы не знаем, что он убил профессора Ледюка? Конечно, это он. Выстрелом в голову. Невооруженного человека. На всем этом деле написано одно слово: трус. На всем этом написано: Гамаш.

– Глупый, глупый человек… – вот все, что успела произнести Мирна, прежде чем Рут схватила ее за руку.

Человеческий контакт, если не сила воли, удержал Мирну от дальнейшего.

– Вы… – начал Жак.

Хуэйфэнь вскочила на ноги и дотронулась до его руки, пытаясь не дать ему сказать то, что все присутствующие и без того слышали. Непроизнесенные слова бурлили в нем. И все понимали, что он думает. Что видит.

Крупную, толстую черную. Не женщину. Не личность. Просто черную. Хотя он явно собирался припечатать ее другим словом.

Мирна шагнула вперед, и Рут вместе с ней.

Жак Лорен смотрел на них сверкающими глазами, словно подзуживая сделать еще шаг.

Мирна Ландерс много раз видела такой взгляд. Когда ее останавливали за нарушение правил движения. Когда она участвовала в маршах за гражданские права в Монреале. Она видела его в сообщениях о беспорядках и убийствах полицейских. Она видела его в красках и в черно-белом цвете. В недавних новостях и в старых киножурналах. В архивных

фотографиях Глубокого Юга и просвещенного Севера.

А теперь он появился здесь, в Трех Соснах.

Этот парень не просто ненавидел ее. Она для него не существовала, как недочеловек.

И Мирна знала, что через несколько месяцев у него будут пистолет, дубинка и разрешение использовать их. По своему усмотрению.

– Та-ак, – сказал Оливье. – Это маленькое осложнение ставит нас в трудную ситуацию.

– Вы о чем?

– Месье Гамаш выдал предписание по расквартированию.

– Разве мы останавливаемся не в гостинице? – спросила Хуэйфэнь.

– Все вы – в нашей гостинице? – поднял брови Оливье. – Ну это вряд ли.

– Тогда где же мы останавливаемся?

Амелия посмотрела на Рут Зардо.

«Пожалуйста, позвольте мне остановиться у нее».

Рут чихнула и вытерла нос о кафтан Мирны.

«Пожалуйста, позвольте мне остановиться где-нибудь в другом месте».

– Кадет Хуэйфэнь Клутье разместится с нами в гостинице.

Хуэйфэнь улыбнулась и обвела взглядом остальных, которые даже не пытались притвориться, что рады за нее.

– Кадет Амелия Шоке…

«Рут. Не Рут. Пожалуйста, пожалуйста, не Рут. Пожалуйста, Рут».

– …у Клары Морроу.

Амелия посмотрела на Рут. Кажется, у старой поэтессы удивленный вид? Может быть, даже немного разочарованный?

Рут хмуро взглянула на нее и выставила средний палец.

«Наверно, все-таки нет».

– Кадет Натаниэль Смайт остановится у Рут Зардо.

– Вот черт! – одновременно выпалили оба.

Оливье повернулся к Жаку:

– А теперь вы, кадет Лорен. Сумеете ли вы с помощью ваших превосходных качеств сообразить, где вас разместил коммандер Гамаш?

Жак уставился на него. У Мирны, стоявшей чуть поодаль, округлились глаза.

– Не может быть… – сказала она, но Оливье кивнул:

– Кадет Лорен остановится у Мирны Ландерс.

– И не подумаю, – возмутился Жак.

– Либо у нее, либо вон там. – Оливье показал на скамейку посреди

деревенского луга, мокрую от тающего снега.

– Либо я могу уйти. Мы не обязаны тут оставаться.

– Совершенно верно, – сказал Оливье. – Сомневаюсь, что кто-то будет вас уговаривать. Правда, отсюда до Сен-Альфонса путь неблизкий.

– Ну и кто же трус? – спросила Мирна.

Ее ужас сменился удовлетворением.

Жак расправил плечи:

– Я не боюсь. – Он повернулся к Хуэйфэнь и прошептал: – Мы можем поменяться?

Девушка отрицательно покачала головой.

– Отлично, – сказала Мирна.

– Ну да, будто бы вы не обменяли меня, ни секунды не задумываясь.

– Обмен – это вовсе не то, что я для тебя припасла.

– А почему мне достался он? – требовательно спросила Рут. – Он как мышь в доме. – Она показала корявым пальцем на Натаниэля.

– Эй, я же отличный гость! – сказал Натаниэль.

– Да, если мне придет в голову бесконечно играть в кошки-мышки. Выходи, выходи, все равно найду.

– И что это должно означать? – спросил Натаниэль.

– Иди ты в жжжж…

Мирна поспешно прикоснулась к руке Рут.

– А кто такая Клара Морроу? – спросила Амелия.

– Художница, – ответила Хуэйфэнь и покрутила рукой над головой, изображая всклокоченные волосы. – Она нас привезла. Кажется, милая.

Оливье, несколько более услужливый, показал в окно, где Клара выгуливала своего нового щенка, хотя с расстояния казалось, что она тащит пустой поводок по тонкому слою снега на деревенском лугу.

Амелия вздохнула. Милая. В ее мире это слово означало «чокнутая».

Арман Гамаш помахал Кларе, и та взяла щенка на руки и направилась к нему.

– Кто она? – спросил Желина. – Знакомое лицо.

– Да, принять Клару Морроу за кого-то другого трудно.

– Клара Морроу, художница? Та, что пишет портреты? Она написала старую забытую Деву Марию. Невероятная работа. Я с трудом мог смотреть на нее и с трудом мог отвести глаза. Впрочем, моя любимая – «Три грации». Я был на ее персональной выставке в Музее современного искусства.

– Она живет вон там. – Гамаш показал на небольшой дом по другую

сторону луга.

Они пошли вперед и встретили Клару на полпути. Она опустила щенка на землю, и ее представили Полю Желина, который с благоговением уставился на нее.

– Вы знакомы с Лео? – спросила Клара у Армана.

– Non. Bonjour, Лео, – сказал Арман, опускаясь на колени.

Он не мог не признать, что Лео – один из самых восхитительных щенков, каких ему доводилось видеть. Светло-коричневая, почти желтая шерсть, круглые ушки, словно сделанные из фетра. Ушки торчали вперед. Лео помахивал хвостиком и твердо стоял на прямых ногах. Взволнованный и яркоглазый.

Как очень, очень маленький лев.

Возможно ли, что Клара взяла львенка, а им достался крысенок?

Да нет, Лео определенно был собакой. Неизвестной породы, но собакой.

– Как поживает Грейси? – спросила Клара, и Арман вгляделся в ее лицо в поисках намека на улыбку.

Искать долго не пришлось: Клара явно веселилась.

Он поднялся на ноги, а Желина присел поиграть с Лео.

– Она замечательная, – ответил Арман.

– Правда?

– Она повсюду писает. Но Даниель и Анни тоже писались, когда мы принесли их домой. Правда, мы почти не сомневались, что они человеческой породы. А вот с Грейси пока не до конца понятно.

– Разве это важно? – спросила Клара.

– Для вас, конечно, нет, – сказал Арман. – Они точно из одного выводка? – Он посмотрел на красавца Лео.

– Их нашли в одном бачке. Впрочем, туда мог заползти новорожденный енотик. Или скунс.

– Ладно, ладно, – сказал Арман. – А как мы заполучили Грейси? Она что, последняя оставалась?

– Вовсе нет. Рейн-Мари могла выбирать. Мне кажется, Билли Уильямс к ней неровно дышит. Она выбрала Грейси.

«Конечно выбрала, – подумал Арман. – Заморыша». Он бы сделал то же самое.

– А как настроен Анри? – спросила Клара.

– Он смотрит на нее как на закуску, которую мы уронили на пол.

Клара сделала гримаску и собралась уходить.

– Ну, удачи, – сказала она на прощание.

– И вам удачи.

Что-то в его тоне заставило ее повернуться к нему:

– Что вы сделали, Арман?

– О, вы увидите.

Клара хмуро посмотрела на него.

За ее спиной в окне бистро Гамаш видел четырех молодых людей, которые тоже хмуро смотрели на него.

Выводок кадетов. Но кто из них лев? А кто крыса?

По дороге в академию Гамаш вел машину, а Желина читал личное досье коммандера на Сержа Ледюка.

Они в общих чертах обсудили карьеру убитого, ее известную часть. И неизвестную.

И его частную жизнь, о которой мало кто знал.

– Родители умерли. Сегодня утром я говорил с его сестрой, – сказал Гамаш. – Она живет в Шикутими. Они не были близки. Конечно, она потрясена, но мне не показалось, что смерть Ледюка оставит незаживающую рану в ее сердце.

– И никаких друзей среди преподавателей?

– Никого, о ком бы я знал. Серж Ледюк свято чтил иерархию. Он никогда не стал бы завязывать дружбу с теми, кто ниже его по положению. Обычное дело в закрытых сообществах, – заметил Гамаш. – Там, где положение человека дает ему власть и придает ему чуть ли не мистические свойства.

– Что делает вас…

Гамаш едва заметно улыбнулся, но решил не попадаться в эту ловушку.

– У него были какие-то особенные студенты? – спросил Желина.

– Вы хотите сказать, имел ли он сексуальные отношения с кем-либо из студентов? Надеюсь, что нет, но, по правде говоря, я не знаю. Я попытался свести к минимуму его возможности, запретил практику использования кадетов в качестве лакеев – прежде они приносили преподавателям кофе по утрам. Это усиливает влияние преподавателей на кадетов. И может привести к злоупотреблениям.

– Но вы предполагаете, что у него все-таки случались какие-то романы?

– Несмотря на мой запрет, он продолжал эту практику, – сказал Гамаш. – А о романах речь вообще не идет. Роман подразумевает взаимность.

– Ну, по крайней мере, оба старше шестнадцати.

– Вы и в самом деле считаете, что кадет-первогодок добровольно мог согласиться на секс с Сержем Ледюком? Занимай он какое-либо другое место, они бы и не посмотрели на него во второй раз. Нет. Если у них был секс с ним, а точнее, у него с ними, то это можно рассматривать как насилие. Из-за их собственных страхов и незащищенности. Он соблазнял их обещаниями и запугивал тем, что произойдет, если они откажутся.

– Мотив для убийства, – заметил Желина.

– Не исключено.

– Значит, вы считаете, что это мог сделать кто-то из кадетов?

– Они не дети. И к сожалению, иногда убивают даже дети. А здесь молодые мужчины и женщины, вполне способные на убийство.

– Да, возможно, – сказал Желина. – Полицейский должен быть способен на убийство. Но преднамеренное? Мы надеемся, что нет.

Гамаш ничего не ответил, и Желина вернулся к чтению, затем поднял голову и положил папку на колени. Какое-то время он размышлял, потом спросил:

– Почему вы не использовали это против него? Тут масса обвинений. Тайные банковские счета, договорные контракты. Устрашение.

– Обвинения, но без достаточных доказательств, – пояснил Гамаш. – Прежде чем предъявлять ему обвинения, я хотел собрать неопровержимые улики.

Желина посмотрел на досье:

– Я и не представлял, как далеко это зашло. Когда разразился скандал в квебекском правительстве и полиции, я был в Париже. Я, конечно, следил за событиями. Слухи об академии до меня доходили. Однако я не знал, точны ли они и в какой степени. – Он покачал головой. – Второй скандал.

– Non. Не второй. Это часть все того же скандала. Откуда брались испорченные агенты? Почему старший суперинтендант Франкёр перевел Ледюка в академию? Франкёр возглавлял Квебекскую полицию, он выстроил всю порочную систему. И Ледюка он отправил в академию не просто так. То, что происходило в академии, было не отдельным скандалом, а необходимым первым шагом к тому, что случилось позже.

– Вы знали об этом, когда вступали в должность?

– Подозревал. Плохо подготовленные, дерзкие молодые агенты получали пропуск в нижние ряды полиции, а там их ждало повышение. Одного или двух таких агентов в составе полиции можно считать нормой, но их пришло слишком много. Академия стала яслями, фабрикой, подготовительной площадкой, котлом, в котором варилась жестокость. Здесь создавалась и усовершенствовалась среда, где такое поведение

считалось нормой, ценилось и вознаграждалось.

– Сержем Ледюком.

Гамаш кивнул:

– Он стал для них первым примером того, каким должен быть агент Квебекской полиции. У него, как вы знаете, было прозвище Герцог.

– Ну, не очень оригинально. Ледюк. Дюк. Герцог.

– Но, по крайней мере, точно, – заметил Гамаш. – Претендент на трон. Тиран.

– Затем появились вы, заменили большинство преподавателей на своих, произвели значительные перемены. Но вам пришлось сохранить Ледюка, чтобы добраться до сути проблемы. Он знал, что он у вас под колпаком?

– Oui. Я показал ему эту папку.

– Показали? Зачем?

– Чтобы выбить его из колеи.

Желина обдумал услышанное:

– И сработало?

Гамаш открыл было рот, потом закрыл. И наконец заговорил:

– Насколько внимательно вы прочли досье?

– Ну, я всего лишь пробежал его, но достаточно внимательно, чтобы понять, что Серж Ледюк был как минимум продажным.

– Прочтите внимательнее, а после мы поговорим.

– Вы не можете просто сказать?

– Нет. Не буду навязывать свои мысли. Хочу посмотреть, придем ли мы с вами к одинаковым выводам. Я ведь могу и ошибаться.

Желина снова открыл папку. Гамаш вел машину, не сводя глаз с дороги. На автостраду падал снег, под тонким слоем которого вполне мог оказаться лед.

Наконец Желина поднял голову. Несколько секунд царило молчание, пока офицер КККП думал.

– Об этом здесь ничего нет, – сказал он, тщательно подбирая слова. – Но вряд ли Ледюк действовал в одиночку, имея сообщников только более низкого уровня. У него был кто-то еще. Более умный. Более высокого уровня. Возможно, кто-то не из Квебекской полиции. И вы тоже так считаете.

Гамаш помрачнел, его ничуть не обрадовало, что заместитель комиссара пришел к тем же выводам.

– Кто-то, находящийся на расстоянии, – продолжал Желина. – Тот, кто может действовать без опасений быть пойманным, потому что никто не

посмотрит в его сторону.

Гамаш кивал. Точно его мысли, хотя и без всяких доказательств.

– Судя по этому, – Желина посмотрел на папку, – Ледюку нельзя отказать в проницательности. Он понимал, что, когда завалы в Квебекской полиции будут расчищены, примутся за академию. За него. – Он посмотрел на Гамаша. – Если вы показали это ему, то, возможно, убили не того человека?

– Вы полагаете, что там должен был лежать я? – спросил Гамаш.

– А вы так не думаете? Если то, о чем вы говорите, правда, то вы были для него угрозой. Человеком, который уже арестовал или убил большинство других замешанных в это дело. Судя по тому, что я знаю, люди, причастные к скандалу в Квебекской полиции, не просто погрязли в коррупции. Они избивали и убивали по своему усмотрению. Вы явно были угрозой для Ледюка и его сообщника. Их ждала гибель. Тюрьма.

Он посмотрел на профиль Гамаша, ведущего машину.

– Если прежде они не чурались запугивания и убийств, то почему на вас остановились?

– Они потеряли силу. Большинство агентов, на чью поддержку и защиту они могли рассчитывать, были выкорчеваны из Квебекской полиции. Нет, мне опасность никогда не грозила. Убив меня, они рисковали оказаться под мощным прессом следствия.

– И вы показали Ледюку то, что у вас есть, – сказал Желина, постукивая по папке. – Чтобы припугнуть его. Получилось?

– Возможно, лучше, чем я предполагал, – ответил Гамаш.

– Вы думаете, Ледюка убил сообщник? Потому что вы подошли слишком близко?

– Не исключено. Кто бы ни был его сообщник, он, вероятно, обеспокоился тем, что Ледюк загнан в угол и попытается заключить сделку.

– И поэтому заткнул ему рот. Тогда кто он? Это должен быть человек из академии. Один из преподавателей? Предположив на минуту, что не вы…

– На минуту?

– Есть человек, который подходит на такую роль. Мишель Бребёф.

Гамаш некоторое время смотрел перед собой, потом коротко кивнул.

Желина наблюдал за Гамашем, постепенно начиная понимать, что к чему.

– Вы вернули Бребёфа. Вы свели их в академии. Вы знали, что если Ледюк – герцог, то Бребёф – король. Вы знали всё…

– Подозревал.

– …и тем не менее вернули его. О чем вы только думали? Какое-то безумие!

– Это могло бы дать доказательства.

– А какие еще доказательства вам нужны? – почти прокричал Желина, но сразу же взял себя в руки. – В академии случилось убийство. Потому что вы свели двух преступников и отдали академию им на откуп…

– Неправда.

– Близко к правде. Вам еще повезло, что не пострадал никто из учащихся.

Они свернули на парковку, и Гамаш заглушил двигатель, но Желина не шелохнулся.

– Почему вы уезжали из академии, коммандер Гамаш?

– Вчера вечером? Я не уезжал. Обычно я уезжаю, но вчера остался, потому что у меня были поздние встречи.

– Нет, сегодня. Один из ваших преподавателей убит, вы подозреваете другого. И вместо того чтобы остаться и обеспечивать общую безопасность, вы покидаете корабль.

– Вы думаете, я их бросил?

– Я нахожу странным, что человек, ответственный за сотни молодых жизней, оставляет их запертыми в здании, где находится убийца, а сам тем временем едет домой и наслаждается сэндвичами в кухне. Что происходит?

Глава восемнадцатая

Тело Сержа Ледюка удалили из Полицейской академии, словно грязное пятно. Он явился сюда властвовать над всеми, а покинул академию вперед ногами.

По приказу коммандера Гамаша кадеты и преподаватели выстроились в длинном мраморном зале и встали по стойке смирно, пока тело выкатывали прочь. Все прошло тихо, уважительно. И никто не пролил ни одной слезы.

– «Все это – слезы и стенания – покойник вынудил заранее, творя бесчинства и разбой», – продекламировала Лакост, стоя рядом с Гамашем.

– Снова Джонатан Свифт, – сказал Гамаш.

– Элегия на смерть герцога, – тихо проговорила Изабель, глядя на последний путь Ледюка по коридору. – Вы цитировали сегодня это стихотворение. Я его нашла. «Ваш, фавориты, праздник пуст. Вы пузырьки с державных уст. Вас всех ждет эта же судьбина. Вы рябь, а нация – стремнина».

Они отдали честь, когда тело провезли мимо них.

– «Потуги ваши ни к чему, – вполголоса продолжил Гамаш. – Был герцог – и конец ему».

– Нам нужно поговорить, – сказала Лакост.

– Oui.

Тело профессора Ледюка покинуло здание, темное пятно в ярких солнечных лучах, льющихся через окна.

– Но у меня есть еще одно дело, – сказал Гамаш.

Он прошел по длинному коридору к открытой двери, через которую наружу вывезли тело Ледюка, а внутрь ворвался свежий ветер. Кадеты отдавали честь коммандеру. Он понимал, что не стоит видеть в этом жест уважения. В конце концов, они только что отдавали честь мертвецу.

Но он обратил внимание, что некоторые смотрели на него с новым почтением. И Гамаш знал почему. До него дошли слухи. Они думали, что этот труп на его совести. В городе появился новый тиран.

Выйдя наружу, Гамаш остановился позади машины, приехавшей из морга, наблюдая, как тело заносят внутрь.

– Хочешь убедиться, что его и в самом деле увезли, Арман?

Гамаш повернулся и увидел Мишеля Бребёфа.

– Я знаю, ты потрясен, но, вероятно, есть и небольшое облегчение, –

сказал Бребёф.

– Если ты имеешь к этому какое-то отношение, Мишель, то я узнаю. Можешь не сомневаться.

Бребёф улыбнулся:

– А что ты сделаешь? Снова отпустишь меня? Тот, кто его убил, помог расчистке завалов, и ты это понимаешь. И потом, если бы я имел какое-то отношение к убийству, то ты был бы моим подельником. Ведь я оказался здесь благодаря тебе. Но на этот раз ты сам открыл ворота. Ты знал, кто я, и впустил меня.

– Это признание?

Бребёф рассмеялся, и служащий морга удивленно взглянул на него. Смех не часто сопровождал тела.

– Напоминание, только и всего. Ты ведь все равно собирался его выпроводить? – Бребёф повернулся и посмотрел на тело в полиэтиленовом пакете. – У него больше не оставалось прежней власти, хотя он и не понимал этого. Хорохорился, будто все еще главенствовал в академии. Знал я таких офицеров. Мелочные, официозные, порочные. И не очень умные. Он уже принадлежал прошлому. Просто не успел уйти. Бессмысленно израсходованная пуля.

Гамаш повернулся и направился к открытым дверям академии.

– Будь осторожен, Арман.

Гамаш остановился. Что-то в голосе Бребёфа привлекло его внимание. Не злость, не ненависть. Его остановила кротость, с которой Мишель произнес последние слова. Гораздо более завораживающая, чем ненависть.

Мишель Бребёф стоял на фоне бескрайней равнины.

– Несколько лет назад ты оказал мне большую услугу…

– В самом деле?

– Ты позволил мне уйти в отставку. Не отправил меня в тюрьму, хотя я мог получить срок на основании одних твоих свидетельских показаний.

– Ты хочешь сказать, что все это время был не в тюрьме? – спросил Арман, и Бребёф моргнул. – Если я оказал тебе услугу, Мишель, то не несколько лет, а несколько месяцев назад. Не надо стоять здесь сейчас и говорить мне, что я совершил ужасную ошибку. А если я и совершил, то хотя бы признай это.

– Я не убивал Сержа Ледюка.

Машина с телом проехала мимо, и оба замерли, опустив руки по швам.

Потом Гамаш развернулся и пошел в академию. За ним в нескольких шагах следовал его бывший лучший друг.

Кадеты переместились из бистро, где стало слишком многолюдно, в гостиницу, чтобы продолжать разговор. Шел пятый час дня, длившегося бесконечно долго.

Солнце начало клониться к закату, и Амелия разожгла огонь в камине. Хуэйфэнь тем временем приготовила чай, а Натаниэль нашел в кухне у Габри печенье и кексы. Он сильно сомневался, что в доме у сумасшедшей старухи, где ему предстояло провести ночь, найдутся такие вкусности.

При мысли о том, что может обнаружиться в ее доме, у него мурашки бежали по коже.

Кадеты сидели у камина за чаем, ели печенье и обсуждали жестокое убийство известного им человека. Известного в гораздо большей степени, чем они хотели признавать.

Все случившееся казалось таким далеким от этого спокойного места, и Натаниэлю приходилось напоминать себе о том, что увиденное им сегодня утром в академии не было сном. Сон – это здесь, думал он, поглядывая на удобную мебель с выцветшей обивкой, веселый огонек в камине, шоколадное печенье и кексы.

А то, другое, было реальностью.

Деревня убаюкала его, пусть и на короткое время, и он почти забыл о случившемся. А теперь вдруг подумал: забывать, пусть и ненадолго, – это дар или проклятие?

– Гамаш привез нас сюда, чтобы мы разобрались с картой, – сказала Хуэйфэнь, кладя свою копию на стол.

То же самое сделали Натаниэль и Жак.

Потом они посмотрели на Амелию.

– У меня ее нет, – призналась Амелия.

– А где она? Нам велели взять их с собой, – сказала Хуэйфэнь.

– Моя пропала.

Все трое уставились на нее.

– Пропала? – спросил Жак. – Или найдена в ящике у Герцога?

– Слушайте, я не знаю. Я не вспоминала о карте с того времени, как мы приезжали сюда в прошлый раз. Я ее убрала, а теперь она исчезла.

Амелия с вызовом посмотрела на них.

– Я тебе верю, – сказал Натаниэль.

– Веришь? – усмехнулся Жак. – Почему?

– А почему бы и нет? – ответил вопросом Натаниэль. – У нас нет никаких данных ни за, ни против. Вполне можно поверить.

– Да, хреновый из тебя получится следователь, – сказал Жак.

– Он первокурсник, – напомнила ему Хуэйфэнь. – Еще научится.

– Чему? – спросила Амелия. – Чему он научится? Выносить суждение, не имея фактов? Обвинять, не имея улик? Быть циничными и подозрительными? Как вы?

– Не циничными, а реалистичными, – поправила ее Хуэйфэнь. – Мир – опасное место. Скоро нам придется бороться с организованной преступностью. Наркодельцами. Убийцами. Это тебе не чаек с печеньем попивать.

Впрочем, сейчас они занимались именно этим.

– Мы должны предполагать худшее, – сказал Жак. – Каждый человек, каждая ситуация чреваты потенциальной угрозой. Наша жизнь зависит от нашей способности брать на себя ответственность.

– И как ты это делаешь? – спросила Амелия.

– Ледюк нас учил, – сказал Жак. – Освоить такие вещи в классе или по книгам невозможно. Ты находишь в толпе человека и на его примере учишь остальных. После чего все у тебя будут ходить по струночке.

– Что ты называешь примером? – спросила Амелия. – Избить его до полусмерти?

– Если нужно, то и избить.

Она с отвращением посмотрела на Жака, потом перевела взгляд на Натаниэля:

– Спасибо. И чтобы ты знал: я действительно не отдавала мою карту Герцогу. Понятия не имею, мою ли карту нашли у него и как она туда попала.

– Вот и прекрасно, – радостно сказал он.

Глядя в его открытое, доверчивое лицо, даже Амелия испытала тягостное ощущение, что Натаниэль долго в полиции не продержится. По крайней мере, нынешний Натаниэль.

– Хорошо, – сказала Хуэйфэнь. – Допустим, ты говоришь правду. Тогда получается, что кто-то взял твою карту и передал ее Герцогу. Зачем это ему понадобилось?

– Это может означать кое-что еще, – вмешался Натаниэль.

– Что? – спросил Жак, злясь на новичка.

– Может быть, кто-то обнаружил, что его карта отсутствует, и украл карту у Амелии.

– Говоря «кто-то», ты имеешь в виду одного из нас, – уточнила Хуэйфэнь.

– Да, – ответил Натаниэль. – Кого еще я могу иметь в виду? Или вот еще вариант: Герцог захотел увидеть карту и кто-то, чтобы не давать ему свою, украл у Амелии.

– И опять ты подразумеваешь одного из нас, – сказала Хуэйфэнь.

– Да, либо тебя, либо Жака. Я знаю, что я этого не делал. Карты вам дал Гамаш, и вы были близки с Герцогом, разве нет?

– Ты так думаешь? – спросил Жак, поедая новичка взглядом.

Амелия изменила свое мнение о Натаниэле. Ее радовало и одновременно беспокоило, что на самом деле он может быть довольно хитроумным. И ясно видеть.

– Я вас не обвиняю, – поспешил сказать Натаниэль. – Я просто хочу сказать, что на эту ситуацию можно смотреть по-разному.

– Хорошо, тогда давай посмотрим на то, что нам достоверно известно, – предложила Хуэйфэнь. – На факты. Копия карты оказалась в ящике Герцога. Почему?

Хотя главный вопрос, похоже, по-прежнему оставался «кто?».

Они перевели глаза с трех карт на столике на Амелию.

Глава девятнадцатая

Фотографии с места преступления лежали на длинном столе перед следователями. Старший инспектор Лакост вводила Гамаша и Желина в курс дела:

– Большинство преподавателей и кадетов допрошены.

– Это что-нибудь дало? – спросил заместитель комиссара Желина.

– Пока немного. Ледюк был человеком закрытым, у него это чуть ли не до мании доходило. Вчерашний день, судя по тому, что нам удалось собрать, ничем не отличался от других. Серж Ледюк вел занятия, вечером поужинал за преподавательским столиком. Насколько я знаю, вы это видели.

Гамаш кивнул.

– Пришел профессор Годбат, старший инспектор, – сказал один из агентов, приоткрыв дверь.

– Хорошо. – Лакост посмотрела на Гамаша. – Я подумала, вы захотите присутствовать, когда мы будем с ним говорить.

– Merci, – не без сарказма откликнулся Гамаш.

– Пригласите его, пожалуйста, – сказала старший инспектор Лакост.

В кабинет вошел крупный человек. Когда-то, вероятно, его мышцы были упруги, но теперь он с трудом нес перед собой живот и переваливался с ноги на ногу.

– Марсель Годбат, – представился он и сел на предложенный стул. – Это ужасно, я все никак не могу поверить.

– Вы служите в академии пять с половиной лет, так написано в вашем личном деле, – сказала старший инспектор Лакост.

– Oui. – Он посмотрел на Лакост, как дядюшка смотрит на хорошенькую племянницу. – Прежде я служил старшим следователем в отделении Атибити.

– Отделении Квебекской полиции, – уточнил заместитель комиссара Желина.

– Разумеется, – сказал Годбат, неприязненно посмотрев на офицера КККП.

– И вы преподаете судебную экспертизу? – спросил Желина, справляясь со своими записями. – Но не медицинскую часть. Вы обучаете кадетов способам расследования в области бухгалтерии, финансов. Обнаружение мошенничества, рэкета. Бумажный след, не кровавый.

– Oui. Не очень сексуально, но эффективно. Не все из нас ищут убийц.

– Важная работа, – согласился Гамаш, хотя и смотрел на Годбата, прищурившись.

Этот человек, до того как в академии появился Гамаш, отлавливал в коридорах кадетов, которые немного опаздывали на занятия, на ком форма сидела не очень ладно, у кого волосы слишком отросли.

И собирал с них дань.

Унижал кадетов, издевался над ними. И хотя в рукоприкладстве замечен не был, но заставлял кадетов наказывать самих себя: зимой делать упражнения во дворе в одном нижнем белье, бегать по лестницам, подтягиваться и приседать до полного изнеможения. А когда они падали от усталости, он только увеличивал нагрузку.

Марсель Годбат доводил их до грани нервного срыва. А потом возвращал в исходное положение.

То, чем он занимался, было пыткой, известной с незапамятных времен. Кто-то мог бы назвать это физической подготовкой. Истязания в смягченной форме. Истязания. В смягченной форме.

Это был пример, на котором учат других. И другие кадеты быстро научались ходить по струночке. Некоторые к третьему году сами начинали истязать других. Такие считались успешными, и им прочили хорошую работу и карьеру в Квебекской полиции.

Если Ледюк исполнял роль архитектора, то этот человек был строителем. Он брал хороший материал и делал его гнилым.

Вступив в должность начальника академии, Гамаш пришел в ужас от того, что обнаружил. От степени и глубины злоупотреблений. И Марсель Годбат был еще не худшим из преподавателей. Худших Гамаш уволил скопом. Одного арестовали. Но на Годбата у него не набралось достаточно материалов. Все на уровне слухов. Годбат, специалист по обнаружению улик на бумаге, принимал меры к тому, чтобы заметать следы.

Но коммандер Гамаш внимательно наблюдал за ним и не делал из этого тайны. Злоупотребления прекратились.

Однако, когда человек долго копит в себе желчь, получается что-то вроде вулкана, который однажды может взорваться.

Что, если ночью произошло такое извержение, закончившееся убийством Ледюка?

Впрочем, мотив у профессора Годбата отсутствовал. Недостаточно просто сказать, что его прорвало. Должна быть какая-то причина. Толчок, каким бы мелким он ни казался человеку со стороны.

К тому же на месте убийства ничто не говорило о взрыве. Это скорее

напоминало казнь. Аккуратную, упорядоченную, совершенную с холодным рассудком.

– Расскажите нам о контракте на строительство академии, – попросил Гамаш.

Годбат медленно повернулся на стуле и уставился на Гамаша:

– Я ничего об этом не знаю.

– Вы преподавали кадетам, как обнаруживать мошенничество, и умудрялись не замечать, когда это происходило в вашем доме?

– Происходило? Для меня это новость. Я всего лишь преподаватель. И, как вы дали мне понять, заняв должность коммандера, не очень хороший преподаватель.

– Разве я когда-нибудь говорил это? Я думаю, вам очень хорошо удавалось делать то, что вы делали, – сказал Гамаш. – Вопрос только в том, что вы делали. Какова была ваша истинная цель здесь?

– О чем вообще речь?

– О том, что Серж Ледюк брал взятки, – вступил в разговор Поль Желина. – Все здесь построено на взятках и договорных контрактах. Кто-то организовал это для него. И организатор знал не только о том, как делаются такие дела, но и как не оказаться пойманным.

– Надеюсь, у вас есть доказательства, комиссар. Вы выдвинули серьезное обвинение.

– Не обвинение, а гипотезу, – улыбнулся Желина. – Когда вы видели Ледюка в последний раз?

– Вчера за обедом. Как вы знаете, коммандер, мы обсуждали тактические упражнения. А потом мы с Ледюком говорили о «Монреаль Канадиенс».

Эта шпилька явно адресовалась Гамашу. Его мнение о программе обучения считалось не более важным, чем игра в хоккей.

– А после обеда? – спросил Гамаш, словно не замечая намека.

– Я вернулся в свою квартиру, внес поправки в учебный план, проверял курсовые. Как любой хороший преподаватель.

– Никого не видели? Ни с кем не разговаривали по телефону? – спросила Изабель Лакост.

– По телефону не разговаривал, гостей не принимал. Был тихий, спокойный вечер. Я проснулся от душераздирающего крика.

– Вы знали Сержа Ледюка лучше других, – продолжила Лакост. – Что, по-вашему, случилось?

– Я думаю, вы отчасти правы, – сказал Годбат. – Его смерть связана с новым зданием академии. Но не изнутри. На вашем месте я бы поискал

снаружи.

Он махнул рукой в сторону виднеющихся в окне церковных шпилей.

– В городе? – уточнила Лакост.

– Как вы считаете, кто убил Сержа Ледюка – враг или союзник? – ответил вопросом Годбат. – В городе полно людей, которые его ненавидели.

В кабинет вошел Жан Ги Бовуар, они с Годбатом коротко, с нескрываемым холодком кивнули друг другу.

Марсель Годбат поднялся и замер на миг, глядя в окно. Солнце начинало садиться, и огромное небо меняло цвет с голубого на розовый.

В Сен-Альфонсе уже зажигались огни.

– Ненависть одного человека перевешивает все остальное, – сказал Годбат, отворачиваясь от окна. – Вот откуда я начал бы поиски. Но ведь я не очень хорошо справляюсь с моими обязанностями, верно?

Если он надеялся, что коммандер Гамаш возразит ему, то его ждало разочарование. Гамаш хранил молчание, и наконец Годбат кивнул и вышел.

– Та еще птица, – заметила Лакост.

– Надеюсь, недолго ей летать, – сказал Бовуар, и Желина хрипловато рассмеялся.

– Но возможно, он прав, – сказала Лакост. – Об этом сегодня не в первый раз говорится. О ненависти местных жителей к академии.

– Что за история? – спросил Желина, чуть подавшись в сторону Гамаша. – Что произошло? В той папке, которую вы мне дали, об этом говорится вскользь, да и то лишь в части заключенных контрактов, а не в том, что привело к их заключению.

– Город хотел построить на этом месте рекреационный комплекс, – объяснил Гамаш. – Ледюк обещал городским властям помощь, если они найдут участок для академии на окраине. Они радовались тому, что здесь появится Полицейская академия, понимая, что это даст толчок экономике округа. Мэр доверял Ледюку безусловно. Три месяца спустя о месте строительства новой академии было объявлено.

– Прямо в центре города, а не на окраине, – вставила Лакост.

– Мэр и местные жители много лет лоббировали выделение фондов, хотели построить каток, бассейн, спортивный центр, народный дом. Для них это было нечто большее, чем кусок земли, чем здание. Жители Сен-Альфонса считали проект жизненно важным для округа. В особенности дети. Мэра чуть удар не хватил. Его хотели положить в больницу.

В кабинете воцарилось молчание.

Людей убивали и за меньшее.

– Мог ли мэр его убить? – спросила Лакост.

Подумав, коммандер ответил:

– Не знаю.

Желина вскинул брови. Он не помнил, когда в последний раз слышал, чтобы высокопоставленный офицер говорил: «Не знаю».

– Полагаю, это возможно, – размышляя вслух, произнес Гамаш. – Но если бы мэр собирался убить Ледюка, то, наверное, сделал бы это несколько лет назад, когда все начиналось. Я его немного знаю. Он мне симпатичен. Порядочный человек, делает все, что в его силах.

Гамаш подумал еще и добавил:

– Однако он ничего не забывает. Старые обиды живут в нем. Ведь, если по справедливости, его надежды оказались беспардонно разрушены. Я потратил немало времени и сил, чтобы он согласился принять меня после моего вступления в должность. В конечном счете мне удалось убедить его позволить местным пользоваться нашими сооружениями.

– Вы пошли на такое? – спросил Желина.

– Мне это казалось справедливым и далеко не покрывало их несбывшиеся ожидания. Но то было лишь начало. Мы разрабатывали программу, по которой кадеты брали бы на себя наставничество и обучали некоторых ребят. А тут случилось сами знаете что.

– Не могло ли ваше общение с мэром разбередить его старые раны? – спросил Поль Желина. – Разумеется, непреднамеренно.

– Могло. Мэр исключительно категоричен, порой непреклонен. Он моралист. Почти фанатик в том, что касается защиты города и своих представлений о добре и зле.

– И убийство для него, насколько я понимаю, зло, – сказала Лакост.

– Верно. С другой стороны, он мог видеть в этом справедливость. Большинство убийц умудряются оправдывать свои действия. Они не видят в своем поступке ничего предосудительного.

– Получил, мол, по заслугам, – подхватил Желина.

– Нередко – да.

– А в данном случае, коммандер? Вы считаете, что убийца искал справедливости?

Гамаш посмотрел на лежащие перед ним фотографии:

– Возможно.

– Но?.. – спросила Лакост.

– Вы беседовали с профессорами и кадетами, – сказал Гамаш, и она кивнула. – Каждый из преподавателей – бывший высококвалифицированный офицер Квебекской полиции. Все кадеты получают следовательские навыки.

– Из ваших слов получается, что академия учит убийству, – сказал Желина. – Вероятно, вы учите их ловить преступников, но попутно они познают науку, как совершать преступления и уходить от ответственности.

Гамаш закивал:

– В особенности это касается преподавателей. Они знают, что́ мы будем искать.

– И могут фальсифицировать место преступления, – сказала Лакост. – Чтобы оно выглядело как нечто совсем иное.

– Выстрел в висок, – продолжил Гамаш. – Большинство убийц, наверно, попытались бы представить это как самоубийство. И без всяких натяжек. Подоплека очевидна. Серж Ледюк знал, что я сжимаю кольцо вокруг него, и предпочел смерть тюрьме.

– Убийце только и нужно было, что бросить оружие с правильной стороны от тела, – подхватила Лакост.

– Однако он этого не сделал, – заметил Желина, глядя на фотографии. – Он совершает нечто противоположное. Почему?

– Он хочет, чтобы мы знали: это не самоубийство, – сказала Лакост.

– Но зачем? – спросил Желина. – Зачем ему нужно, чтобы мы это знали? Показать нам, что справедливость восторжествовала?

Они разглядывали фотографии. На некоторых Серж Ледюк словно спал. На других был неузнаваемым.

Все зависело от точки зрения.

– Ты сегодня какой-то слишком тихий. – Гамаш повернулся к Бовуару и увидел знакомое выражение на его лице. – Что-то узнал?

– Сигнализация ночью не действовала.

Старший инспектор Лакост, заместитель комиссара Желина и коммандер Гамаш, как по команде, подались к нему.

– Как это могло случиться? – спросил Гамаш. – Она интегрированная, компьютеризированная. Охрана заметила бы. На пульте горел бы свет.

– Догадайтесь, где Ледюк ловчил? – сказал Бовуар. – Охрана, безусловно, знала, что новая система – дерьмо, и докладывала прежнему коммандеру, но так ничего от Ледюка и не дождалась. А когда пришли вы, они промолчали.

– Что ты имеешь в виду под «дерьмом»? – спросила Лакост.

– Дешевая дрянь…

Гамаш поморщился и покачал головой:

– За систему безопасности заплачены сотни тысяч долларов.

– Если верить охране, в «Канадиен тайр»[44] можно было купить и получше.

Гамаш застонал и потер виски, пытаясь прогнать подкрадывающуюся головную боль:

– У нас здесь оружейная. И практически никакой защиты. Это не просто договорной контракт, это глупость в грандиозном масштабе.

– Я договорился о встрече с начальником охраны завтра утром, – сказал Бовуар. – Для ревизии сигнализации.

– Хорошо, – кивнул Гамаш.

– Так или иначе, тот, кто отключил систему, знал, как это делается, – заметила Лакост.

– Верно, но эта система допускает использование нескольких кодов, – сказал Бовуар. Он повернулся к Гамашу. – У вас есть один…

– Я думал, он единственный.

– …и я подозреваю, что у Ледюка был собственный код.

– А возможно, существуют и другие? – уточнил Гамаш.

Бовуар кивнул, опасаясь встретиться с ним взглядом.

– Вы хотите сказать, что сигнализацию мог отключить Ледюк? – спросил Желина. – Но зачем?

Бовуар пожал плечами:

– Убейте меня, не понимаю. И это только одна из вероятностей. Кто-то мог легко хакнуть систему и отключить ее.

– И охранники не узнали бы?

Бовуар отрицательно покачал головой:

– Да даже если бы и увидели какой-то предупредительный сигнал, у них там постоянно что-то загорается. Ложная тревога десять раз на дню.

– Можно ли отключить систему на расстоянии? – спросил Гамаш. – Находясь вне академии?

– Это было бы труднее, – сказал Бовуар, – но да, такое возможно. У вас есть какие-то соображения?

– Несколько месяцев назад я разговаривал с мэром в его офисе. Нельзя сказать, что обязанности мэра Сен-Альфонса занимают полный рабочий день. Он подрабатывает консультантом в фирме, занимающейся созданием компьютерных программ.

– Я позвоню ему и договорюсь о встрече, – сказала Лакост. – Идем дальше. Мы нашли пулю. В стене с противоположной стороны комнаты. Ее, конечно, отправили на экспертизу, но скорее всего, она выпущена из того самого револьвера.

– Я послал изготовителю запрос по электронной почте, – доложил Бовуар. – Это где-то в Англии. Однако Ледюк мог приобрести револьвер через вторые руки на черном рынке.

– Я не видел оружия, – встрепенулся Желина. – Где оно.

– В лаборатории. Но у нас есть фотографии, – сказала Лакост.

Желина принялся разглядывать их, и выражение его лица становилось все более и более озабоченным.

– На какой высоте найдена пуля? – спросил Гамаш.

– Пять футов восемь дюймов.

– Он стоял, когда его убили. Я уж было подумал, не стоял ли он на коленях.

– Умоляя, чтобы его не убивали? – усмехнулся Бовуар.

– Или если это была казнь, – сказал Гамаш.

– Нет, – ответила Лакост. – Похоже, он просто стоял.

– Ха, – только и смог произнести Гамаш. – Ха.

Но другие тоже подумали об этом.

Ха. Разве будет человек просто стоять и ждать, когда его убьют, и даже не попытается сопротивляться? В особенности такой человек, как Серж Ледюк.

Желина опустил фотографии и уставился на Изабель Лакост:

– Это револьвер. С глушителем?

– Oui, – подтвердил Бовуар. – Фирменный глушитель. Поэтому никто и не слышал выстрела.

– Ледюк был коллекционером оружия?

– Non, – ответил Гамаш.

– Тогда зачем ему старомодный револьвер? – спросил Желина, но получил в ответ только пустые взгляды. Он положил фотографии на стол и покачал головой. – Что-то очень странное происходит в вашей академии, месье.

Глава двадцатая

– Эй, – позвал Натаниэль Смайт. – Bonjour?

Входная дверь стояла приоткрытой. Он глубоко вздохнул и открыл ее ровно настолько, чтобы просунуть внутрь голову.

– Мадам Зардо?

Он вошел, закинув сумку за сутулые плечи.

Шел седьмой час. Натаниэль устал и хотел есть. До такой степени, что решил наконец отыскать отведенную ему квартиру.

Дверь открывалась прямо в гостиную, погруженную в темноту, если не считать единственной горевшей лампы.

Натаниэль остановился.

До него не доносилось ни звука. Ни скрипа. Ни кряканья. В полутьме он повсюду видел только книги. Стены, уставленные книжными шкафами. Стопки книг на столах. На единственном стуле, освещенном, тоже книги, раскрытые обложкой кверху. Стул, обитый историями.

Натаниэль долго задерживал дыхание, уверенный, что здесь воняет. Воняет разложением, злостью и старухой. Но, не в силах больше сдерживаться, он глубоко вдохнул.

Запах был знакомый. Не душок. Не аромат. Ничего экзотического. Более земной. Определенно не кухонный.

Это пахли книги. Едкие слова, наполнявшие воздух.

– Я здесь.

Амелия уронила сумку на пол в кухне и пошла на голос.

У двери в заднюю комнату она остановилась.

Клара Морроу сидела на высоком деревянном табурете спиной к двери. Во рту она держала кисточку. Пялилась на полотно.

Амелия видела лишь часть холста, остальное скрывала копна волос Клары.

– И что мне делать? – спросила Амелия. – Вы вроде бы должны готовить или как?

Клара фыркнула и повернулась. У ее ног пошевелился маленький львенок.

Она посмотрела на гостью.

Волосы цвета воронова крыла. Светящаяся бледная кожа, почти прозрачная. Пирсинг в носу, бровях, щеках. Но штифтики не черные и не

кроваво-красные. Крохотные стразы. Они сверкали на свету. Как звездочки.

Уши пронизаны кольцами. Пальцы выглядят так, словно она окунула их в металл.

Эта девица надела на себя броню.

А открытая кожа сплошь покрыта татуировками.

Единственное, что эта девушка не смогла пометить, пронзить пирсингом или спрятать, были ее глаза. Единственное естественное, что у нее осталось. Глаза яркие, как бриллианты.

– Что-о? – возмутилась Хуэйфэнь, когда Габри протянул ей передник и кивнул на тарелки в кухне бистро. – Я…

– Да, я знаю. Тебе осталось всего ничего… – он показал расстояние между большим и указательным пальцем, – до получения звания офицера Квебекской полиции. Ты говорила. А мне – всего ничего… – он почти совсем соединил пальцы, – до того, чтобы выкинуть тебя на улицу.

– Не имеете права.

– Имею-имею. Это услуга, которую мы оказываем месье Гамашу, а не тебе. Я рад тебя принять, но ты должна отработать свое жилье и стол. Час в день здесь, в бистро, или в гостинице. Там, где понадобишься.

– Принуждение к рабскому труду.

– Такова жизнь в реальном мире. Ты просидела в бистро бóльшую часть дня, заказывала еду. Потом отправилась в гостиницу и ела печенье. Вот тебе счет.

Он бросил ей кухонное полотенце.

– Начало у нас было не из лучших, – сказала Мирна, ставя колу перед Жаком.

Он сидел на диване в комнате над книжным магазином и с остервенением тыкал пальцем в экран своего айфона.

– Эта срань здесь не работает.

– Следи за языком, – велела Мирна, садясь в большое кресло, в котором навсегда отпечатались ее формы.

– Я слышал, старуха говорила и похуже.

– Когда ты станешь старой женщиной, мы и к тебе будем снисходительны. А сейчас ты гость в моем доме, в моей деревне и потому, пожалуйста, следи за языком. И ты прав, мобильники здесь не работают: спутник не покрывает эту территорию.

Жак сунул айфон в карман.

– Начнем все сначала? – спросила Мирна.

После их столкновения в бистро она успокоилась. Явление рассудительной Рут настолько потрясло ее, что Мирна умерила свой пыл. Днем она вернулась к себе в магазин, потом поднялась наверх, постелила кровать для своего гостя и начала готовить обед.

– Не хочешь поговорить о том, что случилось в академии? – спросила она. – Ты был близок с убитым преподавателем?

Жак встал:

– Меня от вас тошнит. Человек мертв, его убили. А вас интересуют только сплетни.

Мирна тоже поднялась и уставилась на него спокойным немигающим взглядом:

– Я знаю, что ты чувствуешь.

– Неужели? – рассмеялся он. – Вы знаете об убийстве? Из книг, вероятно. Вы понятия не имеете, какова она на самом деле. – Он махнул рукой в сторону окна. – Жизнь в реальном мире.

– Ну, кое-какое представление у меня есть, – спокойно сказала Мирна. – Эта деревня не такая мирная, как может показаться.

– А что? Вашу машину поцарапали? Или кто-то украл ваш мусорный бачок?

– До того как купить магазин, я работала психологом в Монреале. Среди моих клиентов были обитатели ЗООПа. Ты знаешь, что такое ЗООП?

Мирна заметила, как злость в парне сменилась удивлением, а затем интересом.

– Зона для особо опасных преступников, – ответил он.

– Худшие из преступлений.

– И кто-нибудь кого-нибудь вылечил?

– Ну, ты же знаешь, что такое маловероятно или даже вообще невозможно.

– Значит, вы потерпели неудачу. И переехали сюда. Как Гамаш. Деревня неудачников.

Мирна не собиралась снова поддаваться на провокации парня. Хотя она и ощутила, как злость запускает в нее корявый палец. Вместо этого она кивнула на ноутбук, включенный в Интернет через телефонную линию:

– Можешь попользоваться. Поищи кое-какие вещи. Измени факты – и ты изменишь чувства.

– Вау, спасибо за проницательность.

Он схватил куртку и, прыгая через две ступеньки, спустился в книжный магазин Мирны, а оттуда выбежал на улицу.

Стоя у большого окна на своем чердаке, Мирна увидела Жака внизу на

дороге, в свете, льющемся из бистро.

Он повернулся, посмотрел на нее и широкими шагами пошел прочь. Мимо дома Клары. Мирна следила за ним, пока он не растворился в темноте.

А потом в этой темноте появился огонек.

* * *

Осмотрев дом и даже заглянув под кровати, чтобы проверить, не умерла ли сумасшедшая старуха и не закатилась ли туда, Натаниэль отправился в бистро.

Ее там не было. Крупный мужик, один из двух владельцев, предложил Натаниэлю заглянуть в дом по соседству. Дом Клары Морроу.

Он пошел туда, но по пути встретил Амелию, которая шла в бистро из дома Клары.

– Рут Зардо? Нет, там ее нет. К сожалению. Только старуха-художница. Она все время смотрит на меня. У меня от нее мурашки по коже. Мне пришлось уйти.

– Зачем ты делаешь это с собой, если тебе не нравится, когда люди на тебя глазеют? – спросил Натаниэль, указывая на ее пирсинг и татуировки.

– А ты почему так одеваешься? – махнула она рукой в его сторону.

– Что? – Он посмотрел на свою куртку и джинсы. – Все так одеваются.

– Вот именно. Почему ты хочешь быть как все?

– Почему ты хочешь быть как никто?

На самом деле Амелия ушла из дома Клары не из-за хозяйки.

Когда та встала со своего высокого табурета, Амелия увидела портрет. В полный рост. Автопортрет. Изображение словно сошло с холста и устремилось прямо к Амелии. Приблизилось к ней вплотную. Их взгляды встретились: женщины на полотне и человека в мастерской.

Нарисованная женщина сердито смотрела на нее. Она словно знала Амелию. И знала, что та сделала.

И Амелия убежала.

Свет горел, и дверь была открыта.

Амелия не помнила, когда в последний раз заходила в церковь. Может быть, когда ее крестили, хотя, подумав об этом, она усомнилась, а крестили ли ее вообще.

Церковь была совсем небольшая, самая маленькая из тех, что видела

Амелия. В темноте разглядеть здание было нелегко. Они заметили только свет в витражном окне.

На витраже не было ни распятия, ни святого, ни мученика. В ночи сверкали изображения юношей. Даже еще не мужчин. Они тяжело шли по стеклянному полю боя.

– Идем, – сказал Натаниэль, уже поднявшийся по ступенькам крыльца к двери. – Габри сказал: если мадам Зардо не дома, и не в бистро, и не у художницы, то она здесь. Может быть, уснула.

– На кой она тебе сдалась? – спросила Амелия, шагая следом за ним.

– Она моя хозяйка, – ответил он. – Куда мне еще идти?

Рут Зардо и вправду лежала здесь, пристроив утку на животе. Голова Рут покоилась на Псалтыри.

– Она мертва? – прошептал Натаниэль.

– Хер вам мертва, – раздался голос.

Рут села, но посмотрела не на вошедших, а на человека, произнесшего эти слова.

Кадет Жак Лорен сидел сбоку, задрав ноги на скамейку перед собой. Он пил пиво, которое взял из холодильника черной женщины и сунул в карман своей куртки.

Он почти идеально имитировал голос Рут. Вплоть до интонации. Сердитой и оскорбленной. Ему даже удалось передать еле уловимую уязвимость.

Натаниэль рассмеялся, но пришел в ужас, когда Жак и Рут обернулись и посмотрели на него.

«Господи, помоги», – подумал он.

– Что ты здесь делаешь? – спросили они все одновременно друг у друга как раз в тот момент, когда появилась Хуэйфэнь.

– Я видела, как вы пошли сюда. Ой, замечательно. – Она села рядом с Жаком, выхватила у него бутылку и глотнула пива. – Почему мы здесь?

– Я здесь, чтобы побыть в тишине и покое, – объявила Рут, злобно глядя на кадетов.

Жак наклонил в ее сторону бутылку с пивом, и она, поколебавшись секунду, кивнула. Он поднялся и отдал Рут бутылку, а сам сел рядом с ней.

– Я наблюдал за вами, – сказал он. – Почему вы смотрите на это?

Он кивнул на витраж и хрупких юношей.

– А куда еще я должна смотреть? – проворчала Рут, возвращая ему бутылку.

Кадеты оглядели церковь. По обе стороны от прохода стояли

деревянные скамьи ручной работы, все немного разные. Скамей было всего несколько рядов, а перед ними – алтарь, тоже ручной работы. Хорошей работы. Украшенный красивой резьбой, изображающей листья и громадный, разлапистый дуб.

– Я иногда прихожу сюда сочинять, – призналась Рут, и они заметили блокнот, затиснутый между нею и спинкой скамьи. – Здесь тихо. Никто больше не ходит в церкви. Бог оставил это здание и отправился странствовать. Или размышлять.

– В лесной глуши, – добавила Амелия.

Рут недовольно посмотрела на нее, но Амелии показалось, что это скорее по привычке, чем из неприязни. И у нее создалось впечатление, что старая поэтесса ищет не только покой и тишину.

Амелия села на жесткую скамью по другую сторону прохода и посмотрела поверх головы Рут на витраж. Снаружи казалось, что солдаты возвращаются. А изнутри – они уходили. Прощались. Исчезали.

Под витражом виднелась подпись, однако Амелия не могла разобрать слова.

В церкви были и другие окна, включая красивое круглое окно-розу над дверью. Но только одно окно с картиной.

Причем это был не просто образ. От него веяло чувством. Тот, кто его сделал, работал с любовью. Отдал витражу частичку своей души.

Изображение было детализированное. Замысловатое. Драные, заляпанные грязью носки мальчишек. Обтянутые кожей костяшки на испачканных руках, сжимающих винтовку. Револьвер в кобуре одного из изображенных. Медные пуговицы.

Да, художник работал с большой любовью. Вплоть до последней детали.

И тут Амелия кое-что увидела. Она встала и двинулась между скамьями. Ближе, ближе.

– А ты не должна вспыхнуть огнем? – спросила Рут, когда девушка проходила мимо.

Амелия шла прямо к витражу и смотрела на одного из юношей. На того, что с револьвером. Из его котомки с одной стороны, где пряжка была сломана, торчал лист бумаги.

Она приблизилась почти вплотную и разглядела три сосны. И снеговика.

Глава двадцать первая

– Срань господня! – выдохнула Мирна, отступив от окна.

– Следите за языком, – строго произнес Жак.

– Она сказала «господня», – вмешалась Рут. – Ты что, не слышал?

Мирна отошла еще на шаг назад. Клара подошла ближе, чтобы лучше рассмотреть.

Как только Рут увидела, что торчит из котомки мальчика-солдата, она отправила Амелию за Кларой, Мирной и Рейн-Мари.

– Карта, – прошептала Рейн-Мари, вставая на место отошедшей в сторону Клары.

И теперь они сидели все вместе, разглядывая копию карты, которую вытащил из своей сумки Натаниэль.

– Откуда она у солдата? – спросила Рейн-Мари, и от ее дыхания юноша на стекле немного запотел. – Карта Франции или там Бельгии. Вими или Фландрии. Карта поля боя – это было бы понятно. Но Три Сосны не поле боя.

– И ведь никто не обращал внимания, – сказала Клара. Она встала и снова подошла к витражу. – Я всегда им восхищалась, но никогда не разглядывала.

– Кто они были? – спросила Хуэйфэнь. – Тут внизу много имен. Это они?

Она показала на подпись под витражом:

Они были нашими детьми

А потом список. Никаких званий, только имена. В смерти они все стали равны.

– Этьен Адер. Тедди Адамс. Марк Больё.

Трескучий голос Рут наполнил церковь. Все оглянулись на нее и увидели, что старая поэтесса не читает имена. Она смотрит перед собой на алтарь. И произносит их по памяти.

– Фред Дажене. Стюарт Дэвис.

– Ты их выучила? – спросила Мирна.

– Наверное, – ответила Рут.

Она посмотрела на окно, на надпись, на юношей, имена которых знала наизусть.

– Я думала, этот витраж, он вроде как обобщение, – сказала Мирна. – В память всех, кто погиб на войне, а не конкретных парней из этой деревни. Но теперь у меня возникли вопросы.

– Кто они? – подхватила Рейн-Мари.

– Кто он? – уточнила Клара, показывая на молодого человека, который явно был центром композиции.

– У него револьвер, а у других – винтовки. Почему? – спросила Рейн-Мари.

– Мне кажется, револьверы носили только офицеры, – сказала Мирна.

– Он не может быть офицером, – возразила Хуэйфэнь. – Он совсем мальчишка. Наших лет. А может, и моложе. Все равно что сказать… – она показала на Натаниэля, – будто он старший инспектор. Это смешно.

– Кто знает, кто знает, – пробормотал Натаниэль, но его никто не услышал.

– Не так уж и смешно, если все погибли, – сказала Мирна. – Повышение в звании на поле боя.

– И все же главный вопрос, почему у него оказалась карта, – сказала Клара, показывая на карту, торчащую из его котомки.

Они посмотрели на карту, которую достал из сумки Натаниэль. И хотя перед ними была всего лишь ксерокопия, они по-прежнему видели слезы и грязь. Прежде они думали, что грязь накопилась на витраже за много лет.

Но может быть, это была не просто грязь.

*** * ***

– Это невероятно, – сказал Арман в трубку своего сотового, ловя на себе взгляды остальных сидящих в конференц-зале академии и всем своим видом показывая, что просит прощения.

Сэндвичи и лимонад им принесли в конференц-зал. Сэндвичи на белом хлебе из пекарни ПОМ[45] загибались по краям.

Ел их только Жан Ги. Гамаш знал, что его зять съел бы и столовые приборы, если бы никто не видел.

– Ты уверена, что это та же карта? – Он послушал несколько секунд. – Да, снеговик.

Бовуар, Лакост и Желина могли слышать из разговора лишь реплики Гамаша. Телефон зазвонил, когда они допрашивали последнего из преподавателей.

Профессор Шарпантье сидел, держа руки на коленях. Абсолютно

владея собой. Вот только потел. Истекал потом. Даже его лицо блестело, и Жан Ги волновался, как бы он не умер от обезвоживания.

– Воды?

Он налил в стакан воду из графина и пододвинул к Шарпантье, но тот отрицательно покачал головой.

До этого момента он на все вопросы отвечал односложно. И не потому, что пытался что-то утаить от них. Напротив, несколько влажных слогов, которые им удалось выдавить из него, свидетельствовали о его желании помочь.

Видел ли он что-нибудь?

Резкое отрицательное покачивание головой.

Слышал ли он что-нибудь?

Такое же покачивание.

Хорошо ли он знал Сержа Ледюка.

Еще одно покачивание.

– Что он преподает? – прошептал на ухо Бовуару заместитель комиссара Желина, пока Гамаш говорил по телефону. – Его личное дело пусто.

Он кивнул на лежащую перед ним раскрытую папку.

– Тактику, – ответил Бовуар. – Его принял на работу коммандер Гамаш. Он числится преподавателем, но преподает только в одном классе. Продвинутая тактика для выпускников.

– Он мог бы обучать водным видам спорта.

Профессор Шарпантье сидел абсолютно неподвижно, словно затаившееся животное. Единственное, что у него двигалось, – это капелька пота, скатывающаяся к кончику носа.

Лакост, Бовуар и Желина смотрели на нее как зачарованные.

– Почему он здесь, если практически ничему не учит? – спросил Желина, когда капелька упала.

Гамаш все еще разговаривал по телефону с женой.

– Он готовит тактические упражнения для кадетов, – прошептал Бовуар. – Серию вопросов типа «что, если». Для первокурсников это начинается в виде письменных примеров и тестов, но потом они переходят к ролевым играм и макетам. Мы построили макеты в натуральную величину для их упражнений, а далее они переходят к решению вопросов о том, как действовать в разных ситуациях. Это новинка.

– Ее привнес коммандер Гамаш?

– Oui. И этого преподавателя заодно. Суть в том, чтобы научить кадетов разруливать разные ситуации, не прибегая к силе. Но если уж

приходится применять силу, то они должны владеть наиболее эффективными способами ее применения.

Заместитель комиссара одобрительно кивнул:

– Коммандер знал этого Шарпантье, прежде чем принять его?

– О да, несколько лет назад месье Гамаш лично принимал Гуго Шарпантье в Квебекскую полицию.

– Он офицер Квебекской полиции? – спросил Желина.

– Был какое-то время.

– Один из протеже месье Гамаша?

– Поначалу. Но потом его взял под крыло кое-кто другой, – сказал Бовуар. – Когда Шарпантье продемонстрировал способности к тактике.

– Правда? И кто же это?

– Суперинтендант Бребёф.

Желина кивнул, приняв к сведению полученную информацию. Он посмотрел на инвалидное кресло Шарпантье:

– Он ранен?

– Нет. У него, кажется, что-то вроде болезни Паркинсона, – сказал Бовуар. – Бывают дни, когда он ходит с тростью, но по большей части ездит в кресле-каталке. Так ему легче и быстрее.

– Вы работали с ним в полиции?

– Non, он недолго там оставался. Уволился и открыл собственную компанию. Работает консультантом. Видимо, он хорошо знает свое дело, – сказал Бовуар. – Иначе месье Гамаш не пригласил бы его сюда.

– У него испуганный вид.

– Да, он всегда такой.

– Но как может вечно испуганный человек преподавать способы и стратегии атаки?

– Никто не знает самолеты лучше тех, кто боится летать, – заметил Бовуар и с удовольствием увидел, как заместитель комиссара удивленно вскинул брови.

– Я хочу сам взглянуть, – сказал Гамаш. – Буду сегодня вечером дома, привезу оригинал.

Гамаш отключил телефон и вернулся к столу:

– Мои извинения.

– Дома все в порядке? – спросила Лакост.

– О да.

– Они нашли карту?

Все дружно посмотрели на Шарпантье. Капли пота собрались у него за воротником и, когда он заговорил, залили и без того влажную рубашку.

Эти слова были как будто выжаты из него.

Тут Желина подался вперед, словно кто ударил по спинке его стула:

– Постойте-ка. Вы – Г. Е. Шарпантье?

Шарпантье проигнорировал его, он не сводил глаз с Гамаша, и тот кивнул ему в ответ.

– Вообще-то, карту нашли несколько месяцев назад в стене старого дома в одной из деревенек в Восточных кантонах, – сказал Гамаш. – В деревне, где живу я. Но теперь нашли изображение той же карты на витраже в местной церквушке.

– Правда? – спросила Лакост, которая знала и церковь, и памятный витраж. – Странно. Ту же карту мы нашли в…

– Ну да, в стене, – перебил ее Гамаш.

Еще одна капля прокладывала себе путь по щеке Шарпантье в расщелину его улыбки.

– Тот самый Шарпантье? – прошептал Желина на ухо Бовуару. – Да ведь он затворник. Господи боже, я нанял его в качестве консультанта по тактике, но он даже не желал разговаривать по телефону. Только по электронной почте. Я думал, он старше. И крупнее.

Шарпантье подъехал в своем кресле на миллиметр ближе к столу. Он либо не слышал вопроса Желина, либо не обратил на него внимания.

– Занятно. Важные карты иногда обнаруживаются на чердаке или в тайнике старого стола, а вы говорите, что эта была в стене?

– Не думаю, что она имеет какую-то историческую ценность. Или хотя бы денежную, – добавил Гамаш. – Так, забавная вещица.

– Да, – согласился Шарпантье, переводя взгляд с Гамаша на Лакост.

– Oui. А теперь, – Гамаш посмотрел на остальных, – мы можем вернуться к нашему главному вопросу?

– Где она сейчас? – спросил Шарпантье.

– Что?

– Карта.

– Оригинал у меня, – терпеливо произнес Гамаш, явно желая продолжить разговор. – Я вам покажу позднее, если хотите.

– Вы сказали «оригинал». Значит, есть и копии?

– Извините, профессор, – сказал Гамаш, – но какое все это имеет значение?

– Вот и я об этом подумал. – Он сверлил Гамаша взглядом. Упоминание карты раскрыло словесные шлюзы. – Вы-то считаете, что она имеет значение, если столько времени говорили о ней по телефону.

– Может быть, мы продолжим наш разговор позднее, – сказал Гамаш.

– С удовольствием.

Шарпантье отъехал от стола.

– Мы еще не закончили, – сказал Желина. – У нас еще есть вопросы.

– У вас больше нет вопросов, – отрезал Шарпантье. – Все имеющие отношение к делу уже заданы. И мне нечего добавить к расследованию. Если бы было, я бы сам вам сказал. Все остальное – пустая трата времени.

Бовуар, который испытывал уважение к этому странному человеку, обнаружил, что в нем растет и приязнь к нему.

Шарпантье сидел, залитый собственным потом. Тощий. Серый. Не на своем месте среди высокопоставленных офицеров. И совершенно не осознавал этого.

Сам Шарпантье чувствовал себя вполне нормально.

Бовуар восхищался этим, хотя был несколько смущен.

– Остался последний вопрос, – сказал Гамаш. – И тогда я покажу вам оригинал карты.

На лице Шарпантье появилась едва заметная улыбка, словно ему понравилось, что Гамаш прибегнул к старинному обычаю «услуга за услугу».

– Что вы думаете о Серже Ледюке?

– Он был глупым человеком. По-моему, он больше подходил на роль продавца обуви.

Заместитель комиссара Желина рассмеялся и оборвал смех, когда Шарпантье посмотрел на него:

– Вы не согласны?

– Non, non, дело не в этом. Просто то, что вы сказали, забавно.

– Правда? Профессор Ледюк преуспел бы в качестве продавца обуви. Дорогой обуви. Он бы убеждал людей покупать то, что рано или поздно принесет им вред. И платить за это хорошие деньги. Он был садистом.

– Он мог бы возглавить компанию взяточников? – спросил Желина.

– Никогда. Его бы тут же поймали. Он не умел просчитывать на два-три шага вперед. Продавцу обуви это и не требуется.

– Вот уж действительно, – заметила Лакост.

Один лишь Гамаш уловил смысл ее слов и улыбнулся.

– Но глава Полицейской академии должен уметь считать, – сказал Шарпантье, глядя на Гамаша.

– Где бы вы искали его убийцу? – спросила Изабель Лакост.

– От Матфея, глава десятая, стих тридцать шестой, – произнес Шарпантье после короткой паузы. – Да. Оттуда я бы и начал. А теперь я могу идти?

– Через пятнадцать минут жду вас в моей квартире, – сказал Гамаш.

– Странный человек, – сказала Лакост, когда дверь закрылась.

– Гений, – добавил офицер КККП. – И да, странный человек. – Он немного помедлил. – Вам не кажется, что такой человек может принести много вреда?

– Полагаете, он причастен к убийству Ледюка? – спросила старший инспектор Лакост.

– Или к коррупции. Или к тому и другому. Вы так не думаете? – Он обращался к Гамашу. – Не потому ли вы и пригласили его сюда? Преподавателя, который на самом деле не преподает? Блестящего тактика? Чтобы следить за ним? Вы свели вместе всех подозреваемых: Ледюка, Бребёфа, Шарпантье. И наблюдали, что будет. Но вы совершили ошибку. Насколько мне известно, связанную с вашим прошлым. Вы решили, что вы умнее их. Умнее его. Вы полагали, что сможете контролировать ситуацию. Однако не смогли. Она вышла из-под контроля, коммандер. И Шарпантье знает это. Насчет умения смотреть на два шага вперед – это было не наблюдение, а шутка. Он смеялся над вами.

Гамаш поднялся.

– Возможно, вы правы, – сказал он, направляясь к двери. – Время покажет.

– Время уже показало. Вы не разглядели? А если не заметили, оно подбросило труп в ваш великий эксперимент, месье Гамаш. И если вы не вернете себе контроль над ситуацией, то будут и новые.

Когда коммандер вышел, Поль Желина обратился к остальным:

– Шарпантье имел в виду какое-то библейское выражение?

– Из Евангелия от Матфея, – сказала Лакост. – Когда Гамаш возглавлял отдел по расследованию убийств, он первым делом говорил новеньким агентам это.

– «И враги человеку – домашние его», – процитировал Бовуар.

Желина кивнул:

– И Г. Е. Шарпантье начал бы искать убийцу среди домашних.

– По-моему, это очевидно, – сказала Лакост, тоже вставая.

– Домашние – это не только семья, – возразил Желина. – В евангельских словах более широкий смысл. Они говорят о ком-то близком. Очень близком.

Глава двадцать вторая

– Хо-хо, – сказал Шарпантье, глядя на карту в рамке.

Гамаш снял ее со стены и протянул преподавателю.

– Хо-хо? – повторил он. – А поконкретнее? Это какая-то важная карта?

– Ничуть, – ответил Шарпантье, продолжая, однако, разглядывать карту.

– К сожалению, мне нужно уходить. – Гамаш посмотрел на часы. Было почти семь. – Но я вернусь утром. Старший инспектор Лакост и часть ее команды остаются. Инспектор Бовуар тоже. Утром придут результаты криминалистической экспертизы.

Гамаш протянул руку, собираясь забрать карту у Шарпантье, но тот не хотел ее отдавать.

– Я поеду с вами, – сказал он.

– Зачем? – спросил Гамаш. – Не хочу показаться невежливым, но я не понимаю, зачем вам это надо.

– Я собираю карты. Эта вызывает у меня любопытство. Вы упоминали, что такое же изображение найдено на витраже в вашей деревне?

– Oui.

– Я бы хотел его увидеть.

– Вы же сказали, что карта не важная.

– Да. Но она важна для вас, – сказал Шарпантье. – Важна как карта или как что-то другое?

Глядя на выжатого как лимон молодого человека, Гамаш взвесил все варианты и наконец сказал:

– Соберите вещи для ночевки и через пятнадцать минут будьте у главного входа.

Когда Шарпантье ушел, Гамаш взял карту. Стекло было влажное от пота. Он перевернул рамку и осторожно извлек карту.

До Трех Сосен они добрались немного позже половины девятого и прямо подъехали к церкви Святого Томаса, где все еще ярко горел свет.

Восемь человек повернули к ним голову, когда они вошли. Четыре жителя деревни и четыре кадета. Подобной многолюдности позавидовал бы любой священник.

– Арман, – сказала Рейн-Мари, направляясь к Гамашу.

Поцеловав мужа, она повернулась к худому человеку, опиравшемуся на две трости. Арман предупредил ее, что у них будет гость, но всего не сказал.

Если люди состоят главным образом из воды, то этот был в большей степени человеком, чем все остальные.

– Гуго Шарпантье, преподаватель академии, – представил его Гамаш.

– Вы один из наших профессоров, – заявил Жак. – Вы ведете курс продвинутой тактики.

– А вам нужно быть внимательнее на занятиях, кадет Лорен, – сказал Шарпантье. – Насколько я помню, вас убили на двух последних тактических упражнениях и взяли в заложники на третьем. Тест на фабрике. Вы его не сдали.

Хуэйфэнь попыталась скрыть улыбку, а Амелия и Натаниэль с интересом посмотрели на Жака. Золотой мальчик без блеска – просто мертвец.

Гуго Шарпантье повернулся к Гамашу.

Гамаш выдержал его взгляд, точно зная, что на уме у преподавателя.

Четыре кадета. Не в академии, а в маленькой церкви за много миль от города. Не было бы преувеличением сказать, что они здесь спрятаны, хотя они сами, возможно, и не понимали этого.

– Месье Шарпантье коллекционирует карты, – пояснил Гамаш. – Я подумал, он будет полезен. Точнее, он подумал, что будет полезен.

По пути в Три Сосны Гуго Шарпантье ничего не говорил ни о карте, ни о чем-либо другом. Они ехали в молчании, что устраивало Армана. Ему было о чем поразмышлять.

– Это здесь, – сказала Рейн-Мари, подходя к окну. – Как же мы прежде не замечали?

– Так задумал автор, – сказал Шарпантье. – Взгляните на его лицо.

Двух солдат художник изобразил в профиль, и они смотрели перед собой. Но этот молодой человек смотрел прямо на зрителей.

– Вот что вы должны были видеть. – Шарпантье показал своей палкой на молодого человека. – Выражение его лица столь поразительное, что вы забываете обо всем другом, в том числе и о карте.

– Значит, карту специально скрыли таким образом? – спросила Мирна.

– Введение в заблуждение, – вспомнила Хуэйфэнь, которая недавно прочла об этом в учебнике по тактике, написанном Г. Е. Шарпантье.

– Цель в этом и состояла, – сказал Шарпантье. – Но для того ли, чтобы спрятать карту? Я не понимаю, зачем было помещать ее туда, а потом отвлекать от нее внимание.

– Почему бы просто не убрать ее? – подхватила Рейн-Мари.

– Или поместить на самом виду, – добавила Мирна.

– Может быть, карта не важна. Так, обычная деталь, – предположила Клара. – Как пуговицы, грязь, оружие в кобуре. Всего лишь штрих, чтобы добавить достоверности.

– Достоверности? Карта со снеговиком? – взвилась Рут. – С кем, по-твоему, сражался Канадский экспедиционный корпус? Со Снежным Пистолетом?

Гамаш извлек из сумки оригинал, и Шарпантье, не спрашивая, взял у него карту и стал сравнивать с витражом.

Та же самая карта.

На скамьях лежали другие копии, а рядом с ними – тарелки с остатками ростбифа, рукколы и сыра камамбер на багете. Куриное мясо, соус песто и яблочные дольки на мягком, свежей выпечки, многозерновом хлебе от Сары. И различные бутылки пива и лимонада.

Когда Арман и Рейн-Мари только переехали жить в Три Сосны и заметили, что местные жители берут еду в церковь, они были удивлены. И даже осуждали этот обычай.

Но спустя два-три месяца Рейн-Мари спросила: «Разве есть правило, запрещающее есть или пить в церкви?»

И они попробовали. Поначалу это казалось неловким, неправильным. Словно Бог оскорблялся, видя еду в своем доме. И так продолжалось, пока они не поняли: есть, разговаривать и смеяться в церкви не святотатство. Святотатство – оставлять ее пустой.

– Как же вы ее заметили? – спросил у Амелии коммандер Гамаш.

– Как же вы ее не замечали? – спросила она.

Клара хотела приструнить Амелию, но вовремя остановилась, ведь вопрос был справедливым. Как они не заметили этого? Неужели их настолько приковывало к себе лицо солдата, что все остальное отходило на второй план, как и сказал молодой преподаватель?

И что еще непонятнее, было ли это намеренным отвлечением внимания?

– Я смотрела на нее. – Амелия махнула рукой в сторону Рут. – Она все говорила и говорила о чем-то…

– Об истинной природе человека и его месте во Вселенной, – сказала Рут, адресуясь к Шарпантье. Она восхищалась двумя его палками против одной своей. – А по существу, о смысле жизни.

– Конечно, – сказал молодой преподаватель.

– …и мое внимание, – продолжала объяснять Амелия, –

переместилось на окно за ее спиной. Тогда я и увидела.

– Мы можем пойти куда-нибудь в другое место? – спросил Жак, вставая со скамьи. – Я себе уже задницу отсидел.

– У меня тоже болячка в заднице, – заметила Мирна, глядя на своего постояльца.

– Идемте, – сказала Клара. – Я устала, и Лео уже пора выйти.

Львенок спал у нее на коленях, а Анри и Грейси спали на полу под скамейкой Рейн-Мари.

Не успели они выйти, как Амелия услышала в темноте умоляющие голоса двух женщин:

– Пи-пи. Ка-ка.

Она остановилась на дороге в ожидании. Спиной к церкви. К этому окну.

– Пи-пи. Ка-ка.

Отвечая на вопрос, как она сумела увидеть карту, Амелия не стала откровенничать. Если всех привлекало лицо солдата, то ее оно отталкивало.

Его ужас.

Но сильнее всего ее пугало и заставляло отворачиваться выражение прощения на его молодом лице.

И потому, в отличие от остальных, она была вольна, а может, вынуждена смотреть на другие части витража.

Тогда-то она и увидела карту.

Наконец Лео закончил свои дела, и Клара подобрала его, а потом передала маленький теплый комочек Амелии:

– Идем домой.

Придя домой, Арман показал Гуго Шарпантье отведенную ему комнату на первом этаже и душ, потом он переоделся, а Рейн-Мари поставила чайник и быстро собрала ужин.

Двадцать минут спустя появился пахнущий мылом Шарпантье в халате, приглаживая рукой тускло-коричневые волосы.

Гамаш находился в гостиной перед камином. Ужин из вареной рыбы и спаржи стоял перед ними на раскладном столике.

– Ждете меня? – спросил Шарпантье. – А где мадам Гамаш?

– Я просил ее присоединиться к нам, но она взяла поднос в спальню. Хотела оставить нас вдвоем, чтобы мы могли поговорить.

– У нас есть столько тем для разговора?

– Я думаю, да. А вы – нет? Вина?

– С удовольствием, patron.

Гуго Шарпантье не многих людей называл patron, и Гамаш был одним из этих немногих.

Он налил вино в бокалы.

– Почему здесь эти кадеты? – спросил Шарпантье.

– Они были более других близки с профессором Ледюком. Кадеты Клутье и Лорен выпускаются в этом году, и почти три года он протежировал им.

– Вы опасаетесь, что они заражены, – сказал Шарпантье. – Слишком долго находились слишком близко к той чуме, какую представлял собой Ледюк.

Гамаш не стал возражать.

– Двое других – новички, – сказал он. – Новые протеже Ледюка.

– Почему он выбрал их?

– Не знаю. Возможно, мы никогда этого не узнаем.

– Но можем предполагать, верно? Кадет Смайт – англо и гей, он горит желанием угодить. Катастрофическая комбинация в руках такого человека, как Ледюк. А другая? Готка, кадет Шоке? На нее достаточно один раз взглянуть, чтобы увидеть ее раны. Для человека вроде Ледюка это лучший материал.

Шарпантье смотрел на Гамаша изучающе.

– Вопрос состоит вот в чем, коммандер: вы привезли этих кадетов сюда ради их блага или чтобы защитить остальных? Вы привезли в вашу деревню потенциальных жертв или убийцу?

– Недавно на одном из моих приемов я дал им задание провести расследование по этой карте, – сказал Гамаш, решив не отвечать на вопрос напрямую. – Чтобы отточить их следовательские навыки. Сегодня утром я сказал им, что копию карты нашли в прикроватном столике Ледюка. И то, что началось как простое задание, стало частью расследования дела об убийстве.

– Умно. Это дало вам предлог, чтобы вывезти их сюда и поручить им что-то действительно важное.

– Ну я бы сказал, что нет дыма без огня.

– Что вы имеете в виду?

– Копию карты и в самом деле нашли в прикроватном столике у Ледюка.

Гуго Шарпантье уставился на Гамаша. Удивить человека, который специализируется на том, чтобы видеть все возможности сразу, трудно, но эта информация его удивила.

– Как она к нему попала?

Гамаш молча покачал головой.

– Чья это была карта? – спросил Шарпантье. – Одного из четырех кадетов? Кого же еще, кроме них. Но кого конкретно?

– Пропала карта Амелии Шоке.

Шарпантье закивал, как китайский болванчик.

– Прикроватный столик, – сказал он наконец.

– Oui, – согласился Гамаш. – Меня это тоже поразило. Карту убрали, но не спрятали.

– Убийца не искал ее, – сказал Шарпантье. – Значит, ему она не была нужна, в отличие от Ледюка.

– Но почему Ледюка интересовала карта?

Они оба посмотрели на рисунок. В свете гаснущего камина карта приобрела розоватый оттенок.

– Есть еще одна возможность, – сказал Гамаш.

– Карту подбросил убийца, чтобы впутать в дело кадетов, – подхватил Шарпантье. – Карта Шоке отсутствует? Значит, она следующая жертва. Он сделает так, чтобы это выглядело как самоубийство. Не совсем нормальная, уязвимая девушка-новичок убила преподавателя, а потом, когда кольцо стало сжиматься вокруг нее, рассталась с жизнью.

Гамаша такой сценарий не удивил. Он и сам думал об этом в те несколько минут, что провел наедине с убитым в его комнате.

Что означает карта. И куда она может их вывести. И что с этим делать.

Единственным ответом было увезти четырех кадетов куда-нибудь в безопасное место. Быстро. Без шума. Прежде чем убийца осуществит следующую часть своего плана.

– Конечно, убийца мог случайно выбрать ее карту, – сказал Шарпантье, размышляя вслух. – Возможно, выкрасть карту у нее было проще, чем у других. Для него не имело значения, у кого взять. Он искал только козла отпущения. Кадет, связанный с телом. Ее самоубийство закрыло бы дело. Разве что, конечно…

– Да, я знаю. – Еще один вопрос, который обдумывал Гамаш в те долгие минуты наедине с телом. – Если его не убила она сама.

– Или кто-то из трех остальных, – сказал Шарпантье. – В конце концов, они все знали, что у нее есть карта. Ни у кого другого не было лучшей возможности подложить карту в столик Ледюку, чтобы тень легла на Шоке. И вы всех их привезли сюда. Вместе.

– По крайней мере, я разместил их по разным квартирам, – заявил Гамаш.

Шарпантье кивнул:

– Мудрая предосторожность. В этом случае удушить подушкой посреди ночи труднее.

Преподаватель взял карту в руки.

– Таким образом, мы можем предположить, почему карта оказалась в столике убитого. Чтобы навести подозрение на одного из кадетов. – Он внимательно посмотрел на карту. – Но почему ты вдруг оказалась на витраже?

Шарпантье ждал, словно снеговик, или корова, или одна из сосен могли открыть ему тайну.

Внезапно он улыбнулся и протянул карту Гамашу:

– Кажется, я знаю.

– Они вам сказали?

– В некотором роде. Если можно, сделайте мне травяной чай. Помогает заснуть.

Гамаш отправился в кухню ставить чайник, и Шарпантье крикнул ему вслед:

– Ромашку, если есть.

– Есть.

Послышался звук воды, льющейся в чайник, затем наступила тишина. И в этой тишине прозвучал вопрос Шарпантье:

– Вы сказали, что дали им это задание на одном из ваших вечеров. Но вы вроде бы упоминали, что старшекурсники были людьми Ледюка?

– Так оно и есть, – раздался ответ с кухни. – Он просил их делать вид, что они мои, чтобы потом они возвращались к нему и обо всем докладывали. – Гамаш выглянул в гостиную из кухни. – Я умнее, чем кажусь.

– Слава богу, – сказал Шарпантье.

Гамаш вернулся с травяным чаем и баночкой местного лавандового меда.

Шарпантье сунул ложку в чай и взглянул в умные глаза хозяина.

– Вы хотели мне сказать, почему карта оказалась в котомке юноши, – напомнил Гамаш.

– Oui. Потому что карты – штука волшебная.

До этого коммандер слушал его вполуха, но теперь он весь превратился во внимание. Гамаш поставил чайник на стол и впился глазами в гостя:

– Волшебная?

– Да. В наши дни карты настолько распространены, что мы забыли об этом. Они переносят нас из одного места в другое. Они освещают нашу

вселенную. Вы же знаете, что первые карты были картами неба. Того, что видели древние. Того места, где обитали их боги. Во всех культурах делали небесные карты. Но потом люди опустили глаза. На окружающий их мир.

– Зачем?

– Ах, месье, – кивнул Шарпантье одобрительно и с растущим возбуждением. – Именно что зачем. И как? Теперь это кажется легким, но вы подумайте о первом человеке, который сообразил, как представить нечто трехмерное в двух измерениях. Как изобразить расстояние и время? И вообще, для чего такие хлопоты? Нельзя сказать, что у них не было других дел. Так зачем еще и карты рисовать?

– Из потребности, – ответил Гамаш.

– Да, но откуда взялась такая потребность?

Гамаш задумался.

– Для выживания?

– Именно. Карты позволяли им контролировать окружающую местность, впервые в истории. Показывали, как пройти из одного места в другое. Вроде просто, но тысячи лет назад это требовало неимоверного воображения и изобретательности. Все карты нарисованы как вид сверху. С высоты птичьего полета. С точки зрения божества. Вот представьте себе первого человека, который подумал об этом, который оказался способен увидеть никогда не виданную перспективу. И изобразить ее. Невероятно. А подумайте о преимуществах.

Гамаш никогда не задумывался о таких вещах, а теперь вдруг понял, с каким трепетом этот специалист по тактике относится к картам. Как тактический инструмент, карты произвели революцию и не имели себе равных. Те, кто владел картами, получали поразительное преимущество.

Они становились волшебниками.

– Это означало, что они могут планировать, выстраивать стратегии, – сказал Шарпантье. – Могут заглядывать в будущее. Видеть место, куда они направляются. Представлять, что обнаружат там. Племя, народ, компания с наиболее точными картами одерживали победу.

– Вы поэтому стали тактиком?

– Да, но началось с карт. Я был трудным ребенком, – сказал Шарпантье с такой интонацией, будто это у кого-то вызывало сомнения. – Мир казался мне хаотичным. Беспокойным. Но в картах царил порядок. И красота. Я люблю карты.

Это не казалось преувеличением. Он с любовью посмотрел на бумагу на кофейном столике. На новообретенного друга.

– Даже само это слово интересно. На латыни карта мира называется

mappa mundi. Слово mappa означает «кусок полотна, салфетка». Mundi – это, конечно, «мир». Не чудесно ли? Салфетка, на которой изображен мир. Мирское и великолепное. Карта.

Он произнес это слово так, будто оно действительно было волшебным. И в покрытом испариной лице молодого человека Гамаш увидел мир, открывавшийся несчастному мальчику.

– Первые европейские карты изготовлены монахами, которые собирали сведения у моряков и купцов, – сказал Шарпантье. – Иногда их называют картами Беата, потому что первые из них изготовил монах по имени Беат в восьмом веке. Он включил их в свой труд, посвященный Апокалипсису.

– Только не это, – пробормотал Гамаш.

Шарпантье покосился на него и снова вернулся к карте на столе.

– Каждая карта делалась с определенной целью, – прошептал он. – Какова цель вашей карты?

– Вы можете отгадать?

– Я могу изложить вам свое просвещенное и информированное мнение, основанное на годах изучения карт и тактики, – предложил Шарпантье.

– Отлично, – ответил Гамаш. – Выслушаю ваше мнение.

– Нарисовал ее картограф. Изготовитель карт. Не любитель. Тот, кто ее создал, был, видимо, профессионалом.

– Об этом свидетельствует корова или пирамида? – спросил Гамаш.

– Ни то ни другое, – сказал Шарпантье, не услышав юмористической нотки. – Контуры. – Он показал на тонкие линии, обозначающие высотный уровень. Холмы и долины. – Подозреваю, что если мы проверим это на местности, то карта окажется очень точной.

– Не совсем. Корову спасли, а снеговик растаял сто лет назад, и я вам гарантирую, что вы не найдете здесь пирамиды.

Он показал на треугольник в правом верхнем квадранте.

– Вот это и делает карту особенно интересной, – изрек Шарпантье. – Старые карты показывают историю. Историю поселения, предприятия, завоевания. На карте, видимо, показана очень личная история. Она предназначалась для одного лица. Для одной цели.

– И что же это за цель? – снова спросил Гамаш, не ожидая ответа.

Но на сей раз он его получил.

– Я думаю, перед нами одна из первых карт для спортивного ориентирования.

– Для ориентирования? Для спорта?

– Ну, начиналось оно иначе, – сказал Шарпантье. – Солдат на витраже – участник Первой мировой, верно? Ориентирование началось как учебная дисциплина для солдат, чтобы помочь им находить дорогу на поле боя.

– Значит, это военная карта? – спросил Гамаш, теряя нить.

– Нет, конечно. Тут снеговик с хоккейной клюшкой. На карте изображен не Ипр. Мы видим здешнюю округу. Вы хотели знать, зачем нарисовали карту?

В камине затрепыхалось и погасло пламя. Анри похрапывал на полу у ног Гамаша, маленькая Грейси перестала повизгивать.

Гамаш кивнул.

– Эту карту нарисовали для молодого солдата, как aide-mémoire[46], – сказал Шарпантье. – Чтобы напоминала ему о доме.

Арман посмотрел на три молодые игривые сосны.

– Чтобы привести его домой, – закончил Шарпантье.

Но это не сработало. «Не все карты волшебные», – подумал Гамаш.

Глава двадцать третья

Мирна села в кровати. Ее разбудил звук выстрела. Все еще сонная, она прислушалась, думая, что ей это приснилось.

Но тут раздался еще один выстрел. И не один, а целая очередь. Перепутать было невозможно. Стрельба из автоматического оружия.

А потом – крики. Вопли.

Скинув с себя одеяло, она побежала к двери спальни и распахнула ее. Сон у нее как рукой сняло, она уже знала, что увидит.

Жак Лорен сидел за ноутбуком, его лицо освещалось только мигающим экраном.

Шел третий час ночи, и Жак наконец-то последовал ее совету и погуглил Армана Гамаша.

И сразу всплыла ссылка на это видео.

Еще крики, слова команды. Четкие. Уверенные. Этот голос перекрывал панику, звучал громче выстрелов, агенты полиции все глубже проникали на заброшенную фабрику. Теснили террористов назад. Отвечали огнем.

Но террористы были повсюду, они имели численное превосходство над полицейскими.

Происходившее напоминало засаду, бойню.

И все же, подчиняясь командам и быстрым, решительным жестам командира, они продвигались вперед.

Хуэйфэнь Клутье села в кровати.

Первые спокойные часы после смерти профессора Ледюка. После убийства Ледюка.

Вот что останется в памяти о нем. Человек будет стерт убийством. Серж Ледюк более не существовал. Он никогда не жил. Все, что он делал, умерло.

Она положила карту на колени и уставилась на нее.

Лицо кадета Лорена становилось все бледнее.

Он узнавал происходящее. Это было тактическое упражнение на их макете фабрики. Во время которого его дважды убили и один раз взяли в заложники. Ему ни разу не удавалось одержать там победу.

Но перед ним было не упражнение. Все это происходило в реальности.

Видео составили из отрезков записи, сделанных камерами в шлемах

агентов. Изображение постоянно переключалось с одной камеры на другую. Дерганое, неровное. Они бежали. Прятались за бетонными столбами, из которых пули высекали цементную пыль.

Но все было очевидно. Как и лица агентов, выражавшие решительность и отвагу. Полицейские наступали. Хотя и падали.

Амелия лежала в кровати, уставившись в потолок.

Одеяло согревало ее, несмотря на прохладный, свежий воздух, проникающий внутрь через приоткрытое окно. Простыни пахли лавандой. Слабый запах, не вызывающий отвращения. Только успокаивающий.

И медленно, медленно ее мысли замедлялись. Прекращали свое мельтешение. Свой беспокойный ход. Амелия вдыхала лаванду и выдыхала тревогу.

Герцог умер. Упокоился в мире, и теперь наконец она тоже могла успокоиться.

Звуки потрясали даже сильнее, чем образы. Жак морщился, когда пули вокруг ударяли то в стену, то в пол. То в живую плоть. Звук был гораздо громче, чем во время упражнений в академии. Его мозг словно онемел от шума, хаоса, команд, взрывов, криков боли. Его руки сжимали подлокотники кресла, крепко держались за них.

Все его чувства отключились.

На экране офицер в тактическом снаряжении бежал вперед. Внезапно он остановился. Постоял на месте несколько мгновений. А потом, как в гротескной пародии на балетные движения, изящно развернулся и упал.

Раздался голос: «Жан Ги!»

Жак наблюдал за тем, как профессора Бовуара оттащили в безопасное место. Потом камера переключилась, и он увидел коммандера Гамаша, очень четко. Гамаш быстро оценил состояние раненого, пока вокруг продолжалась стрельба и пули дробили бетон.

Бовуар смотрел на Гамаша, который пытался остановить кровотечение. Бовуар молчал, но его глаза были широко раскрыты от ужаса. Умоляли.

«Я должен бежать», – сказал Гамаш. Он вытащил бинт, вложил в руку Бовуара и прижал ее к ране. Замер на мгновение, потом наклонился и поцеловал Бовуара в лоб.

Рут Зардо стояла на пороге и смотрела на мальчишку, лежащего в постели.

Он крепко спал, глубоко дыша. Она прислушалась к ритму его дыхания. Потом закрыла дверь и спустилась на первый этаж.

Старая поэтесса спала мало. Сон, казалось, и не требовался ей. Однако ей требовалось время. Она видела впереди берег. Еще не так близко, хотелось ей думать. Но уже различимый.

Мальчишка оставил свою копию карты в кухне. Рут приготовила чашку травяного чая и села на привычное место рядом с Розой, которая спала в своей тряпичной постели возле плиты.

Роза приборматывала во сне, выдыхая: «фак-фак-фак».

Рут посмотрела на карту. Она думала, что эта история подвигнет ее написать стихотворение. Излить чувства на бумаге. Как это сделал тот человек, который нарисовал карту.

Но теперь она поняла: в этом нет нужды. Все, что нужно сказать, сказала карта.

Своими изящными контурами. Дорогами и реками. Застрявшей коровой, радующимся снеговиком.

Тремя маленькими, но полными жизни соснами.

И мазками. Грязи. Или крови.

Да, карта сказала все.

Рут подняла взгляд. В сторону неба, но не до небес. Ее мысли остановились на втором этаже дома. Там, где молодой человек, который утром нашел одного из своих преподавателей мертвым, лежал глухой к окружающему миру.

Такие события оставляют шрам на человеке. Не дают покоя его разуму, спящему ли, бодрствующему ли.

И все же молодой Натаниэль спал, и случившееся вовсе не беспокоило его.

Сердце Жака Лорена колотилось в груди, висках, горле.

Террористы были мертвы. Погибли или были ранены и агенты полиции. Но невероятным образом некоторые из них избежали ранений. Благодаря спокойствию и тактическому таланту их командира. Того, кто провел их по фабрике и одержал победу в явно проигрышной ситуации, а теперь лежал без сознания на бетонном полу. Фельдшеры работали с ним. Из раны на его голове текла кровь.

Рядом с ним на коленях стояла женщина-полицейский, держа его за окровавленную руку.

Кадет Лорен выключил ноутбук и отодвинулся от стола.

Глава двадцать четвертая

– Café?

Мэр Флоран пододвинул кувшин к двум следователям.

Поль Желина, сегодня без своей формы КККП, в гражданском, отказался, но Изабель Лакост кивнула.

В кабинете мэра витал застоялый запах чуть подгоревшего кофе. Лакост подозревала, что стеклянный кофейник, на стенках которого десятилетиями копился кофеин, весь день стоял на плитке. Уж кофе-то этот человек мог предложить своим избирателям.

В семь тридцать мартовского утра это можно было считать щедрым предложением.

По ее просьбе мэр добавил в кофе молоко и сахар и протянул Лакост кружку.

Его кабинет не производил сильного впечатления. Когда-то – может быть. Но не теперь. Ламинированные панели под дерево на стенах кое-где отслаивались, а на звукопоглощающей плитке потолка виднелись пятна. Ковер видел лучшие дни, и еще бог знает что он видел.

Но, несмотря на все это, кабинет выглядел приветливо, с его разномастными стульями и столом, явно позаимствованным в какой-нибудь старинной католической школе. Стены были увешаны фотографиями местных спортивных команд, ребята улыбались, держали флажки, сообщавшие о месте, занятом ими на тех или иных соревнованиях.

Среди молодых спортсменов стоял мэр. Гордо улыбался с каждой фотографии.

Некоторые фотографии повыцвели, мэр на них с годами становился все более и более округлым, волосы его редели. И седели.

У многих из этих мальчиков и девочек уже появились свои дети.

На столе мэра Флорана стояли в рамках фотографии размером поменьше. Дети, внуки. Они обнимали собак, кошек. И лошадь.

Мэр сел в кресло и с озабоченным видом наклонился к посетителям.

Он оказался совсем не таким, как предполагала старший инспектор Лакост. Выслушав описание месье Гамаша, она готовилась увидеть жилистого человека, изможденного заботами, разочарованиями и северным ветром.

Но, глядя в его мягкие, выжидающие глаза – глаза дедушки, она поняла, что месье Гамаш не давал ей физического описания этого человека,

только сказал: мэр остро ощущает добро и зло. И не забывает обид.

Остальное она домыслила сама.

Еще Гамаш говорил, что мэр ему симпатичен. И теперь Лакост понимала почему. Ей мэр тоже был симпатичен. Офицер КККП, сидевший рядом с ней, расслабился и положил ногу на ногу.

Даже если мэр Флоран мог убить Сержа Ледюка, то ни для кого другого он не был опасен.

Изабель Лакост решила использовать прием, который применяла редко:

– Господин мэр, это вы убили Сержа Ледюка?

Редко по той причине, что этот прием редко приводил к успеху.

Его кустистые брови удивленно поднялись, а заместитель комиссара повернулся на стуле и уставился на нее.

– Ах, моя дорогая, я понимаю, почему вы спрашиваете.

Немногим сошло бы с рук обращение «моя дорогая» по отношению к старшему инспектору Лакост, но сейчас она не почувствовала никакого раздражения. Мэр произнес эти слова уж точно не для того, чтобы уколоть ее.

– Я бы тоже так подумал, – продолжил он. – На вашем месте. Извините, мне не следует смеяться. Вы же не шутили. Человека убили, и я должен печалиться. Расстраиваться. Однако я ничего такого не ощущаю.

Мэр переплел пальцы. Его веселые глаза посерьезнели.

– Я презирал Сержа Ледюка. Если бы я задумал совершить убийство, то убил бы его. Я каждое воскресенье хожу в церковь. Иногда захожу туда в будни, чтобы помолиться за детей в беде или отчаянии. И я всегда молюсь за Сержа Ледюка.

– За его душу, – кивнул Желина.

– За его смерть.

– Вы так его ненавидели? – спросила Лакост.

Мэр Флоран откинулся на спинку кресла и немного помолчал, и в этой тишине Изабель Лакост услышала далекие крики и счастливый визг играющих детей.

– Вы пришли, потому что знаете эту историю. Потому что коммандер Гамаш сказал вам, что случилось с вашей академией.

Лакост хотела сказать, что это не ее академия, но решила не обращать внимания. Она понимала, что он имеет в виду.

– Тогда я не буду пересказывать детали, но скажу вам: у нас маленький район. Почти ничего нет. Наше богатство – дети. Мы много лет зарабатывали деньги, чтобы построить для них место для игр. Где можно

было бы организовать кружки и заниматься спортом круглый год. Чтобы они выросли сильными и здоровыми. Ведь потом они неминуемо уедут отсюда. У нас тут мало возможностей для молодых людей. Но мы могли дать им хорошее детство. И послать их в мир крепкими и счастливыми. Серж Ледюк украл все это. Мог ли я его убить? Да. Убил ли я его? Нет.

Но пока он говорил, его начало трясти. От сдерживаемого гнева.

Лакост знала, что это бомба. Облаченная в кровь и плоть. Человеческая бомба, конечно. Но это лишь увеличивало опасность взрыва.

– Насколько я понимаю, коммандер Гамаш и вы разработали план, по которому местные дети смогут пользоваться спортивными сооружениями академии, – сказала Лакост. – Это, безусловно, поможет детям.

– Вы думаете?

Мэр смотрел на нее пронзительным взглядом, а она не сводила с него не менее проницательных глаз.

– Где вы находились позавчера вечером, сэр?

Он придвинул к себе блокнот и перевернул страничку назад.

– Тем вечером я был на ужине в «Лайонс клаб». Он закончился около девяти. – Мэр посмотрел на них и снова улыбнулся. – Мы стареем. После девяти уже тянет домой.

Лакост улыбнулась ему, надеясь и молясь, чтобы ей не пришлось арестовывать этого человека.

Она знала, что Господь иногда откликается на молитвы. Ведь в конечном счете он откликнулся на молитвы мэра.

– После этого я отправился домой. Дома была жена со своим бридж-клубом. Закончился роббер, и они разошлись по домам, а в десять мы уже легли спать.

– Сколько лет вашей жене? – спросил Поль Желина.

Вопрос полицейского удивил, но не обескуражил мэра.

– Она на год младше меня. Ей семьдесят два.

– Она носит слуховой аппарат? – спросил Желина.

– Два. И да, по ночам она их снимает. – Он перевел глаза на Лакост. – И да, я мог незаметно выйти из дома. У меня бывает бессонница. Я спускаюсь в кухню, сажусь, работаю. Насколько мне известно, Мари не замечает, что я ухожу. Я стараюсь ее не беспокоить.

Он вел себя как человек, которому нечего скрывать. Или терять.

– Вы разрабатываете программное обеспечение, – сказала инспектор Лакост, и мэр кивнул. – Какого рода?

– В основном программы для страховых компаний. Таблицы смертности. Вы удивитесь, сколько переменных необходимо учитывать.

– А программы безопасности вы разрабатываете? – спросила Лакост.

– Нет, это особая специализация.

– Информация, с которой вы работаете для страховых компаний, конфиденциальная, – сказал Желина. – Частная.

– Чрезвычайно, – подтвердил мэр Флоран.

– Значит, вы делаете все, чтобы исключить возможность ее похищения?

– Нет, я занимаюсь программированием. О безопасности думают другие люди. А что? Постойте-ка. Дайте догадаться. – Он посерьезнел. – Вас беспокоит система безопасности в академии. И не мог ли я ее взломать. Может, и сумел бы, хотя сомневаюсь. У них наверняка очень сложная система. Вы можете проверить в моем компьютере, чем я занимался в последнее время. Если найдете порнографию, все вопросы к моей жене.

Даже заместитель комиссара Желина улыбнулся, услышав это.

– Вы, вероятно, крупный специалист в программировании, – сказала старший инспектор Лакост.

Мэр огляделся:

– Мой кабинет кажется вам кабинетом очень успешного человека? Если бы я был так хорош, то, наверное, жил бы в центре Монреаля или Торонто.

– По-моему, ваш кабинет – это кабинет очень успешного человека, – сказала Лакост.

Мэр Флоран выдержал ее взгляд:

– Merci.

Следователи встали и пожали руку мэру, который сказал, что будет рад принять их в любое время. Пока они шли по коридору к двери и яркому мартовскому утру, Лакост сказала:

– Таблицы смертности. Они пытаются спрогнозировать…

– Когда человек умрет.

*** * ***

Академия вернулась к обычному расписанию. Жан Ги Бовуар следовал приказу коммандера Гамаша.

Не просто для того, чтобы сохранить структуру и дисциплину, но и чтобы не допустить проведения расследования самими кадетами. Бовуар обнаружил, что они снуют в коридоре у квартиры Ледюка. Они ошивались и у кабинета убитого, снимали отпечатки пальцев с ручки его двери, как

будто следователи из полиции забыли это сделать.

Он находил их в тренажерном зале, где занимался Ледюк. Они обыскивали шкафчики. В поисках улик. Хотя понятия не имели, что должны искать.

Это было естественно и даже могло показаться симпатичным, если бы не вызывало такого раздражения. Когда здание битком набито следователями-недоучками, это создает проблемы. А убийство еще больше все усугубляет.

Как только в восемь часов начались занятия, инспектор Бовуар снял телефонную трубку. Он надеялся получить ответ на свое электронное письмо, но ответ так и не поступил.

Он набрал длинный ряд цифр и услышал необычный рингтон. Два гудка вместо привычного одного.

– «Макдермот энд Райан», – раздался веселый голос, словно здесь продавали плюшевых медвежат или цветы, а не оружие.

– Здравствуйте, – сказал Жан Ги, стараясь контролировать свой квебекский акцент. – Я звоню из Канады. Я работаю в Квебекской полиции, и мы расследуем дело об убийстве.

– Пожалуйста, минуточку.

«Она поставила меня в режим ожидания? Неужели компанию засыпают звонками полицейские, расследующие убийства, и их приходится выстраивать в очередь?»

Возможно, у них был специальный отдел, занимающийся этим.

Жан Ги вздохнул. В трубке играла классическая музыка, но вскоре менее веселый голос ответил:

– Инспектор Бовуар?

– Oui.

– Меня зовут Элизабет Колдбрук. Я вице-президент по связям с общественностью. Я получила ваше письмо и сейчас пишу ответ. Извините, что это заняло столько времени, но я хотела проверить факты.

Ее голос звучал довольно резко, и Бовуару вдруг подумалось, что он сделал что-то не так. Это ощущение часто возникало у него, когда он говорил с людьми в Париже или Лондоне.

– Не могли бы вы в любом случае отправить мне это письмо? – спросил он. – Мне нужно иметь письменный документ. Но если вы не возражаете, я бы хотел поговорить с вами сейчас.

– Ничуть не возражаю. Это ужасное происшествие. В вашем письме говорится о смерти. Несчастный случай?

– Non. Умышленное убийство. Выстрел в висок.

– Ай-ай, – сказала она печально, но без удивления.

«Если ты делаешь оружие, – подумал Бовуар, – то что, по-твоему, должно происходить?»

Но вслух он спросил:

– Вы нашли что-нибудь?

– Да. У нас есть заказ на револьвер сорок пятого калибра «Макдермот MP VI». Его забрал Серж Ледюк двадцать первого сентября две тысячи одиннадцатого года.

– Забрал? В Англии?

– Нет. У нашего дистрибьютора в Вермонте. Я могу прислать вам номер заказа и информацию.

Теперь ее голос звучал менее резко. А может, Бовуар просто привык к нему.

Она, конечно, старалась быть полезной, ну так у нее наверняка был немалый опыт разговоров с полицией об оружии.

– S’il vous plaît[47]. Это популярное оружие?

– Уже нет. В некоторых странах полиция все еще использует его, но теперь, конечно, все больше переходят на автоматические пистолеты.

– Вы и автоматику делаете?

– Делаем. Тот, что интересует вас, «макдермот» сорок пятого калибра – очень старое оружие. Шестизарядник.

– Как на Диком Западе?

Женщина сдержанно засмеялась:

– Пожалуй. Кольт создавал свой револьвер, основываясь на нашем оружии. По крайней мере, нам нравится так думать. Популярность «макдермота» достигла пика во время Великой войны. Мы также поставляли немало этих револьверов и во Вторую мировую, но потом спрос пошел на спад.

– А кто заказывает сегодня?

– Такие револьверы нравятся коллекционерам. Ваш человек собирал оружие?

– Non. Он работал преподавателем в академии, которая готовит офицеров полиции здесь, в Квебеке.

– Значит, его интересовало оружие.

– Да, но современное. Не старинное.

– Старинное-то оно старинное, но дело свое делает.

– Дело, то есть убийство?

Наступила пауза.

– Не обязательно.

Бовуар молчал, пауза длилась.

– Впрочем, да. Иногда. Или предотвращение кровопролития. Мы не продаем личное оружие в Канаду. Оно, конечно, запрещено. Поэтому мистер Ледюк сделал заказ в Штатах. Не знаю уж, как он перевозил его через границу.

– Это совсем не так трудно.

Граница была прозрачна в гораздо большей степени, чем это признавали власти.

– Если он не коллекционировал оружие, то чего еще, по-вашему, он мог хотеть от этой модели? – спросил Бовуар.

– Ну, она надежная, у нее не такая сильная отдача, как у других револьверов. А еще она очень точная.

– Точности тут не требовалось, – сказал Бовуар. – И ближнего боя в траншеях он тоже вести не собирался. Зачем кому-то сейчас покупать шестизарядник, когда можно купить автоматическое оружие?

Он почти услышал, как она пожала плечами. Не от безразличия, а потому, что не знала ответа на этот вопрос.

Бовуар попытался зайти с другой стороны:

– Почему он заказал у вас, в Англии, а не купил здесь «кольт», если они так уж похожи?

– История. И качество. Любители оружия знают нашу марку.

– Однако «кольт» и «смит-вессон» тоже хороши и стоили бы меньше. И делаются тут, под боком – в Штатах.

– Да, они были бы дешевле.

– Но, может, к ним не делают глушителей, – предположил Бовуар.

– Мы тоже не делаем глушителей.

– Как же так? У того револьвера имелся глушитель. Я упоминал об этом в письме.

– Я решила, что это опечатка или ошибка с вашей стороны.

– Вы думали, я не знаю, что такое глушитель? – спросил Бовуар.

– Для меня это лишено смысла, – ответила Элизабет Колдбрук. – У револьверов нет глушителей. Глушители на револьверах не действуют.

– На этом действовал.

У него возникло впечатление, что один из глушителей прилепился к мадам Колдбрук. Молчание слишком затянулось.

– Кто сделал глушитель? – спросил наконец Бовуар.

– Не знаю.

– Если не «Макдермот», то кто? – настаивал он. – Если кто-то просит вас изготовить глушитель, то к кому вы его направляете?

– В департамент автоматического оружия. У револьверов не бывает глушителей. – Высокомерный голос снова всплыл на поверхность. Как в фильме «Челюсти». Но потом смягчился. – Это трагедия, когда человек совершает самоубийство, и наша компания принимает такие вещи близко к сердцу. Я принимаю это близко к сердцу.

И он почему-то поверил ей. Сколько телефонных звонков в месяц, в неделю, в день поступает к ней из полицейских отделений по всему свету, когда за каждым разговором маячит труп?

– Это не было самоубийством, – сказал Бовуар.

Он не знал, стало ли ей от этого легче или нет.

– Вы сказали, что точность тут не играла роли. И я подумала… – Последовала пауза. – Значит, убийство?

– Да. Одним выстрелом в висок, – повторил он.

И опять пауза затянулась. Она длилась и длилась. Но не пустая пауза. Даже по телефону за тысячи миль, за океаном Бовуар слышал, как эта женщина думает. Взвешивает.

– О чем вы задумались, мадам Колдбрук?

– Я думала о специфической конструкции этого оружия и о его использовании. И зачем оно могло кому-то понадобиться. В особенности если человек не коллекционирует оружие. Почему револьвер?

Она скорее не спрашивала, а сообщала.

– И почему? – спросил он.

На заднем плане послышался какой-то щелчок и голос.

– Откуда мне знать? – резко произнесла Элизабет Колдбрук. – Мы просто их изготавливаем. Как заявляет ваша Национальная стрелковая ассоциация[48], людей убивает не оружие. Людей убивают люди.

– Я квебекец, мадам. Канадец. НСА не имеет ко мне никакого отношения.

– А «Макдермот энд Райан» не имеет никакого отношения к этому убийству. Мне жаль, что оно произошло. Очень жаль. Одним выстрелом из револьвера в висок. Бедняга. Уверена, вы найдете преступника. Я пришлю вам письмо со всей имеющейся у меня информацией. И приложу товарный чек.

Он хотел поблагодарить ее, но на линии уже установилась тишина.

Электронное письмо от Элизабет Колдбрук прибыло несколько минут спустя, в нем содержалось стандартное описание револьвера «Макдермот MP VI» сорок пятого калибра и подробности заказа Ледюка.

В конце письма стояло ее имя. Элизабет Колдбрук-Клэртон. Какая-то корявость привлекла внимание Бовуара. Он пригляделся и увидел, что

часть фамилии – «Клэртон» – набрана другим шрифтом. Похожим – она вполне могла не заметить. Однако Бовуар заметил.

И почти сразу пришло письмо с отчетом криминалистов.

– Если хотите остаться в деревне, пожалуйста, – сказал Гамаш, надевая зимнее пальто. – Вам не обязательно возвращаться со мной в академию.

– Вы хотите, чтобы я остался? – спросил Шарпантье, натягивая ботинки. – Или вы требуете, чтобы я остался? Вы не пытаетесь от меня избавиться, а?

Это было произнесено с улыбкой, но в вопросе слышался какой-то надрыв.

– Moi? – спросил Гамаш тоже с улыбкой и сразу посерьезнел. – Выбирать вам, Гуго. А если мне что-то потребуется, я вам сообщу.

– Кто еще знает, что они здесь, patron?

– Кадеты? Трудный вопрос.

Они попрощались с Рейн-Мари и медленно двинулись по снегу и слякоти к гостинице, где коммандера должны были ждать кадеты.

Шарпантье забрасывал вперед палки и подтаскивал к ним свои слабые ноги – он довел эту походку почти до совершенства.

– Их однокашники должны знать, куда они исчезли. И преподаватели, – добавил Гамаш. – Я сказал им, что эти четверо уехали домой.

– Но не сообщили, к кому домой.

Гамаш остановился на ступеньках крыльца гостиницы и повернулся:

– Никто не должен знать, что кадеты здесь. Вы меня понимаете?

Шарпантье кивнул. Однако Гамаш чувствовал, что молодой преподаватель считает это игрой. Для тактика кадеты в этом пазле были фрагментами целого, а не живыми людьми.

– Но мне вы позволили приехать, – сказал Шарпантье; его нос покраснел на холодном мартовском воздухе. – Мне вы позволили узнать, что они здесь. Почему?

«Если он начнет потеть, то превратится в ледяную фигуру», – подумал Гамаш.

– Потому что, мне кажется, вы способны помочь.

Шарпантье кивнул:

– Да. Я уже помог.

Они поднялись по лестнице – Гамаш следом за Шарпантье на тот случай, если он оступится и начнет падать. Шарпантье остановился наверху. Ходьба вымотала его, а подъем по лестнице – и того больше.

– Вы меня морочите, коммандер?

Его слова облачками тумана порхали в морозном воздухе.

– Каким образом?

– Вы хотите, чтобы я остался здесь? Или не хотите, чтобы я появлялся в академии?

– Вы разбираетесь в картах. Конкретно в той карте, которая может оказаться важной.

– Верно. Но вчера вечером в академии вы не думали, что от меня будет польза. Вы даже не знали, что я коллекционирую карты. Однако позволили мне приехать сюда. Позволили увидеть спрятанных вами кадетов.

Гамаш широко улыбнулся. Глубокие морщины прорезали его лицо. Он наклонился к Шарпантье так близко, что молодой человек почувствовал запах зубной пасты с мятой и одеколона с ароматом сандалового дерева в сочетании с едва заметной добавкой розовой воды.

– Как вы полагаете, мог бы я обойтись без упоминания о карте, когда разговаривал с мадам Гамаш по телефону в вашем присутствии?

Шарпантье вытаращил глаза:

– Так вы заманили меня сюда?

– Я знаю о вас больше, чем вы думаете.

Между ними пролетел холодный ветерок и унес приятные запахи, исходившие от Гамаша.

И Гуго Шарпантье начал потеть.

– Нам лучше войти внутрь, – сказал Гамаш. – Вы так не считаете? Они нас ждут.

Глава двадцать пятая

Кадеты в столовой гостиницы действительно уже ждали коммандера Гамаша и преподавателя Шарпантье.

Клара и Мирна решили присоединиться к своим постояльцам, хотя и за другим столиком. Они сидели у камина, доедая французские тосты с беконом и кленовым сиропом, когда Гамаш остановился рядом с ними, поздоровался и спросил:

– Ну и как она прошла?

– Ночь? – уточнила Мирна. – Отлично. Как только мы разошлись по домам, я тут же улеглась. Надеюсь, он тоже улегся. Придется проверить, нет ли где щелочек и остроконечной шляпы[49].

Арман улыбнулся и скорчил гримасу:

– Сочувствую.

– Амелия такая милая девочка, – сказала Клара. – Встала сегодня утром ни свет ни заря. Застелила кровать и даже в доме прибралась, пока я не встала. Когда я спустилась, кофе уже был горячий.

– Правда? – одновременно спросили Арман и Мирна.

– Да нет же, конечно, – фыркнула Клара. – Когда полчаса назад я постучала в дверь, чтобы ее разбудить, она послала меня куда подальше. Потом потребовала кофе. Это все равно что жить с росомахой. Кстати, как там Грейси?

Арман скупо улыбнулся:

– Отлично.

Он присоединился к кадетам и Шарпантье. Кадеты заканчивали завтрак, и Габри принес всем кофе с молоком.

– Будете завтракать? У меня есть блинчики с черникой, французские тосты и «яйца Габри».

– «Яйца Габри»? – переспросил Гамаш. – Что-то новенькое.

– Я добавляю немного лимона в голландский соус.

Арман задумался на секунду, потом улыбнулся:

– Чуть-чуть кисловато.

– Чуть-чуть. – Габри поклонился, полный достоинства.

– Я буду «яйца Габри», – заказал Арман.

– А вы, месье? – спросил Габри у Шарпантье, и тот заказал черничные блинчики с сосисками и сиропом.

– Мы с профессором Шарпантье возвращаемся в академию, – сказал

Гамаш кадетам. Брови сидящего напротив него Шарпантье чуть приподнялись. – Но когда я вернусь сегодня вечером, мне бы хотелось услышать ваш доклад о находках, которые вы сделали по карте.

– Послушайте, – отчеканил Жак. – Это не имеет значения. Я хочу вернуться в академию. Вы не можете держать нас здесь.

Он сердито уставился на коммандера. Три других кадета повернулись и посмотрели сначала на Жака, потом на Гамаша. Жак никогда не был поклонником нового коммандера, но теперь его презрение достигло новых высот. Или глубин.

Даже Габри, который принес Мирне и Кларе маленькую сырную тарелку, остановился и посмотрел в их сторону. То же самое сделали и женщины.

Мирна слегка наклонила голову набок.

– Возможно, вы правы, – сказал Гамаш, поставив свою большую кружку. – Карта может не иметь никакого значения. Но с другой стороны, вы можете и ошибаться.

– Не верь всему, что думаешь, – пробормотала Амелия.

– Так ты теперь на его стороне? – спросил Жак.

– Стороне? – переспросила Амелия. – Нет никаких сторон.

– Ой, не обманывай себя, – усмехнулся Жак. – Стороны всегда есть.

– Хватит! – произнес Гамаш. Он в первый раз повысил на них голос, и все тут же посмотрели на него. – Я устал от вашего детского поведения. Прекратите постоянно пререкаться. Вы не на школьном дворе. Вы – кадеты Полицейской академии. Вам дано задание – помочь расследовать убийство. Знаете, сколько кадетов захотело бы оказаться на вашем месте? А вы ухмыляетесь! Хотите уйти? Забрать свои игрушки и отправиться домой? Потому что вам не дали в руки окровавленную улику? Откуда вы знаете, что важно, а что – нет? Если я не знаю, то уж вы определенно не знаете.

Он обвел их взглядом, и один за другим кадеты опустили глаза.

Даже Жак.

Мирна и Клара у камина переглянулись.

Гнев в голосе Армана звучал редко, но узнавался мгновенно. Однако за гневом было и что-то другое. Гамаш опасался, что кадеты относятся к происходящему недостаточно серьезно. А эта ошибка была чревата не только плохой отметкой, но и плохим концом. Кто-то совершил убийство и не собирался останавливаться.

– Когда начнете работать, у вас не будет роскоши выбора – где вам работать, на каких делах и с кем. Я ваш коммандер, и я дал вам задание вместе работать по этой карте. Никаких споров, никаких возражений.

Убийце только и нужно, чтобы начался хаос, раскол и раздрай. Распри в команде из того же разряда вещей. Распри притупляют взгляд, поглощают энергию. Вам нужно научиться ладить. Со всеми. – Он внимательно посмотрел на всех четверых. – Со всеми. От этого будет зависеть ваша жизнь. Вы думаете, те ребята в окопах грызлись друг с другом?

– Разделенный дом не устоит, – сказал Шарпантье. – Не нужно быть блестящим тактиком, чтобы понять это.

– Да, достаточно быть мастером произносить затертые фразы, – пробормотал Жак.

– А вы удивляетесь, почему я затворник, – сказал Шарпантье Гамашу.

– Случаются дни, когда я этому ничуть не удивляюсь, – ответил тот.

– Дом ведь все равно не устоял! – не унимался Жак. – Они все умерли, солдаты. Может быть, вместе. Но они умерли. На этой чертовой карте не грязь. Это кровь.

На столе лежала копия карты, и он толкнул ее к Гамашу с такой силой, что уронил стакан. Вода потекла по столу в сторону коммандера.

Все остальные отпрянули в стороны, но Гамаш остался на месте, глядя на кадета.

Жак был так расстроен, что чуть не плакал. Он уставился на коммандера. Заметил глубокий шрам у его виска. Встретился с ним взглядом. И выдержал, не отвернулся.

– Они умерли, – прошептал он.

– Да, многие умерли, – сказал Гамаш, внимательно глядя на кадета.

А потом медленно пододвинул карту назад по столу. Подальше от воды. В безопасность, к молодому человеку напротив.

В этот момент появился Габри с завтраками, вытер воду, вопросительно посмотрел на Гамаша и ушел.

Гамаш повернулся к Шарпантье:

– Скажите им то, что говорили мне.

– Я считаю, – преподаватель показал на карту, – что это одна из первых карт для спортивного ориентирования.

– Для чего? – спросила Амелия.

– Для спортивного ориентирования, – повторил Натаниэль.

– Это такой же спорт, как керлинг? – спросила Амелия.

– Керлинг – отличный спорт, – заявила Хуэйфэнь. – Ты никогда не пробовала?

– Мне не нужно…

– Да бога ради, – прервал их Гамаш. – Послушайте, что говорит преподаватель.

– Ориентирование – тренировочный инструмент под маской спорта, – сказал Шарпантье.

– Тренировочный для чего? – спросила Хуэйфэнь.

– Для войны. Его использовали в Бурской войне, в Первой мировой – обучали офицеров ориентироваться на поле боя. Вот почему там показано то, чего не бывает на других картах. Камень, забор, дерево необычной формы, заброшенный дом. Но у нее есть такие же контуры, как у топографической карты. – Он похлопал ладонью по карте. – Тот, кто нарисовал ее, знал, как делать карты, и занимался ориентированием, когда этот спорт переживал детский период.

– И вероятно, они жили здесь, – сказал Натаниэль.

– Вы думаете, ее нарисовал тот солдат? – поинтересовалась Амелия.

– Вполне вероятно, – ответил Шарпантье.

– Но?.. – спросила Хуэйфэнь, расслышав неуверенность в его голосе.

– Карта была нарисована опытным картографом. А солдат был еще совсем молод. Не успел научиться. По крайней мере, не до такой степени.

– Ее нарисовал его отец, – сказал Жак, который разглядывал карту, пока они разговаривали. – И дал ему с собой.

– Чтобы напоминала ему о доме, – подхватил Натаниэль.

– Чтобы привела его домой, – сказал Жак.

Шарпантье посмотрел на Гамаша, и тот кивнул:

– Да, мы так считаем.

– С чего нам начать? – спросила Хуэйфэнь.

– Мы сами сообразим, – отрезал Жак. – Нам не нужна их помощь.

– Но…

– Вы попросите помощи, кадет, – сказал Гамаш. – И вы примете ее.

– Почему? – спросил Жак. – Я видел, что происходит с людьми, которые выполняют ваши приказы.

Арман Гамаш медленно, с нарочитой аккуратностью положил нож и вилку и уставился на Жака так пристально, что кадета начало трясти. Другие за столом, включая Шарпантье, отодвинулись подальше.

– В муниципалитете Сен-Реми есть записи о продажах и покупках, – тихо и холодно проговорил Гамаш. – За сто, а то и больше лет. Там знают, кому принадлежало бистро, когда это здание было частным жилым домом. Начать нужно отсюда.

Натаниэль записал это, но Жак продолжал смотреть в прорезь прицела.

Коммандер Гамаш встал, тут же вскочили и остальные. Жак тоже поднялся, но неторопливо.

– Я вернусь к семи. Хочу, чтобы вы к этому времени подготовили отчет.

– Да, сэр, – сказали три кадета.

Гамаш посмотрел на Жака, и тот выдавил из себя:

– Да, сэр.

– Bon, – сказал коммандер и подошел к Мирне. – На пару слов.

Мирна последовала за ним в гостиную, чувствуя себя так, будто ее вызвали на ковер.

– Да, он нашел видео, – признала она, прежде чем Арман успел сказать хоть слово. Но он продолжал молчать, и она кивнула. – Это я подсказала ему прогуглить вас.

– Зачем?

– Зачем? Затем, что он верит всему, что наговорил про вас этот Ледюк. Ему нужно знать правду, если он хочет чему-то научиться. Убийца разгуливает на свободе. Мальчишка должен наконец взяться за ум.

– Никому не нужно смотреть то видео.

– Послушайте, Арман, я знаю, вам не нравится, что оно там висит, но факт остается фактом: оно там висит. С какой-то своей целью. Если оно покажет этому молодому человеку, как все было на самом деле, то, может, и от него будет какая-то польза.

– Разве похоже, что он переменил мнение? – спросил Арман.

Мирна покосилась в сторону столовой и покачала головой.

– Я думаю, тут действует что-то другое, – сказала она. – Я видела его лицо, когда он смотрел видео. Он был потрясен. Но каким-то необычным образом. Он словно сам вошел в экран. Чтобы понять, как оно происходило на самом деле. Это редкая способность – прочувствовать всю глубину происходящего. Он словно сам там побывал.

Увидев лицо Гамаша, она повторила:

– Словно.

Гамаш посмотрел в сторону столовой и снова на Мирну.

– Он видел их всех, – сказал Арман. – Реала, Этьена, Сару.

Он назвал имена убитых, как накануне называла Рут.

Мирна кивнула:

– И Жана Ги. И вас. Наверное, он впервые осознал, что значит быть агентом Квебекской полиции. Герцог… так они его называли?

Гамаш кивнул.

– Герцог, вероятно, понарассказывал им всяких историй о власти и славе, где любое насилие – дело героическое и зрелищное, как в старых военных фильмах или вестернах. Смерть была чистой, и умирали по

большей части не мы, а враги. Вот за что они его любили. Но видео показывает, насколько смерть страшна в реальности. Наверное, это привело его в ужас. И он вас за это ненавидит.

Гамаш понял, что ошибался. Ему казалось, что кадет Лорен не воспринимает это серьезно, а на самом деле парень был почти парализован страхом.

Жак мучился вопросом, который рано или поздно задавали себе все они: «Когда я окажусь в подобной ситуации, смогу ли я идти вперед или побегу с поля боя?»

– Пора ему узнать, что от него потребуется, – сказал Гамаш. – Им всем пора узнать.

Потом он улыбнулся. Мимолетно, коротко. Искренне.

– Хорошая мысль, Мирна. Может быть, то, что тогда случилось, и принесет какую-то пользу. Их смерть поможет спасти чьи-то жизни. Спасет жизнь Жака, в особенности если это убедит его уйти.

– Вы думаете, он уйдет?

– Возможно, ему стоит это сделать.

– Но разве он все равно не умрет в назначенный час? – спросила Мирна. – В кровати, в машине, в перестрелке?

– Судьба? Не надо больше про судьбу, – сказал Гамаш.

Они часто разговаривали на эту тему, но сегодня был не тот день.

Гамаш и Шарпантье ушли, за ними ушли и Мирна с Кларой, а кадеты остались.

В конце концов Хуэйфэнь пришлось мыть посуду. Амелия с ворчанием пошла ей помогать. Потом к ним присоединился Натаниэль. Последним в кухню пришел Жак. Выхватив кухонное полотенце у Натаниэля, он щелкнул на него зубами, прежде чем взять мокрую тарелку.

Натаниэль рассмеялся, понимая, что это сделано в шутку. И все же было что-то злобное и в щелчке, и в том ощущении укуса, которое осталось.

Глава двадцать шестая

– Он мог это сделать, – сказала Изабель Лакост.

Они собрались в конференц-зале академии. Гамаш, Шарпантье, Бовуар и Желина слушали, а Лакост докладывала об утренней встрече с мэром.

Свет проникал сквозь панорамное окно, снег снаружи таял на ярком солнце.

– У него были мотив и возможность. И даже, вероятно, знания, чтобы обойти систему безопасности.

– Однако мы не знаем, сделал ли он это намеренно, или же система сама вышла из строя, – возразил Бовуар.

– Каково твое мнение о мэре Флоране? – спросил Гамаш.

– Мне он понравился. Интересный человек. Он излучал радушие. Хорошее настроение. Но легко, чуть ли не с радостью признал, что мог незаметно выйти из дома, приехать сюда, убить Ледюка и вернуться домой, и никто бы ничего не узнал.

– Однако, когда вы спросили, убил ли он Ледюка, он ответил: нет, – заметил Желина. – И я полагаю, он этого не делал.

– Ты снова попробовала? – спросил Гамаш.

– И опять ничего не получилось? – сказал Бовуар.

Лакост покачала головой и улыбнулась:

– Когда-нибудь получится, и мы все пораньше уйдем домой.

– Но мэр признал, что презирал убитого, – сказал Желина, с интересом и даже завистью глядя на дружескую близость этих людей. Ему пришлось напомнить себе, что он здесь, чтобы судить их, а не становиться одним из них. – Его точные слова: «Презирал». И он не стал скрывать, что желал ему смерти.

– Если бы умирали все, о чьей смерти мы молимся, то все улицы были бы завалены покойниками, – сказал Бовуар.

– Non, – возразил Желина. – Мы можем желать кому-то гибели, но чтобы религиозный человек сидел в церкви и молил Господа о чьей-то смерти? Не о прекращении мучений близкого человека, который неизлечимо болен и страдает, а о смерти человека, полного сил, который может и должен прожить еще сорок лет. Молиться о смерти такого человека – это что-то совершенно иное. Подобная ненависть заглушает нравственность, этику и веру. Ненависть, поселившаяся в душе.

Слушая Желина, Гамаш спрашивал себя, религиозный ли человек он

сам.

– Значит, вы считаете, что мэр Флоран – религиозный фанатик, а Бог – его сообщник? – спросил Бовуар.

– В вашем изложении это звучит глупо, – сказал Желина с печальной улыбкой и покачал головой. – Он может быть религиозным человеком, но если он убил Ледюка, то его вела ненависть к этому человеку, а не любовь к Богу. Я понял, что нельзя недооценивать ненависть. Рядом с ненавистью всегда идет безумие.

– У нас есть отчет криминалистов, – сказал Бовуар, постучав по экрану своего планшета.

Какое же это облегчение – расследовать убийство там, где есть высокоскоростной Интернет. Отчет засветился на экранах перед всеми.

И еще облегчение иметь дело с фактами, а не с гипотезами.

– Он был убит той самой пулей, которую извлекли из стены. Ее выпустили из револьвера «макдермот», который мы нашли. Тут никаких неожиданностей.

– Одна есть, – возразил Желина. – Я не эксперт по убийствам, но я считал, что в большинстве случаев убийцы приносят оружие с собой. Чтобы потом от него избавиться. У следователей меньше материала, если отсутствует оружие.

– Любители, – произнес Шарпантье.

До этого момента он сухо молчал, но стоило ему заговорить, как пот потек с него ручьями.

– Профессионалы знают, что сразу после совершения убийства оружие перестает быть пистолетом, ножом или дубинкой и становится петлей на шее, – сказал он. – Убийца считает, что поступил очень умно, забрав с собой оружие, но отделаться от него гораздо труднее, чем думают многие. Чем дольше оружие остается в руках преступника, тем сложнее становится задача избавиться от него и тем туже затягивается петля.

Шарпантье показал руками отрезок веревки, потом дернул ее за «концы» с такой силой и с таким наслаждением, что наблюдавшие за ним на мгновение замерли. На этого тихого человека снизошло подобие экстаза, пока он рассуждал о казни, поблескивая на утреннем солнце.

Гамаш слегка наклонился к Шарпантье, взгляд его вдумчивых глаз стал острее. Он вдруг понял, что напоминает ему бывший ученик. Его худое напряженное тело было той самой веревкой, а его непомерно большая голова – петлей.

Если Гамаш был разведчиком, а Бовуар – охотником, то Шарпантье, похоже, родился палачом.

А Желина? Гамаш перевел взгляд на старшего офицера КККП. Кем является он?

– Непрофессионалы впадают в панику и берут оружие с собой, – подтвердил Бовуар. – Ледюка убил человек, который знал, что делает. Или по меньшей мере все продумал.

– Но почему револьвер? – спросил Желина. – Зачем Ледюк купил его и почему им, а не автоматическим пистолетом воспользовался убийца?

– У револьвера имелось преимущество – он уже находился там, – пояснил Гамаш. – И установить его связь с убийцей не представлялось возможным. У него есть еще одно преимущество.

– Какое? – спросила Лакост.

Бовуар улыбнулся и подался вперед:

– А такое, что мы теперь о нем говорим. Тратим время на разговоры, а не на расследование. Револьвер – штука необычная. Всякие необычные вещи съедают время и энергию расследования.

– Ты считаешь, что револьвер – одновременно орудие убийства и ложный след, – сказала Лакост.

– Да еще какой! – воскликнул Бовуар. – Когда нам попадается что-либо столь странное, мы просто обязаны уделить этому внимание и, возможно, упускаем что-то другое.

– Это требует рассмотрения, – кивнул Гамаш.

– Слишком много предположений, – заявила Лакост. – Идем дальше. Я вижу предварительные сведения по ДНК на месте преступления.

– Там обнаружено много разных ДНК, – сказал Бовуар, переводя взгляд на экран. – Чтобы все проверить, понадобится время.

– Отпечатков тоже немало, – сказал Желина, перелистнув страницу вперед. – И не только в гостиной.

– Да, – подтвердил Бовуар и снова прикоснулся пальцами к экрану планшета.

У всех появилось схематическое изображение комнат Ледюка. План с расположением мебели и тела. Еще одно касание, и на изображении появились точки. В таком количестве, что, кроме них, почти ничего не было видно.

– Красные точки – отпечатки, оставленные Ледюком, – сказал Бовуар и дотронулся до клавиши.

Красные исчезли, остались одни черные. В гораздо меньшем количестве.

– Как видите, остальные отпечатки главным образом в гостиной, но некоторые – в ванной и несколько в спальне.

– Они идентифицированы?

– Не все, но большинство. Большая часть принадлежит одному человеку. Мишелю Бребёфу.

– Ха, – сказал Гамаш и наклонился к экрану, подперев голову руками. – Можешь показать только его отпечатки?

Касание – и экран опять изменился. Точки были в гостиной, в ванной. В спальне.

Гамаш внимательно изучил их.

Желина дотронулся до иконки на своем экране, и вместо плана квартиры у него вновь появился криминалистический отчет. Желина считал, что изображения на экране могут быть использованы лишь ограниченно. Они помогали нагляднее представить место преступления, но в то же время вносили некоторую путаницу. Слишком много информации при слишком узкой ее направленности.

Он предпочитал читать отчет.

– Тут, помимо отпечатков Бребёфа, есть отпечатки других преподавателей, – сказал он. – Например, Годбата. Похоже, эти трое – Ледюк, Годбат и Бребёф – проводили немало времени вместе.

– Да, похоже, – согласился Бовуар. – Но мы не можем сказать, появились ли отпечатки одновременно или в разное время.

– Как часто убирают в комнатах? – спросил офицер КККП.

– Раз в неделю, – ответил Бовуар. – Комнату Ледюка убирали за три дня до убийства.

– Однако обычной уборки оказалось недостаточно, чтобы стереть все отпечатки, – заметил Гамаш. – Некоторые из них, вероятно, довольно старые.

– Ну, Ледюк и Годбат вполне подходят друг другу, – сказал Желина. – Но как сюда вписывается Мишель Бребёф? Я просто не могу себе представить, как он пьет пиво с Ледюком или смотрит хоккей.

Гамаша позабавила эта картинка: рафинированный Бребёф и плебей Ледюк дружно расслабляются. Потом он вспомнил тот вечер у себя в квартире в начале семестра. Рейн-Мари, кадеты. Огонь в камине, выпивка. Снежная буря стучится в окно буквально в нескольких шагах.

Первая неформальная встреча с кадетами. Кажется, с тех пор прошло сто лет, а на самом деле всего несколько месяцев.

Мишель Бребёф появился позже остальных, и Серж Ледюк тут же подошел к нему и чуть было не преклонил колена. Он, конечно, узнал этого человека и выразил свое восхищение им, несмотря на неудовольствие Бребёфа, а может быть, именно из-за его неудовольствия.

Жан Ги Бовуар тоже это заметил и высказал опасения, что это может стать началом нечестивого союза. Возможно, он был прав.

– Они были на дружеской ноге, – сказал Гамаш, – хотя очень сомневаюсь, что их можно назвать друзьями. Я поговорю с Бребёфом.

– Наверное, будет лучше, если поговорю я, – заявил Желина.

Скрытый смысл его слов не вызывал сомнений, и Гамаш поднял брови, но возражать не стал. По этой причине и пригласили стороннего наблюдателя. Чтобы обеспечить справедливое расследование. К тому же все хорошо знали, что у Гамаша и Бребёфа долгая история отношений: сначала близкие друзья и коллеги, а потом чуть ли не смертельные враги.

– С вашего разрешения, я бы хотел присутствовать, – сказал Гамаш. Заметив, что Желина колеблется, коммандер добавил: – У меня есть преимущество: я его хорошо знаю.

Желина коротко кивнул.

Бовуар и Лакост переглянулись, и Лакост спросила:

– А что насчет мэра? Его отпечатки не обнаружились?

– Ни одного.

– Тогда кому принадлежат другие отпечатки? – спросила она, показывая на немаркированные точки в ванной и спальне.

– Некоторые еще не идентифицированы, – ответил Бовуар. – Но большинство принадлежат кадетам.

– В ванной и спальне преподавателя? – удивился Желина. – Это довольно необычно, правда?

– Я рекомендовал преподавателям встречаться с кадетами в неформальной обстановке, – сказал Гамаш.

– Насколько неформальной стала эта обстановка?

– Хороший вопрос, – заметил Гамаш. – Я советовал, чтобы они встречались группами.

– Вы боялись, как бы чего не случилось?

– Мне это казалось разумным, – сказал коммандер. – Для всех.

– И такие встречи происходили?

– Oui, – сказал Бовуар. – Большинство раз в неделю встречались с кадетами. Моя группа собиралась по средам. Мы ели сэндвичи, пили пиво, разговаривали.

– Разновидность наставничества? – спросил Желина.

– В этом и состояла идея, – ответил Гамаш.

– Кадетов приписывали к преподавателям или они сами выбирали?

– Сами.

– И некоторые выбрали Сержа Ледюка? – недоверчиво спросил

Желина, бросив взгляд на черные точки на экране Лакост.

– Я ожидал чего-то подобного, – признался коммандер Гамаш. – Особенно в отношении старшекурсников – он был у них вождем.

– Не вождем, а главарем, – возразил Желина. – Они, конечно, радовались возможности выскользнуть из-под его пяты.

– Когда полиция впервые начала расследовать случаи жестокого обращения с детьми, – заговорила Лакост, – был разработан простой тест. Зачастую случаи жестокости не вызывали сомнений, но оставалось неясным, кто из родителей виноват. И тогда придумали следующее: ребенка ставили в одном углу комнаты, а родителей – в двух других и смотрели, к кому побежит ребенок. Второй родитель, видимо, и был виноватым.

– Мы можем вернуться к нашей теме? – недовольно произнес Желина.

– Они не сразу поняли, что ошибались, – тихо продолжила Лакост. – Дети бежали к тому, кто был жесток с ними.

Это откровение походило на призрак, который вошел в комнату и удобно устроился среди фотографий убитого.

– Как это возможно? – поразился Желина. – Разве не логично предположить, что ребенок постарается убежать подальше от того родителя, который жесток с ним?

– Вы так считаете. А ребенок хочет только одного – умаслить жестокого родителя. Они рано и быстро обучаются, а если нет, то им приходится платить за это. Ни один ребенок не станет рисковать и не посмеет обидеть родителя, который его бьет.

Желина посмотрел на Гамаша:

– И это случилось с Ледюком?

– Думаю, да. Некоторых кадетов, без сомнения, тянуло к нему, потому что они были сделаны из одного теста с ним. Он легализировал жестокость. А кое-кто шел к нему из страха.

– Но ведь они взрослые, а не дети, – сказал Желина.

– Взрослые, да не очень, – заметил Гамаш. – К тому же возраст не важен. Мы постоянно видим такое же поведение у взрослых. Некоторые так и рвутся угодить лицу властному, даже жестокому. Дома. На работе. В спортивной команде. В вооруженных силах. И безусловно, в полиции. Верх берет сильная, а нередко и жестокая личность. За ней идут из страха, а не из уважения или преданности.

– А в закрытой школьной среде он становится образцом для подражания, – добавила Лакост.

– Но с вашим появлением это прекратилось, – сказал Желина Гамашу. – Вы низложили Герцога. И попытались научить их службе,

честности, справедливости.

Он постарался произнести это так, чтобы цитирование девиза Квебекской полиции не прозвучало насмешкой ни над девизом, ни над коммандером.

– Oui. Exactement[50], – сказал Гамаш.

Офицер КККП редко встречал людей, которые знали этот девиз, уже не говоря о том, чтобы верить в него. Впрочем, он был знаком с историей Гамаша и знал, что у того есть собственное определение этих трех понятий.

Девиз Королевской канадской конной полиции звучал прозаичнее.

«Maintiens le droit» – «Защищай закон».

Поля Желина это вполне устраивало. Он знал, что закон и справедливость не всегда совпадают. Но этот девиз имел преимущество благодаря своей абсолютной ясности. В то время как справедливость отличалась изменчивостью, ситуативностью. Ее можно было интерпретировать и понимать по-разному.

Он взглянул на фотографии Сержа Ледюка.

Его убийство нарушало закон, но служило торжеству справедливости? Возможно.

– Когда вы взяли власть, коммандер, Ледюк из учителя превратился в предмет изучения, – сказал Шарпантье. – Кадеты усвоили, что падение тирана неизбежно.

– Однако кое-кто все равно выбирал Ледюка в наставники, – указал Желина. – Тут урок явно пошел не в прок.

– Для подобных вещей требуется время, – возразил Гамаш. – Их мир перевернулся с ног на голову. Некоторые, возможно, думали, что это временно. Они предполагали, что я продержусь семестр, а потом Ледюк восстанет из праха. Я искренне удивился, что за ним пошло не так уж много кадетов.

– Большинство пошли за вами?

Гамаш улыбнулся:

– Новый шериф в городе? Non. Ничего подобного. Полагаю, сделать такой шаг было для многих сродни предательству. Но постепенно в мою квартиру стало приходить все больше кадетов. Главным образом первокурсники. А некоторых я приглашал сам.

– И кого именно? – спросил Желина. – Самых многообещающих?

– Лучших из выводка? – усмехнулся Гамаш.

Желина слегка удивился, услышав такую формулировку.

– Мы можем вернуться к отчету криминалистов? – спросила Лакост, посмотрев на часы.

– Конечно, – согласился Желина. – Désolé.

Они снова опустили глаза на экраны, и Бовуар продолжил свою экскурсию:

– Как видите, отпечатки пальцев некоторых кадетов оказались в ванной комнате Ледюка. Включая и тех кадетов, что сейчас в деревне. Тут нет ничего удивительного. Мы знали, что они в числе его протеже. Но отпечатки одного из них обнаружились на комоде и на футляре от револьвера.

Он нажал клавишу, и осталась всего одна точка.

– Кадеты в деревне? – спросил Желина, переводя взгляд с Бовуара на Лакост. – В Сен-Альфонсе? Что, некоторые из кадетов местные?

Бовуар виновато посмотрел на Гамаша.

– Чьи отпечатки на футляре? – спросил Гамаш.

– Кадета Шоке.

Гамаш нахмурил брови.

– А на оружии? – спросила Лакост.

– Отпечатки на револьвере, к сожалению, смазаны, тут можно говорить лишь о частичных отпечатках. Поступил и отчет коронера. О Ледюке ничего необычного. Он имел вполне приличное здоровье для сорокашестилетнего мужчины. Никаких свидетельств недавней сексуальной активности. Незадолго до смерти он поел и выпил виски.

– Много выпил? – спросил Желина.

– Нет. И никаких синяков или порезов, свидетельствующих о борьбе.

– Значит, он просто стоял и ждал, между тем как кто-то приставил к его виску револьвер и нажал на спусковой крючок? – спросила Лакост.

Она обвела взглядом сидящих за столом – все они тоже пытались представить, как это могло произойти. В особенности с таким человеком, как Ледюк, который, судя по всем рассказам, в свои лучшие времена был задиристым.

Офицер КККП подался вперед и покачал головой:

– Нет. Это лишено смысла. Видимо, мы что-то упускаем. Эти частичные отпечатки на оружии. Неужели Ледюк показывал его всем подряд? И в конечном счете дал в руки своему убийце?

– Который застрелил его в присутствии других? – скептически произнесла Лакост.

– Так что вы думаете на этот счет? – спросил Желина.

– Я скажу вам, что я думаю, – ответил Бовуар. – Я думаю, Ледюк по какой-то причине гордился револьвером и любил его демонстрировать. И когда люди приходили к нему, он доставал футляр и показывал его. Может

быть, сочинил какую-то историю о подвигах давно погибшего на войне родственника. Отсюда и отпечатки.

– Вы прочитали примечание от криминалистов? – спросил Желина.

Гамаш прочитал, и было заметно, что Бовуар и Лакост тоже прочитали. Но предпочли помалкивать.

– Это экстраполяция частичных отпечатков на револьвере, – продолжал офицер КККП. – Неприемлемая в качестве доказательств, однако наводящая на размышления. Кому могут принадлежать отпечатки. Я вижу, что тут есть и отпечатки кадета Шоке.

– Частичные. Слишком размазанные для однозначной идентификации. Мы к таким вещам не относимся серьезно, – сказала Лакост. – Это скорее догадки, чем наука. Все это довольно сложно. Мы должны придерживаться фактов.

– Согласен, – сказал Желина, оставляя эту тему.

Но не прежде, чем он посмотрел на Гамаша, который выдержал его взгляд.

Примечание давало проценты вероятности того, что частичные отпечатки принадлежат тому или иному лицу. Неудивительно, что наибольший процент достался самому Ледюку. Более удивительным было еще одно всплывшее имя, кроме Амелии Шоке. В примечании говорилось о сорокапроцентной вероятности того, что один из отпечатков принадлежит Мишелю Бребёфу.

В отчете фигурировали и другие имена. Компьютерная экстраполяция свидетельствовала, что существует (хотя и очень малая) вероятность того, что револьвер побывал в руках бывшего американского президента Ричарда Никсона. Поэтому следователи не воспринимали всерьез эти экстраполяции. Проигнорировали они и вероятность того, что убийцей могла быть Джулия Чайлд[51].

Но было еще одно имя, которое выделялось из остальных.

Анализ обнаружил сорокапятипроцентную вероятность того, что по крайней мере один из отпечатков принадлежал Арману Гамашу.

Желина перевел взгляд с отчета на коммандера, а Лакост и Бовуар отвернулись в сторону. Заговорил только обливающийся потом Шарпантье:

– Ну так как ваши пальчики оказались на орудии убийства?

Арман Гамаш ответил ему натянутой, холодной улыбкой.

– Частичные, – напомнил Бовуар, обращаясь к Шарпантье и другим сомневающимся.

– Вы брали в руки револьвер? – спросила Лакост у Гамаша.

– Нет.

– Хорошо. Тогда мы можем идти дальше?

– Я говорил с вице-президентом по связям с общественностью изготовителя этого оружия, – сказал Бовуар, меняя тему. – «Макдермот энд Райан». Женщина по имени Элизабет Колдбрук из… – он сверился со своими записями, – Дартмута, Англия.

Он переслал копии ее электронного письма и приложения.

Вторая страница представляла собой квитанцию, которую все изучили.

– Мадам Колдбрук-Клэртон утверждает, что они не делают глушителей, – отметила Лакост.

– Я ей верю, – сказал Бовуар. – У нее нет причин лгать, к тому же доказать противное нетрудно. Мы сейчас пытаемся проследить это. Из моего письма она поняла, что речь идет о самоубийстве. И расстроилась, когда узнала про насильственную смерть.

– Я бы сказал, что ей пора свыкнуться с этой мыслью, – сказал Желина. – Для чего еще нужно оружие?

– Она не поделилась мыслями насчет того, почему он заказал револьвер, а не, скажем, что-нибудь автоматическое? – спросил Гамаш.

– По ее словам, их револьвер покупают коллекционеры, но, когда я ответил, что Ледюк не коллекционировал оружие, она не нашла что возразить.

Лакост кивнула и подняла голову, услышав, как Гамаш откашлялся.

Коммандер все еще изучал первую страницу, потом посмотрел на Лакост поверх очков. Снял их и ткнул дужкой в экран:

– Интересно.

Они снова уставились на экраны.

– Что именно? – спросила старший инспектор Лакост. – Это шаблонная листовка, рассказывающая историю данной модели.

– Да. «Макдермот» сорок пятого калибра завоевал популярность в Первую мировую войну, – сказал Гамаш. – В траншеях.

– Oui, – сказала Лакост. – И-и-и-и?..

– Может быть, это ничего не значит, – начал Гамаш. – Но вы знаете, что карта, копия которой найдена в прикроватном столике в спальне Ледюка, оказалась и на витраже в Трех Соснах. На нем солдаты Великой войны. У солдата карта, а также револьвер. Смею предположить, что «макдермот».

– Прошу прощения, – подал голос Желина, – но я не поспеваю за ходом ваших мыслей.

– Вы хотите сказать, что они как-то связаны? – спросил Бовуар.

– Постойте, – сказал Желина, поднимая руку. – Карта?

– Да. Несколько месяцев назад в стене бистро в Трех Соснах была найдена старая карта, – пояснил Гамаш. – Мы о ней говорили вчера на заседании.

– Я помню, но вы не упоминали, что копия была найдена у Ледюка в прикроватном столике.

– Об этом сказано в отчете, – вмешалась Лакост.

Желина повернулся к ней:

– В отчете много о чем сказано. Не все в равной степени существенно. Поэтому важен контекст, вы так не считаете?

Он говорил с ней как с провинившимся кадетом. Затем снова взглянул на Гамаша:

– Вы утаили это от меня.

– Мы говорим вам об этом сейчас, – сказал Гамаш. – Несколько недель назад, до того как произошло убийство, я решил использовать карту как инструмент обучения. Попросил четырех кадетов провести по ней расследование. Я дал им копии карты.

– И одна из них оказалась в спальне убитого? – догадался Желина. – Как она туда попала?

– В этом-то и вопрос, – сказала Лакост.

– Чьи отпечатки на ней обнаружены? – Желина просмотрел отчет.

– Там три набора отпечатков, – ответил Бовуар, даже не сверяясь со своим айпадом.

Он прочел отчет, как только тот поступил на его почту сегодня утром. Не все в отчете заслуживало запоминания, но несколько пунктов бросились в глаза. Включая этот.

– Ледюка, кадета Шоке и коммандера Гамаша, – перечислил Бовуар.

– Месье Гамаш делал копии и раздавал их, – сказала Лакост. – Так что его отпечатки там должны быть. Копия кадета Шоке отсутствует.

– Значит, это его копия и есть, – заявил Желина. – Кто такой кадет Шоке? Он, кажется, завяз в этом деле.

– Это она, – сказал Гамаш. – Амелия Шоке. Первокурсница.

Желина пролистал назад странички отчета:

– Я вижу ее имя среди тех, чьи отпечатки оказались на футляре револьвера и, возможно, на самом револьвере.

– Рядом с отпечатками Нельсона Манделы, – вставила Лакост.

– Тем не менее мы должны с ней поговорить, – сказал Желина. – Вы можете вызвать ее сюда?

– Ее нет в здании, – ответила старший инспектор Лакост.

– А где она?

Лакост посмотрела на Гамаша, и тот сказал:

– В Трех Соснах. Я отвез туда Шоке и трех других кадетов в день убийства.

Желина, открыв рот, уставился на Гамаша, не в состоянии переварить услышанное.

– Что? – прохрипел он. – Это и имелось в виду, когда речь зашла о четырех кадетах в деревне? Не в Сен-Альфонсе, а в вашей деревне? Но кто они?

– Кадеты, наиболее приближенные к Ледюку, – ответил Гамаш. – Амелия Шоке и Натаниэль Смайт – новички…

– Смайт? Тот, что нашел тело? – повысил голос Желина.

– Oui. И два старшекурсника. Кадеты Лорен и Клутье.

– И вы знали? – Желина обвел взглядом остальных.

Кивнул даже Шарпантье, и заместитель комиссара взорвался:

– Все знали, кроме меня? Почему? Что за игру вы ведете? – Он уставился на Гамаша. – Вы понимаете, насколько это серьезно? Вы утаиваете улики, прячете свидетелей. Бог ты мой, что же у вас на уме?

– Я отвез их туда, чтобы защитить, а не спрятать. И старшие следователи точно знают, где они. Однако очень важно, чтобы за стенами этой комнаты никто ничего о них не знал.

– Но и в этой комнате один человек тоже ничего не знал, – сказал Желина, чья ярость только увеличивалась. – У вас не было ни такого права, ни таких полномочий. Вы активно вмешиваетесь в следствие.

– Я имел все права и все полномочия, – возразил Гамаш. – Я руковожу академией. Я отвечаю за жизнь кадетов. Мне доверена их подготовка, а значит, и их безопасность.

– Вы слышите сами себя? – Желина наклонился к нему. – Вы ничуть не лучше Ледюка. Относитесь к академии как к собственному городу-государству. Здесь не Ватикан, и вы не папа. Вы ведете себя как всемогущий. Непогрешимый. Что ж, вы совершили ужасную ошибку.

– Не факт, – вмешался Шарпантье. – Тактически это было разумное решение…

– Чем меньше людей знают, где находятся кадеты, тем лучше, – сказал Гамаш, перебивая преподавателя.

– Лучше для кого? – спросил Желина. – Не для меня. Не для следствия. Лучше для вас, вероятно.

– И что это должно означать? – осведомился Бовуар.

– Чьи отпечатки обнаружились на орудии убийства? – требовательно спросил Желина.

– Частичные отпечатки, – поправил его Бовуар.

– Чьи отпечатки оказались на карте? Кто оставался с телом и никого не впускал, пока не появились следователи? – спросил Желина. – Сколько минут прошло? Десять? Двадцать? Достаточно, чтобы изменить кое-что на месте преступления. А затем чуть ли не первое, что вы делаете, месье, – это забираете важных подозреваемых, включая того, кто нашел тело, и увозите их. Вы потому исчезли сразу после убийства? Чтобы отвезти кадетов в деревню?

– Да, чтобы обеспечить их безопасность, – сказал Гамаш.

– Безопасность? А какая опасность грозила им здесь больше, чем другим кадетам? И почему только им?

– Как я уже сказал, они были ближе всего к Ледюку, – ответил Гамаш. Нервная дрожь в его голосе предупреждала о том, что он едва сдерживает ярость. – Разве распечатки уже не говорят вам об этом? Они имели свободный доступ к нему. А он – к ним. Весьма вероятно, что они что-то знают. Их нужно было защитить.

– Их может защитить только одно – рассказ обо всем, что они знают, – отрезал Желина. – И кстати, если им что-то известно, то это, вероятно, потому, что один из них убийца. Один из них убил Ледюка. Вы думали об этом, ваше святейшество?

– Не называйте меня так, и, конечно, я думал об этом, – сказал Гамаш. – Тем больше оснований изолировать их, вам не кажется?

– Или спрятать, – подхватил Желина, сверкая глазами на Гамаша. – Чтобы они не могли сказать мне и остальным, кто подвел их к этому убийству.

– Вы хотите сказать, что за убийством стоит коммандер Гамаш? – спросила Лакост, с трудом сдерживая собственную ярость. – Что он убедил одного или всех четырех кадетов убить преподавателя?

– Улики допускают это, – ответил Желина. – Его собственные действия вопиют об этом. Все выглядит так, словно вы умоляете меня заподозрить вас.

– Я не убивал Сержа Ледюка, и вы это знаете, – сказал Гамаш.

– Вы просили прислать именно меня, месье, вроде бы для того, чтобы расследование было справедливым и тщательным…

Лакост растерянно посмотрела на Гамаша:

– Вы просили, чтобы это был он?

Шарпантье откинулся на спинку стула и наблюдал за происходящим. Он больше не потел.

– Теперь я начинаю спрашивать себя, уж не просили ли вы лично

моего участия, поскольку считали, что за последние годы я потерял квалификацию, – продолжал Желина. – Что меня можно будет легко направить по ложному следу. Что я даже подпаду под ваше влияние, как кадеты. И что мне будет льстить внимание великого человека. Так?

– Я просил прислать вас, помощник комиссара, потому что восхищался вами и знал, что вы будете энергичны и объективны, – ответил Гамаш. – И вас невозможно будет сбить с толку. Вы будете защищать закон.

– О, так, значит, вот что это такое? – Желина показал на планшеты и отчет криминалистов. – Не обвинительное заключение о ваших действиях, а попытка сбить с толку? Хотите сказать, что кто-то вас подставляет?

– Почему на револьвере остались отпечатки? – спросил Гамаш. – Согласитесь, что это крайне странно: убийца знал достаточно, чтобы бросить оружие, но недостаточно, чтобы протереть рукоять или действовать в перчатках? Если Ледюка убил я, то неужели я бы не сделал этого?

– То есть вы считаете, что это подстава?

– По-моему, мы должны обдумать такой вариант.

– Но кто сумел бы подстроить это лучше, чем бывший глава отдела по расследованию убийств Квебекской полиции? Человек, который знает об убийстве все? Я хочу, чтобы вы подумали кое о чем.

Заместитель комиссара Желина отвернулся от Гамаша и обратился к остальным.

– Мог ли он убить Сержа Ледюка, – он поднял руку, пресекая возражения Бовуара, – чтобы защитить кадетов? Он стал подозревать жестокое обращение с кадетами. Не просто ненадлежащее наказание, а нечто систематическое, целенаправленное и разрушительное. Эмоциональное, психологическое, физическое и, возможно, сексуальное насилие в отношении некоторых кадетов. Доказательств у него не было. Он приглашал тех кадетов, которым, по его мнению, угрожал наибольший риск, на неформальные собрания в своей квартире, надеясь, что они будут больше ему доверять. Он поручил им провести расследование по карте, чтобы привязать их к себе. Но они все равно возвращались к Ледюку. К своему мучителю. Оставался последний способ спасти их и других.

Бовуар и Лакост молча слушали. Мысленно проигрывали такой сценарий.

– Вы могли бы представить, что месье Гамаш пойдет на убийство ради спасения молодых жизней?

Было ясно, что Лакост и Бовуар хотят дать отрицательный ответ. Защитить Гамаша. Но также было ясно, что они могут представить

подобную ситуацию. Если Арман Гамаш и мог совершить убийство, то ради спасения других.

– Однако он также единственный человек, которому не нужно было убивать Ледюка, – произнес Шарпантье спокойным голосом, и все глаза обратились на него.

– Объясните, – потребовал Желина.

– Он руководитель академии. Он мог отделаться от Ледюка, просто уволив его.

Бовуар одобрительно кивнул и посмотрел на офицера КККП в ожидании ответа.

– Чтобы повесить проблему на кого-то другого? – возразил Желина. – Коммандер сам сказал, что он никогда не пошел бы на такое.

– Вы прекрасно знаете, что он этого не делал, – сказал Бовуар. – Вы играете на руку убийце. Гоняетесь за китом.

– «Все, что туманит разум и мучит, – произнес Желина, сердито глядя на Гамаша. – Все зловредные истины, все зло стало видимым и доступным для мести…»

– «…в облике Моби Дика»[52], – закончил цитату Шарпантье. – В основном вы правильно процитировали. Я просил кадетов понимать это место как проникновение в суть одержимости. В то, что может свести человека с ума. Вижу, вам оно тоже понятно.

– Но не кит, – сказал Желина, не сводя глаз с Гамаша. – А человек. Для вас, сэр, это воплотилось в Сержа Ледюка. И вам, как Ахаву, пришлось его остановить.

Гамаш сидел неподвижно. Не соглашаясь, но и не возражая.

В полной тишине Желина продолжил:

– «Лучшие в выводке». Это ваша фраза. Ваша жена выбрала лучшее из выводка, и лучшее оказалось задохликом. Вы сделали то же самое. Выбрали задохликов и стали приглашать их на свои вечера. Пригласили их в свой дом. Как ваша жена – Грейси. Вы хотите их спасти. Иногда спасти означает удалить из опасной зоны. А иногда – удалить саму опасность.

Арман Гамаш глубоко вздохнул и посмотрел на фотографию человека, которого презирал. Теперь мертвого. Затем он поднял глаза на Желина:

– Я не Ахав. И Ледюк не был моим китом. Да, я многое знаю об убийстве. Достаточно, чтобы его совершить. – Он постучал очками по ладони, глядя на Поля Желина. – Я только что говорил кадетам о том, что в интересах убийцы создание хаоса. Натравливание нас друг на друга. Насаждение недоверия.

– Может быть, но вчера вечером, когда у вас, месье Шарпантье,

спросили, где бы вы начали искать убийцу, вы помните, что ответили?

Шарпантье, снова обливающийся потом, помедлил. Он посмотрел на Гамаша, и тот едва заметно кивнул.

– Я сказал: «От Матфея, глава десятая, стих тридцать шестой».

– Oui. – Желина повернулся к Гамашу. – Вы знаете, о чем там говорится.

– Я учил этому всех новых агентов, – сказал Гамаш. – Я просил Мишеля Бребёфа использовать эти слова как основу его курса.

– «И враги человеку – домашние его», – процитировал Желина. – Мощный совет. Вы были правы, профессор. С этого я бы и начал поиски убийцы. С собственного дома.

– Он этого не делал, – проговорила Лакост. – Вы и сами знаете. Почему вы вообще подняли эту тему?

– Потому что вы бы ее не подняли.

И на мгновение он стал выглядеть как человек, увидевший кита.

Глава двадцать седьмая

– Ага, это она и есть, – сказала молодая женщина, вытирая руку о белый передник. – Карта для спортивного ориентирования. Но она ведь старая, да? Где вы ее взяли?

Она перевела взгляд со стройной, просто одетой китаянки на девушку-готку. Странная пара, если вообще пара.

– Ее нашли в стене во время ремонта, – ответила Амелия. – Что вы можете нам сказать про нее?

Девушка удивилась:

– Ничего, кроме того, что уже сказала. Я видела подобные карты в книгах по истории спортивного ориентирования, но чтобы вот так, отдельно – в первый раз. Круто, да?

Амелия засомневалась, знает ли девица, что такое «круто».

Девица все время поглядывала через плечо на длинную очередь клиентов, ожидавших кофе и пончики. И на своего суматошного надсмотрщика, который злобно на нее поглядывал.

«У меня перерыв», – сказала она одними губами своему боссу, потом повернулась спиной к прыщеватому молодому человеку и снова впилась глазами в карту. Что-то в этой бумажке притягивало ее. Может, простота. Может, безудержная радость. Может, корова.

– Нет предположения, кто мог ее сделать? – спросила Хуэйфэнь.

– Не-а. Нет. Сделано от руки. И неудивительно. В те времена не так много людей занимались спортивным ориентированием.

«Зато сейчас – целые толпы», – подумала Амелия и спросила:

– А что вообще это такое – ориентирование?

Как и Хуэйфэнь, она нашла определение в Интернете, но эта девица была главой местного клуба, в который входили она, ее брат и два кузена, и могла рассказать что-нибудь такое, о чем не прочтешь в Википедии.

– Это как мусорная игра[53], – объяснила девица. – Только вместо письменных указаний и всяких загадок у нас имеются компас и карта. Некоторые точки помечены, и мы должны как можно скорее до них добраться. Мы называем их контрольными пунктами.

– Значит, это соревнование? – спросила Хуэйфэнь.

– Да. Прикольно то, что самый короткий путь между точками не всегда самый быстрый. Мы должны сообразить, какой маршрут наилучший. А потом мы стартуем.

Амелия подумала, знает ли эта девица, что такое «прикольно».

– Участники должны быть в хорошей спортивной форме, – заметила Хуэйфэнь.

– А мы в хорошей форме. Бегаем сломя голову, и не всегда по дорогам или даже тропинкам. В основном по пересеченной местности. Через поля, через леса, вверх-вниз по склонам, через реки. Это жесть! Становишься таким накачанным!

Вот что такое «жесть», она, кажется, неплохо понимала.

– И что происходит, когда ты находишь этот, как его, контрольный пункт? – спросила Хуэйфэнь.

– Мы оставляем там маленький флажок и маркер, чтобы показать, что мы тут были, а потом бежим к следующему пункту. Не понимаю, почему ориентирование на местности не пользуется популярностью.

У Амелии была на этот счет одна идея. Впрочем, виртуальная игра по ориентированию определенно набирала популярность.

– Вам известно что-нибудь об истории ориентирования в этом районе? – спросила Хуэйфэнь. – Кто здесь был первым? С кого все началось?

– Да почти ничего не известно, – покачала головой девица. – Оно вообще зародилось еще до Первой мировой войны, это я знаю, и оно было связано с военной подготовкой. Ребята любят послушать о таких вещах. Они воображают себя на поле боя. Но как начиналось конкретно здесь – не знаю. Интерес к ориентированию то затухает, то возвращается.

Она задумчиво посмотрела на карту.

– Красиво, правда? Тот, кто это сделал, должно быть, любил ориентирование. Но знаете, тут есть и странности. Например, метки из разных времен года. А что здесь за пирамида?

Она показала в правый верхний квадрант карты.

Амелия снова посмотрела на карту. Пирамида была на ней самой большой странностью. Остальное можно было объяснить, но пирамиду…

– Это какой-то символ ориентирования? – спросила она.

Девица покачала головой:

– Я про такой не знаю. Что там находится? Все равно что?

Хуэйфэнь вызвала карту района на своем айфоне. Они склонили головы над экраном, и она увеличила изображение, потом уменьшила.

Никакой пирамиды не обнаружилось, что и неудивительно. На том месте вообще ничего не было. Один лес.

– Может быть, это палатка, – предположила Амелия.

– Или холм. Гора, – сказала девица, возбуждаясь.

Но Хуэйфэнь, вглядываясь в экран своего айфона, отрицательно покачала головой:

– Non. Да ладно, может, тут какая-то семейная шутка, как снеговик и корова.

– Наверняка, – сказала Амелия.

Она отхлебнула из здоровенной белой кружки. Четверной «Тим Хортонс». Совсем не похож на кофе, но по вкусу чем-то напоминает детские угощения. Сладкий и насыщенный. Она посмотрела через стол и почти увидела там своего отца. Он привез ее в «Тимми», как он называл «Тим Хортонс», после занятий по фигурному катанию. Он весь такой неотесанный, а она в розовом костюмчике с блестками. Сидит с прямой спиной.

Он давал ей глоток своего четверного. Предостерегал: «Только матери не говори».

Она и не говорила. Никогда. Эту тайну она хранила до сих пор.

Больше девице сказать было нечего, да и перерыв ее подошел к концу. Она вернулась к своей работе – беготне от клиента к кофемашине и к прилавку с пончиками.

Хуэйфэнь показала на свой рот, и Амелия схватила салфетку и отерла с губ клубничное варенье и сахарную пудру.

Они сидели на солнце, льющемся сквозь окно, и смотрели на парковку перед «Тимом Хортонсом» в Кауансвилле. Солнце отражалось от снега, льда и лужиц, которые появлялись под его лучами. Мир снаружи блестел, как серебро, золото и бриллианты, а внутри ресторана пахло дрожжами, сахаром и кофе, здесь стоял аромат еще беззаботного детства.

– И что теперь? – спросила Амелия.

– Профессор Шарпантье говорил, что карту нарисовал человек, который разбирался в подобных делах, – сказала Хуэйфэнь.

– Картограф, – кивнула Амелия. – Интересно, кто делал тогда, в начале двадцатого века, карты этой местности.

– Кто-то, наверное, делал, – сказала Хуэйфэнь.

Две молодые женщины посмотрели друг на друга.

К картам они относились как к чему-то само собой разумеющемуся и никогда не думали, что, прежде чем составить их, кому-то нужно было обойти все холмы и речки.

– Есть какой-нибудь государственный картографический комитет? – спросила Хуэйфэнь и снова взялась за свой айфон.

А Амелия – за свой. Смартфон стал компасом ее поколения, навигатором по жизни.

Они принялись молча двигать пальцем по экрану, соревнуясь, кто скорее найдет ответ.

– Есть геологическое ведомство, – сказала Амелия. – Они делают карты.

– Это федеральное, – откликнулась Хуэйфэнь. – Ищи дальше.

Минуту спустя Амелия подняла голову:

– Топонимическая комиссия Квебека?

Хуэйфэнь кивнула:

– Я думаю, там наша следующая остановка. Здесь, в Кауансвилле, есть административное здание.

– Но здесь сказано, что топонимический департамент был организован только в тысяча девятьсот семидесятых.

– Читай дальше.

Амелия принялась читать.

– А!

– А! – передразнила ее Хуэйфэнь. – Идем.

Они сложили карту и вышли, помахав молодой женщине за прилавком, которая быстро и ловко обслуживала клиентов.

Хуэйфэнь вела машину, пока Амелия вводила координаты административного здания в навигатор, запрашивая кратчайший маршрут.

Их поиск, пусть и поверхностный, позволил обнаружить, что, хотя топонимическая комиссия существовала только с 1977 года, правительственные чиновники вели картографические работы с 1912-го, нанося на карты квебекские города, деревни, горы, озера и реки и давая им официальные названия.

– Хотите знать, кому принадлежал этот дом в начале двадцатого века? – спросил чиновник муниципалитета в Сен-Реми.

Двое молодых людей кивнули.

– Зачем?

Заметив, что Жака обозлил этот вопрос, Натаниэль поспешил вмешаться.

– Учебный проект, – сказал он. – История района. Это ведь открытые сведения, верно?

Клерк согласно кивнул:

– Но с поиском вы намучаетесь.

– Почему?

– Наши архивы по собственности охватывают более двухсот лет, – сказал клерк. – Однако не все они оцифрованы.

– Тогда где они? – спросил Натаниэль.

– На карточках. В подвале.

– Ну конечно, где же еще, – пробормотал Жак.

Клерк открыл деревянную дверь и включил свет. Загорелась голая грязная лампочка, свисающая с потолка на подозрительно старом проводе, и осветила лестницу, ведущую вниз.

– Не снимайте курток, – посоветовал клерк.

– Там холодно? – спросил Натаниэль.

– И не только холодно. Перчатки вам тоже понадобятся.

Он поморщился и разве что не перекрестился, провожая взглядом двух молодых людей, спускающихся по деревянным ступеням.

Они остановились на земляном полу, снимая с лица реальную или воображаемую паутину. Вдоль стен из шлакобетона стояли ряды металлических шкафов с записями по собственности и собственникам. Где-то среди этих материалов находилась карточка со сведениями о том, кто владел домом, в котором сейчас размещалось бистро.

Так они узнали бы, кто нарисовал карту и замуровал ее в стене.

– Черт, – сказал Жак, оглядывая шкафы.

– Вы обратились не в тот департамент, – сказала секретарша, усталого вида женщина средних лет.

В приемную заходили в основном жители с жалобами. Они обвиняли лично ее в налоговых счетах, рытвинах на дорогах, отключении света, а одна мать двадцать минут кричала на нее, потому что ее ребенок заболел корью.

– Мы хотим выяснить, кто нарисовал эту карту, – сказала Хуэйфэнь, пододвигая бумагу по затертому столу к усталой женщине.

– А я хочу, чтобы вы поняли, – сказала секретарша, отодвигая бумагу назад. – Мне. Это. Все. Равно.

– Но офис топонимической комиссии находится здесь, верно? – спросила Амелия.

Женщина посмотрела на нее с отвращением и перевела взгляд на менее неприятную из двух посетительниц. На китаянку.

– Комиссия дает названия, – объяснила она. – Мы не делаем карт.

– А раньше делали? – спросила Амелия, однако на этот раз женщина даже не удостоила ее взглядом.

– Мы все-таки можем поговорить с кем-нибудь из комиссии? – спросила Хуэйфэнь и улыбнулась секретарше, у которой был иммунитет против хорошего настроения.

– Разумеется.
– Да, – сказала Амелия. – Кто бы сомневался.
Женщина подняла трубку и нажала на кнопку:
– Тут с вами хотят поговорить. Нет, я не шучу. Одна китаянка. Да не смейтесь, это правда.
Повесив трубку, она показала на зону ожидания и вернулась к своим делам.
– Я превратилась в невидимку, – сказала Амелия, когда они сели.
– Для тебя это, видимо, в новинку, – заметила Хуэйфэнь, и Амелия улыбнулась.
После нескольких минут ожидания Хуэйфэнь спросила:
– Почему ты подала заявление в академию? Ты не очень-то подходишь для работы в полиции.
– А ты? Китаянка?
Хуэйфэнь улыбнулась:
– Да, но китаянка с пистолетом подойдет для чего угодно.
Амелия рассмеялась, и секретарша неодобрительно посмотрела на нее.
– Не помню точно, почему я подала заявление, – сказала Амелия. – Наверное, напилась или накурилась.
Домовладелица с широко расставленными жирными ногами, с сигаретой, дрожащей в желтоватых пальцах. А на экране телевизора – женщина в форме, женственная и уверенная в себе.
Тогда Амелия увидела два варианта своего будущего.
– Я не думала, что меня примут, – призналась она. – И ты права, я не подхожу для полиции. Я ни для чего не подхожу. Могла не подойти и для академии.
– Академия – это не так уж плохо, – сказала Хуэйфэнь. – Почему ты меня не послушала?
– Что? Когда? Я тебя слушаю.
– Я не про сейчас. Я про первый прием у коммандера. Помнишь, я тебя предупреждала держаться от него подальше.
– Тогда я не поняла, кого ты имеешь в виду – коммандера или Ледюка.
– Ну, теперь-то ты знаешь.
Амелия кивнула. Она всем сердцем жалела, что тогда не знала того, что знает теперь.
– Ты догадываешься, кто его убил? – спросила она у Хуэйфэнь.
– Герцога? Нет.
– Но ты, вероятно, хорошо его знала.
– С чего ты взяла?

– Мне показалось, вы близки.

– Близки? С Герцогом? – переспросила Хуэйфэнь. – С ним никто не был близок. Мы, как и ты, делали, что нам говорили. Ты когда-нибудь оставалась с ним наедине?

– Нет.

Но готка покраснела, и Хуэйфэнь поняла, что Амелия солгала. Помедлив, она легонько прикоснулась к руке Амелии. Словно мотылек сел на кожу, а потом взлетел.

В этот момент секретарша встала и огляделась. Заметив движение китаянки, она покачала головой. Дело было еще хуже, чем она думала.

– Он примет вас сейчас. Первая дверь направо по коридору.

* * *

– Merde, – сказал Жак.

Он склонился над выдвинутым ящиком и бросил взгляд вдоль длинного ряда шкафов, уходящих в темноту.

– Не представляю, как мы найдем записи по этой недвижимости. Они тут даже не в хронологическом порядке, а в алфавитном. Охренеть!

Натаниэль придерживался аналогичного мнения.

Хуже того, кантоны не признавали деревню Три Сосны как отдельное поселение. Здесь не было ни одного упоминания о Трех Соснах.

А еще хуже было то, что Жак все больше злился. Ему было скучно. Он проявлял нетерпение. И Натаниэль понимал, что это значит. Когда Жаку надоест ругать систему архивации, он станет искать другую мишень.

– Ты прав, – сказал Натаниэль. – Поскольку они тут в алфавитном порядке, мы можем искать по фамилиям погибших, пока не найдем совпадения.

Натаниэль вытащил свой айфон и нашел фотографию витража и списка под ним.

– Вероятно, парень на витраже – один из них. Если будем искать по фамилиям, то, наверное, найдем кого-нибудь, кто жил в этом доме в тысяча девятьсот четырнадцатом году.

Жак кивнул, то ли не понимая, то ли не желая признавать, что эта мысль родилась не в его голове. На самом деле он сейчас думал о том, как здесь темно и холодно. Размышлял о том, что прячется по углам. Что свисает сверху. И как им выбираться отсюда, если начнется пожар. Или землетрясение. Или если огромный паук, который жил здесь много лет в

покое…

Что-то прикоснулось к его лицу, и он дернулся, замахал руками, принялся бешено стряхивать с головы то, что там могло оказаться. Потом надел шапку и перчатки и неохотно принялся за работу.

Неподалеку от него неприкрытая голова Натаниэля склонялась над шкафом, его пальцы резво, чуть ли не лихорадочно перебирали карточки.

* * *

Месье Бержерон, старший по топонимике района, был лысеющим, педантичным, сухощавым человеком. Его кабинет тоже казался лысым и строгим, без каких-либо личных вещей, кроме пыльной плексигласовой таблички, поздравляющей его с тридцатилетием службы на благо Квебека. За спиной месье Бержерона висела детальная, во всю стену, карта района.

Маленький сухощавый человек вцепился пальцами в край стола, словно птица на насесте, и наклонился вперед.

Громко вздохнув, он перевел взгляд с карты на китаянку, потом на готку.

– Тюркотт. – Он снова вздохнул. – Где вы это нашли?

– В стене в Трех Соснах, – сказала Хуэйфэнь.

– Где?

– В деревне, – пояснила Амелия.

Он на мгновение растерялся, затем опустил взгляд на карту.

– Тюркотт, – повторила Хуэйфэнь. – Так звали человека, который ее нарисовал?

– Oui, oui, – мечтательно произнес Бержерон.

– А как вы узнали? – спросила Амелия.

Ее и забавляла, и раздражала реакция этого человека. Карта не только увлекла, но и поглотила его. Он словно провалился куда-то между тонкими топографическими линиями и застрял там. К собственной радости.

– Ошибиться невозможно, правда? – сказал он с уверенностью эксперта, удивленного тем, что никто не видит то, что очевидно для него. – Можно прикоснуться?

Молодые женщины закивали, не распространяясь о том, что несколькими минутами ранее к карте прикасался пончик с вареньем.

Месье Бержерон протянул руку, и его тонкий палец завис над бумагой, словно в попытке ее оживить, как у Адама на фреске Микеланджело в Сикстинской капелле.

Когда палец наконец опустился, это произошло так изящно, так интимно, что Амелии захотелось отвернуться.

Она чуть было не сказала, что это не оригинал, а ксерокопия, но передумала. Этот человек прекрасно отличал копию от оригинала. И тем не менее то, что он видел, сразило его наповал.

– Тюркотт был картографом? – спросила Хуэйфэнь.

– Не просто картографом. Антони Тюркотт стал отцом всей современной квебекской картографии. Он организовал департамент, который занимался картографированием и наименованием всего в провинции. Это произошло в начале девятисотых. Он был гигантом. Он признавал связь людей с тем местом, где они живут. Говорил, что это не просто земля. Наша история, наша кухня, наши рассказы и песни – все порождено местом, где мы живем. Он хотел передать это. Он дал les habitants их patrimoine.

Месье Бержерон использовал старое, местное название жителей Квебека: les habitants. С годами оно превратилось чуть ли не в оскорбительное, вызывая образ неотесанной деревенщины.

Но этот человек, а до него Антони Тюркотт правильно использовали слово. Les habitants – люди, которые ухаживали за этой землей. Они расчистили ее, обработали, построили на ней дома и предприятия. Они жили на квебекской земле и любили ее. Они рождались на ней и уходили в нее.

Без les habitants не было бы Квебека.

Но месье Бержерон использовал и другое слово. Их patrimoine. Их наследство. Их язык, культуру, наследство. Их землю.

– Тюркотт жил в Монреале, но решил переехать сюда, в Восточные кантоны, – сказал Бержерон. – Он открыл картографические кабинеты по всей провинции, однако карту района предпочел сделать сам. Я думаю, он влюбился в Восточные кантоны и их историю.

– Вы хотели сказать, географию? – уточнила Амелия.

– Это одно и то же. – Чиновник посмотрел на нее через стол. – Антони Тюркотт знал, что история и география неразделимы.

– А я могу их разделить, – пробормотала Амелия. – И мои учителя тоже.

– Они глупцы! – Это смелое заявление усиливалось своей простотой. – История места определяется его географией. Если территория горная, то ее труднее захватить. Люди более независимые, но и изолированные. Окружена водой? Если так, то она более космополитична…

– Но завоевать ее проще, как Венецию, – сказала Амелия, проникаясь

тем, что имел в виду месье Бержерон.

– Oui, – кивнул он, одобрительно глядя на девушку-готку. – Венеция отказалась от попыток защищать себя и решила открыть двери всем пришельцам. В результате она стала важным торговым узлом, центром знания, живописи и музыки. Благодаря своему географическому положению Венеция стала воротами. География определяет, кто вы: захватчик или тот, кого захватывают.

– Посмотрите на римлян, – сказала Амелия. – А потом на британцев.

– Oui, c’est ca[54], – подхватил месье Бержерон с сумасшедшинкой в глазах. – Британию завоевывали раз за разом, пока она не поняла, что ее слабость одновременно и ее сила. Британия приняла меры к тому, чтобы править морями и, таким образом, всем миром. Этого не случилось бы, не будь британцы островной нацией.

– География есть история, – сказала Амелия, увлеченная этой идеей.

Она любила историю, но ни на минуту не задумывалась о географии.

– Но что это значит для Квебека? – спросила Хуэйфэнь.

– Оказаться между двух мощных сил? – ответил вопросом месье Бержерон. – Американцы на юге, британцы на западе и востоке? Военной защиты не существовало. Одним из способов защиты patrimoine была картография: нанеси на карту и дай название.

– И заяви права на эту землю, – кивнула Хуэйфэнь.

– Есть, конечно, и более ранние карты. Самые знаменитые – карта Новой Франции Шамплена и карты Дэвида Томпсона. Антони Тюркотт не так знаменит, но любят его больше, потому что он не делал карты для правительств, для завоеваний, для коммерции. Он их делал для людей.

Месье Бержерон посмотрел на бумагу так, словно карта тоже была человеком.

– Это… – его рука замерла над картой, – разумеется, не относится к официальным документам. Похоже, она сделана для забавы. Я бы сказал, что это карта для ориентирования.

– Мы тоже так думаем, – сказала Хуэйфэнь. – Вы что-нибудь знаете об ориентировании?

– Конечно. Но она отличается от старых карт.

– Чем?

– Ну, для начала снеговик. – Посмотрев на картинку, месье Бержерон улыбнулся. – Перед нами своего рода гибрид. Реальная карта, показывающая всю топографию, но без единого названия, и карта для ориентирования, на которой присутствуют сооружения, например каменные стены и мельницы. К тому же тут есть такие причуды, как три

маленькие сосны, которые словно бы играют. Вероятно, он сделал эту карту ради собственного удовольствия.

Месье Бержерон наклонился еще ниже над картой, словно та могла что-то нашептать ему.

– А может, он сделал ее для сына. – Хуэйфэнь положила на стол айфон. – Мы думаем, это он.

Юноша с витража словно зашагал на карту.

Месье Бержерон перевел взгляд на айфон:

– Примечательное изображение. Откуда оно?

– Это часть витражного окна, мемориального окна в память о тех, кто погиб в Первую мировую войну, – ответила Амелия.

Месье Бержерон откашлялся.

– Бедный мальчик. – Он поднял голову. – Почему вы думаете, что это сын Тюркотта?

Хуэйфэнь увеличила изображение, и глаза Бержерона широко распахнулись, когда он увидел карту, торчащую из котомки солдата.

– Mais, c’est extraordinaire[55], – сказал месье Бержерон, потом покачал головой. – Как подумаешь о том, сколько жизней потеряно из-за клочка земли…

Он трижды цокнул языком, осуждая войну и убийство молодых.

Амелия встала и подошла к громадной карте на стене. Ее палец прошелся по дорогам и речкам и остановился в долине.

Она повернулась:

– Трех Сосен нет.

– Должны быть, – сказала Хуэйфэнь, подходя. – Ни навигаторы, ни коммерческие карты деревню не показывают, но ведь у вас официальная карта, верно?

Месье Бержерон встал и повернулся к карте:

– Если деревни здесь нет, значит ее не существует.

– Как так не существует? Мы сейчас там живем, – возмутилась Хуэйфэнь, уставившись на Бержерона. – Эта карта некорректна.

– Не может быть. Тюркотт сам ее нарисовал, – сказал Бержерон. – В основу была положена его работа. Мы добавляем новые дороги и поселения, но все это основано на первоначальной съемке, проведенной Тюркоттом. Может, он просто ее не заметил. Наверное, совсем маленькая деревенька. Я про нее никогда не слышал.

– Однако Тюркотт сам в ней жил, – сказала Амелия. – Почему он не обозначил свою деревню на официальной карте?

– Может, мы чего-то не поняли и он там не жил, – сказала Хуэйфэнь. –

Может, он нарисовал карту для ориентирования и отдал ее кому-то. Кому-то, кто там жил.

– Тогда как она попала на витраж в Трех Соснах? – спросила Амелия. – Non. Эту карту сделал человек, который не только жил в деревне, но и любил ее.

– А зачем он стер ее с карты? – не отступала Хуэйфэнь. – Что вы о нем знаете? – спросила она у Бержерона.

– В общем-то, мало что. Не так уж много людей знали его лично.

– Это было необычно? – спросила Амелия.

Месье Бержерон улыбнулся:

– Меня тоже знают не так уж много людей. Картографическое общество Квебека пыталось написать биографию Тюркотта для Канадской энциклопедии. Сейчас я вам покажу.

Он снял с полки толстенный том, отер с него пыль, нашел нужную страницу и протянул Хуэйфэнь.

– «Антони Тюркотт, картограф, – прочитала она. – Родился в Ла-Сале в тысяча восемьсот шестьдесят втором году. Умер в тысяча девятьсот девятнадцатом».

– Но не в Трех Соснах, – сказала Амелия, читая через ее плечо. – Здесь сказано, что он похоронен в местечке, которое называется Стропила. Стропила?

Она посмотрела на месье Бержерона, и тот улыбнулся:

– Боюсь, что так. Единственная крупная ошибка Тюркотта. Она стала легендой в мире топонимики.

– Он назвал деревню Стропилами?

– Мы не можем это объяснить. Нет, вообще-то, можем отчасти. При въезде в деревню стояла мастерская, которая делала…

– Стропила?

– Oui. Такие деревянные опоры под крыши. По-видимому, он принял название мастерской за название деревни – он плохо говорил по-английски.

– И он никогда не объяснял этого?

– Его никто не спрашивал. Он прислал карту с названиями, но название этой маленькой деревеньки никто сразу не заметил. Только годы спустя.

– Тогда почему вы думаете, что он не сделал и других ошибок? – спросила Хуэйфэнь.

Месье Бержерон посмотрел на нее обиженным и даже слегка возмущенным взглядом, словно мысль еще об одной ошибке Антони Тюркотта казалась ему немыслимой.

– Все-таки он был человеком, – подсказала она, – невзирая на всю последующую мифологизацию.

– Антони Тюркотт больше не совершал ошибок, а ту, что он совершил… с ней он остался навечно, выбрав ее как место упокоения, – произнес Бержерон отрывисто.

Амелия хотела напомнить, что Тюркотт также не показал на карте Три Сосны, но в последний миг передумала. Она подозревала, что это случилось не по ошибке.

– В биографии не упоминаются ни жена, ни дети, – заметила Хуэйфэнь.

– Верно. Никаких сведений о семье нет. Это не значит, что у Тюркотта ее не было, просто записи утрачены. Как видите, нам почти ничего не удалось найти про него.

Статья в энциклопедии и в самом деле умещалась в несколько строк.

– Вы можете показать нам Стропила на карте? – спросила Хуэйфэнь.

Месье Бержерон смущенно посмотрел на нее:

– К сожалению, нет.

– Только не говорите мне… – начала Хуэйфэнь.

– Ее больше не существует, – пояснил Бержерон. – Когда ошибка была обнаружена, деревню переименовали по решению местных жителей. Но потом деревня исчезла.

– Исчезла? – переспросила Амелия.

– Такое случается, – сказал Бержерон. – Поселения возникают вокруг какого-то промышленного предприятия, а когда предприятие умирает, то умирает и поселение.

«И теперь Стропила, как и Три Сосны, не остались на карте даже крохотной точкой», – подумала Амелия.

Жак задвинул ящик в шкаф с такой силой, что Натаниэль подпрыгнул.

Руки его задрожали, дыхание участилось, зрачки расширились, он опустил голову, но прежде заметил, что Жак повернулся и смотрит вдоль длинного-длинного ряда шкафов. И его взгляд останавливается. На нем, Натаниэле.

Младший кадет вернулся к карточкам, продолжая лихорадочно перебирать их в поисках той, на которой содержался нужный ответ. Однако Жак пошел в его сторону не просто так. Его терпение кончилось, и он увидел, что можно заняться чем-то поинтереснее.

«Пожалуйста, ну пожалуйста», – думал Натаниэль, продолжая перебирать карточки. Но глаза больше не видели написанных там слов, и

он замер, ожидая толчка, щипка, удара. Грубого слова. А то и чего похуже.

Однако, не дойдя до него нескольких шагов, Жак остановился. Его задержал знакомый вибрирующий звук. И он, как собака Павлова, не смог не прореагировать и достал свой айфон.

Его лицо осветилось экраном.

– Где «Т»?

– Здесь, – сказал Натаниэль, отступив на несколько шкафов. – А что?

Но Жак не ответил. Он нашел ящик и стал просматривать карточки, бормоча:

– Тюркотт, Тюркотт. Вот один. Нет, не он.

Несколько минут спустя Жак сделал шаг назад, пока еще слишком озадаченный, чтобы раздражаться.

Телефон Хуэйфэнь зазвонил.

– Жак прислал эсэмэску из архива. Антони Тюркотта нет.

Амелия снова вызвала фотографию с витражом на экране своего айфона. Прокручивая список, стала читать имена.

– И здесь нет Тюркотта.

– Вы уверены, что нашу карту нарисовал Антони Тюркотт? – спросила Хуэйфэнь.

– Абсолютно, – ответил месье Бержерон.

– Тогда почему мы не можем его найти?

«И почему, – подумала Амелия, – все, что имеет отношение к Антони Тюркотту, исчезает?»

Глава двадцать восьмая

– Salut, Арман. – Мишель Бребёф поднялся из-за стола в своем кабинете. – Прошу прощения. Коммандер.

В воздухе повеяло холодком.

Бребёф с преувеличенной вежливостью протянул руку, и Гамаш пожал ее, а затем представил заместителя комиссара Желина.

– Из КККП. – Бребёф показал на маленький значок на лацкане пиджака Желина. – Я обратил на вас внимание в коридорах. Вы здесь, чтобы обеспечить беспристрастность следствия?

Желина кивнул, и Бребёф обратился к Гамашу:

– Вижу, ты по-прежнему поступаешь правильно.

Холодок стал пощипывать.

– Мы и на тебя надеемся в этом смысле, – сказал Гамаш и увидел, как дрогнуло лицо Бребёфа. – Это возможно?

И прежде чем тот ответил, двое вошедших сели. Гамаш положил ногу на ногу и устроился поудобнее.

– У нас к тебе несколько вопросов, Мишель.

– Меня уже допрашивали, но я всегда рад быть полезным. Приблизились к ответу, кто убил Ледюка?

– Подбираемся, – ответил Гамаш.

Он посмотрел на Желина, который с интересом слушал их диалог.

Сказать, что между ними двумя существует неприязнь, было бы серьезной недооценкой. Воздух так пропитался ядом, что стало трудно дышать. Большую его часть излучал Бребёф, но и Гамаш от него не отставал. Неприязнь скрывалась под тонким, потрескавшимся налетом любезности. Но запах давно загнивших отношений просачивался сквозь трещинки.

Все гипотезы офицера КККП о том, что эти двое вступили в сговор с целью убийства Сержа Ледюка, мигом исчезли. Он сомневался, что эти люди в состоянии выдержать друг друга десять минут, а о составлении плана и его реализации и говорить было нечего.

– Насколько хорошо вы знали Сержа Ледюка? – спросил Желина.

– Я слышал о нем, конечно. Когда его перевели сюда, я еще служил в Квебекской полиции. Его назначили вторым лицом в академии под руководством этого старого идиота. Но фактически всем заправлял Ледюк.

– Вы в то время были старшим офицером, – заметил Желина. –

Суперинтендантом.

Мишель Бребёф слегка кивнул в знак согласия.

– Вы, наверное, не помните, но мы однажды встречались, – сказал Желина. – Много лет назад, на одном из консульских мероприятий.

– Правда?

Ответ прозвучал вежливо, но по тону было ясно, что Бребёф не помнит и не желает вспоминать. Поль Желина, вероятно, присутствовал в качестве одного из множества гостей. А вот Мишель Бребёф всегда запоминался. Невысокий человек, занимавший много пространства не потому, что требовал его, а потому, что излучал властность.

Сам того не желая (а может, и желая), он повсюду становился центром внимания.

Единственной другой известной Желина персоной, способной так же сразу и естественно становиться центром внимания, был человек, сидящий рядом с ним. Но Арман Гамаш обладал и другими качествами, которых Бребёф не имел.

Если Гамаш хотел, он мог становиться незаметным. И, судя по всему, он решил стать незаметным в данный момент.

Арман Гамаш сидел молча. Словно черная дыра образовалась в кабинете.

В каком-то смысле это обескураживало больше, чем энергия, исходящая от человека по другую сторону стола.

– Значит, вы его знали, – сказал Желина.

– Сержа Ледюка? Нас представляли несколько раз по разным официальным поводам. Когда я приходил сюда с обращением к выпускникам и на парадах. Но обычно он был на занятиях с кадетами, а я – на подиуме.

Не очень скромное напоминание о разнице в их положении.

– А когда вы приняли предложение преподавать здесь, ваши отношения возобновились?

– С вашей стороны это намеренная дезинформация, – весело сказал Бребёф, хотя его веселость не распространялась на серые, зимние глаза.

Желина подумал, что они похожи на уличную слякоть. Не вода и не снег. Промежуточное состояние. Мартовские глаза.

– Возобновлять было нечего. Мы почти не знали друг друга, но да, когда мы оказались здесь в одной компании, мы познакомились немного поближе.

– Вы говорите так, будто у вас не оставалось иного выбора.

– Правда? Нет, ничего такого я не имел в виду.

– Насколько хорошо вы его узнали за прошедшие месяцы?

Бребёф посмотрел на Желина, и тот практически прочитал его мысли: «Ему любопытно, сколько нам удалось узнать. Он уже знает о результатах анализа ДНК и данных по отпечаткам пальцев. Он точно знает, какие шаги мы предпринимаем и в каком порядке. И как оказаться на шаг впереди нас».

– Несколько раз я бывал в его квартире.

– А он у вас?

Этот вопрос удивил Бребёфа, и он слегка приподнял брови:

– Нет.

– О чем вы говорили, когда находились вдвоем?

– Обменивались боевыми историями.

– А он не рассказывал вам о мошенничестве и договорных контрактах? О своих анонимных банковских счетах в Люксембурге? – спросил Желина.

Гамаш едва заметно пошевелился на стуле.

«Он не одобряет того, что я сообщил Бребёфу о криминальной деятельности Ледюка», – подумал Желина. Но слово уже вылетело, и к тому же офицер КККП сделал это намеренно, чтобы увидеть реакцию Бребёфа.

– Он упоминал о какой-то своей незаконной деятельности, – ответил Бребёф. – Вероятно, таким образом он пытался найти точки соприкосновения. Ему, конечно, была известна моя история.

– Он хотел дать вам понять, что не осуждает вас? – спросил Желина, и Бребёф тут же ощетинился:

– Поверьте, заместитель комиссара, мнение Сержа Ледюка меня совершенно не интересовало.

– И все же создается впечатление, что у вас было много общего. Вы оба были старшими офицерами в Квебекской полиции. Оба пользовались своим положением в собственных целях, а потом вас изгнали из полиции за криминальную деятельность. От судебного преследования вас спасли высокопоставленные друзья. В вашем случае – месье Гамаш. В его – старший суперинтендант. И вы оба оказались здесь, в академии.

– Вы пришли сюда оскорблять меня или просить о помощи?

– Я указываю на схожие моменты в ваших послужных списках, – сказал Желина. – Только и всего.

– Схожие моменты, как вы выражаетесь, может, и есть, но у меня с ним нет никакого сходства, – отрезал Бребёф. – Что с него взять? Вульгарная личность. Кусок угля, возомнивший себя алмазом. Болван с большим кабинетом.

– Тогда что вы делали в его гостиной? В его ванной? В его спальне? – спросил Желина, отбросив любезность. Он послал через стол бумажную копию криминалистического отчета. – Каким образом в ваших руках оказалось орудие убийства?

Гамаш снова пошевелился, но потом замер.

Бребёф взял бумаги и просмотрел их наметанным взглядом следователя с большим опытом. Сразу нашел информацию, имеющую отношение к словам Желина.

Его лицо, поначалу мрачное, чуть расслабилось. В этот момент Желина понял, почему Гамаш среагировал, пусть и едва заметно, когда Желина передал отчет Бребёфу.

Да, там говорилось, что Мишель Бребёф, возможно, держал в руках орудие убийства. Но там говорилось, что, возможно, его держал и Гамаш.

– Вы не хуже меня знаете, – сказал Бребёф, отправляя отчет назад к Желина, – что это предположение. Неприемлемое как доказательство.

– Значит, вы отрицаете это?

– Конечно. Я понятия не имел, что у него есть оружие, хотя мне и следовало бы догадаться. Только идиот будет держать оружие у себя в комнате в академии. Тем более я не мог предположить, что это будет такое оружие. Револьвер? Вам не кажется, что это лишено всякого смысла?

Вопрос был адресован Гамашу.

– Я бы ожидал найти у него ракетный пусковой комплекс, – ответил Гамаш, и Бребёф рассмеялся.

И в этот миг раскрепощенного веселья Желина увидел кое-что еще.

Увидел, почему Гамаш и Бребёф могли быть друзьями. Из них могла бы получиться великолепная команда, если бы один не пошел вверх, а другой не сбавил шаг.

После этого мгновения близости между ними атмосфера в кабинете изменилась.

Мишель Бребёф стал более спокойным, задумчивым.

– Вы хотите знать, почему мы иногда вместе обедали и выпивали? – спросил Бребёф более тихим и мягким голосом.

Поль Желина кивнул и покосился на Гамаша, но тот не шелохнулся. Он все еще смотрел на Бребёфа проницательным, внимательным взглядом.

– Я ходил к нему, потому что чувствовал себя одиноким, – сказал Бребёф. – Вокруг меня были люди, однако никто не хотел иметь со мной ничего общего. Я их не виню. Я сам сделал это с собой, а сюда приехал, чтобы попытаться искупить вину. Я знал, что со старшими кадетами мне будет затруднительно каждый день говорить о коррупции и о моих

собственных искушениях. О том, как можно сбиться с пути, когда ты получаешь власть и оружие, когда у тебя нет границ, кроме твоих собственных. Одно дело говорить, что власть развращает… – он посмотрел на Гамаша, – но ты был прав. Гораздо эффективнее, если видишь это своими глазами. Я рассказывал им о собственных грехах, как все начиналось с мелочей. И росло. Я рассказывал об опасности сойтись не с теми людьми. Я обучал весь класс на примере одного червивого яблока. И признавал, что это яблоко – я. В самый первый день занятий я написал наверху доски слова из Евангелия по Матфею и оставил их там. Это было унизительно, но необходимо.

Он говорил тихо и обращался напрямую к Арману.

– Я думал, что хуже всего будет на занятиях, но я ошибался. Хуже всего мне становилось по вечерам, когда я слышал смех и музыку. Когда я знал, что ты рядом, в том же коридоре, разговариваешь с кадетами. А я сидел один и ждал: может, зайдет кто-нибудь.

Поль Желина чувствовал себя так, будто он исчез, подавлен, похоронен. Альпинист, застигнутый лавиной отношений между двумя этими людьми.

– Время от времени я заходил к Сержу Ледюку, потому что он единственный улыбался, увидев меня.

– Это ты его убил, Мишель? – тихо спросил Арман.

– Кто станет пускать пулю в свой надувной спасательный плотик? – спросил Бребёф. – Нет, я его не убивал. Я ему не симпатизировал, не уважал его. Но такие же чувства я испытывал к себе самому. Я не убивал этого человека.

– Есть ли у вас какие-либо предположения на этот счет? – спросил Желина, встревая в разговор.

– Мне бы хотелось сказать вам, что это сделал кто-то из преподавателей, а не кадетов, но я не могу, – сказал Бребёф. – Кадеты теперь не такие, какими были мы. Они грубые, невоспитанные. Вы посмотрите на эту первокурсницу с татуировками и пирсингом. А как она разговаривает с преподавателями! Я был потрясен. Что она здесь делает? Наверняка одна из протеже Ледюка.

– Вообще-то, ее принял я, – сказал Гамаш. – Амелия Шоке лучшая в своей группе. Она знает древнегреческий и латынь. И ругается, как преступники, которых она будет когда-нибудь арестовывать. А ты, Мишель, сама аристократичность. И при этом нарушил все законы, которые клялся охранять.

Бребёф глубоко вздохнул, то ли успокаиваясь, то ли готовясь к

переходу в наступление. Тонкий лед, на который они ступили, начал подламываться. И главным виновником этого был Гамаш.

Наступило мгновение, когда мир как будто замер.

Наконец Мишель Бребёф улыбнулся:

– Я обошел тебя по карьерной лестнице, Арман, но ты всегда превосходил меня по человеческим качествам. Как утешительно для тебя знать об этом. И постоянно напоминать мне. – Он перегнулся через стол. – Пошел ты в жопу.

Это было произнесено со странной смесью юмора и гнева. Шутил ли он или и в самом деле чувствовал себя оскорбленным?

Желина посмотрел на Гамаша, который поднял брови, но тоже улыбнулся. И Желина понял, насколько хорошо эти двое знают друг друга. И при всем озлоблении тут присутствовала и близость. Тесные отношения.

Узы, которые могли образоваться только за долгие годы дружбы. И несомненно, узы не только ненависти, но и любви.

Поль Желина сделал себе заметку на память покопаться в их прошлом. Он знал их с профессиональной стороны, а теперь пришло время узнать про их личную жизнь.

– Убийство Сержа Ледюка случилось не вдруг, – сказал Бребёф. – Если бы это было так, вы бы уже поймали убийцу. Нет. Убийство было хорошо продумано. Ледюку нравилось мучить людей. В особенности тех, кто не мог ему ответить. Но на этот раз он выбрал не ту цель.

– Ты считаешь, что Ледюк кого-то оскорбил и унизил до такой степени, что обиженный решил отомстить? – спросил Гамаш.

– Да, и, по-моему, ты того же мнения. А вы, заместитель комиссара?

– Я воздержусь выносить суждения. Вы оба более сведущи в убийствах, чем я.

– Как ты думаешь, Арман, он имеет в виду «в убийствах» или «в расследовании убийств»? – спросил Мишель, когда они встали.

– Я думаю, месье Желина говорит именно то, что хочет сказать, – ответил Гамаш.

– Тогда тебя ждут небольшие неприятности, – сказал Бребёф.

И рассмеялся. С искренним удовольствием.

Шагая по коридору, Поль Желина ощущал тошноту. От перепадов настроения Бребёфа у него развилась морская болезнь.

Ни Гамаш, ни Желина не оглядывались, но они знали, что Бребёф смотрит им в спину. А потом услышали тихий щелчок закрывающейся двери.

– Вы были друзьями? – спросил Желина.

– Лучшими друзьями, – ответил Гамаш. – Раньше он был хорошим парнем.

– И что случилось?

– Не знаю.

– Вы думаете, он до сих пор хороший? – спросил Желина, когда они дошли до лестницы.

Гамаш остановился на верхней ступени. Лестница была освещена солнцем, льющимся из высокого окна, откуда открывался вид на оттаивающую прерию.

Гул голосов кадетов, поторапливающих друг друга, эхом отдавался от стен, снизу доносился звук быстрых шагов по мраморному полу.

И Арман вспомнил, как они с Мишелем неслись по старой, поцарапанной лестнице красного дерева, прыгая через две ступеньки. Опаздывали на занятия. В очередной раз. Потому что эти молодые люди совершили неожиданное открытие. Нашли потайной люк, ведущий на чердак. Или кость, возможно человеческую. Или куриную.

Бедный преподаватель анатомии доктор Надó. Арман слабо улыбнулся, вспомнив, как два кадета в очередной раз донимали этого затравленного человека какой-нибудь костью или клоком волос, которые могли принадлежать человеку. Или мыши.

И неизменный вердикт: не человеческая.

Но у Мишеля и Армана была излюбленная теория. Их находки – это все, что осталось от невинной жертвы, убитой доктором Надó. Неудивительно, что он препятствует следствию. Они, конечно, не верили в это, но теория превратилась в нескончаемую шутку. Как и их поиски все новых и новых смехотворных улик, доставляемых на экспертизу бедняге-доктору.

– Гамаш, – окликнул его офицер КККП. – Вы считаете, что в глубине души Бребёф все еще хороший парень?

– Я бы не пригласил его сюда, если бы не верил в его доброе начало, – ответил Гамаш, слыша эхо далекого смеха, отдающееся от стекла и бетона.

– Вы сожалеете о своем решении? Думаете, это он убил Ледюка? – спросил Желина.

– Не так давно вы обвиняли меня, теперь обвиняете его, – сказал Гамаш.

Он начал спускаться, скользя рукой по перилам. Задержался на площадке, пропуская кадетов, опаздывающих к началу урока. Те остановились, отдали честь и понеслись дальше, прыгая через две ступеньки.

– Я обнаружил, что, расследуя убийство, естественно и необходимо подозревать всех, – сказал Гамаш, когда лестница очистилась, – но лучше не говорить об этом вслух. Это умаляет степень доверия к вам.

– Спасибо за совет. К счастью, в области расследования убийств я не заработал никакого доверия.

Гамаш усмехнулся.

– Вообще-то, я предполагал, что вы сделали это вместе, – сказал Желина, когда они продолжили спускаться.

– Убили его вдвоем? Да зачем бы нам это понадобилось?

– Чтобы избавиться от проблемы. Вы хотели, чтобы Ледюк умер и кадеты были в безопасности. Однако сами пойти на убийство не могли. Правда, вы знали того, кто мог бы это сделать. Человека, который в долгу перед вами. Это объясняло бы и присутствие Бребёфа в академии. Да, возможно, он наглядный урок кадетам. Но главным образом это ваш инструмент избавления от кого-то, кого вы не можете уволить. И если идея и планирование принадлежали вам, то дело сделал Бребёф. Последняя впечатляющая благодарность во искупление того зла, которое он вам причинил.

– А теперь?

– Теперь я так не думаю.

– И тем не менее вы только что спросили, не думаю ли я, что он убил Ледюка.

– Я спросил, не думаете ли вы, но это же не значит, что так думаю я.

– Вы хотите сказать, что проверяли, не толкну ли я его под автобус, чтобы спасти собственную шкуру?

Желина не ответил. Именно это он и сделал: дал Гамашу возможность возложить ответственность на Мишеля Бребёфа. Однако Гамаш ею не воспользовался.

– Бребёф – единственный человек во всей академии, кому не нужна была смерть Ледюка, – сказал Желина. – Как вам уже известно, я усвоил, что нельзя недооценивать ненависть, но после смерти жены я усвоил кое-что еще.

Гамаш остановился на следующей площадке и приготовился внимательно выслушать Поля Желина.

– Нельзя недооценивать одиночество, – сказал конный полицейский. – Бребёф не стал бы убивать единственного человека, который ценил его общество. Как он назвал Ледюка?

– Своим спасательным плотиком. А теперь? Вы все еще чувствуете себя одиноким?

– Я говорил о Бребёфе.

– Oui.

Он подождал, давая Желина понять, что готов слушать, если тот еще хочет говорить. Но офицер КККП больше ничего не сказал, он только сжал губы, и Гамаш отвернулся, давая ему хотя бы некоторое подобие приватности.

Он посмотрел в окно на заснеженное поле, сверкающее на солнце, на площадку, где местные детишки играли в дворовый хоккей. Одна из последних игр сезона. Даже на таком расстоянии были видны лужи там, где подтаял лед. Вскоре ледовая площадка исчезнет, покроется травой, и начнется другая игра.

Это окно казалось не столько окном, сколько выходом в другой мир и другое время. В миллионе миль от того места, где они стояли.

– Помнится, я так же играл на озере близ нашего шале в Лаврентийских горах, – произнес Желина тихо, почти шепотом. – Когда я был ребенком.

«Когда я был ребенком», – подумал Гамаш. Теперь это звучало как приговор. «Когда я был ребенком…»

Двое мужчин постояли молча, наблюдая за игрой.

– Они могли бы играть на катке под крышей в академии, – сказал Желина, показывая на спортивную площадку. – Но, вероятно, предпочитают на свежем воздухе.

– А вы бы что предпочли? – спросил Гамаш, и Желина улыбнулся и отрицательно покачал головой.

– Non. Дайте мне площадку под крышей и обжигающе горячий шоколад из автомата после игры, – сказал он. – Божественно.

– Мэр запретил им приходить в академию, – напомнил Гамаш.

Один из игроков решил сделать перерыв, а другой толкнул его в сугроб у площадки. Вверх взлетели снежные хлопья, и потом двое мальчишек снова появились – смеющиеся, румяные, все в снегу.

– Они вернутся, – сказал Желина. – Пусть пройдет какое-то время.

Ребята катались туда-сюда, гоняя шайбу по хоккейной площадке. На всех синие с красным шапочки с подпрыгивающими помпонами и хоккейные свитера «Монреаль Канадиенс». Отличить одну команду от другой было невозможно. Но они как-то различали. Инстинктивно.

Знали, кто на чьей стороне.

Почему же теперь это так трудно сказать?

Глава двадцать девятая

– Прошу прощения, но тут нет миссис Клэртон, – сообщил приятный женский голос в трубке.

– Я сказала «Клэртон», – повторила Изабель Лакост.

– Да. Нет. Именно. Клэртон.

Лакост уставилась на телефон. Она не особо надеялась на этот разговор, понимая, что он, возможно, закончится ничем. Женщина с сильным британским акцентом пыталась понять женщину с сильным квебекским акцентом.

Обе говорили на каком-то невразумительном английском.

Вдвойне раздражало Изабель Лакост то, что Бовуара, который учился своему дурному английскому на улицах восточной части Монреаля, они понимали без труда. И он их понимал. А ее, хотя она по-настоящему учила английский, постоянно не понимали.

Лакост посмотрела на электронное письмо женщины от английского производителя оружия «Макдермот энд Райан».

Женщина, приславшая письмо, подписала его как Элизабет Колдбрук-Клэртон.

– Это «Макдермот энд Райан»? – спросила Лакост.

– Нет, вы попали в «Макдермот энд Райан».

Лакост вздохнула, услышав вполне ожидаемый ответ.

– Ну, я с вами прощаюсь, – сказала жизнерадостная молодая женщина.

– Постойте, – сказала Лакост. – А как насчет Колдбрук? У вас есть Элизабет Колдбрук?

Последовало долгое молчание, и Лакост уже решила, что девица повесила трубку. Наконец на линии раздался голос:

– Нет, но у нас есть Элизабет Колдбрук.

– Да, да, – прокричала Лакост, слыша отчаяние в собственном голосе.

– Одну минуту, пожалуйста.

Через несколько секунд другой голос, более деловой и не такой веселый, произнес:

– Здравствуйте, чем я могу вам помочь?

– Элизабет Колдбрук-Клэртон?

После небольшой заминки женщина ответила:

– Да, Элизабет Колдбрук. С кем я говорю?

– Меня зовут Изабель Лакост. Я расследую убийство одного

преподавателя здесь у нас, в Квебеке, Канада.

– О да, я говорила с вашим руководителем сегодня утром.

– Вообще-то, руководитель я. Старший инспектор Лакост, Квебекская полиция. Вы говорили с инспектором Бовуаром.

На том конце линии послышался смех.

– Прошу прощения. Я бы уже должна знать, а не предполагать. Тем более после стольких лет работы и будучи главой отдела по связям с общественностью. Désolé.

– Вы говорите по-французски? – спросила Лакост на английском.

– Да. Ваш английский лучше моего французского, но мы можем перейти на французский, если хотите.

Как ни странно, Лакост прекрасно понимала английский язык этой женщины. Возможно, потому, что он был ближе к среднеатлантическому произношению, к которому она привыкла в Канаде.

– Меня устроит английский, – сказала Лакост. – Я бы хотела отправить вам фотографию. Револьвера.

Она щелкнула «отправить».

– Я его уже видела. Ваш коллега отправлял мне фото сегодня утром, – сказала Элизабет Колдбрук. – Ой, постойте. Нет, тут другая фотография. Что это такое?

– Деталь витражного стекла.

Лакост отправила еще одну фотографию и услышала щелчок, когда мадам Колдбрук открыла и ее.

– Да, вижу. Мемориальное окно. Поразительный образ.

– Oui. Посмотрите на револьвер у солдата. Вы можете назвать его модель?

– Могу. Это определенно наше производство. Стиль отчетливо просматривается. «Макдермот» сорок пятого калибра. Им были вооружены офицеры в Британском экспедиционном корпусе во время Первой мировой.

– Это канадский солдат.

– Я думаю, многие из них тоже получали такое оружие. По крайней мере, офицеры. Он кажется таким молодым.

Две женщины, обе матери, смотрели на юношу с винтовкой и револьвером, на его испуганное, решительное, прощающее лицо.

– Модель та же самая, но в вашем преступлении использовался другой револьвер, – заговорила мадам Колдбрук. – Тот револьвер новый. Его продали всего несколько лет назад.

– Да, понимаю.

– Вы считаете, что существует связь между убитым и этим солдатом

Великой войны?

– Мы пока сопоставляем детали.

– Понимаю. Ну, если у вас ко мне все…

– Merci. Да, есть еще маленький вопрос. Как вас все-таки называть: Элизабет Колдбрук, или Клэртон, или Колдбрук-Клэртон? Нам для отчета.

– Элизабет Колдбрук.

– Однако ваше письмо подписано Колдбрук-Клэртон. И я заметила, что Клэртон немного другим шрифтом. Для этого есть какая-то причина?

– Нет, это просто ошибка.

Старший инспектор Лакост на этом остановилась. Правда, она не могла понять, как можно сделать ошибку в собственном имени. Наверно, опечатка. Ее лучшая подруга разнервничалась и подписала свои первые водительские права Лузи вместо Луиз. Она так и мучилась до истечения срока действия прав, поскольку на каждой вечеринке друзья воскрешали эту ошибку.

Но может быть, мадам Колдбрук была замужем и недавно развелась. Тогда исчезнувший дефис и ошибка становились понятны. Как и ее настороженный тон после вопроса.

– Спасибо, что уделили мне время, – сказала Лакост.

– Надеюсь, вы выясните, что произошло, – сказала мадам Колдбрук и дала отбой.

Изабель положила трубку, но разговор несколько выбил ее из равновесия. Мадам Колдбрук была вежлива и услужлива, с готовностью выдавала информацию. И все же что-то тут не складывалось.

И только вечером того же дня, когда они вместе с Бовуаром ехали в Три Сосны, у Изабель Лакост возникло одно соображение.

Если мадам Колдбрук прежде писала свою фамилию через дефис с фамилией мужа, то секретарша должна была знать это.

– Секретарша может быть новенькой, – сказал Жан Ги, когда она поделилась с ним своими мыслями. – Та, с которой беседовал я, говорила молодым голосом.

– Точно.

Шел седьмой час, но солнце уже коснулось горизонта. Свернув с шоссе на проселок, Бовуар снова заговорил:

– Все еще не уверена?

– Если ее развод произошел так недавно, что она по ошибке подписывается прежней двойной фамилией, то секретарша вообще должна только-только начать работать. Но, несмотря на молодой голос, она казалась опытной.

– Откуда ты знаешь? Ты поняла хоть слово из того, что она говорила?

– Я понимала ее интонацию, – притворилась обиженной Лакост.

– Не думаю, что это важно, – сказал Бовуар. – Ни ее фамилия, ни даже револьвер с картой и витражом не имеют никакого отношения к убийству.

– Мне тоже так кажется, – кивнула Лакост. – На все это можно было бы не обращать внимания, если бы не одно обстоятельство.

– У Сержа Ледюка в столике обнаружилась копия карты.

– И у юного солдата в котомке та же карта.

– И оба умерли насильственной смертью, – сказал Бовуар. – Но не из-за карты.

– По крайней мере, юноша, – согласилась Лакост. – Но зачем Ледюку понадобилась эта карта, почему он держал ее под рукой? Не в письменном столе, не в кабинете, а в ночном столике. Что ты держишь в ночном столике?

– Ну, это вопрос личный.

– Сейчас догадаюсь. – Лакост задумалась на секунду. – Мятные леденцы. Несколько очень старых презервативов, потому что тебе некогда их выкинуть. Нет, постой. Ты держишь их там, потому что они напоминают тебе о твоей безумной «молотости».

– Что это за «молотость»? – спросил он, и она рассмеялась их постоянной шутке – цитированию знаменитой строчки из «Моего кузена Винни»[56].

– Ладно, так что там еще лежит у тебя в ночном столике? Какое-нибудь распутное чтиво и фотография вас с Анни. Не-е-ет! УЗИ-фотография ребеночка. Чтобы, проснувшись среди ночи, ты мог смотреть на него, если сон не идет.

Жан Ги уставился на дорогу. У него было ощущение, что Изабель пробралась в их дом и пошуровала в ящике его столика, перебрала все самое сокровенное.

– Моя очередь, – сказал он. – У тебя там лежи-и-и-и-ит…

Он думал целый километр. Асфальт сменился ухабистой грунтовой дорогой: с весенним таянием бугры и рытвины становились все крупнее и коварнее.

– Использованные салфетки, которыми ты подтирала сопли своим детишкам, когда они ночью прибегали к тебе в слезах. У тебя есть клочок бумаги с какими-то неразборчивыми каракулями, но ты боишься его выбрасывать: а вдруг это что-то важное. Возможно, винегрет мыслей по какому-то делу и случайные страхи по поводу детей. Да, и записка, которую оставил тебе Роберт, когда в первый раз подписал: «С любовью,

Роберт». О, и еще сигара.

– Сигара?

– Это предположение. У тебя может быть что-то подобное.

– Балда.

– Но я тебя понимаю, – сказал Жан Ги, сворачивая на почти невидимую боковую дорогу. – Есть, конечно, всякий мусор, но в основном мы держим там дорогие для нас вещи.

– Или, по крайней мере, интимные, – сказала Изабель. – Карта и твои презервативы – вещи абсолютно разные. Презервативы ты сунул туда и забыл. А Герцог не просто держал карту в ящике. Он держал ее поближе к себе. Но чтобы никто не видел. Почему?

Бовуар представил себе, как Серж Ледюк, страдая бессонницей, включает лампу, открывает ящик и достает оттуда старую карту. Как сам Жан Ги – фото УЗИ. Он все еще пытался разглядеть ручки и ножки, головку, сердечко ребеночка.

Смотрел ли Ледюк на карту, стараясь понять, что там к чему? Давала ли она ему утешение долгими зимними ночами?

Бовуар сильно сомневался, что Ледюк нуждался в утешении, а тем более стал бы искать его в старой маленькой карте.

– Может быть, она имела для него важность в каком-то личном плане, – предположил он. – Люди иногда хранят какие-то вещи и не хотят, чтобы их видели другие.

– Но в карте не было никакой тайны, ничего постыдного, – возразила Лакост. – Месье Гамаш повесил оригинал в рамке у себя в гостиной в академии. А копии раздал кадетам.

– Да. Однако Серж Ледюк не хотел, чтобы кто-то узнал об имеющейся у него копии.

– И опять же… – Лакост в раздражении всплеснула руками, – зачем ему понадобилась эта копия?

Она заметила, что Бовуар помрачнел.

– Что такое? О чем ты подумал?

– Ледюк, вероятно, получил карту от Амелии Шоке.

– Ну.

– Хорошо, предположим, что она сама дала ему карту. А он положил ее в ящик столика. Каков естественный вывод? Что ты подумала, Изабель, когда услышала об этом?

– Я подумала, что Ледюк наложил руки не только на карту, но и на кадета. Если бы карта обнаружилась в его кабинете, у меня бы и мысли такой не возникло, но ночной столик – дело другое.

– Да, – сказал Бовуар. – Я подумал то же самое. Это первое, что приходит в голову. Что у Ледюка и кадета Шоке были отношения. Сексуальные. А карта стала чем-то вроде приза, талисмана. Доказательства победы.

– Зарубка на столбике кровати, – с отвращением произнесла Лакост.

– И это может быть правдой, – сказал Бовуар. – А может и не быть.

– Кадет Шоке женщина необычная, да?

– Можно и так сказать. Черные волосы торчком. Неестественно бледная кожа. Пирсинг в носу, бровях, ушах, губах и языке.

– Татуировки, – добавила Лакост. – Я ее видела. Это тебе не старая академия. Что ты о ней думаешь? Могла она совершить убийство?

Это был один из самых серьезных вопросов, требовавший обдумывания.

– Безусловно, – немедленно ответил Бовуар. – Она сообразительная и озлобленная.

– Но умна ли она?

Теперь Жан Ги задумался. Ум действительно был необходимым компонентом для того, чтобы безнаказанно совершить убийство. Для убийства требовались только ярость и оружие. Убить может любой дурак. А вот чтобы запутать лучших следователей в стране, нужен ум.

Была ли она умной? Ум – нечто большее, чем сообразительность. Чем коварство. Ум – сочетание всего этого с добавкой хитрости.

– Не знаю, умна ли она. В ней есть какая-то невинность.

Он сам удивился тому, что сказал, но он чувствовал, что прав.

– Вероятно, этим объясняется ее озлобленность, – сказала Лакост. – Невинные люди часто расстраиваются, когда мир не отвечает их ожиданиям. Это не означает, что она невинна в отношении данного преступления.

Жан Ги кивнул:

– Сегодня днем я разговаривал с преподавателями. Шоке выделяется на фоне остальной группы, садится сзади, инициативу проявляет редко, но, если ее вызывают, всегда отвечает нестандартно и содержательно. Большинство преподавателей не любят ее и явно побаиваются.

– Побаиваются из-за ее внешнего вида, поведения или потому, что она сообразительнее, чем они?

– Возможно, и то, и другое, и третье. Она определенно не приспособленка.

– А ее форма?

Это был хороший вопрос. Многие новички, непривычные к форме,

перешивали ее, чтобы она выглядела более персонифицированной и стильной. В прошлом Ледюк наказывал за такие дела, но коммандер Гамаш избрал другую тактику. К удивлению опытных преподавателей, Гамаш не запретил изменений в форме.

«Но это неуважительно», – высказался на общем собрании преподаватель Годбат.

«Почему?» – спросил Гамаш.

Преподаватель не нашелся что ответить, но тут послышался тягучий голос Ледюка: «Потому что это не просто форма. Это символ академии. Вы бы позволили агентам Квебекской полиции красить их форму, или носить пуговицы с улыбающимися рожицами, или подвязывать брюки галстуками?»

«Никогда, – признал Гамаш. – Но если бы такое пожелал сделать агент полиции, то было бы ясно, что он избрал не ту работу. Вы правы, форма – символ организации. И если человек не имеет уважения к организации, он должен уйти. Здесь, в академии, мы заслуживаем их уважение. Мы не обучаем их уважению. Не навязываем его. Мы моделируем его, работаем на него. Мы внушаем молодым мужчинам и женщинам желание умереть в этой форме. Меньшее, что мы можем сделать, – это принять такую жертву. Позволить им носить форму наизнанку, если им пока так хочется. Если это желание сохранится у них до конца года, то мы должны будем понять, что не выполнили наших обязанностей».

– Спорим, это заставило их заткнуться, – сказала Лакост, когда Бовуар закончил.

– Заставило, но я не думаю, что убедило их в чем-то ином, кроме того, что коммандер Гамаш слабак.

– А форма кадета Шоке?

– Безукоризненная. Совершенно идеальная.

– Откуда эта девушка? Из какой семьи?

– Из Монреаля. Перед поступлением в академию она снимала комнату в меблирашках в Ошлага-Мезоннёв. Судя по записке, которую месье Гамаш прикрепил к ее заявлению, у него были подозрения, что она занималась проституцией и принимала наркотики. Он не утверждает, но если ты его знаешь, то догадываешься о его недомолвках.

– Шлюха-наркоманка? – сказала Лакост. – Отлично.

Ее это не слишком удивило. Она подозревала, что в ночном столике Гамаша можно найти самые разные потерянные души, которые он положил туда на сохранение. А возможно, там найдется и багет.

– Отметки в средней школе разные. Она едва окончила ее, но при этом

неплохо. Хотя и с перебоями, успевала по истории, языкам и литературе.

– Делала только то, что ее интересовало, – заключила Лакост. – Ленивая?

– Похоже на то. Или, по крайней мере, немотивированная.

– Слушай, почему такой человек подает заявление в полицейскую академию? – спросила Лакост.

– Может, это вызов. Шутка. А когда ее приняли, она решила попробовать.

– Она показалась тебе шутницей?

– Нет.

Бовуар замолчал, думая о черноволосой девушке с бледным лицом. Девушке, полной противоречий.

– Создается впечатление, что она сама может о себе позаботиться, – сказала Лакост. – Непохоже, чтобы Ледюк смог такой воспользоваться.

Бовуар открыл рот, собираясь сказать что-то, набрал в грудь воздуха, но передумал.

– Ну же, говори, – велела Изабель.

Фары машины выхватили из темноты сугробы по обе стороны дороги и деревья без листьев, мертвые.

– Представь, каково это – в девятнадцать-двадцать лет оказаться на панели, – заговорил Бовуар. – Ты продаешь себя за деньги. Одурманиваешь себя наркотиками. И впереди видишь то же самое. И в девятнадцать лет ты знаешь, что твоя жизнь не станет лучше. Что бы ты стала делать?

Двое полицейских смотрели на искаженные, гротескные тени голых деревьев, отбрасываемые на снег в резком свете фар.

– Пустила бы пулю в лоб? – тихо спросил Бовуар. – Устроила передозировку? Или собрала остатки сил и прыгнула на спасательный плотик?

– То есть академия – ее спасательный плотик? – уточнила Лакост.

– Не знаю, это всего лишь предположение. Но я почти не сомневаюсь, что месье Гамаш так и подумал и стал грести ей навстречу. Ледюк отказал ей в приеме, если ты не знаешь.

– Мне казалось, что Ледюку именно такие сломленные люди и нужны.

– Нет, он предпочитал сам ломать людей.

– Чертов Ледюк, – выругалась Лакост. – Он знал ее историю и понимал, что у нее нет выбора – только подчиниться и помалкивать. Думаешь, это она его убила? Не могла больше это выносить и пристрелила из его же револьвера?

– Возможно, – ответил Бовуар.

– Но?..

– Я думаю, Ледюк имел в виду нечто большее, чем сексуальное вознаграждение. Я думаю, он был более изобретателен.

– Продолжай, – велела Лакост.

– Кто был самой большой угрозой для Сержа Ледюка?

– Ну это легко. Месье Гамаш.

– Вот именно. Ледюк знал, что он под колпаком у месье Гамаша. Должно быть, чувствовал, что кольцо сужается. Причем ему грозила не просто потеря работы, – если бы так, Гамаш уволил бы его несколько месяцев назад. Нет, как только Гамаш получил бы доказательства его криминальной деятельности, Ледюка арестовали бы. И на сей раз спасать его было бы некому. Вероятно, он впадал во все большее отчаяние.

– Да, – сказала Лакост, перед которой все яснее представала картина происходившего в академии, и эта картина ей все больше не нравилась.

– Ледюк мог остановить месье Гамаша двумя способами, – сказал Бовуар. – Убить его или полностью подорвать доверие к нему.

Мысли Лакост устремились вперед, предвидя дальнейшее развитие сценария.

– Карта, – поняла она. – Ледюк взял ее не для себя. Он взял ее, чтобы подложить на прикроватный столик Гамаша как доказательство того, что у коммандера интимные отношения с одним из кадетов. С Амелией Шоке.

– А если не для доказательства, то для того, чтобы посеять подозрения и распустить слухи. Мы знаем, какое это сильное средство.

– Никто бы ей не поверил, когда она стала бы отрицать, – сказала Лакост. – Всплыла бы ее история занятий проституцией. История, о которой знал месье Гамаш.

– А тот факт, что поначалу ей отказали в приеме, а месье Гамаш принял ее, – подхватил Бовуар. – Молодую женщину, которой, по всеобщему мнению, не место в академии. Одно это вызвало бы подозрения.

– Уже вызывает, – заметила Лакост. – Однако любой, кто знает месье Гамаша, ни за что в это не поверит.

– Верно, но кто в академии знает его? Кадеты? Их родители? Другие преподаватели? У него уже и так высокий рейтинг недоверия из-за перемен, которые он осуществил. Слухи трудно доказывать, но опровергать их еще труднее. Мы оба знаем, что оклеветать человека несложно. Нужно только высказать предположение. Удачное слово в чье-нибудь ухо.

– Все равно что пулю в мозг, – тихо произнесла Лакост, представляя себе, как разлетаются шепотки, губительные для репутации человека.

– А когда слухи доходят до медиа и общественности… – сказал Жан

Ги.

– Но месье Гамаша это не испугало бы, – возразила Лакост. – На него обрушивались несчастья и покруче. Он, его друзья и семья все равно знали бы правду.

– Это не важно. Все, что нужно было Ледюку, – это подорвать доверие к коммандеру. И тогда обвинение Ледюка в криминальной деятельности выглядело бы как действия отчаявшегося человека, загнанного в угол.

– Ледюк мог остановить расследование Гамаша и другим способом, – медленно проговорила Лакост. – Более надежным, чем шантаж или клевета. В конце концов, если бы месье Гамаш собрал доказательства преступлений Ледюка, обвинения все равно были бы предъявлены. И мнение людей о Гамаше не имело бы значения. Свидетельства против Ледюка говорили бы сами за себя. Нет, Ледюку требовалось полностью остановить расследование. А что могло заставить Гамаша остановиться?

Бовуар молчал. У него тоже появлялась такая мысль, но он предпочел ничего не говорить. Мог бы и догадаться, что Изабель Лакост тоже поймет. Хотя, возможно, она имела в виду что-то другое.

– Гамаш говорил, что недавно ему показалось, будто какая-то машина выследила его до самого дома в Трех Соснах, – сказала Лакост, и Бовуар досадливо поморщился. – Что, если за ним ехал Ледюк? – продолжала она. – Что, если он выслеживал Гамаша и карту?

– И это привело его в деревню, – сказал Бовуар.

– И это привело его к решению проблемы.

Они сидели в напряженном молчании, одолеваемые мрачными мыслями.

– Ты не думаешь… – начала Лакост.

– Что Желина прав? – спросил Бовуар. – Что Сержа Ледюка убил месье Гамаш? Non. – Жан Ги уверенно покачал головой. – Он бы никогда не убил невооруженного человека. И уж совершенно точно не стал бы делать это в академии. Non. Смешно.

– Но предположим, что Ледюк выяснил, где живет Гамаш, и у него оказалась карта, чтобы повторить маршрут, – гнула свое Лакост. – И он мог в любое время найти дорогу в Три Сосны.

Бовуар уставился перед собой, моргая.

Но Изабель Лакост продолжала продвигаться вперед, туда, куда отказывался заходить Бовуар. Все глубже в чащу.

– Предположим, он знал, что Гамаш собирается предъявить ему обвинения. Предположим, они позже встретились в комнате Ледюка и тот стал угрожать мадам Гамаш. Или…

– Анни.

Одна только мысль о том, что кому-то могло прийти в голову причинить вред его беременной жене, привела Жана Ги в ярость.

И он понимал, что гипотеза, которую прорабатывает Лакост, возможна. Не вероятна. Но возможна. Всего лишь.

Потому что он мог представить, как сам делает нечто подобное.

– Я не думаю, что месье Гамаш убил Ледюка, – сказал Бовуар. – Но даже если бы он это сделал – в приступе ярости, чтобы защитить свою семью, – он бы признался.

Изабель Лакост кивнула. Она склонна была согласиться. Но с другой стороны, кто знает, на что способны люди в такой ситуации? Желина был прав в одном. Никто лучше Армана Гамаша не сумел бы устроить инсценировку на месте преступления, чтобы запутать следствие.

– Тут есть еще одна странность, Жан Ги.

Когда она назвала его по имени, он понял, что это серьезно. И не для протокола.

– Oui?

– Заместитель комиссара Желина сказал сегодня утром на совещании, что месье Гамаш просил, чтобы к нам на расследование назначили конкретно Желина.

Бовуар забыл об этом под давлением других обстоятельств.

– Я думал, что запрос делала ты, – удивился он.

– Да, я тоже так думала. Но месье Гамаш признался, что просил именно о Желина. Он даже сказал, что сделал это, потому что восхищается заместителем комиссара.

– То есть месье Гамаш действовал у тебя за спиной? – спросил Бовуар. – И устроил так, что заместителя комиссара КККП назначили независимым наблюдателем?

– Да.

– Почему?

Его тесть сделал столько всего несвойственного для него. Что, если среди этих несвойственных ему вещей было и убийство?

– У меня дурные предчувствия, Жан Ги.

Бовуар молчал. Он не хотел соглашаться, но возразить было нечего.

Мир впереди них исчез. Искаженные тени, сугробы, даже дорога. Остались только звезды и темное небо. И на одно головокружительное мгновение ему показалось, что они достигли конца света и летят в бездну.

Но потом капот машины опустился, и словно из ниоткуда появилась веселая маленькая деревня Три Сосны.

Глава тридцатая

– Как бы ты назвала группу кадетов Полицейской академии Квебека? – спросила Мирна, кивая в сторону четверки, жадно заглатывающей колу и картофель фри из горки в центре стола на другом конце переполненного бистро.

– Ты о чем? – Рут говорила в стакан, отчего ее слова обволакивал алкогольный туман.

– Ну, скажем, есть стая гиен, – сказала Мирна, глядя на кормящихся кадетов.

– Щенячий выводок, – предложил свой вариант Оливье, который принес еще два пузатых бокала с красным вином на их столик у камина. – Это Кларе и Рейн-Мари, не трогайте. – Он бросил на Рут уничижительный взгляд и получил такой же в ответ. – Они только что закончили выгуливать собак. Я жду их в любую минуту.

– Собак? – переспросил Габри. – Ты не слишком оптимистичен, mon beau?

Грейси прожила у Гамашей уже несколько дней, но не стала ни на йоту более похожа на щенка. По правде говоря, она была похожа на что угодно, только не на Грейси[57].

Габри потянулся к куску багета с долькой выдержанного сыра стилтон и мазком желе из красного перца сверху и едва увернулся от Розы, которая, похоже, вознамерилась клевать его каждый раз, когда он тянется за едой или стаканом.

– Стайка бабочек, – сказала Мирна.

– A confit de canard[58]. – Габри сердито уставился на Розу.

– Слышу-слышу, – сказала Рут, ставя свой стакан и беря бокал с красным вином. – Наконец-то ты сказал что-то, что может меня заинтересовать.

– Теперь я могу умереть счастливой, – сказала Мирна.

Рут посмотрела на нее с надеждой и явно была разочарована, когда Мирна не отдала концы.

– Так как ты назовешь сборище кадетов? – спросила Мирна.

– Разочарование? – предложила Рут. – Нет, постой. Это про детей. Кадеты? Как *ты* назовешь группу кадетов?

– Привет, – сказала Рейн-Мари, подходя вместе с Кларой. – Группу чего?

Мирна объяснила, потом извинилась и через несколько минут вернулась с толстенным справочником из своего магазина. Она плюхнулась на свою сторону дивана, отчего Рут едва не взлетела в воздух.

– Я всегда подозревал, что Рут кончит жизнь пятном на стене, – сказал Габри Кларе. – Но вот чтобы на потолке… – Он повернулся к Мирне. – Я дам тебе пять долларов, только сделай это еще раз. Может быть, на следующей ярмарке мы устроим такую игру. Победитель получает фаршированную утку.

– Пидор, – пробормотала Рут, отирая клюв Розы от красного вина.

Не в первый раз, заподозрили остальные.

– Карга, – откликнулся Габри.

– Ты знаешь этих людей? – спросила Клара у Рейн-Мари.

– Впервые вижу, – ответила Рейн-Мари, поудобнее устраиваясь в кресле и протягивая Кларе оставшийся бокал красного вина.

– Подумать только, – сказала Клара, – ведь мы могли бы выпить вина в спокойной обстановке у меня в мастерской.

Именно таков был первоначальный план. Анри, Грейси и Лео будут играть вместе, Рейн-Мари – разбирать коробку архивных материалов исторического общества, а Клара – рисовать.

Пока не пришла Рейн-Мари и не увидела, что Клара сделала со своим портретом.

Вообще-то, она писала автопортрет. Но потом что-то случилось. Портрет изменился, эволюционировал. И не по Дарвину. Рейн-Мари не могла не признать, что улучшения вида гомо сапиенс не произошло.

Впервые со времени знакомства с Кларой и ее удивительными портретами у Рейн-Мари возникло щемящее ощущение, что Клара потеряла связь с действительностью.

Несколько минут они молча просидели в мастерской. Клара работала. Анри забрался на диван – щенки вконец его измотали – и положил голову на колени Рейн-Мари. Она поглаживала его экстравагантные уши, и оба они смотрели, как играют Грейси и Лео.

Автопортрет Клары перестал быть похожим на нее. Блестящая работа потеряла всякий блеск. Нос искривился, губы странно изогнулись, да и с глазами стало что-то не так.

В них появилась жестокость. Желание причинить боль. Они смотрели на Рейн-Мари, будто искали жертву. Она взглянула в зеркало, прислоненное к креслу, недоумевая, что из увиденного там заставило Клару сделать это.

– Что скажешь? – спросила Клара, потом зажала кисть между зубами, словно удила, и посмотрела на свою работу.

Когда-то Клара говорила, что ее портреты начинаются комком в горле, но сейчас этот комок встал в горле у Рейн-Мари.

– Блестяще, – похвалила она. – Это для выставки или для себя?

– Для себя, – сказала Клара, слезая с табурета.

«Ну и слава богу», – подумала Рейн-Мари, которой пришлось напомнить себе, что искусство есть процесс. Искусство есть процесс.

Искусство есть процесс.

– Пойдем-ка в бистро, – сказала она, поднимаясь с дивана, так как больше не могла смотреть на то, что делает Клара. – Арман уже на пути домой – наверное, будет искать меня там.

– Он, вообще-то, знает, что у него здесь дом? – спросила Клара, положив кисть и вытирая руки.

Рейн-Мари рассмеялась и взяла коробку со старыми фотографиями, которую хотела разобрать.

– Он считает, что наш дом – филиал бистро.

– Он недалек от истины, – заметила Клара.

Пока она умывалась, Рейн-Мари отвела Анри и Грейси домой, а потом дождалась подругу у дверей бистро.

В окне они видели четырех кадетов, поедающих картошку фри, жестикулирующих, спорящих. На столе между ними лежала карта. Они напоминали генералов, обсуждающих план сражения.

Очень молодых генералов и очень странный план.

– Арман не говорил тебе, зачем он заставляет их гоняться с этой картой? – спросила Клара.

– Нет. Я думаю, это началось как шутка. Упражнение. А после убийства стало чем-то еще.

– Но чем? – осведомилась Клара. – Не понимаю, какое отношение карта может иметь к убийству преподавателя.

– И я тоже, – признала Рейн-Мари. – Не уверена, что и Арман знает. Может, никакого.

– Забавно, как часто ничто превращается во что-то, когда Арман рядом. Ну, по крайней мере, они чем-то заняты. Целый день отсутствовали.

Две женщины продолжали разглядывать кадетов через окна. Но вскоре Рейн-Мари поняла, что Клара смотрит вовсе не на кадетов. Она смотрит только на одного. Внимательно.

– Тебе это как снег на голову, да, Клара? Чужой человек в доме.

– Амелия? – Клара немного помолчала, разглядывая девушку. – Интересно, сколько ей лет.

– Арман должен знать. Девятнадцать или двадцать, наверное.

– При определенном свете она кажется совсем молодой. Может, дело в ее коже. Но потом она поворачивается, и выражение лица меняется. Она как призма.

Замерзнув на прохладном мартовском воздухе, две женщины вошли в бистро и присоединились к остальным у камина.

– Свора кошек? – предложил Габри, читая громадный справочник, открытый на коленях у Мирны.

– Напасть, – проворчала Рут.

– Pardon? – спросила Рейн-Мари.

– Мы про кадетов, – ответила Рут, показывая бокалом на четверых молодых людей, которые о чем-то оживленно разговаривали. – Напасть кадетов.

– А мне кажется, это напасть поэтов, – заметил Габри.

– Ой, ладно.

– Что мы ему скажем? – спросила Хуэйфэнь, потянувшись за ломтиком картофеля, хотя чувствовала, что ее уже подташнивает и желудок набит полностью. Господи, последний кусочек явно был лишним. – Уже почти семь. Он может появиться в любую минуту. Вот черт!

В окне мелькнул свет фар.

– Приехал.

Яркий свет выхватил из полумрака их лица, и тут Рейн-Мари поняла, что имела в виду Клара. На лице Хуэйфэнь была тревога. Натаниэль определенно побаивался. Жак словно принял защитную стойку и подыскивал оправдания.

А Амелия казалась отстраненной. Как будто знала, что случится. Давно этого ждала, целую жизнь. А может, и дольше.

Она казалась старой. И очень-очень молодой.

Она немного напоминала юношу с витражного окна.

И немного напоминала лицо с портрета в мастерской Клары. Рейн-Мари удивленно посмотрела на подругу.

Жан Ги и Изабель вышли из машины. Снег, весь день таявший на солнце, опять стал подмерзать.

– Соку будет много, – сказал Жан Ги, постукивая на морозце перчаткой о перчатку.

Он повернулся и посмотрел на вершину холма, где появились автомобильные фары, горящие, как глаза.

– Хороший год для кленового сиропа, – сказала Изабель. – На этих

выходных мы везем детей в cabane à sucre[59].

Жан Ги почувствовал прилив необыкновенной радости, словно свежее дыхание на лице. На следующий год они с Анни повезут своего ребенка в кленовый сахарный домик на ежегодный праздник варки кленового сахара. Они возьмут напрокат лошадь с санками и поедут вглубь леса, к сахарному домику. Будут слушать скрипку, смотреть, как танцуют люди, есть яйца, бекон, печеные бобы и сладкий, липкий tire d’érable, вареный кленовый сок, который выливают на весенний снег и превращают в тянучку. А потом накручивают на прутик, как леденец на палочке.

То же самое и он делал ребенком. Это была традиция, часть их patrimoine. Они передадут ее детям. Его и Анни сыну или дочери.

Он посмотрел на бистро и увидел кадетов, тоже чьих-то сыновей и дочерей, уставившихся на них.

И почувствовал непреодолимую потребность защитить их.

– Он уже здесь, – сказала Изабель, и Жан Ги повернулся.

Сразу за машиной, на которой приехали они, остановилась другая машина. Из нее вышли заместитель комиссара Желина и Арман Гамаш. Желина направился к ним, хрустя подошвами по недавно схватившемуся ледку, а Гамаш остановился, запрокинул голову и посмотрел в вечернее небо.

А потом опустил голову и взглянул на Жана Ги.

И в этот момент Жан Ги понял, что чувствовал старший инспектор Гамаш все те годы, когда возглавлял отдел по расследованию убийств и командовал молодыми агентами.

И терял этих агентов, пока потери не стали слишком большими. Пока его сердце не разлетелось на множество кусков, которые пришлось собирать заново. Когда это случилось, он переехал сюда. Чтобы обрести покой.

Но месье Гамаш обменял свой покой на безопасность кадетов. Он оставил дом, чтобы вычистить академию, чтобы следующие поколения молодых агентов могли дожить до седых волос. И в один прекрасный день уйти в отставку, обрести свой собственный мир и найти радость во внуках.

Жан Ги Бовуар смотрел на приближающегося Армана Гамаша и ощущал непреодолимую потребность защитить его.

Он тут же опустил глаза и уставился себе под ноги, смиряя эмоции.

«Гормоны, – подумал он. – Чертова беременность».

В машине Гамаш и Желина говорили о разных мелочах, потом разговор иссяк, и каждый остался наедине с собственными мыслями.

Поль Желина понятия не имел, что происходит в голове Гамаша, сам же он был занят своими находками. Обдумывал, что они означают. И как их можно сделать актуальными и полезными.

Весь день он собирал информацию о Мишеле Бребёфе и Армане Гамаше. Занятие почти что археологическое. Раскопки и грязь. И обломки вещей.

Желина думал, что Бребёф и Гамаш познакомились в академии, деля комнату на двоих, но скоро выяснилось, что он ошибался. Их дружба началась в детстве, на улицах Монреаля. Они были соседями. Ходили в один детский сад, играли за одну команду, знакомились с девушками и вчетвером ходили на танцы. Шесть месяцев провели в путешествии по Европе, после чего поступили в академию. Вместе.

Надолго они расставались только однажды, когда Арман Гамаш уехал в Кембридж изучать историю. Тогда-то он и выучил английский. Бребёф остался здесь и поступил в Университет Лаваля в Квебек-Сити.

Они были друг у друга шаферами на свадьбах, затем стали крестными отцами детей.

Мишель Бребёф преуспел в Квебекской полиции, быстро дослужился до суперинтенданта. Стал претендентом на пост старшего суперинтенданта.

Арман Гамаш быстро дослужился до старшего инспектора отдела по расследованию убийств, и его подразделение стало одним из лучших в стране.

А потом его продвижение вверх застопорилось. Он видел, как продолжается возвышение его лучшего друга.

Но не чувствовал ни капли зависти. За пределами службы они оставались близкими друзьями, а на работе были доброжелательными коллегами.

Они жили бок о бок. Пока две дороги – личная и профессиональная – не пересеклись. А потом покатились вниз. Быстро покатились.

До Армана Гамаша доходили слухи о том, что в Квебекской полиции не все в порядке. Скандалы, конечно, всегда случались. Злоупотребления служебным положением. Но в таких случаях старшее начальство, включая Бребёфа, быстро принимало меры.

Однако это было что-то другое. Такое огромное, что его и не разглядеть, в масштабах, не поддающихся осознанию.

Поначалу Гамаш не обращал внимания на слухи. Они приходили по неофициальным каналам и нередко от людей, у которых имелись свои причины чернить Квебекскую полицию.

Но потом что-то привлекло его внимание, и он начал тайное расследование.

Началось все на северных территориях. Среди племен кри и эскимосов. В отдаленных районах, куда почти невозможно было проникнуть. И понятно почему.

Как ни старался Гамаш, подтвердить слухи не удавалось.

До тех пор, пока однажды днем на скамейке близ «Шато Фронтенак»[60] в Квебек-Сити он не встретил старуху из индейского племени кри. Ее соплеменники несколько месяцев собирали деньги, чтобы отправить ее на юг поговорить с вождями. Рассказать им об избиениях и убийствах. О пропавших людях. Их положение стало настолько ужасным, что они наконец решили довериться белым властям.

Но никто ее не слушал. Никто даже в дверь ее не впустил.

И тогда она села на скамейку. Уставшая, голодная, без денег и надежды.

Но тут к ней подсел крупный человек с добрыми глазами. И спросил, не нуждается ли она в помощи.

Она рассказала ему все. Все. Не зная, кто он. Выбора у нее не оставалось. Он был последним домом, последним ухом, последней надеждой.

Он выслушал и поверил ей.

Так началась схватка, которая длилась не один год и привела к двери того человека, которому Гамаш доверял, как самому себе.

К двери Мишеля Бребёфа.

Порча, однако, зашла еще глубже, и все закончилось катастрофой. Но не в таком масштабе, как было бы, если бы не вмешался Арман Гамаш.

Бребёфа изгнали, а Гамаш ушел в отставку, потерял работу и чуть не потерял жизнь.

Желина знал, что та борьба еще не закончилась.

Квебекскую полицию вычистили, но порча осталась в академии. Тренировочной базе жестокости и коррупции.

Болезнь, которая разъедала Квебекскую полицию, и последующие события стали хорошо известны общественности. Средства массовой информации были беспощадны, рассказывая о том, что происходило в полиции.

Желина заинтересовался тем, что так и осталось тогда неизвестным, – личной жизнью участников тех событий.

Он копал и копал целый день. Пока не закопался в грязь.

Несмотря на профессиональную продажность, личная жизнь Мишеля

Бребёфа казалась незапятнанной. Он женился. В семье появилось трое детей. Он состоял в разных клубах.

Бребёф был идеальным мужем, отцом и дедом. Но его личная жизнь разрушилась, когда стала известна степень его служебной деградации. Жена ушла от него, между ним и детьми образовалась трещина, которую не удавалось заделать.

Но у грязи, которую нашел офицер КККП, был другой источник.

Не Бребёф. А Гамаш.

Желина обнаружил это, когда копнул достаточно глубоко личную жизнь Армана Гамаша и отыскал несколько строчек в давно позабытых документах. Слова распрямились и преобразовались. И сошли со страницы. В настоящее.

Прямо в руки человека, которого поставили наблюдать за беспристрастностью следствия.

– Косяк рыб, – прочла Мирна в справочнике, улыбаясь и весело покачивая головой, потом подняла глаза и увидела Армана и других.

Рейн-Мари поднялась, чтобы встретить мужа.

– Мы играем, – объяснила она. – Именуем группы животных.

– Начали с попытки найти коллективное имя для группы кадетов, – сказала Мирна, показывая на четверку молодых людей.

– Я думаю, это мрак кадетов, – сказала Рут.

Поль Желина потер лоб и ухмыльнулся. Он впервые попал в бистро, и его слегка ошеломил интерьер – балки под потолком, камины и дощатые полы. И старуха с уткой.

Затем его взгляд упал на кадетов.

Не заметить Амелию Шоке было невозможно, как и перепутать ее с кем-то.

Пока Желина смотрел на нее, она тоже смотрела. Куда-то мимо него. Раскрыв рот достаточно широко, чтобы он заметил штифтик в ее языке.

Желина повернулся посмотреть, кто же так очаровал юную готку.

Оказалось, это Изабель Лакост. Полная противоположность Амелии Шоке.

– Но потом мы перешли к группам животных, – рассказывала Мирна.

– Шайка медведей, – вступил в разговор Желина. – Что-то в этом роде?

– Именно, – сказала Клара. – Спасибо. Включаю вас в мою команду.

– А у нас тут команды? – удивился Габри и отпрянул от Рут.

– Ты кто? – прищурилась Рут на Желина.

Гамаш представил ей заместителя комиссара КККП.

– Bonjour, – сказал тот, протягивая Рут руку.
Она выставила ему средний палец:
– И еще один для лошади, на которой ты приехал, Ренфрю[61].
– Не подходите слишком близко, – прошептал ему Габри. – Если она вас укусит, вы взбеситесь.
Желина отдернул руку.
– Единственное, что я знаю, – это туча ворон, – сказала Лакост.
– Ты прямо сейчас это придумала, – сказал Бовуар. – С чего это ворон называть тучей?
– Забавно, что вы спрашиваете, – заметила Мирна и прочитала в своем справочнике: – «Так называют большое скопление ворон».
– C’est ridicule[62], – отрезал Бовуар.
Его взгляд прошелся по переполненному бистро и остановился на кадетах.
– Скопище ошибок, – уверенно произнесла Рут. – Вот кто они.
Гамаш издал гортанный звук, что-то среднее между весельем и изумлением.

Глава тридцать первая

– Bonjour, – сказала Лакост, подойдя к столу с кадетами.

Все четверо встали. Она представилась тем, кто ее еще не знал:

– Я старший инспектор Лакост. Я возглавляю следствие по делу об убийстве Сержа Ледюка.

Для Амелии это было все равно что смотреть пьесу. В повторе.

Глава отдела по расследованию убийств стояла перед ней, невысокая, сдержанная, в свободных брюках и свитере с шелковым шарфиком, а у нее за спиной уважительно стояли трое крупных мужчин.

– Это заместитель комиссара КККП Желина, – сказала Лакост, и Желина кивнул кадетам. – Коммандера Гамаша и инспектора Бовуара вы, конечно, знаете.

Четыре старших офицера. Четыре кадета. Словно снимки «до» и «после».

Оливье подтащил еще один столик, и они сели: следователи по одну сторону, кадеты – по другую. Глядя друг на друга.

– Что вы узнали про карту? – спросил коммандер Гамаш.

– Ничего, – сказал Жак.

– Неправда, – возразил Натаниэль. – Мы много чего нашли.

– Просто от найденного никакой пользы.

На это никто не стал возражать.

Они рассказали то, что им удалось выяснить о картографе Антони Тюркотте. При этом они поглядывали на копию сделанной им карты, сидя неподалеку от стены, в которой карта пролежала почти сто лет.

На копии карты все еще оставался красный подтек от клубничного варенья. И остатки сахарной пудры. Поэтому казалось, что они смотрят на каплю крови на снегу.

– Вы хорошо поработали, – искренне сказала Лакост. – Выяснили, кто нарисовал карту, и подтвердили, что это, вероятно, карта для ориентирования на местности.

– Может быть, Тюркотт понимал, что война вот-вот начнется, и хотел получше подготовить сына, – сказал Бовуар и подумал о том, как бы это мог делать отец.

«Что чувствует отец, видя войну на горизонте? Как бы поступил я?» – спрашивал себя Жан Ги.

И он знал, что стал бы делать. Он либо спрятал бы своего ребенка,

либо подготовил бы его.

Жан Ги опустил глаза на карту и вдруг понял, что это вовсе не карта. По крайней мере, не карта местности. А карта любви отца к сыну.

– Однако тут есть проблема, – сказала Хуэйфэнь.

– Проблемы есть всегда, – заметил коммандер Гамаш.

– Нет никаких документов, которые свидетельствовали бы о том, что Тюркотт владел этим домом. Или каким-нибудь другим.

– Возможно, он его снимал, – предположил Бовуар.

– Возможно, – сказал Жак. – Но Антони Тюркотта мы вообще нигде не нашли. Ни в каких архивах.

– О нем есть упоминание в Канадской энциклопедии, – сказала Амелия с пылкостью, какой Гамаш еще не слышал в ее голосе.

Она протянула ксерокопию Лакост.

– Merci, – сказала Лакост и, изучив бумагу, передала ее другим. – Судя по этому документу, месье Тюркотт в конечном счете переехал в деревню под названием Стропила. Там он и похоронен.

– Стропила? – в один голос переспросили остальные офицеры.

* * *

– Что они сказали? – требовательно спросила Рут.

– Может, я ослышался, – ответил Габри, – но это прозвучало как Стропила.

– О да, я знаю эту деревню, – сказала Рут. – В нескольких километрах по дороге.

– Конечно, – подхватил Габри. – Неподалеку от Асфальтовой Дранки.

– Не слушайте его, – попросил Оливье. – Ему просто нравится говорить «асфальт».

– Никогда не слышала про такую деревню. – Клара посмотрела на Мирну и Рейн-Мари, обе в ответ отрицательно покачали головой.

– Теперь ее называют Стропилами только старики-англо, – объяснила Рут. – Топонимическая комиссия давно изменила название на Нотр-Дам-де-Долёр.

– Богоматерь Боли? – переспросила Мирна. – Ты не шутишь? Кто же так называет деревню?

– Боли, – проговорила Рейн-Мари. – Или, может, скорби.

Богоматерь Скорби.

Звучало ненамного лучше.

– Господи Исусе, – сказал Габри. – Вы можете себе представить туристические зазывалки?

– Стропила? – переспросил Бовуар. – Кто же так назвал деревню?

– Судя по всему, Антони Тюркотт, – ответила Хуэйфэнь. – Это его единственная большая ошибка в картографии.

Она пояснила свои слова.

– Вы там побывали? – спросил Гамаш.

Наступило молчание, никто из кадетов не хотел отвечать на вопрос.

– Тот топонимист сказал, что деревня вымерла, – ответила наконец Хуэйфэнь.

– И все же, вероятно, стоит съездить посмотреть, – сказала Лакост. – Ну, чтобы увидеть своими глазами.

– Что увидеть? – спросил Жак и получил в ответ ее испепеляющий взгляд.

– Мы ведь не знаем, правда? Разве не в этом суть следствия? В следствии.

Амелия закивала, словно услышала вековую мудрость.

– Если Тюркотт нарисовал карту для своего сына, – Гамаш прикоснулся к краешку карты, – значит фамилия солдата тоже Тюркотт.

– Вот еще одна проблема, – сказала Хуэйфэнь. – В мемориальном списке нет ни одного Тюркотта.

– Может быть, он не погиб, – сказал Натаниэль.

Он так долго смотрел на молодого солдата, что почти влюбился в него. Теперь этот юноша так или иначе мертв. Или стал глубоким стариком и лежит в кровати.

– Вы тоже так считаете? – спросила Амелия, обращаясь к старшему инспектору Лакост.

– А вы? – ответила вопросом Лакост.

Амелия медленно покачала головой:

– Кто бы он ни был, домой он не вернулся.

– Почему вы так думаете?

– Посмотрите на его лицо, – сказала Амелия. – Никто с таким выражением лица не смог бы выжить.

– Может быть, этого юноши никогда и не было. Может быть, это собирательный образ всех молодых людей, погибших на войне, – сказал Бовуар.

– Витражная версия неизвестного солдата, – сказал Гамаш и задумался. – Солдат, символизирующий все страдания. Возможно. Но он

кажется таким реальным. Таким живым. Я думаю, он существовал. Недолго.

– Про что они говорят сейчас? – спросила Рут.

– Про солдата с витража, – ответила Рейн-Мари. – Они говорят, что его, возможно, звали Тюркотт.

Рут покачала головой:

– Сен-Сир, Соси, Тюрнер. На стене нет никаких Тюркоттов.

* * *

– Он где-то там, – сказал Гамаш. – Одно из имен принадлежит этому юноше.

И опять Хуэйфэнь достала телефон и продемонстрировала фотографию списка с именами.

Все наклонились над столом и принялись читать. Словно мертвый мальчик мог заявить о себе.

– Он где-то там, – сказала Рут. – Может, не Тюркотт, но один из них. Этьенн Адер, Тедди Адамс, Марк Больё…

«Они были нашими детьми», – подумал Жан Ги.

– Берт Маршалл, Дени Перрон, Гидди Пуарье…

– Нам нужно будет поговорить с каждым из вас, – сказал Желина. – По одному. Начиная, пожалуй, с вас.

Он посмотрел на Амелию.

– Жо Валуа, Норм Валуа, Пьер Валуа.

Они слушали Рут. Одно дело было читать имена на дереве, и совсем другое – слышать их. Голос старой поэтессы звучал как колокол. Они искали одного юношу среди убитых.

– Тут есть отдельная комната, – сказал Гамаш, вместе с другими поднимаясь на ноги.

– Merci, – сказал Желина. – Но я не думаю, что вы нам нужны, коммандер.

– Простите? – сказал Гамаш.

– С этого момента мы можем сами.

– Не сомневаюсь, что вы можете, но я хочу присутствовать во время ваших разговоров с кадетами.

Кадеты, а также Лакост и Бовуар переводили взгляд с Гамаша на Желина, стоящих друг против друга. У каждого вежливое выражение на непримиримом лице.

– Я настаиваю, – сказал Гамаш.

– На каком основании?

– In loco parentis, – ответил Гамаш.

– Что он сказал? – спросила Рут.

Гул разговоров вокруг них продолжался, лишь изредка прерываемый взрывами смеха.

– Какой-то локоть, – сообщила Клара.

– И что-то про пародонтоз, – добавил Габри.

– При чем тут пародонтоз? – удивилась Рут.

– In loco parentis, – пояснила Рейн-Мари. – Это латынь. Выступающий вместо родителя.

– Вы хотите выступать вместо родителя? – спросил Желина то ли с изумлением, то ли с недоверием. – Выступать в качестве ее отца?

– В качестве родителей всех их, – сказал Гамаш. – Кадеты доверены мне.

– Я не ребенок, – отрезала Амелия.

– Я не собираюсь попечительствовать…

– Именно это вы и хотите делать, – сказала Амелия. – In loco parentis имеет точно такой смысл.

– Мы можем связаться с ее отцом, если хотите, коммандер, – сказал Желина. – Если это сделает вас счастливым. Возможно, он появится здесь уже через час.

– Нет, – возразила Амелия.

Гамаш ничего не сказал, но вид у него был испуганный. Всего одно мгновение. Словно ему отвесили пощечину.

Рейн-Мари с другого конца комнаты заметила замешательство мужа и подумала: заметил ли кто-то еще?

– Не сердитесь на месье Гамаша, – сказал Желина Амелии. – Он с этим ничего не может поделать. Я подозреваю, что у него слишком развит родительский инстинкт. Он не хочет, чтобы кто-то еще страдал так, как

страдал он.

– Вы это о чем? – спросила Хуэйфэнь.

– Прекратите, комиссар, – предостерег его Гамаш.

– Его родители погибли в результате аварии, учиненной пьяным водителем, когда месье Гамаш был ребенком. Водителю тогда было чуть меньше, чем вам сейчас, – сказал он кадетам. – Вам тогда сколько было? – спросил он у Гамаша, который смотрел на него, едва сдерживая ярость. – Восемь? Девять?

– Зачем вы поднимаете эту тему? – потребовал ответа Бовуар. – Она не имеет никакого отношения к делу.

– Неужели? – спросил Желина и в тяжелой тишине уставился на Гамаша. Потом продолжил: – В конце концов, кадеты должны понимать, что у нас у всех есть свой груз на плечах. Вы не согласны, коммандер? Тяжесть, которую мы несем на себе всю жизнь. Подобные вещи могут испортить нам существование. Или сделать нас сильными. Они могут озлобить нас или научить состраданию. Они могут заставить нас совершать то, на что мы не считали себя способными. Привести к замечательным жизненным успехам. Например, к званиям старшего инспектора и коммандера. Или ко всяким ужасам. Мрачным, темным поступкам. Может быть, Мишель Бребёф – не единственная наглядная иллюстрация. Может, они могут чему-то научиться и на вашем примере, месье Гамаш.

Теперь все бистро смотрело и слушало.

– Кадетам неудобно, – произнесла Рут.

И она была права. Но поеживались не только кадеты. Все посетители бистро ерзали на своих местах, один лишь Гамаш стоял совершенно неподвижно.

– Видите, – Поль Желина обратился к кадетам, – вы не единственные, у кого было несчастливое детство. Кого-то били. Кого-то унижали. Кого-то игнорировали. А кто-то ждал дома маму и папу, но они так и не вернулись.

Он смерил Гамаша взглядом – годится ли тот в качестве примера.

– Представьте, что это значит для ребенка. Но все же он смог подняться. – Он снова посмотрел на кадетов. – И вы тоже сможете.

Рейн-Мари встала и подошла к мужу, взяла его за руку.

– Прекратите, месье, – сказала она коннику.

– Мадам, – офицер КККП слегка поклонился. – Я не имел в виду ничего плохого. Просто важно, чтобы эти учащиеся понимали, что такой же груз несут и все остальные и его нельзя использовать как оправдание собственной жестокости.

– Он прав, – сказал Гамаш ледяным тоном. – Каждый из нас делает

свой выбор.

Он обращался напрямую к Желина, который повел плечами, словно какой-то крохотный, острый предмет вставили ему между лопаток.

– Bon, – решительно сказал Желина. – Проводится активное полицейское расследование. Старший инспектор Лакост была настолько добра, что до сего времени не возражала против вашего участия…

– И я не вижу причин исключать коммандера Гамаша из следствия теперь, – заявила Лакост.

– Но я вижу. И как независимый следователь, я полагаю, что пришло время, когда он должен отойти в сторону. Будь он кем-нибудь другим, он бы не стал так активно участвовать в деле. Мы должны относиться к месье Гамашу как к любому другому подозреваемому.

– Подозреваемому? – переспросила Рейн-Мари, и по бистро пробежал ропот удивления.

– Да, конечно, – ответил Желина. – Ваш муж не выше закона и не выше подозрений.

– Все в порядке, – сказал Арман, сжимая ее руку. – Заместитель комиссара Желина снова прав.

Он чуть отступил от Желина. От кадетов. От Лакост и Бовуара.

У дверей отдельной комнаты Бовуар оглянулся и увидел, что Гамаш смотрит им вслед. Нет, не им, понял Жан Ги.

Гамаш смотрел на Амелию Шоке.

Бовуар взглянул на Рейн-Мари, которая не сводила глаз с мужа.

Встревоженная.

Бовуар проследил взглядом за Амелией, когда она проходила мимо него в комнату, и спросил себя, какие отношения связывают ее с Гамашем, если тот смотрит на нее такими глазами.

Ему пришла в голову одна мысль. Нежелательная. Недостойная.

Бовуар закрыл дверь, отгораживаясь от этого человека и от этой мысли.

Однако калитка уже приоткрылась, и предательская мысль проскользнула внутрь.

In loco parentis. На самом ли деле «вместо»?

Глава тридцать вторая

– Насколько хорошо вы знали преподавателя Ледюка? – спросила Изабель Лакост.

Она посадила Амелию справа от себя, а двоих мужчин – дальше за столом, справа от кадета, и голова Амелии была повернута к ней, и только к ней.

Этот метод Лакост освоила на заре своей карьеры в отделе. Если многие следователи-мужчины применяли тактику устрашения, когда два или три агента окружают подозреваемого, выстреливают в него вопросами, пытаются выбить из равновесия. Лакост предпочитала иной метод.

Она создавала атмосферу безусловного доверия. Некое подобие заговора. Изабель Лакост не удивлялась, когда эта тактика хорошо срабатывала с женщинами, которых она допрашивала. Удивляло то, что ее метод так же хорошо работал и с мужчинами.

К жесткому напору они были подготовлены, но не имели защиты против доверительного, даже дружеского разговора.

– Не очень хорошо, – ответила Амелия. – Профессор Ледюк читал курс по предотвращению преступлений.

– Я помню, как ненавидела этот курс. Я хотела узнавать про оружие и тактику, – со смешком сказала Лакост. – Он был хорошим преподавателем?

– Не очень. Я думаю, что и он не очень любил свой предмет. Он ведь прежде возглавлял академию, верно?

– Неофициально, но по существу да, возглавлял. Пока не пришел месье Гамаш.

Амелия кивнула.

Изабель Лакост внимательно смотрела на нее. Она видела то, о чем говорил Бовуар. Кадет Шоке в любом месте оставалась бы белой вороной, а особенно в Полицейской академии Квебека. Она выделялась на фоне других. Но, кроме того, выпадала из ряда вон.

Лакост обратила внимание на пирсинги. Колечки и штифтики, похожие на пульки. Девушка, пронзенная во всех местах. Может, это удерживает ее как единое целое. Как Железного Дровосека из страны Оз. В поисках сердца.

Из-под ее одежды то и дело вылезали края татуировок.

Глаза, обращенные к Лакост, были яркие, вопрошающие. Тлеющие, но не горящие. Однако дыма без огня, как известно…

Это была молодая женщина удивительного интеллекта и проницательности. Девушка, не боящаяся быть не такой, как все. Но это не означало, что она ничего не боится.

Изабель знала, что у каждого есть свои страхи. Может быть, молодая женщина боялась быть такой, как все.

Она, вероятно, очень одинока, подумала Лакост. Мы все ищем утешения в чем-нибудь. Кто-то – в дружбе, семье, вере. Кто-то – в наркотиках, алкоголе, еде, азартных играх или добрых делах. Кто-то – в случайных связях. Они замаскированы под человеческие контакты, но ближе к ненависти, чем к симпатии. И уж конечно, не являются любовью.

Желина открыл было рот, но тут же закрыл его под испепеляющим взглядом Лакост.

Жан Ги Бовуар сидел, сжав губы, чтобы не улыбнуться. В прошлом он видел немало таких взглядов. И сейчас порадовался, что они действуют не только на него.

– Вам нравился Герцог? – спросила Лакост.

– Я его не знала.

– Я вас тоже не знаю, но вы мне нравитесь. Мне нравится ваша смелость.

Это было правдой. Изабель Лакост знала, сколько мужества требуется от Амелии Шоке, чтоб встречать каждый новый день. В одиночестве.

Глаза Амелии распахнулись, маленькие руки сжались в кулаки. Но она ничего не сказала.

А Изабель стало любопытно, когда в последний раз кто-нибудь говорил Амелии, что она нравится.

И еще она думала о том, как заставить эту настороженную девушку раскрыться.

– «Ваш, фавориты, праздник пуст. Вы пузырьки с державных уст, – услышала она вдруг собственный голос и увидела, как Амелия наклонила голову набок. – Вас всех ждет эта же судьбина. Вы рябь, а нация – стремнина».

За спиной Амелии Изабель Лакост видела двух мужчин, на лицах которых отражались все их чувства в диапазоне от отчаяния до недоумения.

– Это что? – спросила Амелия.

– Сатирическое стихотворение Джонатана Свифта, – сказала Лакост.

Бовуар закатил глаза чуть ли не до затылка.

– На смерть герцога, – добавила Лакост. – Если не ошибаюсь, вы любите поэзию.

Амелия кивнула и повторила:

– «Вас всех ждет эта же судьбина».

– Если чей праздник и был пуст, то Сержа Ледюка. Герцога, – сказала Лакост. – И какова была его судьбина?

– Видимо, умереть от чьей-то руки.

– Но чьей?

– Вы думаете, моей? – спросила Амелия.

– Отпечатки ваших пальцев найдены на карте, что лежала в его ночном столике. Эта карта принадлежала вам, верно?

– Не знаю, – ответила Амелия. – Вероятно, мне. У всех остальных карты на месте. Но я ему свою не давала.

– Каковы были ваши отношения с Сержем Ледюком? – повторила Лакост.

– Он хотел меня трахнуть.

– И удалось?

– Нет. Я сказала, что отрежу его член и затолкаю ему в горло.

Мужчины уставились на нее, широко раскрыв глаза.

– Что он вам ответил? – спросила Лакост.

– Пригрозил меня исключить.

– И что бы это для вас значило? – спросила Изабель твердым голосом, сдерживая бушующую в ней ярость.

– Для меня – смерть.

Изабель Лакост заставляла себя сохранять спокойствие. Не утешать. Не опровергать серьезность этих слов легковесными заверениями: мол, она не сомневается, что это не так.

Потому что она знала: это так.

Амелия Шоке ушла бы из академии на улицу. На сей раз без всякой надежды. И умерла бы.

– Вы убили его, Амелия? Чтобы не позволить ему исключить вас? Чтобы спасти себе жизнь?

Она посмотрела на Изабель Лакост. Перед ней сидела женщина, какой она хотела стать, надеялась стать. Могла бы стать. Но ничего не получится. Теперь Амелия знала это.

Она отрицательно покачала головой, и голос ее прозвучал ясно, уверенно:

– Я его не убивала.

– Ваши отпечатки пальцев найдены на футляре, в котором лежало орудие убийства, – сказала Лакост. – И на самом револьвере.

Амелия не отвела взгляд:

– Если бы я убила его, то протерла бы оружие. На это мне хватило бы

ума.

– Вероятно, вы правы, – сказала Лакост. – Но я не думаю, что мы ищем исключительно глупого человека, как вы считаете?

Амелия ничего не ответила.

– Похоже, вы не удивлены, что ваши отпечатки обнаружились на револьвере. Да?

Она только кивнула, но не произнесла ни слова.

– Каковы были ваши отношения с коммандером Гамашем?

«Значит, она заметила, – подумал Жан Ги. – То выражение на лице месье Гамаша, когда они уводили Амелию».

– У меня нет с ним никаких отношений.

– Тогда почему он вас так опекает? – спросила Лакост.

Поль Желина заерзал на стуле, готовясь встрять в разговор, и Лакост снова метнула в него упреждающий взгляд.

– Он меня не опекает, – ответила Амелия. – Не больше, чем других.

– Нет-нет, – вмешался в разговор Желина, на сей раз проигнорировав старшего инспектора Лакост. – Это он принял вас в академию. Вам сначала отказали, но он отменил отказ.

– Правда? – Амелия повернулась к Желина, разрывая тщательно сплетенное взаимопонимание с Лакост. – Герцог говорил, что коммандер Гамаш отказал мне в приеме, но он изменил решение Гамаша. И может изменить еще раз.

– Он лгал, – сказал Желина. – Вас принял месье Гамаш. Почему коммандер сделал это? Особенно если учесть, что вы, уж простите меня, совершенно не подходите для академии.

Изабель Лакост уставилась на Желина, пораженная его беспечной жестокостью.

Желина наплевал на ее желания и уничтожил атмосферу доверия между двумя женщинами, хотя ее тактика явно приносила плоды. С какой целью он сделал это? Испугался, что Амелия скажет, раскроет что-то?

Но при всем при том Лакост не могла не признать и правоту конника. Вопрос он задал хороший. Почему коммандер Гамаш изменил решение предшественника и принял девушку-готку в академию?

Возможный ответ вызывал у Изабель Лакост все большую и большую озабоченность.

Глава тридцать третья

– О чем ты думаешь? – спросила Рейн-Мари.

Выйдя из бистро, они направились в церковь Святого Томаса, чтобы побыть в тишине и покое.

И теперь она сидела на скамье рядом с Арманом. Он смотрел перед собой, и, хотя его глаза были открыты, у нее создалось впечатление, что он молится.

Она знала, что задала не тот вопрос. На самом деле ей хотелось знать, что он чувствует.

Арман глубоко вздохнул и с силой выдохнул, словно долгое время удерживал дыхание.

– Я вспоминал, как ждал возвращения отца и матери. Стоял на коленях на диване, держась за спинку, и глядел в окно. По телевизору показывали «Бэтмена». До сих пор слышу музыкальный лейтмотив.

Он тихонько напел его, и Рейн-Мари представила себе маленького мальчика, который, когда родители уезжали, всегда ожидал их возвращения.

Который просыпался, когда они на цыпочках входили в его спальню и целовали на ночь.

Который всегда находил в холодильнике лакомство, уложенное в замысловатую фигурку, завернутую в фольгу. Он думал, что эти фигурки делает для него мама. И даже когда позднее Арман узнал, что какой-то незнакомый человек в ресторане изготавливает лебедей, корзиночки и лодочки, в которых он и находил угощение, он все еще цеплялся за мысль о том, что их своими руками делала его мать. Для него.

Насколько знала Рейн-Мари, он до сих пор в это верил.

– «Бэтмен», – пропел вполголоса Арман. – Я заметил свет фар, но знал, что это не они. Было слишком рано. И фары светили как-то по-другому. А потом я увидел двух людей, идущих по дорожке. Но я не испугался. Думал, просто гости.

Рейн-Мари взяла его за руку. Она уже слышала эту историю. Один раз. Всего только раз рассказал он ей о том далеком вечере. В начале ухаживания, когда понял, что любит ее, и понял, что она любит его. И захотел, чтобы она знала.

Он довольно часто говорил о родителях, рассказывал разные случаи о каникулах и праздниках. Но об их смерти он рассказывал сегодня лишь

второй раз за всю их совместную жизнь.

В уголках его глаз и рта появились морщинки.

– Я с нетерпением ждал прихода этих незнакомцев. Раздался звонок, и бабушка вышла из кухни и открыла дверь.

Морщинки исчезли. И на мгновение Рейн-Мари увидела гладкое лицо девятилетнего мальчика. В пижамке. У дивана.

– Она повернулась ко мне, и стоило мне увидеть ее лицо, как я понял. Их больше нет.

Они немного посидели молча, даже тиканье часов не отмеряло времени. Может, прошло несколько секунд. Может, минута. Час. Десятилетие.

– Бабушка утешала меня, но ей и самой было тяжело. Со мной оставался Мишель. Он от меня не отходил. После похорон он позвал меня с собой поиграть в царя горы. – Арман улыбнулся. – Наша любимая игра. Он всегда выигрывал. «Я царь горы, а ты грязная рвань», – пропел вполголоса Арман. – Я едва мог ходить и говорить. Несколько недель. Еле передвигался. А Мишель постоянно был рядом. Не искал себе друзей повеселее. Хотя и мог бы. Мне его не хватает. И мне не хватает их.

Рейн-Мари сжала его руку:

– Полю Желина не следовало говорить об этом. Он поступил жестоко.

– Это случилось почти полвека назад.

– И все равно, – возразила она, размышляя об истинных причинах, заставивших Желина сообщить кадетам о смерти родителей Армана.

– Я сидел здесь, думая об отце и матери, но не о том, как мне их не хватает. Я думал о том, что могли чувствовать родители этих солдат. Одно дело – потерять отца и мать, но ты можешь себе представить… – Он помолчал, собираясь с силами, прежде чем сказать немыслимое. – Потерять Даниеля. Или Анни?

Он посмотрел на юношей в витражном окне.

– Ты обратила внимание на их имена? Не Роберт, а Роб. Не Альберт, а Берт. Одного парнишку звали Гидди. Их настоящие имена, те, которые выкрикивала мать, когда звала их на обед. Имена, которыми называли их друзья во время игры в хоккей. Какие-то из них пропали. Отсутствуют. Они перевалили через вершину и исчезли. Навсегда. И их родители так и не узнали, что с ними случилось. Наверное, ждали их до самой своей смерти.

Он вздохнул еще раз.

– Потерять маму и папу было ужасно, но я сидел здесь и думал, как мне повезло: я, по крайней мере, знаю, что случилось, и могу не ждать. А некоторые родители так и продолжали жить с ожиданием.

Рейн-Мари опустила глаза на его большую руку и набралась духу, чтобы задать вопрос.

– Арман…

– Oui?

– Кто эта девушка? Амелия? В ней есть что-то необычное, правда?

Сердце Рейн-Мари заколотилось. Но отступать она уже не могла. Знала, что должна двигаться вперед.

Арман посмотрел на нее с такой печалью, что она пожалела о своем вопросе. Теперь уже не ради себя, а ради него.

Арман бы никогда… Амелия никак не может быть…

– Patron?

Рейн-Мари почувствовала себя как женщина, которую спасли от виселицы, но не испытала благодарности. В кои-то веки раз она набралась смелости задать этот вопрос, и кто знает, наберется ли еще раз?

Ее охватила вспышка ярости.

– Извините, что прерываю, – произнес Оливье.

Он видел их со спины, но они не повернулись к нему, и он помедлил в проходе.

Рейн-Мари оторвала глаза от мужа и начала считать.

Un, deux, trois…

Пока не почувствовала, что может посмотреть на Оливье и не наорать на него.

quatre, cinq…

Оливье остановился в нескольких рядах от них. Он не знал, что ему делать. Ни один из них не повернулся. Не дал понять, что знает о его приходе.

– У вас все в порядке? – спросил он, делая шаг вперед.

Они сидели неподвижно, как восковые фигуры.

– Да, все отлично, – ответила Рейн-Мари и впервые по-настоящему поняла, что название книжки Рут «Мне ОТЛИЧНО» – это не просто шутка.

– Вы уверены? – спросил Оливье, делая еще шаг.

Арман повернул голову и улыбнулся:

– Мы говорили про солдат.

Оливье посмотрел на витраж и сел на скамью по другую сторону прохода.

– Я не был уверен, что стоит идти за вами, но, понимаете, это странно. В бистро. Как офицер из конной полиции обращался с вами. Что он говорил.

Арман поднял бровь и улыбнулся:

– Со мной обходились и хуже. Ерунда. Часть полицейской культуры.

– Не только, – возразил Оливье. – И я думаю, вы это знаете. Вы – подозреваемый. Он сам так сказал.

– Его работа в том и состоит, чтобы всех подозревать, но меня это не волнует.

– И напрасно, – заметил Оливье. – Он собирается доказать, что вы убили того человека. Я видел это по его лицу.

Гамаш покачал головой:

– Не имеет никакого значения, что он думает. Никаких доказательств у него нет. И к тому же я никого не убивал.

– Разве невинных людей никогда не арестовывают? – спросил Оливье. – Никогда не судят? Не приговаривают? За преступление, которого они не совершали? Этого никогда не случается, да? – Он сердито посмотрел на Гамаша. – Вам следует опасаться, месье. Только глупец не опасался бы.

– Арман, – спросила Рейн-Мари, – это может произойти? Желина может тебя арестовать?

– Сомневаюсь.

– Сомневаешься? – повысила голос Рейн-Мари. – Сомневаешься. То есть вероятность есть? Он не может всерьез думать, что ты убил человека.

– Но он так думает, – сказал Оливье. – Я видел этот взгляд прежде. Взгляд вашего мужа, перед тем как он арестовал меня.

– Нужно что-то делать, – сказала Рейн-Мари, оглядываясь, словно доказательство невиновности мужа находилось в церквушке.

– Вот вы где, – раздался от дверей знакомый голос Жана Ги. – Мы допросили кадетов…

– Ты думаешь, что Арман убил этого преподавателя? – Рейн-Мари встала и повернулась к зятю.

Тот от неожиданности остановился:

– Нет. Конечно нет.

Следом за ним вошла Лакост, и Рейн-Мари увидела, как та отвернулась, не желая встречаться с ней взглядом.

– А ты, Изабель?

Рейн-Мари набирала скорость. Стучала в ворота, требовала правды. Пусть все назовут себя: кто союзники, кто враги.

Это была еще одна мировая война. Война ее мира. Ее война.

– Я не думаю, что месье Гамаш убил Сержа Ледюка, – сказала Изабель.

– Рейн-Мари… – произнес Гамаш, обнимая жену за талию.

Она отодвинулась от него.

– Но ты сомневаешься, да, Изабель?

Две женщины смотрели друг на друга.

– Вам нужно знать кое-что, мадам. Я держала вашего мужа за руку, когда он умирал. На полу той фабрики. Я никогда вам не говорила. Вам не нужно было знать. Он понимал, что умирает. Я тоже понимала это. Он едва дышал, но сумел сказать последнее.

– Изабель… – проговорил Гамаш.

– Мне пришлось наклониться над ним, чтобы услышать, – сказала Изабель. – Он прошептал: «Рейн-Мари». И я поняла: он хочет, чтобы я передала вам, как сильно он вас любит. Навсегда. Навечно. У меня не было необходимости говорить вам об этом. До сего часа. Арман Гамаш никогда бы никого не убил, и тому есть много причин. Но одна из причин в том, что он бы никогда не смог причинить вам такую боль.

Рейн-Мари прижала ладонь ко рту и закрыла глаза. Она стояла неподвижно. Секунду. Минуту. Год.

Потом уронила руку и потянулась к тому якорю, каким был ее муж, хотя и заметила краем глаза, как Лакост и Бовуар переглянулись.

Арман поцеловал ее и прошептал что-то на ухо. Что-то, что вызвало у нее улыбку. Затем он махнул рукой на скамью в передней части церквушки. Следователи сели там, а Оливье и Рейн-Мари заняли скамью в конце.

– Ну, что-нибудь родилось из ваших допросов? – спросил Гамаш.

– Не многое, – ответила Лакост. – Но кадет Шоке, похоже, не удивилась, когда я сказала, что ее отпечатки обнаружены на орудии убийства.

– То была экстраполяция, – напомнил ей Гамаш.

– Ей я этого не сообщила.

– Она дала какое-нибудь объяснение?

– Нет. Но она сказала, что Ледюк угрожал отчислить ее, если она не согласится на секс с ним.

– И что она? – спросил Гамаш.

– Она говорит – нет, но прежде она торговала собой.

Гамаш коротко кивнул.

– Не было случая вам рассказать, – вспомнила Лакост. – Я звонила в Англию и говорила с женщиной, с которой до меня общался Жан Ги.

– С мадам Колдбрук-Клэртон? – спросил Гамаш.

Лакост рассмеялась:

– Мы обсуждали это с Жаном Ги по дороге сюда. Никакой Клэртон нет. Есть Колдбрук.

– Тогда почему… – начал Гамаш.

– Почему она подписалась под письмом как Клэртон? – спросила Лакост. – Хороший вопрос. Она говорит, произошла ошибка.

– Странно, – нахмурился Гамаш. – Но она подтвердила, что револьвер, из которого убили Ледюка, и тот, что изображен на витраже, – оба «макдермот» сорок пятого калибра?

– Он сказал «Клэртон»? – спросил Оливье, сидевший в конце церкви с Рейн-Мари. – В Пенсильвании есть город с таким названием.

– Откуда вы это знаете, mon beau? – спросила она.

– Не знаю, откуда я знаю про Клэртон, – сказал Оливье, сосредоточенно сдвигая брови. – Просто знаю – и все.

– Может, вы родились с таким знанием, – с улыбкой предположила Рейн-Мари.

– Это было бы досадно. Существует столько всяких полезных вещей, о которых я мог бы знать изначально. Например, как переводить Фаренгейта в Цельсия, или в чем смысл жизни, или сколько брать за круассан.

– Вы берете за них деньги? – спросила Рейн-Мари с наигранным удивлением. – Рут говорит, что они бесплатные.

– Oui. Как и виски.

* * *

– Она подтвердила, что это одна модель, – сказал Жан Ги. – Но я не понимаю, какое это может иметь значение.

– И я тоже, – признался Гамаш.

Он повернулся и посмотрел на витраж. Он так часто видел его за прошедшие годы, что ему казалось, будто он знает изображение досконально. И все же постоянно обнаруживал что-то новое. Словно мастер, который изготовил витраж, прокрадывался в церковь ночью и добавлял какую-нибудь деталь.

Гамаш до сих пор удивлялся, почему он не заметил карту, торчащую из котомки молодого солдата.

Видимо, он проводил слишком много времени, глядя на того юношу, и совершенно забывал про двух других.

Теперь он посмотрел на них. В отличие от солдата, который смотрел на зрителя, эти двое были изображены в профиль. Они шли вперед. Рука одного юноши прикасалась к оружию солдата, идущего впереди. Не

тащила его назад, нет. Просто для собственного спокойствия.

На создание образов этих двоих художник потратил меньше сил. Лица у них были совершенно одинаковые, с одинаковым выражением, как у близнецов.

На них не было прощения, только страх.

И все же они шли вперед.

Гамаш перевел глаза на руки третьего юноши. Одна сжимала винтовку. А другая как бы между прочим указывала куда-то. Не вперед, а назад.

– Вы знаете кое-что странное? – спросила Рейн-Мари.

– Я знаю кое-кого странного, – ответил Оливье.

– Я перебирала бумаги из архива исторического общества в Сен-Реми. Письма, документы, снимки. Давность некоторых – сотни лет. Не фотографий, конечно. Хотя и среди них попадаются очень старые. Поразительно.

– Это странно, – заметил Оливье.

– Нет, не это, – рассмеялась Рейн-Мари и легонько подтолкнула его локтем. – До последнего момента я не отдавала себе отчета, что пока не видела ничего времен Первой мировой войны. Второй – да. Письма домой, фотографии. Но ничего с Великой войны. Если бы было, может, я бы нашла этого юношу. Нашла бы всех троих – сравнила бы лица на фотографиях из архива с теми, что на витраже.

– Как могли пропасть все документы? – спросил Оливье. – Где-то что-то обязательно осталось.

– Возможно, в подвале исторического общества есть еще какие-то коробки, но мне казалось, мы довольно основательно его почистили. Завтра посмотрю внимательнее.

– Можете спросить Рут. Во время той войны она наверняка уже была старой пьяной поэтессой.

– Вот только на чьей стороне? – обронила Рейн-Мари.

Она поднялась, когда встали Арман и остальные.

– Не знаю, как вы, а я умираю с голоду. Приглашаю всех к нам. У нас много чего осталось. Может, даже кино поставим. Нужно отвлечься.

Перед уходом Гамаш снова посмотрел на витраж и на третьего юношу. Указующего. Гамаш проследил, куда ему указывали, но там ничего не было. Только птица в грязноватом небе.

– Арман? – позвала его Рейн-Мари с крыльца церкви.

– Иду, – ответил он и выключил свет.

Глава тридцать четвертая

Что и говорить, ситуация была неловкая.

Жан Ги и Изабель уехали назад в академию, но Поль Желина попросил Гамашей приютить его на ночь. Рейн-Мари хотела было сказать ему, где он может найти приют, однако Арман опередил ее и заверил, что это будет чудно.

– Ты и в самом деле сказал «чудно»? – спросила Рейн-Мари, когда они остались в кухне одни.

– Да, это будет расчудесно, ты не считаешь?

– У тебя расстройство психики.

Он улыбнулся, потом наклонился и прошептал:

– Он не ожидал, что мы согласимся. Ты заметила, что ему неловко?

– Я была слишком занята – замечала, насколько неловко мне, – прошептала она в ответ.

Пытаясь отделиться от Желина если не расстоянием, то хотя бы людьми, Рейн-Мари сходила в бистро и пригласила друзей на обед.

– Чем мы будем их кормить? – спросил Арман.

Рейн-Мари посмотрела в сторону жестянки с собачьим кормом.

– Только не говори мне… – начал он.

Рейн-Мари рассмеялась:

– Нет. Рут, возможно, и не заметит, но другие могут.

– И это единственная причина, по которой ты не будешь потчевать гостей собачьей едой?

– На вашем месте, месье, я бы не критиканствовала, а сначала задалась вопросом, почему у нас вообще сегодня образовались гости. «Чудно». – Она покачала головой. – А по правде говоря, я посмотрела на Грейси и подумала, что ей пора прогуляться.

– Я ее выгуляю, – сказал Арман.

От двери он строго посмотрел на жену.

– Обещаю: никакой собачьей еды, – сказала она и вполголоса, но так, чтобы слышал Арман, добавила: – Скорее всего.

Арман, улыбаясь, вытащил Грейси из коробки и надел на нее ошейник. Дальше нужно было ступать с осторожностью, потому что псинка вертелась под ногами. Анри присоединился к ним.

Овчарка и Арман, прогуливаясь по заднему саду их дома, шли по бокам от Грейси. Анри время от времени принимался разгребать снег,

чтобы добраться до травы, а Грейси ему подражала.

– Надеюсь, я не очень расстроил вас тем, что говорил в бистро, – раздался вдруг голос Поля Желина.

Арман повернулся и увидел его на задней террасе.

– Но удивили определенно. – Арман немного помолчал. – Зачем вы приплели к делу моих родителей?

Если бы не свет из дома, то тьма на улице стояла бы полная. Желина представлял собой черный силуэт на фоне света из гостиной. За широкой стеклянной дверью Гамаш видел Клару и Мирну, погруженных в разговор, Клара жестикулировала, доказывая что-то. Габри слушал, точнее, ждал, когда ему можно будет вставить слово. Рут была невидимой – наверное, утонула где-то в диване. Роза и Оливье смотрели в окно.

– Я думаю, вы знаете почему.

Желина спустился с террасы и подошел к хозяину.

Лицо Гамаша хорошо освещалось светом из дома. Конник мог видеть его во всех подробностях.

Гамаш почувствовал, как чуть-чуть натянулся поводок – это Грейси пожелала присоединиться к Анри.

Желина зашагал бок о бок с Гамашем.

– Уводите меня от садовой тропы, месье?

Гамаш усмехнулся:

– Чтобы вы заблудились? Ну, для этого я вам не нужен. Вы прекрасно обходитесь без меня.

– То есть я сошел с тропы? Может быть, но разве не там вы обычно находите преступников?

Гамаш остановился и повернулся к своему гостю:

– И вы думаете, что я преступник?

– Вряд ли вы видите это в таком свете. Чтобы стать преступником, нужно совершить преступление. Я подозреваю, что вы не считаете убийство Сержа Ледюка преступлением.

– Тогда чем же?

– Последствием. Счастливой возможностью.

– Счастливой?

– Ну, может, не счастливой. Удачной. Вы увидели шанс и воспользовались им.

– И зачем мне это понадобилось? – спросил Гамаш.

– Мы все в свое время оказываемся на перекрестке, верно? – мрачно сказал Желина. – Одни раньше, другие позже. Оказываемся там вследствие какого-нибудь ужасного события. В вашем случае – смерти ваших

родителей. В моем – смерти жены. Столкнувшись с событием такого масштаба, кто-то выбирает одно направление и ожесточается. Хочет, чтобы и другие страдали, как он. Но некоторые выбирают более трудный маршрут. Они становятся сострадательными, добрыми и терпеливыми к недостаткам других. Они хотят избавить других от боли, которая досталась им.

– Oui, – сказал Гамаш.

Ему стало любопытно, к чему клонит его собеседник.

– Это разрывает их на части, – продолжил Желина. – Поступки человека могут совершенно не отвечать нашему представлению о нем. Люди могут говорить одно, а думать совершенно иное. Большинство настоящих монстров, с какими я сталкивался, внешне выглядели как святые. Иначе они не могли. Иначе их бы уже давно остановили.

– Это признание? – спросил Гамаш и услышал смех в темноте.

– Я рассчитывал на ваше признание, сэр. Это облегчило бы мою задачу. Облегчило бы вашу семейную жизнь. Прекратите игру. Мы оба знаем, что случилось и почему.

Гамаш посмотрел на Желина:

– Если собираетесь меня арестовать, арестуйте сейчас, но не смейте впутывать мою семью.

– Слишком поздно. Ваша семья в этом деле уже по уши. Я знаю, кто такая Амелия Шоке.

– Вы не знаете ничего.

– Я знаю все.

Гамаш сделал маленький шаг к нему, но остановился.

Желина не отступил. Он стоял выпрямившись, будто бросая Гамашу вызов.

– Еще одна счастливая возможность? – прошептал Желина. – Неужели мне суждено, как бы это выразиться, кормить червей в вашем саду, месье? Чем больше убийств, тем легче их совершать, правда?

– Я думаю, обед уже готов, – сказал Гамаш, хотя на уме у него было совсем другое. Он отошел от офицера конной полиции. – Нам пора возвращаться. Пошли, Грейси. Анри!

Он подобрал щенка и пошел к дому. Овчарка понеслась следом. Сквозь кухонное окно Арман видел, как Рейн-Мари двигается по кухне. Вот она откинула волосы с лица. Бормочет что-то про себя, как всегда, когда затевает большой прием.

И ему захотелось рассказать ей то, в чем он должен был признаться много лет назад и, конечно, несколько месяцев назад. Когда впервые увидел

имя Амелии Шоке.

– Давно я сплю? – спросила Рут, глядя на свою тарелку.

– Виктории уже нет на троне, если ты об этом спрашиваешь, – ответила Мирна.

– Но хорошая новость в том, что у нас есть другая королева, – сказал Оливье, посмотрев на Габри.

– Я услышал, – сказал Габри. – Отвратительная пошлость. О-о-о, лепешечки!

– Который час? – гнула свое Рут.

Перед каждым стоял омлет со свежим эстрагоном, приправленный растопленным камамбером.

На сосновом столе стояла тарелка нежирного бекона и корзинка золотистых лепешек с тающим на поверхности маслом.

– Завтрак? – спросила Рут, еще более бестолковая, чем обычно.

– Ужин, – ответила Рейн-Мари. – Прошу прощения, но это все, что у нас есть.

– Великолепно, – сказала Мирна и взяла три кусочка бекона, копченного в кленовом соусе.

– Кто-то даже может назвать это чудным, – сказала Рейн-Мари и улыбнулась, поймав взгляд Армана.

Все присутствующие, кроме Рут, согласились. Они были человеческим щитом между Гамашами и конником.

И однако, все обратили внимание на то, что Арман сел прямо напротив Желина.

Видимо, чтобы показать, что его не запугать, подумала Клара.

Видимо, чтобы выполнять роль щита для Рейн-Мари, которая кидала в его сторону сердитые взгляды, подумала Мирна.

Видимо, чтобы приглядывать за своим обвинителем, подумал Оливье.

Видимо, потому, что зло всегда, по словам Одена, «некрасиво и непременно человекообразно», подумала Рут.

– «Спит с нами в постели, – пробормотала она, – и ест за нашим столом»[63].

Гамаш, сидевший рядом с ней, слегка повернулся к старой поэтессе.

– «А к Добру нас каждый раз что есть силы тянут за руку, – прошептал он ей в ответ. – Даже в конторе, где тяжким грузом почиют грехи».

Она встретила его твердый взгляд, и разговоры вокруг них уплыли куда-то вдаль.

– Ты знаешь конец? – тихо спросила Рут.

– Его? – прошептал он, кивая на Желина.
– Да нет же, идиот. Строфы.
Гамаш поморщился, задумался на секунду.
– «Зло беспомощно, как нетерпеливый любовник, – сказал он, лихорадочно пытаясь вспомнить. – И начинает свару, и преуспевает в скандале…»
– «И мы видим, как, не таясь, взаимоуничтожаются Добро и Зло», – завершила Рут. – Вот какой конец.
Они долго молча смотрели друг на друга.
– Я знаю, что я делаю, – сказал Арман.
– А я знаю эпитафию, когда слышу это.
– Вы сказали, что кадеты – это скопище ошибок. Вы так думаете?
– Насчет них не знаю, – ответила Рут. – Но это точно про тебя. Бекон?
Гамаш взял опустевшую тарелку. Рут требовала, а не предлагала.
– У меня к вам вопрос, Рут, – сказала Рейн-Мари с другого конца стола. – В архивах, которыми я занимаюсь, ничего нет про Первую мировую войну. Вы не знаете, куда могли подеваться все материалы? Ведь, по идее, их должно быть много.
– Почему все думают, что я всё знаю?
– Мы так не думаем, – вставил Габри.
– Да, я знала про Стропила. Никто, кроме меня, не знал.
– Что вы про них знаете? – спросил Поль Желина.
Но Рут проигнорировала его, разве что пробормотала сквозь зубы что-то вроде «засранец». И Мирна отважно прыгнула в оглушительную тишину, наступившую после этого:
– Причина, по которой вы не можете найти Стропила, в том, что такой деревни больше нет. Название изменили какое-то время назад.
– На что?
– Нотр-Дам-де-Долёр, – сказал Габри.
– Богоматерь Боли? – переспросил Желина.
Арман откинулся на спинку стула:
– Или Богоматерь Скорби.
– Деревни больше нет, – сказала Рут. – Она вымерла.
– Скорее всего, название поспособствовало, – вставил Габри.
– Вы можете показать ее на карте? – спросил Гамаш.
– Ты хоть слушаешь, что я говорю, мисс Марпл? – рявкнула Рут. – Ее нет на карте. Исчезла.
– Спасибо, что прояснили, – сказал Арман с преувеличенной вежливостью. – А то я никак не мог понять. Но вы сумеете показать, где

прежде находилась эта деревня?

– Ну наверное.

– Мы можем вернуться к архивам? – спросила Рейн-Мари. – Как вы думаете, где все материалы о Великой войне?

– Знаешь, у меня есть идея, – задумчиво произнесла Мирна. – Кажется, несколько лет назад историческое общество устраивало специальную ретроспективу в Легионе[64] в Сен-Реми.

– Точно, – обрадовалась Клара. – В две тысячи четырнадцатом отмечали столетие со дня начала той войны.

– И где эти материалы теперь? – спросил Оливье.

– Damnatio memoriae, – сказала Рейн-Мари.

Как Три Сосны. Как Стропила и Нотр-Дам-де-Долёр, война ради окончания всех войн была изгнана из памяти.

После ужина Арман и Рейн-Мари проводили Рут домой. Предлагали свои услуги и Габри с Оливье, но Гамаши чувствовали потребность в свежем воздухе и дистанцировании от Поля Желина. Оба надеялись, что он будет спать, когда они вернутся.

Кадет Натаниэль сидел на диване в гостиной Рут и читал. Услышав их, он вскочил, будто ему иголку вонзили в задницу.

– Сэр, – выпалил он.

– Не называй меня «сэр», – сказала Рут. – Можно сесть.

Натаниэль сел.

– Нет, это я им сказала. – Она показала на Армана и Рейн-Мари, которые тоже послушно сели.

– Что вы читаете? – спросила Рейн-Мари у Натаниэля.

– Я нашел книгу здесь на столе. – Он показал им обложку.

– У нас есть такая же, – сказал Арман.

– Не такая же, а она самая, – пояснила Рейн-Мари. – Это наша.

– А-а.

– Сюда, – приказала Рут с кухни.

Они подчинились.

Рут нашла старую карту района и разложила на белом пластиковом столе. Открытый блокнот с ее каракулями, как всегда, лежал рядом с немытой чайной чашкой.

Арман узнал чашку. Их чашку.

Рут верила в прециклинг[65], следующую стадию циклинга. Она использовала вещи, опережая их выбрасывание на помойку.

– Мы ищем Стропила, – сказал Арман Натаниэлю, который с невыносимой серьезностью разглядывал карту.

– Но мы уже пытались это сделать, – сказал кадет, отрывая взгляд от карты. – Ее же нет, помните?

– Почему ты не спросил у меня? – возмутилась Рут.

– Я… ну… мм.

– И это будущее Квебекской полиции? – воззвала Рут к Арману.

– Он не спрашивал у вас, Рут, – доброжелательно, терпеливо сказала Рейн-Мари, – потому что думает, будто вы сумасшедшая старуха.

– Я так не думаю, – сказал Натаниэль, покраснев как рак, потом побледнев.

Рут стояла перед столом в утиных перьях на свитере, а Роза бормотала ругательства в своем гнездышке у плиты.

И Рут рассмеялась. Она ухватилась за Рейн-Мари, чтобы не потерять равновесия.

Натаниэль отпрянул назад и спрятался за спину Гамаша. Теперь она и в самом деле казалась сумасшедшей старухой.

– Пожалуй, ты прав, – сказала Рут, успокоившись. – Но я счастлива. А ты?

Молодой человек, выглядывавший из-за спины Гамаша, покраснел.

– Вы счастливы, Рут? – спросила Рейн-Мари, прикоснувшись к ее худой руке.

– Да.

– Я так рада это услышать. Я была…

– Стропила? – напомнил Арман.

Он чувствовал, что две женщины готовы начать обсуждение человеческих склонностей и природы счастья. Обычно он охотно слушал такие разговоры, но не сегодня.

– Вот. – Корявый палец Рут уткнулся в точку километрах десяти от Трех Сосен. – Здесь были Стропила. Некоторое время назад название сменили на Нотр-Дам-де-Долёр.

Натаниэль записал название и пригляделся к карте внимательнее:

– Но тут ничего нет. Вы указываете на пустое место.

Он уставился на Рут. Рут уставилась на него.

– А теперь, кадет Смайт, еще один урок полицейской работы, – сказал коммандер. – Чему верить. Говорит ли мадам Зардо правду или обманывает вас?

– Может, я морочу тебе голову, – согласилась Рут.

– Ну и как это узнать? – спросил Натаниэль у Гамаша.

– Наверняка вы знать не можете. Вас можно научить собирать факты, улики, но самые лучшие следователи знают, что верить тому, что нам говорят, бесполезно. Даже опасно. Инстинкт. Нужно использовать голову, сердце и чутье. Все животное целиком, как хороший охотник. Что вам говорит ваш инстинкт о мадам Зардо? Ей можно верить?

Натаниэль повернулся к Рут, которая не без интереса смотрела на него.

– Я думаю, да. По крайней мере, она сама верит в то, что говорит. Завтра я отправлюсь туда и проверю.

Гамаш кивнул, одобряя подобное разделение истины и факта.

– Позвольте? – Кадет показал на карту, и Рут одобрительно хмыкнула.

Арман наблюдал за тем, как молодой человек аккуратно складывает потрепанную карту. Когда он нагнулся, его рыжие волосы упали на бледный лоб. Легко краснеющая, гладкая, идеальная кожа. Застенчивая личность.

И Арман вспомнил о разговоре с Желина в саду.

Гамаш знал, что Желина не прав. Настоящих преступников, самых худших преступников не стоит искать вдали от проторенных путей. Их можно найти на наших кухнях, за нашими столами.

«Некрасиво и непременно человекообразно».

Глава тридцать пятая

– Я говорю вам, она должна быть здесь.

Натаниэль Смайт огляделся в каком-то исступлении, почти не морщась от дождя со снегом, бившего ему в лицо. Карта, которую он позаимствовал у мадам Зардо, промокла, превратилась в его руках черт знает во что.

Остальные трое стояли так, что смесь снега, дождя и льда ударяла в спины их курток и в капюшоны. Возражения Натаниэля, быстро перешедшие в скулеж, утонули в безжалостном шуме.

– Нет здесь ничего! – завопил Жак. – Гамаш засрал тебе мозги.

Он стоял ссутулившись, уткнувшись подбородком в грудь, так что сзади его можно было принять за согбенного старика. Зимняя куртка доходила ему почти до колен. Но она скорее напоминала пуховик и вряд ли годилась для того, чтобы стоять в ней на полузамерзшей дороге под градом снежной крупы с дождем и разглядывать серые поля и лес.

Брюки Жака промокли насквозь, он почти не чувствовал ног, и его начала бить непроизвольная дрожь.

Натаниэль посмотрел на двух других, но они тоже стояли спиной к дождю, снегу и кадету, который привел их сюда, объявив, что нашел Стропила.

Натаниэль описал полный круг, мигая из-за снежной крупы, бившей ему в лицо. Он прищурился, глядя на горизонт. Пусто.

Никаких признаков деревни. Никаких признаков жизни.

– Идем! – прокричал Жак и затрусил к машине.

Хуэйфэнь и Амелия последовали за ним. Натаниэль упрямо стоял, словно врос в землю, до тех пор пока не услышал, как заработал двигатель машины, и тогда он припустил к ней, боясь, что его могут оставить здесь. Он плюхнулся на заднее сиденье рядом с Амелией, которая сидела, плотно обхватив себя руками и уткнув нос в промокшую куртку.

Нотр-Дам-де-Хрен-Вам.

Обогреватель включили на полную, и в тесной машине запахло влажной шерстью.

– Это была бесполезная трата времени, – сказал Жак с водительского места, поднося дрожащие руки к решетке вентилятора.

– Но она сказала, что деревня здесь, – возразил Натаниэль.

– Она? Я думал, это Гамаш.

– Он предложил нам расследовать, однако информацию дала женщина,

у которой я остановился.

– Вероятно, я пропустил то занятие в академии, на котором говорили, что нужно верить старым пьяницам, – сказал Жак.

Хуэйфэнь фыркнула. От смеха или от того, что подхватила простуду.

Вернувшись в Три Сосны, они разошлись по домам, чтобы переодеться, но, когда Натаниэль в теплой сухой одежде спустился по лестнице со второго этажа в доме Рут, он нашел в гостиной Амелию, разговаривавшую с поэтессой.

Обе посмотрели на него проницательными, оценивающими глазами, и ему показалось, что он очутился в сказке братьев Гримм. Эти сказки редко заканчивались хорошо для мальчиков с ярко-рыжими волосами и заискивающей, как он надеялся, улыбкой, которая наверняка лишь придавала ему сходство с мясным блюдом к ужину.

– Я потерял вашу карту.

– Не страшно, – сказала Рут, вставая. – Карта мне больше не нужна.

– Там ничего нет, – сказал Натаниэль.

Он понял, что не прошел тест коммандера. Или по меньшей мере не прошло его чутье. Эта женщина оказалась ненадежной. В конечном счете она оказалась именно такой, какой выглядела. Старой спятившей пьяницей.

– Ну, по крайней мере, ничего, что ты мог бы увидеть, – откликнулась Рут.

– А что еще там есть? – спросил Натаниэль.

– Идем, – сказала Амелия, поднимаясь.

Он пошел следом за ней, но Амелия, вместо того чтобы уютно устроиться с остальными в бистро, села в машину.

Несколько минут спустя они вернулись ровно на то место, где находились час назад.

Ничто не изменилось, разве что все выглядело еще пустыннее.

– Я попросила мадам Зардо повторить то, что она говорила тебе, и она подтвердила, что деревня здесь, – сказала Амелия.

– Я так тебе и говорил, – огрызнулся Натаниэль.

– А еще я позвонила тому топонимисту. Он дал мне координаты на карте. Вот.

Снежная крупа ударяла в лобовое стекло и медленно сползала по нему, скапливаясь внизу.

– Он посмотрел в справочник и подтвердил, что Стропила в тысяча девятьсот двадцатых годах были официально переименованы. В Нотр-Дам-де-Долёр.

– Почему?

– Понимаешь, название Стропила появилось явно по ошибке, – ответила Амелия. – Он нам это рассказал. Деревня вообще не должна была так называться.

– Я знаю. Но почему Нотр-Дам-де-Долёр?

– Я спрашивала, но он не знает. Может быть, по названию церкви.

– Я слышал про Нотр-Дам-де-Грас, – сказал Натаниэль. – И Нотр-Дам-де-Пари. И Нотр-Дам-де-Мерси. И…

– Хорошо-хорошо, я поняла. Нотр-Дам-де-Долёр – название необычное…

– Уникальное.

– Может быть. Но в уникальности нет ничего плохого, верно?

Они посмотрели друг на друга. Девушка изо всех сил старалась быть не такой, как все, а парень изо все сил старался быть таким, как остальные.

– Думаю, да, – согласился он, хотя и неуверенно.

– Месье топонимист удивился такому названию, – признала Амелия. – Однако здесь есть и другие необычные. Сен-Луи-дю-Ха! Ха! к примеру.

– Что, разве есть такое место?

– Oui. Да еще и с восклицательным знаком после каждого «Ха».

– Шутишь!

– Разве я похожа на того, кто склонен шутить?

– Нет, но твои слова похожи. Ха-ха.

Он увидел, что кончики ее губ едва заметно приподнялись. Это можно было принять за маленькую победу.

– И потому жителям Нотр-Дам-де-Долёр еще повезло, да? – сказала она. – Ведь могло быть и хуже.

– Оно и было хуже. Стропила.

Но на него произвело впечатление, что она раскопала все это. Не отступила, когда другие отказались. Когда он опустил руки.

Но имело ли это значение? Даже если именно здесь прежде стояла деревня, теперь от нее уже ничего не осталось.

Они сидели бок о бок и смотрели на медленно запотевающие окна.

– Она исчезла, – сказал Натаниэль.

– Ты упускаешь главное. Может, она и исчезла, но когда-то все же находилась здесь. И я уверена, кто-нибудь из жителей остался. Люди всегда остаются. Идем.

Она вышла из машины, прежде чем он успел возразить – сказать, что не осталось никого. По крайней мере, никого живого.

И тут он понял, что имела в виду Амелия. Что имела в виду мадам Зардо.

Люди находились в шести футах ниже уровня земли. Оставшиеся жители были останками.

Деревня Нотр-Дам-де-Долёр, урожденная Стропила, превратилась в поселение призраков.

Они провели здесь час, промокли до костей и замерзли, но все же нашли кладбище. На кладбище наступал лес, особенно густой в этом месте. Надгробия провалились, некоторые лежали перевернутые, но надписи на многих еще можно было прочитать. Их изготовитель глубоко высек буквы в местном граните.

Амелия и Натаниэль почти не замечали, что снежная крупа перешла в обычный снег, пока не осмотрели все камни, которые нашли.

Когда они взглянули друг на друга, между ними падали крупные снежинки.

Стояла почти полная тишина, раздавался лишь знакомый шорох падающего снега. На них. На деревья. На землю.

И теперь до них донеслись другие звуки. Стук. Звон. Бряцание.

Литавры.

Лес отвечал им музыкой.

Час спустя они вошли в бистро и вручили Оливье два металлических ведерка.

Он настороженно заглянул в них и улыбнулся.

– Ведерки с кленовым соком. Где вы их взяли? – Восхищенный, он поставил их на пол. – Таких настоящих ведер теперь и не увидишь. И они полные.

– Сок из большинства других ведерок мы перелили в эти, – сказал Натаниэль.

– Мы решили, жалко будет, если пропадет, – сказала Амелия. – Нашли их в лесу около Стропил.

– Вы обнаружили деревню?

Они кивнули.

Позади Оливье у огня сидела Рут. Она подняла руку и, когда кадеты помахали ей, приветственно выставила вверх палец.

– Она понимает, что это значит? – шепотом спросил Натаниэль у Оливье.

Оливье рассмеялся:

– Можешь не сомневаться. А ты?

– Ну, это означает…

– Это означает, что вы ей нравитесь.

Жак и Хуэйфэнь тоже сидели в бистро за столиком, который теперь

считался кадетским, пили горячий шоколад и разглядывали карту. Они кивнули кадетам-первогодкам.

Но Амелия и Натаниэль с дружеским «bonjour» прошли мимо них к столику Рут.

– Я бы предложила вам присесть, но не хочу, – заявила Рут.

Натаниэль поднял руку и медленно распрямил средний палец. Он никогда никому не показывал этот жест. Хотя и хотел. Много-много раз. Никогда не показывал. И вот сделал это в первый раз, в отношении старой женщины.

Он не думал, что тут есть причина гордиться собой, и все равно показывал ей палец. Хотя ужас волнами накатывал на него.

Роза, сидевшая на коленях Рут, пробормотала: «Фак, фак, фак».

И Рут рассмеялась:

– Да какого черта. Садитесь. Только ничего не заказывайте.

Они сняли мокрые куртки и повесили на гвозди у огня, потом чуть подвинули свои стулья к теплу. Рут наклонилась к кадетам и рассмотрела их. Вымокших, промерзших до костей. Но счастливых.

– Вы нашли Стропила, – сказала она, и они кивнули. – А могилу вы нашли?

Клара и Мирна поехали с Рейн-Мари в историческое общество в Сен-Реми. Секретарь подтвердила, что была проведена очень успешная ретроспектива об участии региона в Великой войне.

– Тогда, может, вы мне скажете, где все эти материалы? – спросила Рейн-Мари.

– Мы же отдали их вам, – удивилась пожилая квебекская волонтерша.

– Вы дали мне много коробок, – подтвердила Рейн-Мари. – И большинство из них я разобрала, но не нашла ни одного документа о Первой мировой войне.

Женщина явно подозревала Рейн-Мари в том, что она либо потеряла, либо украла коробки. И Рейн-Мари вдруг поняла, что она и сама примерно так же глядела на научных сотрудников, когда те заявляли, что не могут найти какие-то материалы, хотя она была уверена, что они лежат там, где и должны лежать.

Она посмотрела в это вежливое, подозрительное лицо и улыбнулась:

– Я знаю, это кажется невероятным, но я правда искала, и там ничего нет.

– Мм. – Женщина откинулась на спинку пластикового стула. – Куда же они могли деться?

Она задумалась. Рейн-Мари ждала. Клара и Мирна убивали время, разглядывая постоянную выставку в большой комнате позади стола волонтерши. Там была одежда, фотографии, карты.

– Смотри-ка, эта подписана, – сказала Клара. – Тюркотт.

– И год. Тысяча девятьсот девятнадцатый.

Они ясно увидели Сен-Реми, процветающий лесозаготовительный городок, и Уильямсбург, и даже Стропила. Еще не перекрещенные в Нотр-Дам-де-Долёр.

А Трех Сосен не увидели.

– Почему? – спросила Клара.

Но у Мирны не было ответа. Она подошла к манекену в кружевном свадебном платье. Обхват талии у манекена не превышал обхвата запястья Мирны.

– Тогда люди были меньше, – объяснила она Кларе. – Из-за недостатка питания.

– Из-за недостатка круассанов.

– И как только они выживали? – произнесла Мирна, покачивая головой.

– Дух первопроходцев, – ответила Клара.

– Я все выяснила, – окликнула их Рейн-Мари от стола секретаря. – Уходим.

– Куда? – спросили Клара и Мирна, догнав ее.

– В Легион. Выставка устраивалась там, и секретарь считает, что экспонаты перекочевали в подвал и о них все забыли.

– Ирония судьбы, – сказала Мирна.

Коммандер Гамаш бóльшую часть дня провел в своем кабинете в академии. За закрытыми – хотя и не запертыми – дверями.

Но послание было ясным.

«Не суйтесь».

Для Бовуара это было непереносимым.

В тысячный раз за этот день Жан Ги Бовуар остановился напротив этой двери и посмотрел на нее.

– Он у себя? – в тысячный раз спросил он у помощницы коммандера, сидящей за своим столом.

– Oui. Весь день у себя, – ответила мадам Марку.

– И что делает?

Она смерила Бовуара недоуменным и насмешливым взглядом. Он понимал, что она ничего ему не скажет, даже если и знает. Но не спросить

не мог.
Он наклонился к двери, однако ничего не услышал.
Насмешливость в глазах мадам Марку сменилась неодобрением.
– Он сказал, чтобы его не беспокоили. Вы нашли того, кто убил профессора Ледюка? – спросила она.
– Нет пока, но…
– Тогда, может, вам лучше заняться этим?
Это был не вопрос.
К концу дня Жан Ги вернулся, надеясь, что помощница уже ушла, но она все еще сидела на своем месте.
Бовуар улыбнулся ей, прошагал по приемной и постучал. И вошел. Она вскочила со своего места и закричала: «Стойте!»
Арман Гамаш поднял острый взгляд и инстинктивно ухватился за крышку ноутбука.
Он посмотрел на Жана Ги и медленно опустил крышку. Этот жест был посильнее, чем пощечина.
Некоторое время они сверлили друг друга глазами, затем Жан Ги перевел взгляд на закрытый ноутбук.
– Извините, сэр, – сказала помощница.
Она стояла в дверях и взглядом прожигала Жана Ги насквозь.
– Ничего страшного, мадам Марку, – сказал Гамаш, поднимаясь из-за стола. – Вы можете нас оставить. Я все равно на сегодня закончил. Спасибо, что задержались.
Мадам Марку помедлила у двери.
– Все в порядке, Шанталь.
Она смерила Бовуара недовольным взглядом и тихонько закрыла за собой дверь, а двое мужчин остались смотреть друг на друга.
– Мы выяснили насчет глушителя, – сказал Бовуар. – Изготовлен компанией в Теннесси. Специализируется на изготовлении оружия по заказу. У них сохранились документы по заказу Ледюка. Через границу он его провез, видимо, контрабандой.
Гамаш хмыкнул, выразив тем самым неодобрение, но не удивление, и махнул рукой в сторону мест для посетителей. Подальше от стола, заметил Бовуар. И закрытого ноутбука.
– Ты пришел сообщить мне это? – спросил Гамаш, садясь и снимая очки для чтения.
Бовуар сел напротив Гамаша и подался вперед:
– Шутки в сторону, patron. Что случилось? Что вы здесь делаете?
– Если не считать того, что это мой кабинет? – В его голосе слышалась

необычная для Гамаша нотка раздражения. – Чего ты хочешь, Жан Ги?

Этот простой вопрос переполнил чашу терпения Бовуара.

Он хотел знать, почему месье Гамаш весь день сидел за закрытой дверью.

Он хотел знать, почему Гамаш закрыл ноутбук. Что там в нем?

Он хотел знать, почему на самом деле Гамаш увез этих кадетов в Три Сосны.

Он хотел знать, почему отпечатки пальцев Гамаша оказались на орудии убийства.

Он хотел знать, почему Гамаш просил, чтобы следователем со стороны им назначили Поля Желина, почему Гамаш в ходе расследования лгал и старшему инспектору Лакост, и ему, Бовуару.

Он хотел знать, кто такая на самом деле Амелия Гамаш.

И он хотел знать, кто убил Сержа Ледюка, потому что в этих ранних сумерках до Бовуара постепенно доходило, что месье Гамаш, возможно, знает.

Но Жан Ги Бовуар сидел молча. Вглядывался в знакомое лицо. Которое становилось чужим.

– Я хочу, чтобы вы впустили меня.

Он отвел глаза от Гамаша и медленно повернул голову к закрытому компьютеру.

– Почему Поль Желина подозревает меня в убийстве Сержа Ледюка? – спросил Гамаш.

– Я думаю, это началось с отпечатков пальцев.

Гамаш кивнул:

– А как мои пальцы оказались на орудии убийства?

Бовуар почувствовал, как у него скрутило живот.

– Не знаю, – тихо, почти шепотом произнес он. – Но это частичные отпечатки. Они явно не ваши.

– Нет-нет, они мои.

Наступила полная тишина. Только в ушах Бовуара стоял шум, потому что кровь покидала его конечности, устремляясь к центру. Отступала. Убегала. И в голове у него становилось пусто.

– Что вы хотите мне сказать?

– Мы с тобой оба знаем, что частичные отпечатки не являются доказательством, – сказал Гамаш. – Мы говорим, что не относимся к ним серьезно. Но на самом деле относимся. И правильно делаем. Как часто они выводили нас на убийцу?

– Часто, – признал Жан Ги.

– И на этот раз они сделают то же самое.

– Вы хотите…

– Признаться? Non. Я никогда не прикасался к этому револьверу. Я даже не знал, что у Ледюка есть револьвер, а если бы узнал, то это не сошло бы ему с рук.

– Частичные отпечатки Бребёфа тоже есть на револьвере. Вы хотите сказать, что это он? Но он бы протер оружие. Как и вы. Амелия Шоке? Ее отпечатки обнаружились на револьвере и на футляре, и карта принадлежала ей. Это она его убила?

В наступившую паузу он вставил еще один вопрос:

– Кто она?

– Я не могу тебе сказать.

– Кто она? – повторил Бовуар более твердым голосом. – Между вами какая-то личная связь? Поэтому вы поменяли прежнее решение и приняли ее в академию. Поль Желина был прав.

– Да, прав. Но сначала я должен поговорить с мадам Гамаш.

– Она ваша…

– Я больше ничего тебе не скажу, Жан Ги. Я тебе доверяю, и это единственная причина, почему я отвечал на твои вопросы.

– Но не настолько доверяете, чтобы сказать мне правду.

– Я сказал тебе правду. Просто пока не могу сказать больше. Ты должен мне верить.

Гамаш встал, сразу же поднялся и Жан Ги. Они двинулись к двери.

– Вы знаете, кто убил Герцога? – спросил Бовуар.

– Думаю, что знаю. Однако доказательств у меня нет.

– Тогда скажите мне.

– Не могу. Но знай, что разгадка в отпечатках на револьвере.

Бовуар остановился, поставив ногу так, чтобы Гамаш не мог открыть дверь.

– Заместитель комиссара Желина собирается арестовать вас за убийство.

– Думаю, да.

– Вас это, кажется, не беспокоит.

– Если я не бегаю с криками по коридору, это не значит, что меня ничего не беспокоит. Но я не паникую. У него свои планы, у меня свои.

– Вы, наверное, жалеете, что пригласили его, – сказал Жан Ги. – Почему вы это сделали? Вы пригласили его за спиной Изабель. Вы бы никогда не потерпели такого, когда были старшим инспектором, и все же вы это сделали.

Гамаш выглядел теперь невероятно усталым. Он посмотрел в глаза Бовуару. Поначалу Жан Ги подумал, что месье Гамаш размышляет, довериться ему или нет, но потом это превратилось во что-то другое.

Месье Гамаш держался за взгляд Жана Ги, как моряк цепляется за обломки корабля в шторм.

Он был человеком за бортом.

– Шанс показался мне слишком хорошим, чтобы его упустить, – ответил Гамаш. – Заместитель комиссараКККП оказался в этот момент в Монреале. Я должен был попросить.

– Вы могли бы действовать через Лакост.

– Да, но я сомневался, что он ответит на ее просьбу. Ее он не знает.

– Он и вас не знает, если подозревает в убийстве.

– Ты ведь тоже меня подозреваешь, разве нет?

– Я не подозреваю, – отрезал Бовуар, хотя они оба знали, что это лукавство, если не обман. – Желина сегодня опять едет с вами в Три Сосны?

– Едет. Я его снова пригласил.

– Зачем?

– Чтобы он мог приглядывать за мной, – сказал Гамаш и улыбнулся. – А я мог приглядывать за ним.

– Хотите, я поеду с вами? И останусь на ночь.

– Нет, поезжай к Анни. Я говорил с ней сегодня. У нее такой счастливый голос.

Арман Гамаш протянул Жану Ги руку жестом, который выглядел удивительно формальным.

Жан Ги пожал ее.

– Не верь всему, что думаешь, – сказал Гамаш, прежде чем отпустить руку зятя и открыть перед ним дверь. – Это сказал Пема Чодрон. Буддийский монах.

– Конечно, – сказал Бовуар и тяжело вздохнул, когда дверь за ним закрылась.

Он повернулся и сразу лицом к лицу столкнулся с Шанталь Марку, которая стояла у своего стола в длинном пальто и натягивала на голову вязаную шапочку.

Она открыла дверь в коридор и пропустила его вперед.

Она пошла в одну сторону, а он – в другую, думая о том, что могла услышать мадам Марку через закрытую дверь. И была ли она секретарем Сержа Ледюка до переворота и прибытия коммандера Гамаша.

Глава тридцать шестая

– Значит, деревня Стропила все же не фантом, – сказал Жак, когда Натаниэль и Амелия присоединились к ним за столиком в бистро. – А ведь и не подумаешь, что эта дыра когда-то была там.

– Верно, – согласилась Амелия. – Это не было очевидно. Нам пришлось потрудиться.

Она сердито посмотрела на Жака и только потом взяла у Оливье стакан густого горячего шоколада со свежевзбитыми сливками:

– Merci.

Немного удивленный такой вежливостью, Оливье, улыбнувшись, ответил:

– De rien[66].

– И после всего этого вы нашли лишь пару ведер кленового сиропа. – Жак подвинул свою пустую кружку к Оливье, тот забрал ее и ушел. – Хорошая работа.

– Не сиропа, а сока, – поправил его Натаниэль.

Хуэйфэнь следила за разговором младших кадетов со старой поэтессой и хотя ни слова не слышала, но видела, что безумная старуха слушает внимательно.

Ясное дело, они нашли не только сок.

– Что вы еще нашли? – спросила она.

– А тебе-то что? – огрызнулась Амелия.

– А нам-то всем что? – парировала Хуэйфэнь. – Нас могло бы и не быть здесь, но мы все работаем вместе.

– А вот и нет, – заявил Натаниэль. – Вы оставили меня на обочине дороги. Сели в машину и хотели уехать.

– Ничего подобного, – возразил Жак. – Я завел двигатель, чтобы обогреться и поторопить тебя.

– Я же не волынил, я продолжал искать Стропила, а вы сдались, ленивое дерьмо.

– Ах ты, гаденыш…

Жак рванулся к Натаниэлю, но Хуэйфэнь остановила его, прикоснувшись пальцами к его руке.

Амелия заметила ее легкое движение и уже не в первый раз подумала о власти, которую эта маленькая женщина имеет над таким здоровенным парнем. И уже не в первый раз задумалась о том, сколько власти она сама

имеет над Жаком.

Хуэйфэнь может остановить его, когда тот собирается совершить какую-нибудь глупость, но может ли она побудить его к действию?

– Ты просто боишься признать, что был не прав, – сказала Амелия.

– Я не боюсь. Ничего не боюсь. – Жак сердито посмотрел на Амелию. – Сколько мне еще доказывать это?

– Да нет, ты вот прямо сейчас боишься, – тихо произнесла Хуэйфэнь. – И тогда боялся. Мы все боялись.

Смех, тепло, уют бистро – все исчезло, когда четверо молодых людей сердито уставились друг на друга.

Но тут громко хлопнула входная дверь, и они вернулись обратно в бистро.

Коммандер Гамаш и заместитель комиссара Желина только что вошли, и порыв ветра захлопнул за ними дверь.

Они потопали ногами по коврику у входа, смели снег с одежды, отряхнули шапки о колено. Это типичное квебекское действо впитывалось с молоком матери.

Снег с наступлением вечера опять перешел в крупу с дождем и молотил по окнам, скапливаясь на карнизах.

Гамаш снял мокрую куртку, повесил на крючок у двери и, потирая замерзшие руки, с удовольствием задержал взгляд на огне, пылающем в двух каминах по разным концам большого зала с открытыми балками под потолком. В помещении собралось на удивление много народа для такой непогоды. Но кое-кто из постоянных клиентов отсутствовал.

Рейн-Мари, Клара, Мирна, Рут и Габри остались в доме Гамашей, перед ревущим огнем в камине. Они потягивали вино и перебирали коробки с документами, обнаруженные в подвале Канадского королевского легиона.

– Смотрите, – сказала Клара, – тут на заднем плане мой дом.

Она показала им фотографию женщины и двух молодых людей в солдатских обмотках. Военная форма казалась слишком тесной для них, а улыбки были слишком широкими.

Они стояли на деревенском лугу, а между ними – крестьянка в праздничной одежде, неловкая, смущенная и исполненная гордости за своих крепких сыновей, обнимавших ее за округлые плечи.

– Посмотрите на сосны, – сказал Габри. – Они такой же высоты, что и парни.

По пути к дому Гамашей они прошли под этими деревьями. Сосны высились над деревней, сильные и прямые, и они все еще продолжали

расти.

– Я думала, они росли тут не один век, – сказала Мирна. – Как Рут.

– Так оно и было, – кивнула Рут. – Три сосны, те или иные, всегда росли на деревенском лугу.

Это прозвучало так авторитетно, что Мирна и вправду задумалась, уж не прожила ли Рут несколько веков. Вросла корнями, замариновалась. Как старая репа.

– Возможно, самые первые сосны умерли, – сказала Клара. – Нет ли одного из этих парней на витраже в церкви?

Она пустила фото по кругу.

– Трудно сказать, – откликнулась Мирна. – Это точно не тот юноша, что в центре, а два других стоят в профиль.

– А имена там есть? – спросил Габри.

Рут взглянула на оборотную сторону фотографии.

– Жо и Норм Валуа, – прочла она.

Друзья посмотрели на нее, свою энциклопедию утрат.

Рут кивнула:

– А на стене есть и третий Валуа. Пьер. Вероятно, еще один брат.

– Боже мой, – прошептала Рейн-Мари и отвернулась от фотографии, не в силах смотреть в глаза мадам Валуа.

– Наверное, Пьер и сделал фотографию, – предположил Габри. – А может, их отец.

Фотография вернулась к Кларе. Был ли Пьер младшим сыном или старшим? Поступил ли он в армию позднее, чтобы быть вместе с братьями? Или уже ждал их там? Нашли ли они друг друга перед смертью? Большинство ребят оказывались в одном полку, а нередко и в одной роте. И погибали в одном сражении.

Ипр, Вими, Фландрия, Сомма, Пашендаль. Названия, известные теперь всем, но незнакомые для трех братьев.

Клара не могла оторвать глаз от фотографии с молодыми людьми, молодыми соснами и ее домом, ничуть не изменившимся, на заднем плане.

Может, они выросли в ее доме? Может, туда и доставлялись телеграммы? И падали одна за другой из рук матери на плитки пола? Копились там. Листки горя.

«С глубоким прискорбием сообщаем вам…»

Не потому ли в ее коттедже всегда ощущалось такое спокойствие? Для него было привычным предлагать утешение безутешным.

Клара положила фотографию на диван рядом с собой и продолжила перебирать содержимое коробок, искать мальчишек с витража.

На многих фотографиях были запечатлены изрытые поля, где прежде стояли французские и бельгийские деревни, отправленные в небытие бомбардировками и артобстрелами. Они исчезли, сровнялись с землей.

– Мы можем помочь? – спросил Арман, когда после возвращения из академии они с Желина переоделись, собираясь идти в бистро.

Рейн-Мари не ответила, она молча глядела в коробку из-под обуви, стоящую у нее на коленях. Гамаш наклонился к ней и увидел содержимое коробки.

Телеграммы.

– Вы только посмотрите, – нарушил тишину Габри. Он вертел в руках компас. – Я так и не научился управляться с подобными вещицами.

– Вот он, главный потерянный мальчик, – сказала Мирна, и Рут фыркнула со смеху или потому, что опять затолкала оливку в ноздрю.

– Вам нужно заняться ориентированием, – посоветовал Гамаш, когда Габри передал компас ему.

– Спасибо, меня вполне устраивает моя ориентация, – отшутился Габри.

Стекло на компасе растрескалось, но стрелочка все равно находила север.

– Когда наиграешься этой штукой, Клузо, сходи к молодежи, – сказала Рут. – Они в бистро и хотят с тобой поговорить.

– Пойдемте? – спросил Гамаш у Желина.

Тот кивнул:

– Стаканчик виски у огонька – это неплохо.

Придя в бистро, Гамаш жестом попросил у Оливье два виски, а потом они с Желина прошли между столиками к кадетам. Те поднялись, но коммандер движением руки усадил их.

– Рут намекнула, что вы хотите поговорить со мной, – сказал Гамаш, садясь и разглаживая волосы, растрепавшиеся, когда он снял шапку. – Что-то случилось?

У четверки был расстроенный вид. Двое раскраснелись, двое побледнели.

– Да мы просто спорили, – сказала Хуэйфэнь. – Ничего нового.

– О чем? – спросил Желина, садясь.

– Эти двое нашли Стропила, или Нотр-Дам-де-Долёр, или как уж она называется, – сообщила Хуэйфэнь. – А мы сдались.

– Вряд ли это имеет значение, – пробурчал Жак. – Там ничего не было, кроме снега. И кленового сиропа.

– Сока, – поправил его Натаниэль. – К тому же там был не только сок.

– Что же вы нашли? – спросил Гамаш, поблагодарив Оливье за виски.
– Кладбище.
В голосе Натаниэля зазвучало волнение, глаза засверкали.
– Оно все заросло, – сказала Амелия. – Но по-прежнему там.
– И?.. – спросил Гамаш.
Натаниэль отрицательно покачал головой:
– Антони Тюркотта мы не нашли.
– Вообще ни одного Тюркотта, – добавила Амелия.
Гамаш удивленно откинулся на спинку стула. Задумался.
– Разве топонимист не говорил, что Тюркотт похоронен там?
– Говорил. Об этом даже в Канадской энциклопедии написано.
Гамаш снова подался вперед, поставил локти на стол и оперся подбородком на руки. И уставился в темноту за окном, где, выхваченные из мрака светом бистро, бешено плясали снежинки.
– А что, если могильные камни упали и их засыпало землей? – предположил он.
– Все может быть, – согласилась Амелия. – Но кладбище маленькое, и большинство надгробий мы легко отыскали. Можем вернуться туда завтра и посмотреть повнимательнее.
– Стоит ли трудиться? – заговорил Жак. – Он просто пытается занять нас чем-то. Неужели ты не понимаешь? Какое это может иметь значение? И, кроме того, он больше не участвует в расследовании.
– А вы не офицеры полиции, – отрезал Гамаш. – Вы кадеты, а я ваш коммандер. И вы будете делать то, что я говорю. Я терплю ваше неповиновение по одной-единственной причине: я думаю, что кое-кто напакостил вам в голову. Наговорил всяких небылиц.
– И вы здесь для того, чтобы перевоспитать меня, так, что ли? – усмехнулся Жак.
– По существу – да. Вы на пороге выпуска, и что потом?
– Я стану офицером Квебекской полиции.
– В самом деле? В академии многое изменилось, а вы не хотите меняться. Вас заело. Вы обледенели. Может, даже окаменели. – Гамаш понизил голос, хотя все за столиком слышали его. – Пришло время решать, Жак, хотите вы двигаться вперед или нет.
– Вы понятия не имеете, кто я и что сделал, – прошипел в ответ Жак.
– А что вы сделали? – спросил Гамаш, не сводя глаз с молодого человека. – Скажите мне сейчас.
Хуэйфэнь протянула руку. Предупредительное прикосновение. Опять. Легкое, но не оставшееся незамеченным.

И мгновение, когда Жак мог бы что-то сказать, прошло.

Недовольно взглянув на Хуэйфэнь, Гамаш повернулся к Натаниэлю и Амелии:

– Вы хорошо поработали.

– И что нам делать теперь? – спросил Натаниэль.

– Теперь вы поужинаете с нами, – сказал Гамаш, вставая. – Вы, наверное, проголодались.

– И мы тоже? – спросила Хуэйфэнь, поднимаясь вместе с Жаком.

Коммандер посмотрел на них и коротко кивнул, а затем отправился к стойке бара, оплатил еду кадетов за этот день и пригласил Оливье присоединиться к ним.

– Что с тобой? – спросила Анни.

Пока они сидели на диване и смотрели новости, Жан Ги растирал ее опухшие ноги. Но вид у него был отсутствующий.

– Просто задумался.

– О чем?

Он помедлил, не желая расстраивать Анни мыслями, которые казались ему безумными, а в следующий момент – вполне убедительными.

– Как ты думаешь, твой отец мог когда-нибудь…

– Oui?

Анни откусила огромный кусок эклера, который она использовала как закуску.

Бовуар посмотрел в невинные глаза жены, и эта мысль снова показалась ему безумной. Арман Гамаш никогда бы…

– Да нет, ерунда.

– Что ерунда? – Она положила эклер на тарелку. – Скажи мне. У отца неприятности? Что-то случилось?

Ну вот, он все-таки расстроил ее, и теперь она не отстанет, пока не выпытает у него все.

– Тут к нам прикрепили одного старшего офицера из КККП в качестве независимого следователя, и он, похоже, думает, что твой отец, возможно…

– Имеет какое-то отношение к убийству?

– Ну не то чтобы имеет, просто…

Она скинула ноги с его коленей и села. В дом вернулась Анни-юрист.

– Есть какие-нибудь улики?

Жан Ги вздохнул:

– В лучшем случае косвенные.

– А в худшем?

– Отпечатки пальцев.

Анни подняла брови. Этого она никак не ожидала.

– Где?

– На орудии убийства.

– Господи Исусе. И это револьвер, да?

– Твой отец говорит, он к нему не прикасался, даже не знал, что у Ледюка есть револьвер.

– Он бы не допустил, чтобы в академии находилось оружие, – произнесла Анни, задумчиво прищурившись.

– Именно это он и сказал. Отпечатки частичные. Его, одного из кадетов и Мишеля Бребёфа.

– Частичные? – Лицо Анни разгладилось. – Тогда они неприемлемы. И они наверняка не его.

– Сегодня днем он сказал мне, что его.

– Постой. – Она подалась к мужу. – Он утверждает, что никогда не прикасался к орудию убийства, но все же говорит, что отпечатки его. Это бессмысленно.

– Я знаю. Он сказал, что, по его мнению, разгадка убийства в этих отпечатках.

– Значит, он говорил про другие отпечатки. Дяди Мишеля и того кадета, – сказала Анни. – Вот что он, вероятно, имел в виду. Кто он?

– Кадет? Это девушка. Амелия Шоке.

Он посмотрел на жену, но она никак не прореагировала на имя. Жан Ги не хотел продолжать, и Анни сразу почувствовала это:

– Ну-ка выкладывай, что там еще!

– Похоже, между ними есть какая-то связь.

– Между папой и Мишелем Бребёфом? Да, конечно. Ты сам знаешь.

– Нет, между Амелией Шоке и твоим отцом.

– Что ты имеешь в виду? – насторожилась она.

– Не знаю. Просто подумал, говорит ли тебе что-нибудь это имя.

– А должно говорить? Ну же, Жан Ги, что у тебя на уме?

Он тяжело вздохнул, представив себе, сколько вреда принесут его слова.

– Как ты думаешь, у твоего отца мог быть роман?

Этот вопрос ударил по Анни, как наковальня по мультяшному коту. Вид у нее был ошеломленный, и Жан Ги почти видел звездочки и маленьких птичек, летающих вокруг ее головы.

Анни смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова. Наконец она выпалила:

– Конечно не мог.

– У многих мужчин такое случается, – мягко произнес Жан Ги. – Вдали от дома. Искушение. Момент слабости.

– Мой отец – мужчина, как и любой другой, и у него есть свои слабости, – сказала Анни. – Но не такая. Только не такая. Он бы никогда, ни за что не предал мать. Он ее любит.

– Я согласен. И все же я должен был спросить. – Он взял ее за руку и рассеянно покрутил обручальное кольцо на ее пальце. – Я тебя обидел?

– Ты меня разозлил тем, что вообще спросил об этом. А если уж ты решился задать этот вопрос, то что думают другие? Например, офицер из конной полиции. Ведь он-то папу не знает, верно?

– Не знает, но он сейчас с твоими стариками в Трех Соснах.

– Ты должен поехать туда, Жан Ги. Ты должен быть рядом с папой. Проследи, чтобы он не наделал каких-нибудь глупостей.

– Например, не убил кого-нибудь или не закрутил роман?

– Ну, ты уже все смешал в кучу, – сказала Анни со слабой улыбкой.

– Я предложил поехать с ним, но он велел мне остаться с тобой.

– Со мной все хорошо. Ребенок родится не раньше чем через несколько недель.

Жан Ги встал и поднял ее с дивана:

– Ты хочешь, чтобы я уехал, а ты бы смогла прикончить коробку с эклерами?

– Вообще-то, с минуты на минуту должен приехать развозчик пиццы. Я хочу, чтобы тебя к этому времени уже не было. Он очень ревнивый.

– Променяла меня на пепперони. Мама предупреждала, что этим кончится.

– Глория Стайнем[67] тоже предупреждала.

Глава тридцать седьмая

– «Мэри Поппинс», – сказала Клара. – Просто идеально.

Она с облегчением вздохнула, опускаясь на диван, а Арман открыл большой шкаф, внутри которого стоял телевизор.

Они поужинали. Пастуший пирог от Мирны. Пахучий хрустящий чесночный хлеб от Клары. И большой шоколадный торт, который Габри приготовил днем, зная, что им предстоит долгая работа.

Это оказалось гораздо труднее, чем они предполагали. Они так сосредоточились на тайне юношей с витража, что даже не думали про содержимое коробок, забытых в подвале Легиона.

Все, что осталось от такого количества молодых людей. Великая война уничтожила цветы Европы и прихватила с собой дикую флору Канады. Поколение молодых людей исчезло. А все, что от них осталось, лежало забытое в старых коробках в подвале.

В одном из писем домой лежал мак. Сплюснутый. Хрупкий, но все еще ярко-красный. Сорванный однажды утром, прямо перед сражением, в уголке Бельгии под названием Фландрские поля.

И тут друзья сдались. Не смогли продолжать.

Рейн-Мари, Клара, Мирна, Рут и Габри отложили коробки в сторону и устремились в кухню, где другие уже приготовили ужин. Ели в мрачной атмосфере, пока не заметили, что молодые люди поглощают еду так, словно их не кормили сто лет. Громадные куски пастушьего пирога исчезали в четырех ненасытных желудках.

Все четверо попросили добавки. Поскольку аппетит у местных жителей пропал, кадетам досталось немало.

Даже Рут улыбалась, глядя на них. Хотя, возможно, ее мучили газы.

– Шоколадный торт? – напомнил Габри.

Эти волшебные слова вернули аппетит деревенским, и все взяли по высокому куску сочного торта в гостиную, прихватив с собой кофе.

– «Мэри Поппинс»? – предложила Рейн-Мари.

– «Мэри Поппинс», – согласилась Клара. – Просто идеально.

– Девочки смотрят этот фильм каждый раз, когда приезжают, – сказала Рейн-Мари, передавая диск мужу.

– Девочки? – переспросила Хуэйфэнь.

– Наши внучки, – пояснила Рейн-Мари. – Флоранс и Зора.

– Зорро? – произнес Жак с серьезнейшим видом.

Но строгий взгляд Гамаша стер это выражение с лица кадета.

– Зора, – поправил его Гамаш. – Ее назвали в честь моей бабушки.

– На самом деле она вам не бабушка, – возразил Желина. – Она была одной из ПЛ после Второй мировой войны.

Гамаш посмотрел на него. Послание опять не вызывало сомнений. Поль Желина сделал свою домашнюю работу. И дом, над которым он работал, принадлежал Гамашу.

– ПЛ? – переспросил Натаниэль.

– Перемещенные лица, – расшифровала Мирна. – Те, у кого не осталось ни дома, ни семьи. Многие из концентрационных лагерей. Их освободили, но куда они могли пойти?

– Мой отец заплатил за переезд Зоры в Канаду, – объяснил Арман.

Он знал, что вполне может им рассказать. Никакой тайны здесь не было. И рано или поздно это все равно стало бы известно.

– Она приехала и стала жить с нами, – сказал Гамаш, включая телевизор и дивиди-плеер. – Мы стали ее семьей.

– А она стала вашей, – подхватил Желина. – После смерти ваших родителей.

Гамаш повернулся к нему:

– Oui.

– Зора, – с любовью произнесла Рейн-Мари. – Означает «заря». Приход света.

– Такой она и была, – кивнул Арман. – Ну, мы уверены, что хотим смотреть «Мэри Поппинс»? У нас еще есть «Золушка». И «Русалочка».

– Я никогда не видела «Мэри Поппинс», – сказала Амелия. – А вы?

Другие кадеты помотали головой.

– Суперархиэкстраультрамегаграндиозно[68], – выпалила Мирна. – Вы никогда не видели «Мэри Поппинс»?

– Это ужасно, – согласилась Клара. – Давайте, Арман, включайте.

– Без меня, – сказал Оливье, вставая. – От этой няньки у меня мурашки.

Когда появилась заставка в виде Лондона 1910 года, Оливье исчез в кухне. Немного погодя в кухню зашел Арман, чтобы приготовить кофе. Оливье сидел в кресле у камина. Работал маленький телевизор, на голове у Оливье были наушники.

– Что смотрите?

Оливье подпрыгнул от неожиданности.

Сняв наушники, он пожаловался:

– Господи, Арман, вы меня чуть не убили.

– Прошу прощения. Что показывают?

Он встал за спиной у Оливье и увидел очень молодых Роберта Де Ниро и Кристофера Уокена в баре.

– «Охотника на оленей».

– Вы шутите, – сказал Арман. – «Мэри Поппинс» вас пугает, а «Охотник на оленей» устраивает?

Оливье улыбнулся:

– Разговор о Клэртон напомнил мне об этом великом фильме.

– Почему?

– Я думаю, тут есть связь…

– Нет, я спрашиваю, почему Клэртон?

– Так называется город, откуда родом герои. Вот он. – Оливье махнул рукой на экран, на котором как раз появился кадр с видом пенсильванского города, где выплавлялась сталь.

– Оставляю вас в Клэртоне.

Арман ушел в гостиную и в мир Мэри Поппинс, где отец пел «Жизнь, которую я веду».

На экране перед Оливье Роберт Де Ниро готовился учинить в баре драку с «зеленым беретом».

Дворники на лобовом стекле машины Жана Ги работали на полную катушку.

Он любил сидеть за рулем. Это давало возможность послушать музыку и подумать. А в данный момент он думал об отпечатках пальцев и о вопиющем противоречии в словах тестя.

Отпечатки принадлежали ему. Но он никогда не прикасался к револьверу.

Ключом к раскрытию преступления были отпечатки.

Может, он имел в виду Амелию Шоке?

Несмотря на возражения Анни и собственное чутье, Жан Ги позволил себе сохранить частичку сомнения. Могла ли готка быть дочерью Гамаша? У нее не имелось никакого сходства ни с Анни, ни с ее братом Даниелем. А может, и имелось, только где его разглядеть за всеми этими прибамбасами? Татуировки и пирсинг скрывали, кто она такая на самом деле.

Могла ли Амелия, чье имя не случайно совпадало с именем матери Гамаша, быть результатом слабости, проявленной Гамашем двадцать лет назад?

Но если он знал, кто она такая, то почему принял ее в академию?

Вероятно, он не знал о ее существовании, пока не прочитал заявление,

узнал, когда она родилась и кто ее мать. Имя. И когда совместил все это…

И тогда ему захотелось увидеть девушку.

А после преступления он решил защитить ее. Дочь, о существовании которой он раньше не знал.

Считал ли Гамаш, что она убила Сержа Ледюка? Защищал ли он ее, намеренно уводя в сторону следствие признанием о принадлежности ему отпечатков, которые на самом деле ему не принадлежали?

Введение в заблуждение. Еще один кит.

«Все зловредные истины…»

Дворники шуршали по лобовому стеклу, стряхивая мокрый снег. И Жан Ги, несмотря на непогоду, начинал видеть яснее. Приближаться к истине.

Что, если он выбрал ложный путь? Предположим, Гамаш говорил правду. Отпечатки были его, хотя он и не прикасался к револьверу.

Как такое возможно?

Шур, шур, шур…

Жан Ги почти догадался, он чувствовал, что ответ впереди, в темноте.

Шур, шур…

Он сбросил скорость и заехал на заправку. И там сидел в машине с работающим двигателем, под мокрым снегом, липнущим к крыше, и запотевшим окнам.

Если месье Гамаш не прикасался к револьверу, но отпечатки принадлежали ему, значит кто-то перенес их туда. Кто-то, обладавший таким опытом и навыками, что даже криминалисты не разглядели подделки.

В академии хватало преподавателей, досконально знавших свое дело, и кадетов-выпускников, и приглашенных экспертов, однако подобное было по силам очень немногим.

Для этого требовалось не только умение, но и особый талант в криминалистике и манипуляциях. Данный план не просто воплотили в жизнь. Его наверняка готовили несколько месяцев.

Терпение, время и хладнокровие. Здесь работал выдающийся тактик. И в академии был один такой. Его пригласил лично Гамаш.

Гуго Шарпантье.

Шур, шур, шур…

Арман обнял Рейн-Мари, которая не выпускала из рук коробку из-под обуви, даже когда смотрела кино.

Когда Мэри Поппинс, к удивлению детей Бэнкс, въехала вверх по

перилам, Арман наклонился к жене и прошептал:

– Я сделаю это.

– Я должна.

– Нет, я.

Рейн-Мари ослабила хватку и отпустила старую коробку.

Арман взял ее, протиснулся между кадетами, которые устроились на полу и не отрывали глаз от экрана. Он прошел в кухню, налил себе еще кофе и сел за стол.

В другом конце кухни Оливье, взгромоздив ноги на второе кресло, смотрел кино.

Глубоко вздохнув, Арман заглянул в коробку, наполненную телеграммами, и вспомнил все те случаи, когда ему приходилось лично доставлять скорбную новость.

Видеть, как открывается дверь, а за ней ожидающие, потом взволнованные, потом испуганные лица родителей, супругов, сестер, братьев или детей.

И говорить им, что произошло.

Он помнил все эти случаи. Он закрывал глаза и видел эти лица, умоляющие глаза. Умоляющие сказать, что это неправда. Он чувствовал, как их пальцы сжимают его руку, видел, как они падают. Матери, отцы, мужья и жены – падают на пол. А он подхватывает их и осторожно опускает.

И остается с ними, пока они не находят в себе силы подняться. Странное воскрешение. Навсегда изменившийся мир.

Под песню Мэри Поппинс про ложечку сахара и лекарства Гамаш открыл коробку и принялся читать телеграммы. В поисках одного имени. Тюркотт.

Он думал, что быстро просмотрит телеграммы, проверяя только имена. Но не смог. Он поймал себя на том, что читает их все подряд. В телеграммах обнаруживалось обескураживающее сходство. Офицеры, видимо, были подавлены количеством телеграмм, которые им приходилось отправлять. Вскоре их начали писать скорописью, каракулями, которые хорошо читались сто лет спустя, когда названия тех мест стали всем знакомы, но во время отправки никому ни о чем не говорили. Их ребенок ушел. Навсегда. В какой-то непроизносимой иностранной местности.

Хуже всего было число пропавших без вести, считавшихся мертвыми. Потерянных и так никогда и не найденных.

Их оказалось много. Очень много.

Но ни один из них не носил фамилию Тюркотт.

Может быть, он выжил?

Чутье подсказывало Гамашу, что молодой солдат с картой, изображенный на витраже, не вернулся домой.

Закрыв коробку, он некоторое время сидел, глядя на крышку. Потом посмотрел на Оливье и на безмолвный телевизор.

Из гостиной доносились голоса: трубочист Берт предупреждал детей Бэнкс, что дядя Альберт страдает серьезной заразной болезнью.

Дядя Альберт хихикал, а затем, не в силах больше сдерживаться, захохотал во всю мочь.

«Я люблю посмеяться», – запел дядя Альберт и пел долго, громким и чистым голосом.

А на экране у Оливье грязный, изможденный Роберт Де Ниро вращал барабан револьвера, потом поднес ствол к виску. Глаза у него были сумасшедшие, рот раскрыт, вероятно в крике, но Арман слышал только смех дяди Альберта, доносящийся из соседней комнаты.

Де Ниро нажал на спусковой крючок.

Арман откинулся назад на стуле, тяжело дыша, с широко открытыми глазами.

Уставившись на оружие в руке Де Ниро.

Револьвер. Револьвер.

Опираясь на стул, Арман медленно встал. Оторвал взгляд от маленького экрана и посмотрел в гостиную. На Жака, Хуэйфэнь и Натаниэля. На Амелию. Смеющуюся вместе с дядей Альбертом.

Он все понял.

Глава тридцать восьмая

Когда фильмы закончились, гости ушли. Желина выпил последнюю порцию виски у камина и отправился спать, а Рейн-Мари и Гамаш остались наводить порядок.

– Было так плохо? – спросила Рейн-Мари.

Она думала, что его бледность вызвана тем, что́ он видел в обувной коробке, все еще стоявшей на кухонном столе. Она ошибалась.

– Загубленные молодые жизни, – сказал Гамаш. – «Не дай вам бог попасть в тот ад, где молодость и смех громят».

– Арман? – Рейн-Мари встревожилась, потому что еще никогда не видела его таким расстроенным.

– Désolé. Я размышлял о том, что их заставляли делать.

Она думала, что он говорит о тех парнях в коробке. Она ошибалась.

– Ты нашел молодого Тюркотта? – спросила она.

Гамаш глубоко вздохнул и вернулся мыслями в кухню.

– Non. Эти телеграммы, вероятно, потеряны. Удивительно еще, что столько сохранилось. – Он взглянул на жену и выдавил улыбку. – Тебе понравился фильм?

– Я смотрела его, наверное, в сотый раз, но все равно продолжаю любить.

Рейн-Мари тихо запела «Давай полетаем на воздушном змее», не переставая передавать ему вымытые теплые тарелки.

– Идешь? – спросила она, когда в кухне воцарился порядок.

– Нет, я, пожалуй, останусь еще ненадолго.

Она поцеловала мужа:

– Все в порядке?

Он молча кивнул.

– Не задерживайся допоздна.

Рейн-Мари поднялась в спальню, а Гамаш сел у камина в гостиной, Анри подошел и положил голову ему на колени.

Дом тихонько заскрипел, потом успокоился, только снежная крупа молотила в стекла. Гамашу нужно было посидеть несколько минут в тишине. Подумать.

Наконец он поднялся и прошел по комнате, выключая свет. Он подошел к входной двери, собираясь ее запереть, но тут ручка начала поворачиваться. Шел первый час ночи. Все разошлись по домам. Все

остальные лежали в кроватях.

Гамаш жестом подозвал к себе Анри, они отошли в сторону и заняли место за медленно открывающейся дверью. Анри выставил уши вперед, шерсть на нем встала дыбом, и он зарычал.

Но на всякий случай он встал чуть позади Гамаша. На всякий случай.

Арман сделал движение рукой, и рык прекратился. Но пес оставался настороже. Готовился пуститься наутек в любой момент.

Гамаш наблюдал за открывающейся дверью. Мысли его метались. Он вспомнил машину на холме над деревней. Медленно дающую задний ход. Отступающую. Возможно, тот, кто сидел за рулем, откладывал задуманное до более удобного момента.

И вот этот момент настал.

Незваный гость почти наверняка был вооружен, а Гамаш – нет. Однако у него было большое преимущество неожиданности. И неожиданность ждала его, когда он увидел, кто входит в дверь.

– Ты что здесь делаешь?

– Черт побери, Арман, вы меня до смерти напугали!

Анри тявкнул от радости и облегчения. Его хвост заработал как взбесившийся маятник, а взгляд перебегал с Жана Ги Бовуара на мисочку с едой у двери, потом снова на Бовуара. Пес с планами на жизнь. Серьезными, размером с его пасть.

Пока Жан Ги давал Анри печенье, Гамаш повесил на крюк куртку зятя и подумал, что тот впервые назвал его Арманом. После свадьбы Жана Ги и Анни он много раз просил зятя называть его Арманом в семейной обстановке, но тот все никак не мог перешагнуть через себя. Остановился на компромиссном «patron».

Но потрясение развязало ему язык.

– Ты почему здесь? С Анни все в порядке?

– Конечно, иначе я бы позвонил, – проворчал Жан Ги. – А не тащился бы по такой сраной погоде. Простите мой английский.

Он снял туфли и надел тапочки, которые держал у двери.

– Тогда в чем дело? Не то чтобы я не был рад тебя видеть.

– Анни велела мне приехать.

– Почему?

– Потому что я рассказал ей о подозрениях Желина и она забеспокоилась.

Арман хотел спросить у зятя, зачем он рассказывает жене такие вещи, но сразу вспомнил, что сам делится всем с Рейн-Мари.

А теперь и Жан Ги нашел в Анни задушевного друга. Гамаш не мог

возражать против этого, хотя язык у него чесался.

Глядя в знакомое лицо человека, которому он доверял свою жизнь, Арман испытал прилив облегчения и благодарность к Анни за то, что прислала его.

– Где теперь Желина? – спросил Бовуар.

– В кровати, спит. Пойдем со мной, – позвал Гамаш. – Есть хочешь?

– Умираю с голода, – ответил Жан Ги.

В кухне он подошел к коробке в углу:

– Как Грейси? Обжилась?

Он нагнулся, потом выпрямился и отступил назад при виде того, что там лежало.

– Значит, драконы действительно существуют?

– Это щенок, – убежденно сказал Гамаш, ставя щедрый кусок пастушьего пирога в микроволновку.

– Не обезьянка? – уточнил Жан Ги.

Арман отказался отвечать. Микроволновка бикнула, пирог был извлечен, кола налита, и двое мужчин уселись за сосновый стол.

Жан Ги сделал основательный глоток, подцепил на вилку громадный кусок пирога и посмотрел на тестя:

– Что-то случилось, patron. Что именно?

– Кажется, я нашел мотив убийства, Жан Ги.

Бовуар опустил вилку.

– И что за мотив?

– Сначала мне нужно, чтобы ты позвонил женщине в «Макдермот и Райан» и спросил про ее фамилию.

– Колдбрук?

– Клэртон. Выясни, почему она воспользовалась этой фамилией в письме к тебе. Почему шрифт был немного другой. Надави на нее, Жан Ги. А если она тебе ничего не ответит, скажи ей: «Охотник на оленей».

– Да ну! Скажите мне больше.

– Не могу. Она должна сказать сама. Не хочу, чтобы ты давал ей больше наводок. И даже эту ты должен придерживать до конца, пока не почувствуешь, что это совершенно необходимо.

– D’accord. – Бовуар посмотрел на часы. – В Англии пять утра. Для звонка рановато.

Он взглянул на тестя. На его вытянувшееся лицо.

– Но я позвоню и оставлю сообщение с просьбой позвонить мне при первой возможности.

Арман Гамаш кивнул:

– Merci.

Бовуар прикончил пирог, и Арман отрезал ему громадный кусок шоколадного торта Габри.

Но не отдал торт зятю, а отнес его на стол и поставил перед собой:

– Твоя очередь.

– Вы о чем?

– У тебя тоже что-то есть, да?

Бовуар оторвал глаза от торта и посмотрел на тестя:

– Вы держите торт в заложниках?

– Да.

– Вы злой, недобрый человек.

– А у тебя есть информация, которая мне нужна.

– Это не столько информация, сколько соображения. Вы сказали, что разгадка убийства в отпечатках пальцев. Еще вы сказали, что отпечатки на револьвере ваши, но вы к нему не прикасались. Тут возможны два варианта. Либо вы лжете, либо говорите правду, а значит, кто-то перевел ваши отпечатки на револьвер. Немногие сумели бы сделать это. И сделать аккуратно. Не просто оставить здоровенный четкий отпечаток на револьвере, но немножко его замутить. Чтобы он был неопознаваемым, но не совсем. У меня для таких дел нет навыков. Сомневаюсь, что они есть у вас.

Его тесть отрицательно покачал головой.

– Но один человек мог бы это сделать, – продолжал Жан Ги. – Бывший офицер полиции, которого вы же и принимали на службу, а потом позвали в академию в качестве приглашенного преподавателя. Человек, который в качестве учебника использует Макиавелли. Манипулятор. Гуго Шарпантье.

– Да, – сказал Гамаш, посылая тарелку с тортом через стол к Жану Ги. – Гуго Шарпантье наверняка сумел бы это сделать.

– Однако зачем ему убивать Ледюка?

– Хороший вопрос.

– И физически ему далеко до Ледюка. Тот уничтожил бы его одним взглядом. Разве что состояние Шарпантье не такое плохое, как он демонстрирует.

– Оно именно такое плохое, – сказал Гамаш. – Я смотрел его медицинскую карточку. На самом деле его состояние хуже, чем может показаться.

Жан Ги ел шоколадный торт и размышлял:

– Тогда ему, возможно, нечего терять. А мы знаем, какими опасными бывают такие люди. Сможет ли мадам Колдбрук и в самом деле сказать

мне, почему убили Ледюка?

– Я думаю, она знает или подозревает больше, чем готова сказать добровольно.

Когда три часа спустя зазвонил телефон, Арман еще не ложился. Сидел в кухне у плиты. С одной включенной лампочкой. И смотрел перед собой.

На коленях у него лежала коробка, но не та, что привезли из подвала Канадского королевского легиона.

Эту он достал из своего подвала.

Второго звонка не прозвучало. Наверное, Жан Ги схватил трубку после первого.

Несколько минут спустя Арман услышал шаги на лестнице, мягкие и быстрые. Ноги в тапочках торопились вниз.

Жану Ги потребовались считаные секунды, чтобы найти Армана. Сначала он заглянул в его спальню, потом спустился и проверил кабинет. Наконец он увидел свет в кухне и поспешил туда.

Гамаш успел поставить коробку на пол. И как раз запихивал ее ногой между креслом и стеной, когда появился Жан Ги, который заметил скрытое действие тестя, но был слишком взволнован тем, что услышал по телефону из Англии, чтобы задавать вопросы.

С широко открытыми глазами он остановился в дверях.

Арман встал и повернулся к нему:

– Она подтвердила?

Жан Ги кивнул, он едва мог дышать, а тем более говорить.

Арман тоже коротко кивнул. Подтверждение было получено.

Он опустился в кресло и уставился перед собой. В ночь за окном.

– Как вы узнали? – тихо спросил Жан Ги, садясь в кресло напротив.

– Все дело в револьвере, – ответил Гамаш. – Такой человек, как Ледюк, не стал бы держать при себе револьвер. Разве что была какая-то особая причина. Цель. Вчера вечером, пока все смотрели «Мэри Поппинс», Оливье пришел в кухню и смотрел здесь «Охотника на оленей».

Арман перевел взгляд на Жана Ги:

– Ты видел этот фильм?

– Non.

– И я тоже. Поэтому-то мы и не поняли, когда она добавила «Клэртон» к своей фамилии. Для нас это ничего не значило. Только для тех, кто хорошо знал «Охотника на оленей» и помнил эту сцену. Тебе пришлось назвать фильм, чтобы мадам Колдбрук разговорилась?

– Oui. Я спросил про «Клэртон», но она просто повторила, что это ошибка. И только когда я сказал про «Охотника на оленей», все выяснилось.

Их разговор запечатлелся в его памяти.

«Как вы сказали?» – спросила мадам Колдбрук.

«„Охотник на оленей“, – повторил Бовуар. – Кинофильм».

Он молился, чтобы она не спросила у него почему, ведь он понятия не имел.

«Тогда вы помните сцену с револьвером. Помните, что они заставляют делать Роберта Де Ниро».

«Да», – солгал Бовуар.

Последовала долгая пауза.

«Когда вы поняли?» – спросил он.

«Не сразу. И не из вашего письма. И даже не из начала нашего разговора. Я до сих пор не уверена».

«Но подозреваете. Настолько сильно, что послали нам намек. Вы хотели, чтобы я спросил, вот я и спрашиваю».

«Позвольте задать вопрос, инспектор. Был ли у револьвера какой-нибудь специальный футляр?»

Настала очередь Бовуара сделать паузу.

«Да», – ответил он наконец.

«Тогда это почти наверняка. – Долгий вздох, дошедший из самой Англии. – К нам поступает много звонков из полицейских управлений разных стран с сообщениями о том, что наше оружие использовалось в преступлениях. В большинстве случаев это уличные бандитские группировки. Револьверы в наши дни встречаются редко. Но нельзя сказать, что их совсем нет. И вот когда вы сказали, что жертва была не из тех людей, которые держали бы у себя револьвер, и что его убили одним выстрелом в висок…»

«Вы все поняли», – подхватил Бовуар.

«Я задумалась. Мне показалось, что вам стоит поразмышлять над этим».

«Тогда почему вы не сказали мне во время нашего разговора? – спросил он. – К чему эти туманные намеки?»

«Это против политики нашей компании – признавать, что наши револьверы используются в таких жестоких делах. Меня могли уволить. Но я должна была намекнуть вам. Я понимаю, намек не из самых очевидных, однако большего я не могла себе позволить. Надеялась, что вам известна эта сцена из фильма».

«Мне неизвестна, но коллега увидел фильм вчера вечером, и его осенило. Почему вы спросили о специальном футляре для револьвера?»

«Насколько мне известно, часто воспроизводится какой-то ритуал. Делается специальный футляр. Это становится чем-то вроде церемонии. – Ее голос дрогнул от отвращения. – Я могла ошибаться».

«Но вы не думаете, что ошибаетесь, да?»

Бовуар все еще пребывал в недоумении, но один ответ возник на периферии его сознания. Некая аномалия. Не мысль, а чудовище. Оно пряталось, перебегало за границами его разума.

А после следующих слов мадам Колдбрук оно пересекло границу и впилось прямо ему в разум.

«Только револьвер и можно использовать. Барабан должен вращаться, чтобы игра получилась. Вы думаете, он умер играя?»

Игра.

Кровь отхлынула от конечностей Бовуара так быстро, что он чуть не выронил трубку.

Игра.

Теперь они знали, зачем Ледюку понадобился револьвер.

В свете единственной лампы в кухне Жан Ги смотрел на своего тестя.

Гамаш сидел, уставившись в пол и слегка покачивая головой.

– Вы не могли знать, patron. Должно быть, это продолжалось долгие годы.

Он тут же пожалел о своих последних словах.

Гамаш поморщился, как от боли, поднял голову и посмотрел Жану Ги в глаза.

– Ты можешь себе представить? – спросил он. – Их ужас? И никто ничего не сделал, чтобы остановить это. Я ничего не сделал, чтобы остановить это.

– Вы не знали.

– Я мог его уволить. Должен был его уволить. Я оставил его, чтобы приглядывать за ним, пока не соберу больше информации о его преступлениях. Я смотрел в одном направлении и упустил худшее из того, что делал Ледюк.

– Никто этого не видел.

– Нет-нет, кое-кто видел, – сказал Гамаш, захлебываясь от гнева.

Он сумел обуздать его, но ярость продолжала клокотать в нем.

– Вы правы, – сказал Жан Ги. – Кое-кто знал о том, что происходит. Он приставил револьвер к виску Ледюка и выстрелил.

На лице Гамаша появилось удивительное выражение. Примитивное,

первобытное, дикое мгновение удовлетворения. И исчезло.

– Это и было мотивом?

– Oui, – сказал Гамаш. – Я так думаю.

Мадам Колдбрук спросила, не умер ли Ледюк во время игры. Нет. Он не играл. Никогда. И все же игра убила его. Он был убит. Казнен. Не во время игры, но благодаря ей.

– Тот, кто его убил, хотел впутать вас, – сказал Бовуар. – Поместив ваши отпечатки на револьвер. Чтобы выглядело так, будто вы его убили. Это сделал Шарпантье, да?

Гамаш посмотрел на кухонные часы. Половина четвертого утра.

– Нам нужно немного поспать, – сказал он. – Нам предстоит трудный день.

Но сон не давался Жану Ги. Он лежал, уставившись в потолок. Гамаш спросил, может ли он представить. Он лежал и пытался представить, что переживали кадеты, и не просто кадеты, а чьи-то дочери и сыновья.

Он представил собственного ребенка в такой ситуации. В ситуации, когда никто и пальцем не пошевелил, чтобы остановить это. Помочь им. И Жан Ги начал понимать то дикое выражение на лице тестя.

А еще он вспомнил кое-что другое. Незаметное движение ноги Гамаша, заталкивающей что-то между стулом и стеной.

Сна все равно не было ни в одном глазу, и Бовуар встал и на цыпочках спустился по лестнице в кухню. Включил свет, нашел коробку, поднял ее и уставился на крышку. На ней были отпечатки пальцев. Один комплект, и только один.

Гамаша.

Бовуар смотрел на коробку из-под обуви. Эта коробка была не из тех, что привезли из исторического общества. Он знал, что это личная коробка, личные материалы.

И в ней находились ответы на многие вопросы.

Бовуар медленно нагнулся и поставил ее на прежнее место.

Он повернулся и чуть не свалился на пол. В дверях стоял Гамаш.

– Разве тебе не говорили, Жан Ги, что, если ты собираешься делать что-то тайное, свет включать не нужно?

– Я пропустил это занятие.

Гамаш улыбнулся и подошел к Жану Ги. Перевел взгляд с человека на коробку на полу, потом снова на человека.

– Merci.

– Я даже не собирался заглядывать внутрь, – сказал Жан Ги. – Извините.

– Non, не за что. Любопытство – качество чисто человеческое. Тебе понадобились сверхчеловеческие усилия, чтобы поставить ее на место. Спасибо, что подумал о моей приватности.

Арман Гамаш поднял старую коробку и протянул ее зятю.

Не сказав больше ни слова, он пошел на лестницу, а Жан Ги сел в кресло и открыл коробку.

Глава тридцать девятая

Арман Гамаш оглядел кадетов, одного за другим.

Сначала Натаниэля, потом Хуэйфэнь, потом Жака, наконец его глаза остановились на Амелии.

– Я знаю, – тихо сказал он.

Жак чуть повернул голову, прищурился:

– Знаете что?

– Знаю, что происходило в квартире Ледюка.

Наступила тишина. Кадеты переглянулись, а потом все, естественно, посмотрели на Хуэйфэнь.

– Что? – спросила она с вызовом в голосе.

Жан Ги сидел на расстоянии в несколько скамей. Утром они с Гамашем первым делом привели кадетов в церковь. Нужно было поговорить с ними где-нибудь в приватном месте. И нейтральном. И спокойном.

– Я давно знал, что Серж Ледюк преступник, – начал Гамаш. – Я вернулся к работе, чтобы вычистить академию. И не только от коррупции. По качеству новых агентов, поступающих в Квебекскую полицию из академии, я знал, что в школе все совсем не в порядке. Они неплохо знали теорию, но при этом были очень жестокими. Не все, конечно, но многие. Более чем достаточно. Что-то нарушилось либо в процессе приема, либо в подготовке. Либо и в том, и в другом.

Коммандер Гамаш говорил, наблюдая за ними. А они – за ним.

Если Гамаш и Бовуар рассчитывали, что четверка сломается и выложит им все, то они ошибались. Заговор молчания глубоко вошел в их плоть и кровь и казался почти нерасторжимым.

– Первым делом я уволил большинство прежних преподавателей и привел своих. Офицеров с реальным опытом работы в полиции. Честных мужчин и женщин. Но таких, кто знает, что с властью приходит искушение. Власть и искушение – эти две вещи и есть реальная угроза для агентов Квебекской полиции. Раны, нанесенные самим себе.

Жан Ги слышал их дыхание. По меньшей мере один, а то и больше из них были на грани гипервентиляции.

И все же они оставались неподвижными. И молчали.

– Но Сержа Ледюка, Герцога, я оставил.

– Почему? – спросил Натаниэль.

Взглянув на побледневшего парня, Гамаш постарался справиться с дыханием. Он посмотрел на свои руки, крепко сцепленные – не разъять.

Серж Ледюк нанес немалый ущерб. Но на нем, на Армане Гамаше, тоже есть вина.

Если он хочет, чтобы кадеты говорили ему правду, он должен хотеть делать то же самое.

– Я не знал, – ответил он, глядя в холодные глаза молодого человека. – Я думал, он жестокий человек, садист. Коррупционер. Я думал, что смогу собрать свидетельства против него и отправить его в тюрьму, чтобы он не мог учинить того же самого в другом месте. Я думал, что смогу контролировать его. Думал, что, пока я здесь, он не пойдет на злоупотребления.

– Не верь всему, что думаешь, – пробормотала Амелия.

Гамаш кивнул:

– Злоупотребления не прекратились. Мне и в голову не приходило, что он прогнил до такой степени.

– Когда вы узнали? – спросила Хуэйфэнь.

– Вчера вечером, когда смотрел кино.

– «Мэри Поппинс»? – удивилась она.

Вероятно, она пропустила эту сцену.

– «Охотник на оленей». То, которое смотрел Оливье. – Он подался вперед. – Я хочу помочь вам.

– Мы не нуждаемся в помощи, – отрезал Жак. – С нами все в порядке.

Гамаш собрался с мыслями и заговорил:

– Вы знаете, откуда это у меня?

Он провел пальцами по глубокому шраму на виске. Трое кадетов отрицательно покачали головой, но Жак злобно сверкнул глазами.

– Я возглавлял рейд на заброшенную фабрику. В заложники захватили молодого агента, немногим старше вас, и время истекало. Мы собрали все сведения, какие могли, о территории и о террористах. Об их численности, оружии, месте, где они могут находиться. И пошли в атаку. Инспектор Бовуар был серьезно ранен. В живот.

Кадеты повернулись на своих скамьях и посмотрели на сидящего сзади Бовуара.

– Три агента были убиты, – продолжал Гамаш. – Я пришел на их похороны. Шел за гробами. Провел время с их родителями, мужьями, женами, детьми. А потом лечился. Потому что я сломался. Я до сих пор посещаю психотерапевта, когда становится невмоготу. Это по-человечески. Именно наша человечность и позволяет нам отыскивать преступников. Но

еще это свойство означает, что нам не все равно и что мы получаем бескровные раны. Каждый день, когда я вижу этот шрам в зеркале, – на сей раз он не прикоснулся к виску, – он напоминает мне о боли. О моей боли. Но главным образом об их боли. И каждый день он напоминает мне об исцелении. О доброте, которая существует в мире. «А к Добру нас каждый раз что есть силы тянут за руку. Даже в конторе, где тяжким грузом почиют грехи». Так легко увязнуть в болоте жестокости, которой слишком много в нашем мире. Это естественно. Но чтобы излечиться по-настоящему, мы должны признавать и добро.

– Это была не наша вина, – сказал Жак.

– Я говорил о другом. Думаю, вы сами знаете.

– Почему мы должны вам верить? – требовательно спросил Жак. – Три агента погибли из-за вас. Я видел запись. Видел, что случилось. И еще я видел, что вы каким-то образом вышли оттуда героем.

Челюсти Гамаша плотно сжались, на скулах заходили желваки.

Бовуар шевельнулся, но ничего не сказал.

– Это все обман, – заявил Жак, поворачиваясь к остальным. – Он пытается заставить нас сказать вещи, которые выставят нас в дурном свете. Мы должны держаться вместе. Не говорите ему ничего.

– Вы ничего не обязаны мне говорить, – согласился Гамаш. – Разве что захотите сами.

Он помолчал, давая им время подумать, и продолжил:

– Когда это началось?

Он обращался к Жаку и Хуэйфэнь, но они ничего не ответили.

Тогда он повернулся к двум другим.

Натаниэль открыл рот, но звук, который издала Хуэйфэнь, заставил его сомкнуть губы. Заговорила в конце концов Амелия.

– Когда я отказалась заниматься с ним сексом, он решил отпялить меня всеми другими возможными способами, – сказала она, спеша выговориться, пока не передумала. – Если я не соглашусь, то меня исключат, сказал он. Он сказал, что вы были против моего зачисления и только он сражался за меня. Но если я откажусь, он не будет больше препятствовать моему исключению.

Гамаш слушал, кивая:

– И вы, конечно, поверили ему. Да и как не поверить?

– Я ему не поверила, – возразила Амелия. – Я знала, что он говнюк. А вы казались таким, – она замешкалась, подыскивая слово, – таким добрым.

Они посмотрели друг на друга, и между ними на мгновение возникла близость, почти мучительная. Жан Ги чувствовал, что должен отвернуться,

но не смог.

Он знал, что лежит в коробке. И знал, что скрывается во взгляде Гамаша. А еще он знал, что Амелия Шоке почти наверняка не знает, кто она такая.

И кто такой Арман Гамаш.

– Но я не думала, что вы сумеете противостоять ему, – сказала она. – А рисковать не могла. Ведь вы же позволили ему остаться, в конце-то концов.

Это был не упрек, просто объяснение. Но Жан Ги понимал, какое внутреннее кровотечение вызвали эти слова. Гамашу нечего было сказать.

– Мы верили вам, сэр, – заговорила Хуэйфэнь. – Мы думали, что с вашим появлением это прекратится, но стало только хуже.

Жан Ги почти слышал, как колотится в груди Гамаша сердце, и боялся, что оно может в любую секунду разорваться.

– Я совершил ужасную ошибку, – сказал Гамаш. – И вы все заплатили за нее. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы загладить мою вину.

И тут раздался другой звук. Совершенно неожиданный.

Смех.

– Герцог был прав, – сказал Жак. – Вы слабак.

Смех сменился презрительной улыбкой.

– Ледюк сделал меня сильнее. Я поступил в академию мальчишкой. Избалованным, неженкой. А он закалил меня. Подготовил для работы в полиции. Он сказал, что больше меня ничто не испугает, и он был прав. Он отбирал самых перспективных агентов и делал их еще круче.

– Ты ошибаешься, – возразила Хуэйфэнь. – Он отбирал тех, кто представлял для него наибольшую угрозу. Тех, кто в один прекрасный день смог бы отважиться и восстать против того, чему он учит. Ты помнишь, каким ты был в свой первый день в академии? Я помню. Не неженкой и не избалованным. Это Ледюк тебе так сказал, но он лгал. Ты был забавным, умным и целеустремленным. Ты хотел помогать, быть добрым.

– Я был глупым мальчишкой.

– Ты был доброжелательным, – сказала Хуэйфэнь. – А теперь посмотри на себя. Посмотри на меня. Он выбрал нас. И он нас сломал.

– Меня он не сломал, – возразил Жак. – Я сильнее, чем когда-либо прежде.

– Крепче всего там, где было сломано, – сказала Амелия. – Это ведь так, сэр? Вы написали эти слова на доске в первую неделю.

– Если перелому позволяют зажить, – кивнул Гамаш. – Да.

– Три года.

Все посмотрели на Хуэйфэнь. Она говорила обыденным голосом.

Просто давала отчет старшему офицеру.

– Это началось в первый месяц наших занятий. Мы никогда не знали, когда нас вызовут и мы должны будем явиться в его квартиру. Иногда одни, но чаще с другими.

– Что там происходило? – спросил Гамаш.

Так не хотелось это слышать, но долг обязывал.

– Он доставал свой револьвер, – ответила девушка. – Был разработан целый ритуал. Герцог клал револьвер на поднос с гравировкой девиза Квебекской полиции. Выбирал кого-нибудь из нас, чтобы мы принесли поднос в гостиную.

– Это считалось честью, – пробормотал Натаниэль.

– Но самой большой чести удостаивался тот кадет, который приносил второй поднос, – продолжила Хуэйфэнь. – С пулей.

– Мы тащили жребий, – сказал Натаниэль. – Побеждала длинная соломинка.

Он начал хихикать и не смог остановиться, хихиканье стало перерастать в истерику, и тогда Амелия прикоснулась к его руке. Успокоила его.

– Я побеждал три раза, – произнес Натаниэль еле слышно.

Он выпрямился и посмотрел в глаза Гамашу. Вызывающим взглядом.

– Три раза мне пришлось вставлять единственную пулю в камеру. И вращать барабан…

Натаниэль не мог продолжать, и заговорила Хуэйфэнь:

– И поднимать револьвер. – Она поднесла палец к виску, изображая оружие.

У нее тоже перехватило горло, и тогда вступила Амелия.

– И нажимать на спусковой крючок, – тихо сказала она.

– Три раза, – прошептал Натаниэль.

– Дважды, – сказала Амелия.

Она вскинула голову и сжала губы.

Ни Хуэйфэнь, ни Жак не сказали ни слова, и Гамаш с ужасом понял, что они сбились со счета.

– Вы очень смелые, – сказал Гамаш, глядя им в глаза, в которых сверкала искорка безумия.

– Будь я смелым, я бы отказался, – возразил Натаниэль.

Гамаш неистово затряс головой:

– Non. У вас не было выбора. Когда сидишь здесь, в церкви, то может показаться, что выбор был. Но это не так. Из всех вас трусом оказался Серж Ледюк.

– В тот последний раз, – прошептал Натаниэль, глядя на Гамаша широко раскрытыми глазами и не замечая слез, катившихся по щекам, – я молился, чтобы револьвер выстрелил. Я обмочился.

Его голос был еле слышен.

Гамаш встал и притянул к себе молодого человека. И обнимал его, пока Натаниэль рыдал.

Сломленный. Но теперь, возможно, исцеленный.

За спиной Бовуара раздался слабый звук, он повернулся и увидел Поля Желина, который закрывал дверь церкви. Конник подошел к Бовуару и сел рядом.

– Он заставлял их играть в русскую рулетку? – спросил Желина.

– Этот человек был чудовищем, – сказал Бовуар.

Желина кивнул:

– Да. Но кто-то все же его остановил. И теперь мы знаем почему. У нас появилась отсутствовавшая деталь. Мотив. Серж Ледюк был убит единственной пулей в висок. И мы знаем, что убийца находится здесь. Убийство остается убийством, чем бы оно ни было спровоцировано.

Полю Желина по крайней мере хватило совести напустить на себя печальный вид в связи с тем, что им придется арестовать человека, который отправил на тот свет чудовище.

– Это могла быть самозащита, – сказал Жан Ги. – Или даже несчастный случай. Может быть, Ледюк сам себя убил.

– Он казался вам похожим на человека, который будет рисковать? Приставлять револьвер к собственному виску и нажимать на спусковой крючок, как делали кадеты? Играть в русскую рулетку?

– Нет, – согласился Бовуар.

– Нет. И нет пороховых газов на его руках. Это сделал кто-то другой. Тот, кто знал о револьвере и игре. И хотел положить этому конец.

– Коммандер Гамаш не знал.

– Может быть, он в ту ночь как раз и узнал, – возразил Желина. – Пошел туда, чтобы объясниться с Ледюком. И убил его.

Желина встал и перекрестился, затем нагнулся и прошептал на ухо Бовуару:

– Из уважения к месье Гамашу я не стану арестовывать его здесь и сейчас. Мы можем считать церковь убежищем. Но сегодня утром мы вернемся в академию. Вы должны быть готовы. Сначала я получу ордер на арест. А потом приду за ним.

– Вы совершаете ошибку, – сказал Бовуар. – Он не убивал Ледюка.

– Разве он похож на человека, в чьих мыслях нет убийства?

Желина показал на Гамаша, который стоял у алтаря в окружении кадетов.

– Ваш тесть любит поэзию. Смерть Герцога была в некотором роде поэтической, вы так не считаете? Зная то, что знаем мы. Пуля в висок. «Вас всех ждет эта же судьбина».

Жан Ги смотрел на Армана и кадетов, стоящих у церковного алтаря, когда раздался стук закрывшейся двери.

Не было ничего поэтического в том, что случилось. Или в том, что вскоре должно было случиться.

Глава сороковая

Коммандер Гамаш стоял в конце аудитории, слушая, как Шарпантье заканчивает лекцию.

Он преподавал кадетам третьего года обучения, тем, кто уже получил основы знаний и перешел к третьему, самому важному уровню.

Продвинутая тактика.

Гамаш смотрел на Гуго Шарпантье, который, обильно потея, объяснял, что тактика – это отнюдь не выбор наилучшей позиции для того, чтобы пристрелить кого-то.

– Если вам приходится делать это, значит вы уже проиграли, – говорил он. – Успешный тактик редко выходит на сцену. Все дело в манипуляции, предвидении. В том, чтобы интеллектуально обойти вашего противника. Предвидеть его шаги, когда он и сам о них не знает. И ограничивать его возможности. Вести его, вынуждать делать то, что надо вам, но так, чтобы он не догадывался об этом. Не важно, будь ваш противник главарем банды, банкиром или серийным убийцей.

Шарпантье повернулся к большой доске и написал: «Ваше оружие – ваш мозг».

Он повернулся к слушателям.

– Пользоваться пистолетом может любой идиот. Но чтобы использовать разум, требуется истинное мастерство, истинное терпение и владение собой.

Взлетела вверх рука, и Шарпантье показал пальцем:

– Да, кадет Монтро?

– Значит, тот, кто убил Герцога, был идиотом?

– Вот интересный вопрос. А вы что думаете?

– Я думаю, что, поскольку следователи еще не поймали убийцу, его вряд ли можно назвать глупым.

– Хорошее соображение, – отметил Шарпантье. – Я пытался научить вас быть офицерами Квебекской полиции. Убийцам, конечно, приходится применять оружие того или иного рода. Но опять же, наиболее успешными эти действия получаются, когда вы используете мозг.

– А по вашему мнению, профессор, убийца Сержа Ледюка использовал мозг?

Кадеты повернулись, удивленные голосом, раздавшимся в конце зала.

Гуго Шарпантье улыбнулся:

– Oui, коммандер. По моему мнению, его поступкам предшествовали мысли, потом они обрели форму плана, который созрел и претворился в действие. Хорошее действие.

– Хорошее?

– С точки зрения закона и нравственности, наверное, нет, – сказал Шарпантье. – Но оно отвечает критериям.

– Каким критериям? Хорошего тактика? – спросил Гамаш, посылая свой вопрос над головами кадетов.

– Выдающегося тактика, – ответил Шарпантье.

– И на чем это основано?

– На простоте преступления. На кажущейся простоте места преступления.

– Кажущейся?

– Да. Если присмотреться внимательно, то становится понятной продуманность оставленных улик. Тщательно размещенных слой за слоем.

– Чтобы сбить следователей с толку?

– Чтобы задать направление. Как пастушья собака, которая кусает за пятки, старший инспектор.

– Теперь коммандер, – напомнил ему Гамаш.

– Но в прошлом следователь убойного отдела и… – Шарпантье не закончил фразу.

– И в прошлом выдающийся тактик, – откликнулся Гамаш. – Нам нужно поговорить. Вы сейчас можете?

Шарпантье посмотрел на часы над дверями.

– Завтра у вас полевые испытания, – напомнил он кадетам, направляя свою коляску между столами. – На фабрике. Если вам понадобится прибегнуть к насилию, то оно должно быть контролируемым. Используйте тактическое мышление, с акцентом на мышлении, даже когда рядом свистят пули. Как только начинается хаос, паника, вы обречены. Вы убиты. Пока вы контролируете себя, вы контролируете ситуацию. До сих пор, к моему глубокому огорчению, вы проваливали все испытания. Каждый раз получали пулю. По завершении последних испытаний мы разобрали ваши ошибки. У вас есть день, чтобы составить план, который сработает. Вы свободны.

– Да, сэр, – раздался хор голосов и скрежет отодвигаемых стульев по полу.

Но кадеты не торопились уходить. Они топтались на месте, надеясь услышать, о чем будет говорить Гамаш с Шарпантье, коляска которого остановилась перед коммандером.

– Расходитесь, – приказал Шарпантье, и кадеты вышли.

А Арман Гамаш и Гуго Шарпантье остались вдвоем.

– Где коммандер Гамаш? – спросил Желина, войдя в конференц-зал академии.

– У него кое-какие дела, – ответила Изабель Лакост. – Он скоро вернется.

– Пожалуйста, скажите, куда он отправился.

Поль Желина стоял выпрямившись и говорил официальным тоном. По обе стороны от него, чуть позади, застыли двое молодых высоких агентов Квебекской полиции. Недавние выпускники академии. Об этом ей сказали если не их молодость, то их самодовольные лица.

Встав со своего места за столом, Изабель подошла к офицеру КККП:

– Я могу вам чем-нибудь помочь?

– Вы знаете, почему я здесь, – ответил он довольно миролюбиво. – Я не хотел унижать месье Гамаша перед его друзьями и семьей.

– Унизить его нелегко, – заметила Лакост, хотя лицо ее побледнело, а руки покрылись мурашками.

Так случалось всегда, когда она входила на опасную территорию.

– Я не стал делать это в Трех Соснах, – сказал Желина. – Из профессионального уважения и понимания того, что он всем нам оказал услугу.

– Убив Сержа Ледюка? – спросила Изабель.

– Oui.

– И вы здесь, чтобы арестовать месье Гамаша?

– Oui. – Он понизил голос, чтобы агенты за его спиной не слышали того, что он скажет дальше. – И если вы не сообщите мне, где он находится, старший инспектор, мне придется арестовать и вас.

Изабель Лакост задумчиво кивнула и выпятила нижнюю губу, размышляя. Потом вернулась на свое место, нажала несколько клавиш на ноутбуке и поднесла компьютер к Желина.

– Перед тем как отправиться сегодня утром на свою встречу, месье Гамаш извинился передо мной за то, что через мою голову попросил пригласить вас в команду следователей по этому делу.

– Вы не знали, что это сделал он?

– Нет. Он обратился напрямую к старшему суперинтенданту Брюнель. Она предприняла соответствующие шаги. Месье Гамаш сказал, что, когда ему стало известно о вашем посещении штаб-квартиры КККП в Монреале, он решил не упускать такую возможность.

– Возможность пригласить меня в качестве независимого наблюдателя.

– Да, наблюдателя. Но главным образом наблюдаемого.

– Pardon?

Лакост повернула ноутбук экраном к нему, и глаза Желина слегка расширились, а губы чуть-чуть сжались. Едва заметные изменения, не ускользнувшие от Лакост.

Он сделал небольшой шаг назад от нее и от ноутбука.

– Когда коммандер Гамаш вернется, пусть зайдет ко мне. Я буду у себя. Ему придется многое мне объяснить.

– Как и вам, сэр.

Она медленно опустила крышку ноутбука.

– Когда вы узнали? – спросил Гамаш у Шарпантье.

Он сел, и теперь они могли смотреть в глаза друг другу.

– Не очень давно. На самом деле я даже сейчас не знаю всего, кроме того, что смог дедуцировать.

– Иными словами, предположить? – уточнил Гамаш, и на потном лице молодого человека расцвела улыбка.

– Ваше поведение было необъяснимо, сэр, – сказал Шарпантье. – В особенности ваши действия по отношению к заместителю комиссара Желина. Пока я не принял во внимание одну возможность. А она быстро стала вероятностью. А вероятность, в свою очередь, перешла в определенность. Это объясняло все.

– Продолжайте, – подбодрил его Гамаш.

– Серж Ледюк был коррумпированным, насквозь прогнившим. И это было еще не все, но давайте сосредоточимся на том, что вы знали по прибытии.

Гамаш кивнул.

– Ледюк похитил миллионы на строительстве академии, получая откаты и взятки от подрядчиков, – сказал Шарпантье. – Возможно, он даже допускал отклонение от стандартов с целью удешевления.

– Да, здания сейчас обследуются, – сказал Гамаш.

– Хорошая мысль. Но у вас возникла проблема. Хотя материалов, подтверждающих это, имелось пруд пруди, но дымящегося пистолета, так сказать, не было. А вам требовались неопровержимые доказательства. Вам требовалось найти деньги.

– Это было бы не лишнее.

– Это стало бы для него концом. И он это понимал. Поначалу он, вероятно, думал, что вы заняли пост коммандера, чтобы заполучить

контроль над академией…

– Если быть откровенным, так оно и было.

– Да, но параллельно шел сбор доказательств по Ледюку с целью его ареста. И Ледюку не понадобилось много времени, чтобы понять, каковы ваши планы.

– Я сказал ему все это прямо.

– И началась игра в кошки-мышки, – продолжил Шарпантье. – Но Ледюк, хоть и неглупый, был не очень сообразителен. Для вас Ледюк был слабым противником, и он понимал это. Почувствовав ваше дыхание у себя за спиной, он впал в отчаяние. И сделал то, чего ему ни в коем случае не стоило делать.

– Он обратился к своему напарнику, – сказал Гамаш, внимательно глядя на Шарпантье. – Это очень молчаливый напарник. Он-то и спланировал почти все. Он знал, как и где спрятать деньги.

Шарпантье в свою очередь внимательно посмотрел на Гамаша.

– И тогда я спросил себя, – продолжил Гамаш, – где его партнер? Где он находился все это время? В академии? Маловероятно. В Квебекской полиции? Опять же вероятно, но не очень. Полицию хорошо очистили. Так где же он? И ответ был только один. Далеко. Вне подозрений.

– Oui. – Шарпантье улыбнулся и начал катать свое кресло взад-вперед, всего на пару дюймов. Взволнованно. Или возбужденно.

– Но когда несколько месяцев назад Ледюк нарушил главное правило и вышел на связь со своим партнером, он сам стал мишенью, – сказал Гамаш. – И о нем следовало позаботиться. Партнер вернулся, приняв предложение работы, которое удивило всех.

Шарпантье перестал катать кресло и замер.

– Где Жак? – спросила Хуэйфэнь.

– Не знаю, – ответил Натаниэль и посмотрел на Амелию.

Та нахмурилась и пожала плечами:

– Разве его не было с тобой на занятиях?

Этим утром, после разговора в церкви с Гамашем, четырех кадетов привезли в академию.

– Коммандер Гамаш пришел поговорить с Шарпантье, и нас отпустили пораньше. Я должна была встретиться с Жаком здесь. Он сюда не приходил?

Хуэйфэнь оглядела кабинет самоподготовки. За длинными столами сидели несколько кадетов, читали или работали со своими планшетами. Но Жака здесь не было.

– Он скоро придет, – сказала Амелия. – Не переживай.

– Почему Гамаш разговаривает с Шарпантье? – спросила Хуэйфэнь. – Что он ему рассказывает? Что-то о нас?

– Зачем это ему? – ответила вопросом Амелия.

Хуэйфэнь села и тут же вскочила.

– В чем дело? – спросила Амелия.

Но, увидев лицо Хуэйфэнь, она тоже поднялась. А за ней и Натаниэль.

– Что-то случилось? – спросил он.

– Вы знаете больше, чем говорите, – сказал Гамаш.

– Это лучше, чем знать меньше, верно? – ответил Шарпантье.

– Пришло время рассказать все, Гуго.

Молодой профессор кивнул:

– Согласен. Я начал спрашивать себя, сколько вам известно на самом деле, когда вы не потрудились сообщить заместителю комиссара Желина о четырех кадетах. Инспектору Бовуару и старшему инспектору Лакост вы сказали, куда их увезли, но от него утаили эти сведения. Я решил, что тут может быть лишь одно объяснение: вы ему не доверяете. Однако именно вы пригласили его сюда. Причем ради этого вы не только перешагнули через голову Лакост, но и действовали у нее за спиной. Подобные действия нехарактерны для вас. Я понимал, что для этого должны быть серьезные основания. Вы думали, что заместитель комиссара Желина – напарник Ледюка. Его очень молчаливый старший напарник.

– Вы хорошо поработали, – заметил Гамаш. – Узнали на удивление много.

– Ну, удивляться тут нечему. Вы уже должны неплохо меня знать, сэр. Вы принимали меня на работу.

– А стажировку вы проходили у Мишеля Бребёфа.

– По вашему предложению.

– Да. У всех у нас есть сильные и слабые стороны. Самая сильная сторона Мишеля в том, что он выдающийся тактик. Поэтому ему так долго сходили с рук все его делишки. И он подготовил вас. Неплохо подготовил.

Шарпантье насторожился.

– Есть еще одно объяснение, – сказал Гамаш, – почему я пригласил именно заместителя комиссара Желина в качестве независимого наблюдателя. Да, я мог его подозревать…

– Или вообще не подозревать, – подхватил Шарпантье, начиная догадываться, куда клонит Гамаш. – Возможно, вас интересовал вовсе не Желина. Он был еще одним китом. Громадное вульгарное отвлечение. Если

бы у кого-то возникли подозрения, то вам удалось бы направить их на старшего офицера КККП, который находился в это время в Европе. Имел доступ к швейцарским банкам. Ваш истинный объект решил бы, что вы сосредоточились на Желина, и забыл бы об осторожности.

– Вы полагаете, я настолько расчетлив?

– Я это знаю, patron. Видел, как вы разворошили осиное гнездо в Квебекской полиции. Без хитрости вы бы не смогли продержаться столько, сколько продержались.

– Вы, конечно, обо всем знали, – заметил Гамаш.

Шарпантье слегка покраснел, не вполне уверенный, комплимент это или обвинение.

– Но я ушел из полиции, помните? – продолжил Гамаш. – Перегорел.

– Однако теперь вернулись. Восстали из пепла. С местью.

– Non. – Гамаш покачал головой. – Не с местью. Только не это.

– «Служба, честность, справедливость», – сказал Шарпантье. – Несмотря на все, что случилось с вами?

– Именно из-за этого. Вера в удобство бесполезна, не так ли?

– Почему вы здесь? – спросил Шарпантье.

– В этой комнате? Просто поговорить.

Гуго Шарпантье посмотрел в сторону закрытой двери и попытался подняться из коляски.

– Что там происходит?

– Ничего такого, что касалось бы вас, Гуго. Пожалуйста, сядьте.

Шарпантье еще раз посмотрел на дверь и сел.

– Еще одно неверное направление, месье? – обреченно спросил он.

– Все зависит от того, куда вы направляетесь, – ответил Гамаш. – Но я здесь не для того, чтобы говорить с вами о преступлениях Сержа Ледюка. Я здесь, чтобы поговорить о его убийстве.

– Разве эти вещи не связаны?

– Коррумпированность Сержа Ледюка выходила далеко за нормы простой этики. Была связана не только с деньгами. Само его существо было порченым, искореженным. Извращенным. – Гамаш подался вперед, вторгаясь в личное пространство Шарпантье, и прошептал: – «Все это – слезы и стенания – покойник вынудил заранее». Кто-то знал. И кто-то убил его за это.

– Ты думаешь, коммандер всем расскажет о том, что мы делали? – спросила Хуэйфэнь.

– Разве это важно? – спросила Амелия.

– Для тебя, может, и нет, – сказала Хуэйфэнь. – Ты все равно белая ворона, но для Жака важно.

– Почему?

– Ты не понимаешь. Не можешь. А для Жака важно, чтобы им восхищались. Сильный лидер. Герой.

– Старший кадет, – кивнул Натаниэль.

– Oui. Но если все будут знать о том, что мы позволяли Ледюку творить с нами, Жак будет унижен. Никто не поймет. Все будут считать нас слабыми, глупыми. Будут смотреть на нас как на фриков. Он скорее умрет, чем допустит такое.

– Ты шутишь, да? – сказал Натаниэль. – Это просто фигура речи?

– Долбаный Ледюк знал, как важна репутация для Жака, – продолжила говорить Хуэйфэнь, быстро выходя из кабинета самоподготовки. – Он использовал это знание против Жака. Подкармливал эту его потребность. И Жак был готов на все, чтобы остаться на пьедестале. Соглашался на все, чего требовал Ледюк.

– Ты его ненавидела, – сказала Амелия, которой приходилось почти бежать, чтобы не отстать от Хуэйфэнь. – Ледюка.

– Конечно ненавидела. Как и ты. Но чувства Жака были сложнее.

Натаниэль схватил ее за руку и заставил остановиться. Коридор был заполнен кадетами, которые переходили из класса в класс непрерывным потоком, обтекая их.

– В чем это выражалось? Скажи нам.

– Ну это ведь очевидно, – сказала Хуэйфэнь. – Жак и Герцог были близки.

– Да, мы знаем.

– Нет. Очень близки. Как отец и сын. Жак верил во все, что ему говорил Герцог. Он принимал все, что тот говорил и делал, верил, что Ледюк все делает ради его блага. Жак доверял ему абсолютно.

– Какой отец будет так поступать со своим сыном? – спросил Натаниэль.

– Заставлять его приставлять пушку к виску и нажимать спусковой крючок? – уточнила Хуэйфэнь. – Для Ледюка речь никогда не шла о любви. Только о контроле. Ты имела это удовольствие несколько месяцев, а Жак – три года.

– Как и ты, – заметила Амелия.

– Можешь мне поверить, я в полной заднице, но это цветочки по сравнению с состоянием Жака. Герцог, он всегда был чокнутый, я его другим не видела. Я попала в ловушку, но Жак оставался близок с ним по

своему выбору. Ледюк мог из него веревки вить, не сначала, но со второго года. Если бы он приказал Жаку убить другого кадета, Жак бы, наверно, убил.

– Ты действительно в это веришь? – спросила Амелия.

Хуэйфэнь сжала губы и кивнула.

– А теперь, когда Ледюка нет? – спросила Амелия.

Но она знала ответ.

Жак остался без цели, без руководства. Ему больше не за что держаться. И он потерял себя.

– Жаль, вы не знали его прежде. Он был… – Хуэйфэнь поискала подходящее слово. – Великолепный. Умный и шутливый. Милый. Естественный лидер. Герцог видел это и уничтожил то, что в нем было. Потому что мог это сделать.

Хуэйфэнь говорила с таким ядом, что двое других переглянулись.

Глава сорок первая

– Входи. – Бребёф отступил назад от порога.

– Ты, кажется, не удивлен, Мишель, – заметил Гамаш.

Он пришел к Бребёфу сразу после разговора с Шарпантье, который был протеже и, возможно, самым большим успехом Мишеля Бребёфа.

– Я не то чтобы ждал тебя, но не могу сказать, что удивлен, – сказал Бребёф, показывая на кресло.

Арман Гамаш оглядел маленькую комнату, быстро фиксируя детали. За те месяцы, что Мишель работал в академии, Арман ни разу не зашел в его частную квартиру.

Он с удивлением увидел множество знакомых вещей. Семейные фотографии в рамках. Две картины, которые когда-то висели в доме Бребёфа.

Свое любимое кресло Мишель тоже привез. Теперь он предложил его Арману. Гамаш сел, и Бребёф устроился в кресле напротив.

– Что я могу сделать для тебя, Арман?

– Ты должен был знать, что я догадаюсь.

– А. – Бребёф вздохнул. – Вот оно что.

Он выдавил едва заметную, с оттенком грусти, улыбку и пристально посмотрел на своего гостя:

– Возможно, я всегда недооценивал тебя, Арман. Я любил тебя, восхищался тобой, но, наверное, в глубине души всегда видел в тебе мальчика. Забавно, правда? После всего того, что мы пережили. Я провожал тебя в Кембридж, присутствовал на твоей свадьбе, видел, как растет твоя семья, как ты стал старшим офицером Квебекской полиции, но где-то подспудно я не переставал думать о тебе как о мальчишке, который потерял родителей. О мальчишке, которого я должен защитить.

– Ты предал меня, Мишель, много лет назад. Меня чуть не убили из-за тебя.

– Я не хотел этого.

– Правда? Великий тактик не предвидел подобного развития событий?

– Я просчитался, – признал Бребёф.

– А с убийством Ледюка тоже просчитался?

Бребёф задумчиво покачал головой, продолжая глядеть в глаза Гамашу.

– Non. Это было сделано намеренно. Я знал, что так будет, чуть ли не с первого дня. Когда обнаружил две вещи.

– Oui?

Гамаш понимал, что с ним играют, морочат ему голову. Ориентируют и дезориентируют, как сказал бы об этом Шарпантье. Но ему нужно было знать.

– Серж Ледюк не отличался умом, – продолжал Бребёф. – Самомнение – вот что вело его по жизни. Но он был сильным человеком, нужно отдать ему должное. Харизматическая личность. Глупость и сила. Опасная комбинация, как мы не раз убеждались в этом, правда, Арман? В особенности для тех, кто молод и уязвим. Он мог бы стать хорошим вождем какой-нибудь секты, если бы не поступил в Квебекскую полицию и не оказался впоследствии здесь. Он и в самом деле превратил академию в своего рода секту, ты согласен?

Гамаш слушал, но не кивал. Не соглашался, но и не возражал. Внимательно слушая Бребёфа, он опирался на всю свою волю, чтобы не подпасть под обаяние бывшего друга.

– После той первой вечеринки в твоей квартире Серж Ледюк решил обратить меня в своего лучшего друга, чтобы нас объединила общая ненависть к тебе. Он думал, это у нас общее. Он не знал о глубинной связи между нами.

Мишель Бребёф посмотрел на Гамаша с нескрываемой нежностью.

Но что таилось под этой нежностью? Что пряталось, размахивая хвостом, в этих глубинах?

– И тем не менее ты проводил немало времени с Ледюком. Из-за твоего одиночества, как ты сказал.

– Отчасти, – согласился Бребёф. – А может, меня привлекало его явное уважение ко мне. Ко мне давно никто так не относился.

Бребёф улыбнулся. Гамаш хорошо помнил эту озорную улыбку. Перед ним сидел человек, которого он знал дольше, чем кого-либо другого на земле. Человек, которого он не одно десятилетие любил и мальчишкой, и взрослым.

Несмотря на все случившееся, он даже сейчас чувствовал притяжение. Словно Мишель обвился вокруг ДНК Армана. То, что случилось в детстве, навсегда осталось в сердце Гамаша. Потери, но также и смех, и веселье, буйная свобода, дружба. Дружба. Они были братьями по оружию. Штурмующими гору, чтобы стать ее царями.

И теперь, глядя на эту улыбку, Гамаш готов был расплакаться.

– Что случилось, Мишель?

– В тот первый вечер он пригласил меня к себе. Мы изрядно выпили, и Ледюк принес свой револьвер.

Вообще-то, Арман спрашивал у него об их дружбе. О том, где, когда и как Мишель свернул с пути. И свалился с крепостного вала в темноту.

Но ответ пришел совсем о другом.

– Он рассказал мне, для чего ему это оружие, – сказал Мишель. – Я делал много такого, за что мне теперь стыдно. Много такого, что не может быть прощено. Но то, что рассказал в тот вечер Ледюк, потрясло и вызвало отвращение даже у меня.

Взгляд Бребёфа уплыл куда-то к двери, наткнулся на что-то, и Мишель вдруг улыбнулся, словно что-то приятно удивило его. Он показал туда.

Сам того не желая, Арман повернул голову и проследил за направлением взгляда Мишеля.

Там, над дверью, висела маленькая рамка. А в ней – что-то похожее на стилизованную красную розу. Но не роза.

Гамаш сразу узнал этот предмет. Он сам подарил его Мишелю много лет назад.

Когда-то это было самой драгоценной собственностью Гамаша.

Носовой платок. Подарок на Рождество отцу от матери.

Он помнил, как разглядывал материнскую вышивку: инициалы отца, ОГ, в каждом уголке каждого вышитого ею платка. Зора предлагала помощь, но мать отказалась. Хотела сама сделать вышивку. Не потому, что это было легко, а потому, что трудно. Инициалы получились немного кривыми, и прочесть их мог только тот, кто знал, что они означают.

Кому-то казалось, что это 9Г, кому-то – что это ОТ. А кто-то, глядя на платок, видел капельки крови там, где мать Гамаша уколола палец.

Но тот, кто знал, тот понимал все.

ОГ, Оноре Гамаш, возлюбленный Амелии.

Его отец каждый день своей жизни носил один из платков.

На следующее утро после гибели родителей Арман вошел в их комнату. Их запах, их присутствие – все было невыносимо. Одежда. Книга. Закладка. Прикроватные часы, еще тикающие. Ему казалось странным, что они не остановились.

А на комоде – чистый платок, приготовленный на тот день, который так и не наступил.

Гамаш сунул платок себе в карман. И с тех пор платок всегда был с ним.

Но как-то раз, когда они играли в царя горы, Мишель упал и рассадил колено. Арман вытащил платок из кармана и приложил его к ране. А когда кровотечение остановилось, он посмотрел на платок, потом на Мишеля, который отирал слезы рукавом свитера.

Арман достал перочинный ножик и сделал маленький надрез у себя на пальце. Мишель прерывисто вздохнул и перестал плакать, наблюдая за тем, как Арман ткнул кровоточащим пальцем в окровавленный платок.

В тот день они стали братьями по оружию.

«Братья по крови», – сказал Арман, передавая платок Мишелю. Тот взял платок. И хранил у себя. Все эти годы.

И вот, жизнь спустя, платок вернулся. Mappa mundi Армана. Карта мира. Где воедино слилось обыденное и величественное.

Кровь образовала некое подобие розы, дотянувшись до ОГ в уголке.

Арман отвернулся и встретился взглядом с Мишелем.

– Я много чего совершил, – сказал Мишель. – Но я не убийца.

– Тогда кто убил Сержа Ледюка?

Поль Желина стоял у окна, глядя вдаль. Несколько месяцев назад он находился в Париже и гулял по саду Тюильри. Он был в Люксембурге и восхищался средневековыми руинами. Он стоял на мосту Вздохов в Венеции.

А сейчас перед ним простирались эти бесконечные, безжизненные поля.

– «Давай полетаем на воздушном змее», – запел он себе под нос.

Показав ему ноутбук, Лакост показала его судьбу. Его бесплодное будущее.

И теперь он ждал стука в дверь.

– Я ничего не сделала, – сказала Хуэйфэнь, спеша по коридору. – Должна была, но не сделала. Я беспокоюсь о Жаке.

– А что сделал он? – спросил Натаниэль, едва поспевая за ней.

– Меня больше беспокоит то, что он собирается сделать.

– Куда мы идем? – спросила Амелия. – Постой. Нам нужно составить план. Мы не можем просто бегать по академии и искать его.

– У меня уже есть план, – сказала Хуэйфэнь, глядя перед собой, чтобы не сбиться с шага, а вернее, с бега. – Кажется, я знаю, где он.

– Где?

– На фабрике. На макете.

– Черт, – прошептала Амелия.

Но она понимала, что китаянка, скорее всего, права.

Куда еще отправится униженный золотой мальчик, как не туда, где он терпел поражение? Туда, где выявлялись его недостатки, его ошибки.

Где его убивали. Раз за разом.

Что значила еще одна смерть?

– Merde, – пробормотал Натаниэль.

И они ускорили шаг.

– Расскажи мне, – проговорил Арман.

И Мишель стал рассказывать завершение своей истории, как когда-то, ночуя где-нибудь вместе в гостях, они рассказывали друг другу страшилки, чтобы волосы становились дыбом.

Но что, если на этот раз пугало было настоящим? И сидело в комнате рядом с ними? Не пряталось под кроватью или в кладовке, а сидело на виду? Некрасивое и непременно человекообразное.

– В тот первый вечер, когда Ледюк пригласил меня к себе, он говорил о новых кадетах не самые лестные вещи. Но он сказал, что знает, как научить их уму-разуму. Мы выпили еще, а потом он удалился в спальню и появился оттуда с подносом в руках. Было что-то официозное, церемониальное в том, как он нес поднос перед собой. Так несут награды на вручение.

Гамаш представил себе, как коренастый Ледюк идет по комнате, выставив перед собой короткие руки. С подношением своему герою. Предполагая, что Мишель Бребёф, как никто другой, оценит то, что он сделал. Что продолжает делать.

– Меньше всего я ожидал увидеть то, что увидел, – сказал Мишель. – Старый револьвер. Но я быстро понял, что он вовсе не старый. Старый только дизайн. Классический. А сам револьвер вполне себе новый. Я взял его.

Он изобразил, как взвешивает оружие в руке.

– Никогда не держал в руках револьвера. А ты? – спросил Арман.

– Теперь уже – да. Но прежде – нет.

Прежде, чем пуля разнесла мозг Ледюка.

– Наше служебное оружие рядом с этим кажется пустяшным. Хотя на самом деле оно более эффективно.

– Все зависит от того, какой эффект тебе нужен, – заметил Арман.

– Верно. Для нужд Ледюка револьвер был идеальным оружием. Он рассказал мне, как в первый раз предложил револьвер одному из кадетов. Он владел револьвером уже год, но не мог заставить себя сделать это. Не потому, поспешил он заверить меня, что считал, будто поступает неправильно. Его беспокоило, что кадет расскажет кому-нибудь. Но потом он понял, что должен решиться. Он выбрал подходящего кадета. Не слабака, как можно было предположить. Тех он уже и без того

контролировал. Нет. Он выбирал самых сильных. Тех, кто мог и не склониться перед его волей.

Бребёф задумался на секунду, вспоминая тот вечер.

– Я не понимал, о чем он говорит, и он это увидел. Наконец он сказал мне без обиняков. Кадеты, подчиняясь его воле, играли с этим револьвером в русскую рулетку.

Он посмотрел на свою руку, будто все еще держал в ней револьвер, потом поднял глаза.

– Тем вечером после Ледюка я пришел к тебе. Хотел рассказать об этом.

– Почему же не сказал?

– Из нашего разговора я понял, что ты уже знаешь. Когда я спросил, что ты собираешься делать с Ледюком, ты сказал, чтобы я беспокоился за свою сторону улицы, а ты будешь беспокоиться за свою. Вот я и решил, что тебе известно, чем занимается Ледюк. И у тебя есть план.

Арман покачал головой:

– Я узнал об этом только вчера вечером. Надо бы раньше, но мне и в голову не приходило, что кто-то может проделывать нечто подобное с кадетами. Даже такой садист, как Ледюк. Но этим объясняется и револьвер, и специальный глушитель, который он изготовил на заказ. На всякий случай.

– Одна пуля вставляется в камеру, потом барабан раскручивается, – сказал Мишель. – Такое можно проделывать только с револьвером. Когда этот коротышка-мерзавец с улыбочкой, не сходившей с его лица, сказал мне, чем занимается, я понял, почему ты здесь.

– Я? – переспросил Арман, удивленный таким поворотом разговора.

– Я понял, что ты собираешься делать. Ты пришел в академию, чтобы избавиться от Сержа Ледюка. Ты уволил всех преподавателей, которых затронула порча, но оставил его. Почему? – задал я себе вопрос. Потому что на него у тебя были другие планы. Что-то более серьезное. Чтобы он больше никогда никого не смог мучить.

– Но я же говорю тебе, что ничего не знал про русскую рулетку, – сказал Арман. – Увы, это так. Я мог избавить их от нескольких месяцев мучений, но все это время ничего не делал.

– Рано или поздно ты бы узнал. Ты копал. Пытался найти на него что-нибудь. А когда за коррупцией открылся бы настоящий ужас, то что? Что бы ты сделал?

Арман молчал.

– Ты бы предъявил ему обвинение, а потом, наверное, убил бы его.

Тебе пришлось бы это сделать, чтобы спасти кадетов.

– Я мог бы его арестовать.

– За что? Он бы никогда не сознался, а несчастных кадетов запутал настолько, что они перестали отличать черное от белого. Они бы ни за что не признались, что играли в русскую рулетку. Пока Герцог оставался жив.

Бребёф наблюдал за Арманом и видел происходящую в нем борьбу. Он заговорил тихо. Спокойно. Почти шепотом.

– Он должен был умереть. Насильственной смертью. Ты стал бы искать другие варианты, как это делал я. Ты пришел бы к нему как-нибудь вечером и попросил показать револьвер. Ты бы вставил пули в барабан, а он бы смотрел в недоумении и пытался объяснить, что тебе нужна всего одна пуля. А потом ты бы приставил револьвер к его виску. А когда он понял бы, что сейчас случится, то начал бы умолять оставить его в живых, а ты бы нажал на спусковой крючок.

Они смотрели в глаза друг другу. Эта история сделала свое дело. Привела в ужас их обоих.

– Но худшее было бы впереди, Арман. Нажав на спусковой крючок, убив безоружного, казнив его, ты бы убил и себя. Ты бы совершил немыслимое, обрек себя на проклятие, спасая кадетов. Я не мог этого допустить. Поэтому я сделал все за тебя. Отдал тебе должок.

Заместитель комиссара Желина услышал шаги, а затем стук в дверь.

С пистолетом в руке он стоял посреди спальни, которую ему выделили в академии. Помещение для младшего преподавательского состава, объяснил ему Гамаш. Извинился. Спальня, гостиная, кухонька – все в одном небольшом пространстве.

Но, как выяснилось, потребности Желина были скромны. В Европе он останавливался в роскошных отелях с великолепной кухней, но без общества жены удовольствие было незначительным и мимолетным.

В конечном счете он понял, что ему требуется всего лишь кровать, книжная полка и место, куда поставить фотографию Элен, – фотографию, которая лежала теперь лицом вниз на столе.

Элен вдохновила бы его на то, чтобы стать лучше, чем он оказался, и он спрашивал себя, знала ли она. Знала ли она, каков он на самом деле под маской безупречности, которую он носил, как форму.

После смерти Элен это казалось излишним. Все ограничения были сняты, он стал свободен. И потерял себя.

И теперь стоял здесь, в этой маленькой комнате, держа пистолет.

– Заместитель комиссара Желина? – раздался голос Лакост.

– Входите.

Изабель Лакост открыла дверь и остановилась. Она задумалась на секунду, потом повернулась и сказала что-то сопровождавшим ее агентам.

После чего вошла одна и закрыла за собой дверь.

– Отдайте мне пистолет, – сказала она, протягивая руку.

– У него может быть с собой пистолет, – сказала Хуэйфэнь Натаниэлю и Амелии, когда они подбежали к макету фабрики.

– Что?

– Откуда?

– Герцог подарил ему на день рождения.

Первокурсники уставились на Хуэйфэнь.

– И ты знала? – требовательно спросила Амелия.

– Догадалась. Это не казалось странным. Тогда.

Амелия поняла. То, что казалось невероятным сейчас, казалось нормальным тогда. Ледюк умел создавать целый мир с собственными правилами и силой притяжения. Ни одна из его затей не казалась странной, поскольку он утверждал, что они вполне нормальные.

– Почему ты не сказала Гамашу? – спросила Амелия. – Когда Ледюка убили.

– Не хотела, чтобы у Жака были неприятности. После смерти Герцога я спросила у Жака, есть ли у него пистолет, и он сказал – нет. Я хотела ему верить.

– Мы должны исходить из того, что пистолет у него есть.

Они прибыли в тренировочную тактическую зону и остановились перед закрытой дверью.

– Не позвать ли нам преподавателя? – подумал вслух Натаниэль, оглядывая пустой коридор.

– А Жак тем временем воспользуется пистолетом? – спросила Хуэйфэнь. – Ты можешь уйти, если хочешь.

– Думаешь, он воспользуется им против нас? Будет стрелять в нас? – спросил Натаниэль.

– Это имеет какое-то значение?

– Совсем небольшое, – ответил Натаниэль.

– Нет, я спрашиваю, это остановит тебя? – Она кивнула на дверь.

Он подумал и отрицательно покачал головой.

Хуэйфэнь посмотрела на Амелию, та тоже покачала головой и уставилась на дверь.

Четыре месяца назад она делала минет, чтобы купить дозу наркотика.

Четыре месяца назад Натаниэль обслуживал столики в «Старом Монреале» за чаевые.

Четыре месяца назад Хуэйфэнь подносила револьвер к своему виску.

Она потянулась к ручке двери.

Открыла дверь, и все трое вошли в тренировочную зону.

– Отдай мне пистолет.

Минуту назад Бребёф подошел к своему бару и налил им обоим по большой порции виски. Когда он повернулся, в одной руке у него был стакан, а в другой – пистолет. Он держал его небрежно, стволом вниз, словно это была салфетка или трость.

Увидев оружие, Арман медленно поднялся:

– Что, настал мой черед? Ты собираешься застрелить меня?

– Как когда мы играли в солдат и носились по горе Мон-Руаяль?

– Я думал, мы были на одной стороне, – сказал Гамаш. – Тогда. Отдай мне пистолет.

– Я дам тебе стакан. Он может тебе понадобиться.

Желина стоял посреди комнаты, нацелив пистолет на Изабель Лакост.

– Вы были напарником Сержа Ледюка, верно? – сказала она, не спрашивая, а утверждая.

Голос ее звучал ровно, спокойно, почти обыденно. И только румянец на щеках выдавал волнение.

– Он был идиотом, – сказал Желина. Отпираться не имело смысла. – Но нашел для себя идеальное место.

– Место для заключения договорных контрактов. Вы, вероятно, заработали миллионы.

Он утвердительно кивнул:

– Они лежат на счету в Люксембурге. Тогда, во время разговора, я сделал ошибку, да? Упомянул Люксембург. Не успел сказать, как сразу понял, что совершил глупость. Уж слишком конкретно. И правдоподобно. Я не знал, заметил ли Гамаш.

– Заметил. Но это лишь подтверждало то, что он и без того подозревал.

– Ледюк пребывал в панике, когда позвонил мне, чтобы сообщить, что Гамаш здесь и проверяет договорные контракты. Я тоже запаниковал. Я знал, что Ледюку не хватит ума перехитрить Гамаша. И поэтому я вернулся.

– Чтобы убить Ледюка.

– Может быть. Не знаю.

Он опустил пистолет, но все еще крепко сжимал его.

– Однако мне не пришлось его убивать. Гамаш меня опередил.

– Нет, это сделал не месье Гамаш, – сказала Лакост.

– Тогда кто? – спросил Желина.

Лакост опять протянула руку, такую же твердую, как и ее взгляд:

– Вы же знаете, что за дверями два вооруженных агента Квебекской полиции. Все кончено. Вы виновны в воровстве, но не в убийстве. Дайте мне, пожалуйста, ваше оружие.

И он отдал ей пистолет.

Глава сорок вторая

Кадеты молча бежали по фабрике. Перепрыгивали через две ступеньки. Заглядывали в пустые комнаты и неслись дальше.

К этому времени, после множества неудачных попыток предотвратить захват мнимого заложника и пленить террористов, Хуэйфэнь уже назубок выучила план фабрики.

Она никогда не была старшей на учениях. Эта роль всегда доставалась Жаку. И всегда учения заканчивались катастрофой для полиции. Заложник погибал. Агенты тоже. Террористы убегали. Кадеты знали, что это невозможный сценарий. Но Ледюк всегда говорил им, говорил Жаку, что для него, Ледюка, здесь нет ничего сложного.

И после каждой неудачи Жака и доклада Герцогу появлялся револьвер. Это не наказание, объяснял Ледюк. Это последствие. Инструмент обучения. Ради их же блага.

Теперь маленькую группу вела Хуэйфэнь. Новичков смущали команды, подаваемые рукой, поэтому она свела их к самым простым. И понятным. Кадеты осторожно и быстро продвигались вперед.

Наконец она остановилась, и они перегруппировались.

– Не думаю, что он здесь, – сказала Хуэйфэнь, оглядывая помещение.

– Но если не здесь, то где? – спросила Амелия.

– Вам нельзя здесь находиться, – сказал Жан Ги, медленно входя в комнату.

Он направлялся к квартире коммандера Гамаша, рассчитывая найти его там, но заметил, что печать с двери, за которой убили Ледюка, сорвана.

Он тихонько толкнул дверь ногой. Пистолет оставался у него на поясе, в кобуре.

Посреди комнаты стоял кадет Жак Лорен. С пистолетом в руке.

– Сколько часов я здесь провел, – сказал Жак, обводя комнату будничным взглядом, словно и не замечая полицейской ленты и маркеров улик. И засохшей крови. – Я сидел там. – Он показал пистолетом. – А Герцог – там. Мы вдвоем. Он подарил мне этот пистолет на день рождения.

Бовуар посмотрел на автоматический пистолет. Такой же, как у него на поясе. Табельное полицейское оружие.

– Он сказал, что наступит день и я стану великим. Возглавлю Квебекскую полицию. А он будет мне помогать. Будет моим наставником,

руководителем. Он говорил, что все великие нуждаются в руководителе.

– Тебе не требовался руководитель, – сказал Жан Ги, закрывая за собой дверь. – Ты искал что-то другое. Человека, который искренне любил бы тебя. И ты решил, что нашел такого человека в Ледюке.

– Да, я его нашел, – резко произнес Жак. – Он меня любил.

– Но тут появился коммандер Гамаш, и твой мир начал рушиться, – сказал Жан Ги. Он не продвинулся вперед ни на шаг, стоял на прежнем месте. – Я тебя понимаю.

– Нет, не понимаете.

– Понимаю. То же самое случилось и со мной, когда я познакомился с месье Гамашем. Я думал, что знаю мир, но внезапно все то, что я считал незыблемым, стало подвергаться сомнению. И я его за это возненавидел.

Бовуар не сводил глаз с Жака. Молодой человек перевел взгляд на окно.

– Но потом объект ненависти переменился. – Бовуар говорил так, будто рассказывал Жаку какую-то байку, историю на сон грядущий. – Я стал ненавидеть тех, кому прежде верил. Тех, кто внушил мне, что мир полон ужасных людей, что жестокость и сила – одно и то же. Тех, кто учил меня бить первым, бить больно и быстро.

– Он меня любил, – тихо повторил Жак.

– По приказу Ледюка ты присоединился к вечерним группам коммандера Гамаша. А потом докладывал обо всем Герцогу. Но там ты узнал нечто неожиданное. Люди на поверку оказались не такими плохими.

Жак стоял, всем своим видом выражая несогласие.

– Мир перевернулся с ног на голову, – продолжал Бовуар. – Он стал одновременно более прекрасным и более ужасным, чем тебя в этом убедили. И ты вдруг перестал понимать, что делать. Кому доверять. Куда повернуть. Это пугает. Чувствовать себя потерянным гораздо хуже, чем идти по дурной дорожке. Вот почему люди идут по ней так долго. Нам кажется, что мы зашли уже слишком далеко. Мы чувствуем усталость, мы сбиты с толку, испуганы. И мы думаем, что пути назад нет. Я знаю.

Жак не шелохнулся, не признал, что эти слова справедливы.

Бовуар судорожно соображал, что ему сказать, чтобы вернуть парня.

– Ты смотрел то видео? – спросил он.

Жак слегка пошевелился, но не ответил.

– Коммандер Гамаш никогда, ни при каких обстоятельствах не говорит о том дне ни с кем, кроме самых близких друзей и родных. Да и это очень редко. Но он говорил об этом с тобой. Он открыл в себе эту рану ради тебя.

Жан Ги Бовуар не отводил взгляд от молодого человека, который три

года страдал от рук сумасшедшего и разучился понимать добро. Даже не был способен его увидеть. Каждый день, все эти дни он видел перед собой только пустыню.

– Когда в нас стреляют, мы отвечаем огнем, – сделал еще одну попытку Жан Ги.

На этот раз Жак все же кивнул.

– Но не менее важно на доброту отвечать добротой, – тихо сказал Бовуар. Осторожно, боясь спугнуть молодого человека. – Мне понадобилось немало времени, чтобы прийти к этому. Ненависть, которую я чувствовал к месье Гамашу, а потом к другим людям, снова сместилась, и я начал ненавидеть себя.

– И вы до сих пор себя ненавидите? – спросил Жак, отворачиваясь наконец от окна, от пустыни.

– Non. Для этого мне понадобилось немало времени и много помощи. Мир – жестокое место, Жак, но в нем гораздо больше добра, чем мы себе представляем. И знаешь что? Добро побеждает жестокость. В долгосрочной перспективе. Правда. Можешь мне верить.

Он протянул руку к молодому человеку. Жак уставился на нее.

– Поверь мне, – прошептал Жан Ги.

И Жак поверил.

– Что тебе подсказало, что это я?

– Отпечатки, – ответил Гамаш.

– Хм, – произнес Бребёф.

– Я знал, что отпечатки не мои, но они там были. А это означало, что кто-то их туда поместил. Немногие могут воспроизвести отпечатки так, чтобы даже опытные криминалисты не заметили подделку. Одним из таких специалистов был Гуго Шарпантье. Другим – его наставник. Тебе пришлось смазать все остальные отпечатки, включая отпечатки Ледюка, и оставить только частичные. Включая твои. Хороший ход. Ты хотел, чтобы следователи отвлеклись на это. Вот работа выдающегося тактика. Он не ведет. Он подталкивает. Сзади.

Мишель Бребёф не стал возражать. Теперь была его очередь помолчать.

Они вернулись на свои места, Бребёф положил пистолет рядом на сиденье. Стаканы с большими порциями виски стояли перед ними нетронутые.

– Ты говоришь, что убил Сержа Ледюка, чтобы это не пришлось делать мне. Что это услуга.

– Компенсация, – уточнил Бребёф.

– Но при этом помещаешь на оружие мои частичные отпечатки. Вовлекаешь меня.

– Нет. Никогда. Я использовал твои отпечатки, зная, что ты вне подозрений.

– Оказалось, что это не так. Я среди подозреваемых.

В первый раз Бребёф выказал растерянность.

– Да, я должен был это предвидеть. Тот офицер конной полиции, Желина. Твои люди, конечно, никогда бы этого не допустили.

– Напрасно ты так уверен, – заметил Гамаш. – Для меня было очень полезно узнать, что пьедестал в конечном счете не так уж и высок.

Бребёф усмехнулся:

– Добро пожаловать на землю, Арман. Тут у нас грязновато.

– А карта, Мишель? В столике Ледюка. На ней тоже мои отпечатки, на ней моя деревня. Это ты подложил ее туда? Чтобы сильнее подтолкнуть?

– Но не в твою сторону.

Гамаш посмотрел на Бребёфа, изучая морщинки, трещинки, впадинки на его лице. Географию и историю, созданные временем, заботами, одиночеством. Излишним пристрастием к выпивке и душевным разладом.

И тут наконец он нашел правду.

– Ты сказал, что в свой первый вечер в академии обнаружил две вещи. Одна – русская рулетка. А другая?

Бребёф уставился на Гамаша, изучая дороги, расходящиеся от его глаз и рта. Одни были порождены стрессами и печалью, но большинство – смехом. Удовлетворенностью. Сидением у огня, наблюдением за своей семьей, друзьями и улыбками.

Его лицо тоже могло стать таким. Если бы он свернул влево, а не вправо. Если бы он шагнул вперед, а не в сторону. Если бы он закрыл ворота, а не открыл их.

Мишель Бребёф давно ненавидел Армана. Но любил его еще дольше.

– Я думаю, ты знаешь, что это было, – произнес Мишель.

– Скажи мне.

– Амелия Шоке.

Вот оно. Вот она.

– Когда Ледюк говорил о новом жалком урожае кадетов, он отдельно упомянул ее. Имя показалось мне знакомым, однако я не мог вспомнить откуда. Но когда Ледюк сказал мне, что он ей отказал, а ты изменил его решение и принял ее, все встало на свое место. Я понял, кто она и почему здесь.

– Почему?

– «Служба, честность, справедливость». Наконец-то ты получил средство восстановить справедливость.

– Ты думаешь, я хотел навредить ей?

– А разве нет? Иначе зачем ты ее принял? Зачем еще принимать девицу, настолько не подходящую для полицейской работы?

– Неподходящую? Почему? Потому что она другая? Non, Мишель. Целью была не месть и даже не справедливость. Я хотел не навредить ей, а спасти ее.

Мишель Бребёф смотрел на него пустым взглядом. Не понимая.

– И спасти себя, – признался Арман. – Это был единственный способ освободиться от прошлого. Не умножать вред, а сделать что-нибудь достойное. Не стану говорить, что это далось мне легко. Ты и представить себе не можешь, сколько раз я возвращал ее дело в стопку отказников. Понимая, что это может значить для нее. Жизнь, полная отчаяния, в конце которой Амелия Шоке будет найдена на помойке, в сточной канаве или в меблирашках. Мертвой.

Арман посмотрел на свои руки, на крохотный шрам на том самом пальце.

– Ты сделал это, чтобы спасти ее? – недоуменно спросил Мишель. – Ее?

– Oui. И знаешь что, Мишель? Она самая яркая, самая замечательная молодая женщина. Настанет день, и она будет главой Квебекской полиции.

Мишель продолжал удивленно смотреть на него.

Гамаш наклонился к нему:

– Ты поместил ее частичные отпечатки на револьвер, зная, что она попадет в число подозреваемых. Ты выкрал ее копию карты и подложил в столик Ледюка. И для меня это была еще одна причина заподозрить тебя. Место преступления ты обставил просто превосходно. Все очень тонко наводит на размышления. Ни одного перста, указующего на нее. Только крошки среди леса улик. Ведущие к Амелии Шоке. И еще – я, как промежуточная остановка. Но до нее так или иначе все равно добрались бы.

Мишель Бребёф медленно сжал пальцы на рукояти пистолета.

– Таков был твой план. Ты хотел, чтобы ей предъявили обвинение и признали ее виновной в убийстве Сержа Ледюка.

– Я сделал это, чтобы не пришлось делать тебе. – Бребёф встал и поднял пистолет.

Арман вскочил на ноги и протянул руку:

– Пожалуйста, отдай мне пистолет, Мишель.

Бребёф отступил на шаг, ухватил пистолет покрепче и приставил ствол к виску.

– Non, – выпалил Гамаш, пытаясь скрыть панику в голосе и как-нибудь исправить ситуацию, вышедшую из-под контроля.

На лице Мишеля было то же выражение, как в тот день, когда Арман прикладывал платок к его кровоточащей коленке. Такая же боль.

И Арману снова захотелось остановить кровь.

Его рука, все еще протянутая, начала дрожать, и ему пришлось приложить усилие, чтобы унять дрожь.

– Ты помнишь людей, что собрались у меня в доме после похорон моих родителей? Закуска на столе. Молчание. Все взрослые двигались как зомби. Избегали меня, потому что не знали, что мне сказать. – Он говорил быстро, взволнованно, пытаясь соорудить мост из слов и вернуть Мишеля. – Я сидел там один. Ты подошел и сел рядом, потом прошептал что-то так, чтобы никто не слышал. Ты помнишь, что ты сказал?

Ствол чуть опустился.

– «Ты грязный мошенник», – прошептал Мишель.

Арман кивнул:

– И я улыбнулся. Я думал, что никогда больше не смогу улыбаться, но ты показал мне, что смогу. Ты дал мне надежду на то, что когда-нибудь станет лучше.

Пистолет опустился еще немного.

– Сейчас это кажется безнадежным, я знаю, – сказал Арман. – Кажется, что выхода нет. Я понимаю. Ты знаешь, что понимаю.

Мишель кивнул.

– Но все еще изменится к лучшему. Даже это. Обещаю тебе.

– Один раз я проводил тебя до дома, – сказал Мишель. – До самой твоей деревни.

– Так это был ты?

– Хотел посмотреть, где ты живешь. – Он помолчал. – Там так спокойно. Я сидел в машине, и мне очень хотелось спуститься и присоединиться к тебе. Купить маленький домик и выпивать каждый вечер в том ресторанчике. Может быть, вступить в книжный клуб.

Это была худшая из страшилок. Фантомная жизнь, которая могла бы быть.

– В тюрьме я умру. Ты это знаешь. От старости. Или кто-нибудь изобьет меня ночью до смерти. Кто-то, кто знает мою прежнюю должность. Насколько лучше умереть здесь?

Он снова поднял пистолет, и руки Гамаша взметнулись. Не к пистолету – к человеку, до которого ему было не дотянуться.

– Дай мне руку, – взмолился он. – Все в порядке. Все будет в порядке. Идем со мной. Прошу тебя, Мишель.

Мишель опустил глаза на протянутые руки, потом встретился взглядом с Арманом и прижал пистолет к виску.

– Бога ради, – прошептал Арман. – Не делай этого. Умоляю. Пожалуйста. – Он лихорадочно подыскивал нужные слова, чтобы остановить происходящее. – Ты обрекаешь меня на то, чтобы видеть это до конца жизни?

– Тогда отвернись, Арман.

* * *

Услышав звук выстрела, Жан Ги вскочил на ноги.

Они с Жаком перешли в квартиру коммандера Гамаша, где Жак плеснул водой себе в лицо, а Бовуар убрал пистолет и налил им обоим колу. Не успели они сесть, как раздался выстрел.

– Оставайся здесь.

Жан Ги выбежал в коридор, где еще не смолкло эхо выстрела. Он резко затормозил перед квартирой Бребёфа и распахнул дверь.

Арман Гамаш стоял посреди маленькой комнаты. На его лице виднелись капли крови. У его ног лежало безжизненное тело. Гамаш все-таки зажмурился. Но было слишком поздно.

Он не отвернулся от Мишеля.

Глава сорок третья

Громкий вопль разнесся в воздухе, и тут же на него откликнулся знакомый ворчливый голос:

– О господи. Эти крики когда-нибудь прекратятся?

– Может, он просто пить хочет, – сказала Клара. – Очень похоже на тебя, когда тебе не терпится пропустить рюмочку.

– Господи Исусе, – сказала Мирна, повернувшись к ним с передней скамьи. – Я думала, это Рут.

Раздался еще один пронзительный вопль.

– Нет, – покачала головой Мирна. – Для Рут недостаточно громко.

Рут захихикала:

– У меня получилось бы лучше после бокала «Либфраумильх»[69].

Остальные прихожане зашикали.

– Это мне? Это меня тут зашикивают? Зашикивайте младенца!

Она подтолкнула Розу, свой довесок, к алтарю.

Стояло теплое утро поздней весны, и жители Трех Сосен собрались в церкви Святого Томаса.

Арман стоял впереди и смотрел на прихожан.

Даниель и Розлин приехали из Парижа с дочерьми Флоранс и Зорой.

На передней скамье толкали друг друга локтями родственники Жана Ги.

А за ними стояли и сидели друзья. В самом конце стояла четверка кадетов.

Жак, Хуэйфэнь, Натаниэль и Амелия.

Накануне в академии состоялась церемония выпуска. Она прошла более официально, чем раньше, с учетом событий прошедшего семестра.

Кадеты все как один стояли навытяжку, торжественные, не издавая ни звука, когда в зал вошел коммандер Гамаш и в одиночестве поднялся на сцену.

Он ухватился руками за трибуну и обвел взглядом кадетов в синих мундирах. Тех, кто выпускался и готовился поступать на службу, и тех, кто возвращался на следующий год.

Мундиры были идеально отглажены, стрелками на брюках можно было порезаться, пуговицы сверкали, чистые молодые лица сияли.

Он молча смотрел на них, а они смотрели на него. Призрак трагедий заполнял пространство между ними. Заполнял зал. Затенял прошлое,

туманил настоящее, бросал тень на их яркое будущее.

Наконец коммандер улыбнулся.

Лицо Армана Гамаша озарила улыбка.

Он улыбался. И улыбался.

И на лицах кадетов стали появляться улыбки. Сначала у одного, потом у трех, и вскоре весь зал улыбался ему в ответ. Они улыбались друг другу – коммандер и кадеты. И когда темнота рассеялась, он заговорил.

– Крепче всего там, где было сломано, – произнес коммандер Гамаш низким, спокойным, уверенным голосом.

Эти слова проникли в каждого из кадетов. В их семьи. Их друзей. И заполнили пустоту.

А потом он говорил о том, что случилось. О разрушительных событиях. И об исцелении.

Свое обращение он закончил словами:

– Мы все здесь со своими болячками, шрамами, изъянами. Мы совершаем ошибки. Совершаем поступки, о которых потом глубоко сожалеем. Иногда мы поддаемся на искушения. Не потому, что мы плохие или слабые, а потому, что мы люди. Мы – скопище недостатков. Но помните вот о чем.

Он выдержал паузу, и огромная аудитория замерла.

– Дорога назад есть всегда. Если нам хватает мужества найти ее и пойти по ней. «Я прошу прощения». «Я был не прав». «Я не знаю». – Он сделал еще одну паузу. – «Мне нужна помощь». Вот дорожные знаки. Главные направления.

Он улыбнулся еще раз, и морщины стали глубже, а глаза засияли ярче.

– Вы необыкновенные, и я горжусь вами – всеми вместе и каждым в отдельности. Для меня будет честью служить с вами.

Снова пауза, а затем аплодисменты. Бурные, неистовые, радостные. Кадеты подбрасывали в воздух фуражки, обнимали друг друга. А Арман Гамаш стоял на сцене и улыбался.

Каждый выпускник под своим сиденьем нашел по пакету в простой оберточной бумаге. В каждом пакете лежало по две книги: «Размышления» Марка Аврелия и «У меня все ОТЛИЧНО» Рут Зардо. Подарки от коммандера и его жены.

После торжественной церемонии кадеты бросились к сцене – они горели желанием представить коммандеру своих родителей.

Жан Ги стоял рядом, не отходя от Гамаша и обшаривая взглядом толпу. И наконец он увидел их. Они пробирались к сцене.

Бовуар сделал шаг вперед, но на его плечо легла твердая рука.

– Вы уверены? – спросил Жан Ги.

– Уверен.

Однако Гамаш не выглядел уверенным. Он был бледен, но щеки его горели, словно разные части тела конфликтовали между собой. Вели гражданскую войну.

Двое мужчин наблюдали за тем, как Амелия Шоке протискивается через толпу.

– Я могу их остановить, – торопливо прошептал Жан Ги. – Скажите только слово.

Но Гамаш молча смотрел широко открытыми глазами. Его правая рука подрагивала.

– Коммандер Гамаш, – сказала Амелия. – Я бы хотела познакомить вас с моим отцом.

Ее отец был худощав и старше Гамаша лет на десять.

Несколько мгновений месье Шоке смотрел на Гамаша, потом протянул руку:

– Вы изменили жизнь моей дочери. Вернули ее домой, в семью. Merci.

Возникла короткая заминка. Амелия взглянула на протянутую руку, затем посмотрела в глаза Гамашу.

– Не стоит благодарности, сэр.

И Арман Гамаш пожал руку месье Шоке.

Настала очередь Армана стоять рядом с Жаном Ги, в то время как Анни и Рейн-Мари стояли по другую сторону крестильной купели, а между ними – священник.

Обязанности священника исполнял Габри, который по такому случаю сам себя произвел в сан.

На нем было церковное облачение, а на руках у него лежал ребенок Анни и Жана Ги.

– О, пожалуйста, – раздался голос Оливье. – Умоляю, Господи, не позволяй ему поднимать ребенка и петь «Круг жизни»[70]. Прошу Тебя.

Ребенок завопил.

– Это еще ерунда, – прошептал Жан Ги Арману. – Вы бы слышали его ночью.

– Я слышал. Всю ночь.

Жан Ги гордо улыбнулся.

Габри поднял ребенка, словно предлагая его прихожанам:

– Давайте споем.

– О нет, – прошептал Оливье.

Габри своим сочным тенором начал «Круг жизни», и к нему тут же присоединился хор и прихожане, а потом и Оливье с его крепким, полнозвучным голосом.

Жан Ги взглянул на сына и снова почувствовал прилив любви, которая делала его одновременно слабым и сильным. Он посмотрел на тестя и увидел, что Арман перестал петь и, открыв рот, уставился перед собой.

– Что? – прошептал Жан Ги, проследив за его взглядом до конца прохода. – Кадеты?

Арман покачал головой:

– Non. Я тебе скажу позднее.

– Кто здесь будет стоять от имени ребенка перед оглашением? – спросил Габри, когда песня закончилась.

Оливье и Клара встали со своих мест.

– Не понимаю, почему они не попросили меня, – раздался ворчливый голос.

– Может, потому, что ты плохо стоишь? – предположила Мирна.

– Зато я сто́ю тебя, – пробормотала Рут и с трудом встала.

Мирна уже хотела сказать ей, чтобы она села, но что-то в пожилой женщине заставило ее придержать язык. Рут стояла, высокая и прямая, как кол, чуть вскинув голову. На ее лице застыло решительное выражение. Даже Роза вдруг обрела значительный, по мере своих возможностей, вид.

Мирна тоже встала.

Потом поднялся на ноги месье Беливо, владелец магазина. За ним – Сара, владелица пекарни. И Доминик, и Марк, и Святой Мерзавец. И Билли Уильямс, и Жиль Сандон, и Изабель Лакост, и Адам Коэн, и Иветт Николь, и Брюнели.

Жак, и Хуэйфэнь, и Натаниэль, и Амелия сделали шаг вперед.

Встали все прихожане.

Жан Ги взял маленького сына на руки и повернул его лицом к женщинам, мужчинам и детям, которые станут его крестными.

Он прошептал:

– Будь храбрым человеком в храброй стране, Оноре.

– На что вы смотрели? – спросил Жан Ги у Армана, когда они стояли на деревенском лугу и ели бургеры с огромного гриля, принесенного Оливье.

На лугу установили длинный стол, на котором теснились салаты, свежие роллы и сыры. За лугом стоял еще один, более длинный стол со всякими вкусностями – кексами, пирогами, печеньем самых разных видов,

конфетами и детьми.

Малышка Зора в радостном волнении подбежала к деду, стукнулась о его ногу и, упав на мягкую траву, недоуменно посмотрела на него.

Он передал свою тарелку Жану Ги, поднял внучку с земли и поцеловал в щеку. Готовые уже пролиться слезы обернулись смехом, и малышка снова побежала куда-то.

На крыльце Рут был устроен бар. Старая поэтесса сидела там в кресле-качалке с Розой на коленях и похожей на дробовик тростью в руках. Четыре кадета, взяв пиво, углубились в разговор.

– О чем вы тут толкуете? – спросила Клара, налив себе джин с тоником.

– Рут хочет как-то назвать свой коттедж, – ответил Натаниэль. – Она попросила меня придумать название.

– Правда? – удивилась Мирна. – Попросила тебя?

– Ну, вернее, предложила найти что-нибудь подходящее, – признался он. – И еще сказала, чтобы я не облажался.

– Так, и к чему вы пришли? – спросила Клара.

– У нас осталось два варианта, – ответила Хуэйфэнь. – Пусть выбирает: либо «Коттедж Розы», – она показала на шиповник возле крыльца, – либо «Бездна Отчаяния».

– Ну-ну, попробуйте, – со смехом сказала Клара.

Они с Мирной пересекли дорогу и присоединились к Рейн-Мари и Анни, которая держала на руках маленького Оноре и болтала с Габри.

– Прекрасная церемония, mon beau, – сказала Анни, целуя Габри в щеки.

– Merci. Я немного испугался, когда все вдруг встали, – признался он.

– Но ты хорошо спрятал свой страх, перейдя на «Акуна-Матату»[71]. Текст, если не ошибаюсь, канонический.

Габри наклонился и сказал, обращаясь к Оноре:

– У каждого в сердце должна быть песня.

– А в руке – эклер, – подхватила Мирна, подняв руку.

– Мудрые слова, – заметила Анни.

Она посмотрела на другую сторону луга и увидела, что ее муж и ее отец возвращаются к церкви.

Они с матерью пошли следом и нашли своих мужчин все перед тем же витражным окном.

Рейн-Мари сунула руку в ладонь Армана, но тут же отдернула ее:

– Ты весь липкий.

– Это из-за Зоры, – сказал он.

– Ну конечно, – согласилась Рейн-Мари. – Что вы тут разглядываете?

Арман смотрел на витраж, но не на того юношу, который всегда привлекал их внимание, а на одного из двух других.

– Он показывает на что-то, – сказал Арман.

– Да. – Жан Ги придвинулся ближе. – Вы правы.

– Но на что? – спросила Рейн-Мари. – Может, на это?

Она проследила, куда указует палец, и увидела птицу в небе над полем боя.

– Или на дерево, – предположила Анни.

Единственная обгоревшая сосна кособоко стояла в грязи.

– Я давно заметил, что он куда-то показывает, и всегда думал, что это прихоть автора, – сказал Арман. – Но когда во время крещения я стоял в передней части церкви, мне стало ясно, на что показывает нам солдат. Он показывает не в свой мир, а в наш.

Он повернулся, и они повернулись вместе с ним.

– Вот на что.

Он не сказал им, что незадолго до выстрела в висок Мишель Бребёф сделал похожий жест, показывая на стену над дверью в его комнате в академии, на рамку с платком, похожим на розу, но только похожим.

Арман сунул руку в карман, нащупал платок и дотронулся до вышитых на нем букв, а остальные посмотрели на стену над церковной дверью, на стилизованное витражное окно-розу, которое они видели сотни раз.

Они смотрели и смотрели.

И наконец…

– Боже мой, – прошептала Рейн-Мари. – Это же не окно-роза. Это роза-компас. – Она снова взглянула на солдата. – Он показывает на компас.

Они хотели подойти ближе к двери, но Арман сказал им:

– Вообще-то, лучше всего смотреть от алтаря. Поэтому никто и не замечал прежде. Мы были слишком близко к нему. Я заметил только во время крещения, когда стоял там.

Он взошел на возвышение, и все присоединились к нему.

Яркое июньское солнце проникало сквозь множество кусочков красного, розового и зеленого стекла. Раскрашивало старый сосновый пол церквушки прямо в центре прохода, создавая веселый, замысловатый рисунок многолепестковой розы. С почти незаметными шипами.

Указывающими четыре направления.

– Но он наклонен, – заметила Анни.

– Он не наклонен, – возразил Жан Ги. – Он заострен.

– Он показывает направление, – догадалась Рейн-Мари и посмотрела

на Гамаша. – Пойдем туда?

– Пойдем. Но не сегодня, – сказал Арман и взял на руки маленького Оноре.

* * *

На следующее утро несколько человек отправились в путь по бездорожью. Жак держал в руках оригинал старой карты, а Арман ориентировался по компасу, найденному в одной из коробок с вещами, привезенными с войны.

В число путешественников вошли четыре кадета, Клара, Мирна, Оливье и Габри.

Рут решила остаться дома.

– По-моему, она вышивает название на подушке, – объяснил Натаниэль Кларе.

– И что она выбрала? «Коттедж Розы» или «Бездну Отчаяния»?

– Еще одну фигню типа ОТЛИЧНО, – сказала Амелия, и Клара рассмеялась.

Отряд пересекал ручьи, шел по лесам и полям. Они задержались у скалы Ларсена, где когда-то застряла корова, которую пришлось спасать.

Перебравшись через каменную стену, они остановились выпить воды на пересечении двух тропинок, где снеговик праздновал победу канадского хоккейного клуба.

– Вы заметили, что он не просто радуется? Он указывает направление, – сказала Хуэйфэнь, копируя позу снеговика.

И конечно, снеговик показывал направление. То направление, в котором они шли.

– Ты еще не принял назначение, – сказал коммандер Гамаш Жаку, когда они шли по лугу, заросшему высокой травой.

– Не принял. Я говорил с инспектором Бовуаром и, прежде чем решать, что мне делать дальше, уеду на некоторое время подумать.

– Есть какие-то идеи?

– Мы с инспектором рассматривали варианты. Может, поеду волонтером на Гаити. А вы, сэр?

– Я?

– Ваше обращение к выпускникам вы закончили словами, что для вас будет честью служить с нами. Что вы имели в виду?

Арман посмотрел на компас, чтобы убедиться, что они не сбились с

пути. Остальные веером шли сзади. Наслаждались цветами, яркой молодой зеленью и жужжанием новорожденных пчел.

Гамаш посмотрел на Жака и улыбнулся:

– Ты увидишь.

Он повернулся, нашел глазами Амелию и махнул ей рукой, чтобы подошла.

– Вот, возьми, – сказал он и передал ей компас.

– Я не умею.

– Я тебя научу.

Он показал ей, как пользоваться компасом. Натаниэль и Хуэйфэнь присоединились к двум другим кадетам, а Арман отстал и пошел рядом с Рейн-Мари, позволив юной четверке вести их дальше.

Соревнований на скорость они бы не выиграли и несколько раз сбивались с пути, но наконец Амелия вышла на правильный курс. И они прибыли на то место, о котором все догадывались.

К пирамиде на карте. Только там была изображена вовсе не пирамида, а стропила.

Их путешествие закончилось на кладбище, заросшем лилейником и дикими розами.

Надгробие нашел Натаниэль.

Он опустился на колени перед могильным камнем и отвел розы в сторону, расцарапав руки до крови:

– Смотрите.

Там обнаружилась еще одна роза-компас, высеченная в граните. И флажок.

– Контрольный пункт, – тихо произнесла Хуэйфэнь. – Его должен найти участник.

– Это последний, – сказал Жак.

Все закончилось. Они нашли наконец Антони Тюркотта.

Молодежь очистила надгробие от лишайника и земли.

– Тут какая-то ошибка, – сказал Натаниэль, сев на пятки.

– В чем дело? – спросил Гамаш.

Натаниэль поднялся на ноги, недоуменно качая головой, остальные кадеты остались стоять на коленях возле камня.

– Мы ошибались, – сказал Жак.

– Не та могила? – спросил Бовуар.

– Могила та, – ответила Амелия, тоже поднявшись. – Человек не тот.

На надгробии, под розой и флажком, было высечено:

МАРИ ВАЛУА
Умерла 5 сентября 1919 года
Любящая мать Пьера, Жозефа и Нормана
Нотр-Дам-де-Долёр

– Не отец, – сказала Рейн-Мари, глядя на камень. – Мать. Богоматерь Скорби.

Они сидели на террасе бистро под зонтиками с надписью «Чинзано», потягивая лимонад и пиво из бутылок.

После возвращения в Три Сосны кадеты снова отправились в архив. В поисках нового имени. С новым заданием. А когда нашли то, что требовалось, вернулись в деревню.

И теперь сидели, держа перед собой папки и нетерпеливо болтая ногами в ожидании Клары и Мирны.

Мирна знала, где найти Клару. Там, где та проводила все последние дни.

В своей мастерской, за работой.

– Они вернулись, – сообщила Мирна.

– Я почти закончила.

– Не спеши, – посоветовала Мирна.

Она прошла в кухню и взяла печенье.

– Все, – сказала Клара, слезая с табуретки и отходя назад. – Думаю, я все же закончила. Что скажешь?

Мирна боялась этого момента. Этого вопроса.

Она повернулась посмотреть. И рука с печеньем остановилась на полпути ко рту.

– Но это же совсем не ты.

Лицо женщины занимало весь холст. Она смотрела перед собой. В мир. Встречала его с открытым забралом. Вся в татуировках и пирсинге. В шрамах. В испуге.

– Это кадет Амелия, – узнала Мирна.

– Да.

– Но не только, – заметила Мирна, подходя ближе к портрету. Она взглянула на подругу. – Это тот юноша, солдат.

Клара кивнула.

Она нарисовала сильную молодость. Ставшую слабой и уязвимой от страха. От глупости, жестокости и решений, принятых старшими.

Юноша боялся умереть. А Амелия боялась жить.

Но было что-то еще в этом взгляде. В этих глазах.

Прощение.

Стояла жара, и кадеты попивали лимонад.

Хуэйфэнь листала свой блокнот.

Через две недели она поступит в отделение Квебекской полиции в Гаспе в качестве самого младшего агента. Но сначала ей нужно было закончить свое последнее задание и первое расследование.

– В тысяча восемьсот девяносто третьем году Мари Тюркотт вышла замуж за Фредерика Валуа. Они жили в Монреале, и у них родились трое сыновей. Старший Пьер и близнецы Жозеф и Норман.

Рейн-Мари положила старую фотографию на стол рядом с картой. Хуэйфэнь говорила, а они смотрели на Жо и Норма в военной форме, улыбающихся в камеру и обнимающих мать на фоне дома Клары.

На коленях у Рейн-Мари лежала еще одна фотография, найденная в одной из коробок в тот день, когда они вернулись с кладбища.

– Тюркотт? – переспросил Жан Ги. – Антони Тюркотт приходился ей братом? Отцом?

– Сейчас мы подойдем к этому, – пообещал Натаниэль.

– Судя по архивным материалам, месье Валуа был картографом, – сказала Амелия, подхватывая рассказ. – Не очень хорошим, но вполне полезным. Достаточно хорошим, чтобы семья не голодала. Он делал карты главным образом для горных компаний. Но с ним случилось несчастье: он свалился со скалы.

– И он… – начала Рейн-Мари.

– Погиб? Да, – сказал Жак. – Следующее, что нам удалось найти, – это сведения о том, что Мари Валуа арендовала здесь дом.

– Мой? – спросила Клара.

– Нет, вот этот, – ответил Натаниэль, показывая на землю. – Это бистро, хотя в те времена это был жилой дом, принадлежавший месье Беливо.

– Я знала, что он старше меня, – обрадовалась Рут.

– Может быть, не этому Беливо, – предположила Мирна.

– Посмотрю, у себя ли он.

Арман поднялся и прошел мимо пекарни в магазин, посмотрев на ходу на часы.

Седьмой час. Вечер стоял теплый, безветренный, воздух был напоен ароматами пионов и старых садовых роз. Солнце стояло еще высоко на

небе и зайти должно было не скоро.

Гамаш вернулся вместе с пожилым владельцем магазина.

– Вы интересуетесь семьей Валуа? – спросил тот.

Арман показал на стул, и месье Беливо поклонился и сел.

– Вы их знали? – спросил Натаниэль.

Лицо месье Беливо расплылось в улыбке.

– Я не настолько стар.

– Я же тебе говорила, – прошептала Мирна на ухо Рут.

– Но мой дед их знал. Он в то время владел этим домом и сдавал часть его мадам Валуа. Кажется, она вдовствовала.

– Да, с тремя сыновьями, – подтвердила Хуэйфэнь. – Наверное, было в ней что-то запоминающееся, если ваш дед рассказывал вам о ней.

– Да нет, она не была какой-то особенной, – ответил месье Беливо. – Как и мальчики. Обычные ребята. Запомнилось то, что случилось с ними. Все трое погибли в один день. На Сомме. Мой дед говорил, что он и годы спустя слышал ее вопль. Это ветер в соснах, говорила ему моя бабка. Но дед настаивал на своем, говорил, что это ее голос.

Рейн-Мари посмотрела на Армана. Сколько раз они слышали этот вопль из леса?

– Почему же вы нам раньше не рассказали? – спросила Хуэйфэнь.

– Вы спрашивали про Антони Тюркотта, – ответил месье Беливо. – Не про мадам Валуа. А кто такой Тюркотт, я понятия не имею.

– Так откуда взялся Тюркотт? – спросил Габри.

– После смерти сыновей Мари Валуа переехала в Стропила, – продолжил рассказ Жак. – А вскоре после войны она умерла.

– Наверное, испанка, – сказала Мирна. – Судя по дате на надгробии. В тысяча девятьсот девятнадцатом она миллионы скосила.

– А почему Мари Валуа уехала из Трех Сосен? – спросил Габри.

– Вы никогда не были матерью, – сказала Рейн-Мари.

– Он был такой-то матерью… – начала Рут, но Жан Ги остановил ее.

– Эй, – сказал он, поднимая дрыгающего ножками Оноре, – только не при ребенке.

– Она не уехала, – подал голос месье Беливо, и все головы повернулись к нему.

– Pardon? – произнесла Клара.

– Мадам Валуа. Она не уехала из Трех Сосен. По крайней мере, не собиралась уезжать. Не навсегда. Она продолжала снимать комнаты у моего деда.

– А как же Стропила? – спросил Оливье, не зная, как сформулировать

вопрос.

– Она хотела уехать отсюда, но ненадолго, – ответил месье Беливо. – Я думаю, ей было слишком больно здесь оставаться. Но она собиралась вернуться. Здесь был ее дом. Она оставила здесь большую часть своих вещей.

– Включая и это, – сказала Мирна, показывая на старую карту, лежащую на столе.

– Но если все сыновья были убиты, то как карта вернулась к их матери? – спросила Клара.

– Она не возвращалась, – ответил Арман. – Карта никогда не покидала этого дома. Она была сделана после того, как мальчики пропали без вести. Перед отъездом мадам Валуа в Стропила. На всякий случай.

– На всякий случай? – переспросил Жак.

– На тот случай, если они остались живы, – пояснила Рейн-Мари.

– Вся эта деревня – один большой полигон для ориентирования на местности, – сказал Жан Ги. – Карта, витраж, роза-компас.

– Она всем им сделала карты в дорогу, – сказал Арман. – Чтобы они могли найти путь домой. А потом сделала еще одну. Чтобы они могли найти ее.

– Вы хотите сказать, она попросила сделать для нее эти карты? – спросила Хуэйфэнь. – Ведь их нарисовал Антони Тюркотт. Топонимист говорил об этом с абсолютной уверенностью. Вероятно, Тюркотт ее отец. А может, брат или дядя.

– Нет, – ответил Гамаш. – Я хочу сказать, что она сама их нарисовала.

Кадеты, сбитые с толку, посмотрели на него, потом друг на друга.

– Мари Валуа и была Антони Тюркоттом, – сказал Гамаш. – Она взяла свою девичью фамилию, когда начала делать карты.

– Не понимаю… – протянула Хуэйфэнь.

– Может, и хорошо, что не понимаешь, – сказала Мирна. Она-то понимала. – В те времена, сто с лишним лет назад, на работающих женщин, на женщин, желающих получить профессию, смотрели косо.

– И потому они часто брали мужские имена, – сказала Клара. – Художницы, писательницы, поэтессы прятались за мужскими псевдонимами. Вероятно, Мари Валуа научилась картографии, глядя на работу мужа, а потом обнаружила, что может делать это гораздо лучше его.

– Не первая жена, которая превосходит мужа в профессии, но вынуждена скрывать это, – заметила Мирна. – Мужчины часто приписывают себе работы жен.

Хуэйфэнь взволнованно слушала. Для нее это было немыслимо.

Древняя история.

– Вы хотите сказать, что все карты… – начала она.

– Были сделаны рукой Мари Валуа, – подтвердил Гамаш. – Oui.

Амелия закивала:

– Месье топонимист говорил, что никто никогда не видел Антони Тюркотта. Карты он высылал по почте. Никто ничего не знал.

– Как печально, – сказала Рейн-Мари, – что одну из всех тех деревень и городков, которые Мари Валуа нанесла на карту и которым дала имена, назвали в ее честь. Но не за ее работу картографом. А за неподъемное горе, легшее на ее плечи.

– Нотр-Дам-де-Долёр, – сказал Арман.

Они посмотрели на фотографию улыбающейся крестьянки, стоящей между ее высокими сыновьями.

– Допустим, что все было именно так, как вы говорите, – сказал Оливье. – Но зачем она убрала Три Сосны с карты Квебека?

Рейн-Мари достала маленькую коричневатую фотографию. Более старую, чем та, что уже лежала на столе.

Все склонились над фотографией и увидели трех улыбающихся чумазых мальчишек, которые позировали, поставив ногу на лопату, и перед каждым росло молодое деревце.

– Они посадили эти деревья, – прошептал Габри.

Он не хотел говорить шепотом, так уж у него получилось.

– Прежние сосны пострадали во время сильнейшего урагана, – объяснил месье Беливо. – Две сосны вывернуло с корнями, одна была сильно повреждена. Прапрадед Жиля Сандона спилил ее. Из древесины сделали полы в бистро и книжном магазине. Мой дед говорил мне, что вся деревня горько переживала эту потерю. Но однажды утром они проснулись и увидели эти три молодых деревца. Они так и не узнали, кто их посадил.

Все посмотрели на три сосны на деревенском лугу. Сильные и прямые. Все еще растущие.

– Я думаю, напоминание было слишком мучительным, – сказала Рейн-Мари. – Совсем недавно погибли ее сыновья. И мадам Валуа стерла деревню с карты, перед тем как отправить ее в топонимический департамент. Вероятно, она приняла такое решение под воздействием момента. Уничтожила деревню, будто так могла уничтожить свою скорбь.

– Но, как говорит месье Беливо, она собиралась вернуться, – сказал Арман. – В Три Сосны. И вернуть деревню на карту.

– Почему же она не сделала этого? – спросил Габри.

– Не успела, потому что умерла, – ответила Рейн-Мари.

– От испанки, – добавила Мирна.

«От горя», – подумала Рейн-Мари. И услышала тихий стон, донесшийся из леса, в то время как три сосны на деревенском лугу слегка раскачивались, касаясь друг друга ветвями.

– Velut arbor aevo, – произнесла Амелия.

– Словно дерево через века, – сказал Арман.

На следующее утро Арман и Рейн-Мари поднялись ни свет ни заря. Утро было свежее и теплое, луговые цветы, розы и лилии покрылись каплями росы. С Грейси на поводке и с Анри без оного супруги прошли по лугу к трем соснам.

– Готов? – спросила Рейн-Мари.

– Не совсем, – ответил Арман и сел на скамейку.

Когда поднялось солнце, поднялся и он.

Подошел к трем соснам, выбрал место. И вонзил в землю лопату.

– Помочь? – раздался знакомый голос.

Арман повернулся и увидел Жана Ги, немного вялого после ночи у кроватки плачущего сына.

На руках он держал Оноре. Мальчик спал, пока папа бодрствовал.

Арман улыбнулся:

– Merci, но нет. Это я должен сделать сам.

Не потому, что сделать это было легко, а потому, что трудно.

Солнце поднималось все выше, яма становилась все глубже, наконец Арман остановился и взял коробку, которая слишком долго простояла в подвале.

Открыв ее, он снова увидел полицейский отчет. С именами его родителей. Оноре и Амелия Гамаш. Погибли по вине пьяного водителя.

Арман сунул руку в карман и вытащил платок. Пощупал вышитые буквы пальцем со шрамом от пореза, потом положил платок в коробку.

Он поставил на место крышку и аккуратно опустил коробку в яму.

В полицейском отчете значилось еще одно имя. Мальчишки-водителя.

Робера Шоке.

Молодой человек, всего шестнадцати лет, получил отсроченный приговор. И продолжил жить своей жизнью. Он женился, и у него родилась дочь.

Он назвал ее Амелией.

Благодарности

Я думаю, главное, за что я должна быть благодарна, – это необыкновенная доброта, терпение и помощь наших друзей и соседей, без которых эта книга никогда бы не появилась.

У Майкла развилась деменция. Она прогрессировала, шагала по нашей жизни, растоптала его способность говорить, ходить, запоминать события и имена.

Деменция – это мародер и вор. Но все дыры, что сверлила она, заделывались нашими друзьями. Их практической помощью и эмоциональной поддержкой.

Все не так уж плохо. Далеко не так плохо. Есть некая ясность и простота жизни в данный момент, когда ты знаешь, что́ на самом деле имеет значение. Доброта. Общение. Мягкая забота. Мы много смеемся, и, Господь знает, смеяться есть чему. Случаются и моменты глубокого покоя и удовлетворенности.

Я никогда не встречала человека храбрее. Когда ему поставили диагноз, он сказал мне, что не хочет его скрывать. Хочет говорить о своей болезни людям. Не прятаться стыдливо. Не бояться, что тебя осудят, будут чураться, что тебе будет стыдно.

Майкл встретил свою деменцию с юмором и непротивлением. С благодарностью за все, что у него есть. Хотя теперь он почти не может говорить, он все время улыбается. Даже во сне. Он любит массаж, любит поесть, любит друзей. И Бишопа, нашего золотистого ретривера. И он любит меня. Я вижу это каждый день.

После постановки диагноза мы с Майклом видели столько доброты… мы и представить себе не могли, что ее столько в мире. Со стороны друзей. Незнакомых людей. А также коллег. Издателей, редакторов, критиков. Книготорговцев и библиотекарей. И читателей.

Таких, как вы.

Вы можете себе представить, что написание книги в такой обстановке было бы невозможно без помощи. Физической и эмоциональной.

Первой из тех, кто сделал возможным появление «Часа расплаты», сняв с моих плеч много других забот, назову мою помощницу и великого друга Лиз Дерозье.

Я говорю тебе откровенно, Лиз: я не знаю, что бы я делала без тебя. Я тебя люблю.

Спасибо ее мужу Делу, который пришел, когда жизнь начала рассыпаться на части. Кирк и Уолтер, наши ближайшие друзья, – фундамент нашей жизни. Сколько раз вы поднимали мне настроение и физически поднимали Майкла, когда он падал? Сильные руки, сильные сердца.

Спасибо Пат и Тони за их заботу, за то, что они с нами столько лет. И за то, что заботились о Бишопе, когда возникала необходимость! Спасибо Линде Лайал, которая администрирует вебсайт, занимается информационными рассылками и делает еще много чего.

Спасибо Эндрю Мартину, моему американскому издателю в «Минотавр букс»: в договорах со мной он не ставил сроки сдачи моих книг, не заставлял меня гнать. Или совершать поездки. Спасибо за понимание, за то, что всегда присылал приветы своему приятелю Майклу. Спасибо, Энди. Спасибо Хоуп Деллон, моему удивительному редактору, за дружбу и письма с вопросами о наших делах. И за то, что своими замечаниями и озарениями она сильно улучшила «Час расплаты».

Спасибо Саре Мельник, моему рекламному агенту, которая защищала меня от трудностей мира и не настаивала на том, чтобы я делала то, что не пошло бы на пользу Майклу и мне. Спасибо Полу Хочману, который построил виртуальное бистро на сайте «Минотавра» и который на собственном опыте знает, что такое жизнь.

Спасибо Джейми Бродхерст из Канады – в первую очередь другу, а потом уже коллеге.

Спасибо моим английским издателям «Литл, Браун», а также Дэвиду Шелли и Люси Малагони.

Луизе Луазелл из «Фламмарион Квебек» за то, что отступала, но и подталкивала.

Спасибо моему агенту Терезе Крис за то, что любой наш разговор начинался и заканчивался Майклом.

Спасибо невероятным сиделкам Майкла – Ким, Роуз и Даниель. Без вас наша жизнь рассыпалась бы. Я не представляю, как мы с Майклом когда-нибудь сможем вас отблагодарить. Вы относились к Майклу как к любимому брату/отцу/другу. Дай вам Бог.

Спасибо доктору Доминику Джананджело, у которого всегда находилось для нас время, касалось ли это встречи или телефонного разговора. Спасибо за постоянство, спокойствие и сострадание.

Спасибо Тони Дуарте, Кену Прехогану и Хилари Бук. Кстати, Хилари дала несколько ценных юридических советов по «Часу расплаты». Спасибо, Хилари!

Невозможно перечислить всех друзей и соседей, которые стояли рядом с нами, но я хочу назвать хотя бы нескольких. Люси и Дэнни, Дэвид и Линда, Джоан, Коттон, Уайлдер, Черил, Деанна. Кэрол, сестра Майкла в Лондоне. Ричард Оливер. Розмари, Рокки, Хонора. И наш прекрасный, волшебный новый городок Ноултон, Квебек. Merci, mes amis.

Спасибо сыновьям Майкла, Майклу и Виктору, которые звонят и приезжают, как только у них появляется такая возможность. И хотя их отец больше не может сказать им, что любит их, они видят любовь в его глазах и знают, что любимы.

И спасибо моей семье, всем, кто приезжает и пишет: Робу и Ауди, Саре, Адаму, Ким, Мэри, Чарли и Розлин.

Каждый вечер, укладывая Майкла в постель, я наклоняюсь и шепчу ему на ухо, что он замечательный. Красивый, добрый и щедрый. Блестящий и отважный. Я говорю ему, как я горда быть его женой. Говорю, что он в безопасности. Что его любят.

Спасибо всем людям, которых я назвала, и многим другим, здесь не названным, за этот последний год, за то, что сейчас я уйду в гостиную и сяду за ноутбук. И окажусь в обществе других моих друзей. Армана, Рейн-Мари, Клары, Мирны, Габри, Рут и всех-всех.

Я написала «Час расплаты», пребывая в душевном покое, который наступает, когда ты понимаешь: ты тоже любима и в безопасности. И не одна.

Noli timere[72], дорогой друг.

---

notes

Сноски

1

Кофе с молоком *(фр.)*.

2

Вот *(фр.)*.

3

Это правда *(фр.)*.

4

Мой красавец *(фр.)*.

5

Мф. 10: 36.

6

В американо-канадской традиции профессором называют любого преподавателя в университете или колледже.

7

Хорошо *(фр.)*.

8

Прозвище образовано от усеченной фамилии этого персонажа. Duke означает «герцог».

9

Южный берег – название района в Большом Монреале на южном берегу реки Святого Лаврентия, напротив острова Монреаль.

10

«Старшие Братья Старшие Сестры» – международная программа наставничества.

11

Дерьма *(фр.)*.

12

Между пятью и семью *(фр.)*.

13

Широкий тканый пояс с орнаментом, традиционный предмет одежды квебекцев *(фр.)*.

14

«Группа семи» – группа канадских художников, работавших в первой половине XX века.

15

Фред Флинтстоун – персонаж мультипликационного сериала «Флинтстоуны».

16

Жак Клузо – старший инспектор полиции, главный герой серии фильмов «Розовая пантера». Прозвище, которое Рут дала Гамашу в их первую встречу.

17

Па-де-де, танец вдвоем *(фр.)*.

18

Добродушный малый *(фр.)*.

19

Уильям Батлер Йейтс (1865–1939) – ирландский поэт, драматург. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1923 года.

20

Да, мадам. Ты *(фр.)*.

21

Игра слов, основанная на сходстве английских слов «duck» (утка) и «dick» (член).

22

Доброй ночи *(фр.)*.

23

Damnatio memoriae (*лат.* проклятие памяти) – особая форма посмертного наказания, применявшаяся в Древнем Риме к государственным преступникам – узурпаторам власти, участникам заговоров, запятнавшим себя императорам. Любые материальные свидетельства о существовании преступника – статуи, настенные и надгробные надписи, упоминания в законах и летописях – подлежали уничтожению, чтобы стереть память об умершем.

24

Моя красавица *(фр.)*.

25

Детка *(фр.)*.

26

Латинское слово, имеющее то же значение, что и английское fuck.

27

Строки из стихотворения Маргарет Этвуд «Полуповешенная Мэри», посвященного некой Мэри Уэбстер, жительнице Массачусетса, которую в 1680 году обвинили в колдовстве и повесили на дереве, где она оставалась целую ночь. Однако, когда утром ее вынули из петли, она оказалась живой и прожила после этого еще 14 лет.

28

Да, это так *(фр.)*.

29

«Лей-Зи-Бой» – известная в Канаде марка мебели для отдыха.

30

«Канадиен клаб» – марка канадского виски.

31

Прошу прощения *(фр.)*.

32

«Тим Хортонс» – название канадской сети ресторанов быстрого питания.

33

Франкоканадское ругательство.

34

Говядина по-бургундски *(фр.)*.

35

Строки из стихотворения «Самоубийство в окопах» английского поэта Зигфрида Сассуна. Перевод М. Зенкевича.

36

Прошу прощения *(фр.)*.

37

Из стихотворения «Полуповешенная Мэри» Маргарет Этвуд.

38

Подходящий момент *(фр.)*.

39

Гамаш приводит строки из стихотворения Джонатана Свифта «Сатирическая элегия на смерть знаменитого генерала». Перевод А. Ливерганта.

40

Цитата из сказки Лаймена Фрэнка Баума «Удивительный волшебник из страны Оз». Эти слова, произнесенные Дороти, в английской речи приобрели идиоматическое содержание: «Лафа закончилась, начинается суровая жизнь».

41

Нет, но спасибо *(фр.)*.

42

Рад познакомиться *(фр.)*.

43

Да, я понимаю *(фр.)*.

44

«Канадиен тайр» – супермаркет, принадлежащий одноименной канадской фирме, специализирующейся на обслуживании автомобилей.

45

ПОМ – старинная пекарня в Монреале, основана в конце XIX века, название представляет собой аббревиатуру от «Pride of Montreal» («Гордость Монреаля»).

46

Памятка *(фр.)*.

47

Пожалуйста *(фр.)*.

48

Национальная стрелковая ассоциация (НСА) – некоммерческая ассоциация в США. Объединяет сторонников права граждан на хранение и ношение огнестрельного оружия.

49

В европейской традиции остроконечные шляпы носят карлики, ведьмы и волшебники.

50

Да. Точно *(фр.)*.

51

Джулия Чайлд – известный американский шеф-повар французской кухни и телеведущая.

52

Неполная цитата из романа Германа Мелвилла «Моби Дик» (глава XLI). Перевод И. Бернштейн.

53

Мусорная игра – игра, в которой участникам предлагается отыскать все спрятанные предметы по списку.

54

Да, это так *(фр.)*.

55

Совершенно необыкновенно *(фр.)*.

56

В фильме один из героев вместо слова youth (юнец, юноша) произносит yout.

57

Gracie в переводе с английского означает «изящная, грациозная».

58

Утиное конфи *(фр.)*.

59

Сахарный домик *(фр.)*, место, где делают сироп из кленового сока.

60

«Шато Фронтенак» – название одного из известнейших отелей в Квебек-Сити.

61

«Ренфрю из Королевской конной полиции» – популярная серия приключенческих книг писателя Лори Йорка Эрскина, впоследствии экранизированных для ТВ.

62

Это смешно *(фр.)*.

63

Здесь и далее строки из стихотворения англо-американского поэта Уистена Хью Одена «Герман Мелвилл». Перевод В. Топорова.

64

Королевский канадский легион – канадская ветеранская организация, созданная в 1925 году.

65

Прециклинг – практика уменьшения отходов за счет отказа от покупки биологически неразрушаемых предметов, которые подлежат утилизации.

66

Не стоит благодарности *(фр.)*.

67

Глория Стайнем – американская журналистка, лидер феминистского движения конца 1960-х – начала 1970-х годов.

68

В песне из американского кинофильма «Мэри Поппинс» (1964) звучит слово «Supercalifragilisticexpialidocious», значение которого объясняется как «слово, которое говорят, когда не знают, что сказать». Перевод предложен Д. Ермоловичем.

69

«Либфраумильх» – название немецкого вина, дословно «молоко Мадонны».

70

«Круг жизни» – песня из мультфильма студии «Дисней» «Король Лев».

71

«Акуна-Матата» – песня из мультфильма «Король Лев», построенная на кенийском выражении (язык суахили), означающем «без забот».

72

Не бойся *(лат.)*.